АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Л. В. ЧЕРЕПНИН

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

Очерк первый

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАБОТ О НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Ученые разных специальностей гуманитарного цикла (археологи, историки, лингвисты, историки литературы, палеографы) единодушно признают, что обнаружение в Новгороде под землей писем на бересте было одним из крупнейших научных открытий нашего времени. Это замечательное открытие связано с именами А. В. Арциховского и его сотрудников, ежегодно проводящих раскопки на территории одного из древнейших русских городов. Вот уже на протяжении более пятнадцати лет мы каждый год ждем находок новых текстов на бересте, и эти ожидания всегда оправдываются.

Обнаруженные с 1951 г. новгородские берестяные грамоты непрерывно публикуются в изданиях двух типов: 1) предварительно — на страницах текущих периодических органов (исторических и археологических); 2) в фундаментальном собрании, выходящем том за томом, под общим заглавием и с единой порядковой нумерацией текстов.

Такая система себя оправдала. Подготовка и публикация большого академического издания — дело трудное, требующее значительного времени и большой затраты сил. Кроме того, если не каждый, то некоторые тома включают в себя берестяные грамоты из раскопок не за один, а за два года и более. Грамоты же эти слишком важны для науки. Чем скорее они делаются ее достоянием, тем лучше. И поэтому предварительное обнародование хотя

бы тех из них, которые представляют наибольшую ценность, является первоочередным делом. Это дело последовательно и целеустремленно осуществляет А. В. Арциховский. Ему принадлежит ряд сообщений о берестяных грамотах, найденных в разные годы в Новгороде, с предварительной их публикацией [1].

Академическое издание берестяных грамот представляет собой монументальный труд, рассчитанный на целый ряд томов, которые выходят в свет по мере накопления материала и его подготовки к печати. Грамоты публикуются в той последовательности, в которой они найдены, и группируются по томам по годам находок. Поскольку публикация идет по следам раскопок, очевидно, другую систему трудно и придумать. Один том издан под редакцией А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова [2], два других — под редакцией А. В. Арциховского [3], три — под редакцией А. В. Арциховского и В. И. Борковского [4]. В издание вошли (и это очень важно) как грамоты, сохранившиеся полностью, так и фрагменты (а иногда даже просто обрывки). Каждому документу отводится определенный номер, под которым дается его прорись (все прориси

[1] *А. В. Арциховский.* Археологические открытия в Новгороде («Вестник Академии наук СССР», 1951, № 12, стр. 60—69); *он же.* Новые открытия в Новгороде («Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87); *он же.* Раскопки 1952 года в Новгороде («Вестник Академии наук СССР», 1952, № 12, стр. 45—47; «Вопросы истории», 1953, № 1, стр. 113—124); *он же.* Раскопки 1953 года в Новгороде («Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 106—113); *он же.* Раскопки 1954 года в Новгороде (там же, 1955, № 2, стр. 61—68); *он же.* Раскопки 1955 года в Новгороде (там же, 1956, № 3, стр. 66—74); *он же.* Берестяные грамоты мальчика Онфима (СА, 1957, № 3, стр. 215—223); *он же.* Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде (там же, 1958, № 2, стр. 227—242); *он же.* Новые новгородские грамоты (там же, 1960, № 1, стр. 230—244); *он же.* Новые берестяные грамоты (там же. 1962, № 2, стр. 178—184); *он же.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (там же, 1965, № 3, стр. 202—211).

[2] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.). М., 1953.

[3] *А. В. Арциховский.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.). М., 1954; *он же.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

[4] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; *они же.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г.). М., 1958; *они же.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

осуществлены М. Н. Кисловым [5]) и транскрипция (послужившая источником всех последующих работ). Для № 1—194 были даны и фотокопии. Об их отсутствии для № 195 и следующих приходится, конечно, только пожалеть.

В издании содержатся детальные указания на место находки каждой из грамот (строительный ярус, квадрат, глубина), описание их внешнего вида и палеографических примет. На основании стратиграфических данных и палеографических признаков А. В. Арциховский определяет время возникновения берестяных текстов. Методика определения хронологии берестяных грамот подверглась обсуждению в процессе дискуссии между А. В. Арциховским и Б. А. Рыбаковым, принявшей очень острый характер [6]. Большая работа по дендрохронологическому анализу, проведенная Б. А. Колчиным [7] и позволившая установить даты ярусов, откуда извлечены берестяные документы, весьма облегчила возможности их датировки.

Наблюдения А. В. Арциховского за начертаниями письмен на бересте в сопоставлении со знаками письменности на бумаге и пергамене заложили основы новой вспомогательной дисциплины — палеографии берестяных грамот.

А. В. Арциховский явился и первым исследователем берестяных текстов как исторических источников. В осуществляемом им академическом издании приводятся параллели к берестяным документам из других памятников письменности, раскрывается значение ряда терминов, даются объяснения личных имен и географических названий, иногда к комментарию прилагается перевод на современный язык трудных для понимания грамот.

[5] *М. Н. Кислов.* Способ прорисовки берестяных грамот и деревянных резных вещей («Краткие сообщения... Института истории материальной культуры», вып. 53. М., 1954, стр. 131—133); см. также *А. В. Кирьянов.* Обработка берестяных грамот (Опыт работы полевой лаборатории Новгородской археологической экспедиции) (там же, стр. 127—131).

[6] *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей (СА, 1959, № 4, стр. 82—106); *А. В. Арциховский.* О новгородской хронологии (там же, стр. 107—127); *Б. А. Рыбаков.* Что вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? (там же, 1961, № 2, стр. 141—163); *А. В. Арциховский.* Ответ Б. А. Рыбакову (там же, № 3, стр. 122—136).

[7] *Б. А. Колчин.* Дендрохронология Новгорода (там же, 1962, № 1, стр. 113—139).

В тех томах, которые А. В. Арциховский выпустил в соредакторстве с В. И. Борковским, последнему принадлежат развернутые разделы, посвященные анализу лингвистических данных писем на бересте (фонетики, морфологии, синтаксиса) [8].

Представляют интерес и примечания к некоторым грамотам Б. А. Рыбакова, бывшего ответственным редактором отдельных томов. Толкование документов на бересте — дело сложное. В понимании их разными исследователями неизбежно сказывается субъективное восприятие каждого. Лишь в результате обмена мнений и дискуссий могут быть достигнуты твердые научные результаты. Поэтому надо оценить как положительное явление, что в академическом издании берестяных грамот отмечены разногласия в понимании текстов среди тех, кто участвовал в их подготовке к печати: А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова, В. И. Борковского, Б. А. Рыбакова. Приведены и различные варианты толкований.

Популяризации находок берестяных грамот весьма содействовали выступления А. В. Арциховского с докладами о них на X и XI Международных конгрессах историков (в 1955 г.— в Риме, в 1960 г.— в Стокгольме) [9], а также со статьями в зарубежной печати [10].

Открытие советских археологов было скоро оценено за рубежом, и в 1957 г. в Польше вышло издание новго-

[8] См. также *В. П. Борковский.* О статьях проф. А. В. Арциховского по поводу открытия новгородских берестяных грамот. Драгоценные памятники древнерусской письменности (ВЯ, 1952, № 3, стр. 137—140); *он же.* Новые находки берестяных грамот (О статьях А. В. Арциховского, посвященных раскопкам 1952 г. в Новгороде) (там же, 1953, № 4, стр. 122—133).

[9] *А. В. Арциховский.* Новые открытия в Новгороде («Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955; параллельно на русском и французском языках); *A. V. Artsikhovski.* La ville de Novgorod le Grand du XI-e au XV-e siècles («XI-e Congrès International des Sciences Historiques. Resumés des communications». Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, p. 93—94).

[10] *A. Arcichowski, W. Janin.* Kultura wcześnośredniowiecznego Nowogrodu («Dawna Kultura», czasopismo kwartalne Polskiego towarzystwa archeologicznego, I. Wrocław, 1954, str. 20—29); *A. Arcichowski.* Wykopaliska archeologiczne w Nowogrodzie Wielkim («Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 1(6). Warszawa, 1954, str. 128—143); *A. Artsikhowski.* La ville russe au Moyen Age («Le Moyen Age», LXV, 1959, p. 453—468).

родских берестяных грамот, подготовленное (на основе публикации А. В. Арциховского) Владиславом Курашкевичем [11]. Это очень ценный труд. В нем опубликовано 89 текстов с фотокопиями и прорисями, с лингвистическими и палеографическими комментариями. Публикации предшествует исследование о языке и письме [12].

Вслед за археологами на берестяные грамоты обратили внимание филологи, выпустившие о них ряд исследований. Особый интерес представляет коллективный труд «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955). В него вошли статьи Л. П. Жуковской о палеографии, Р. И. Аванесова — о фонетике, П. С. Кузнецова — о морфологии, В. И. Борковского — о синтаксисе, Н. Б. Бахилиной — о лексике тех документов на бересте, которые к выходу книги были уже известны. В приложении напечатаны тексты 23 грамот с переводами [13]. Авторы подчеркивают, что они стремились добиться полной договоренности по вопросам разделения грамот на слова и перевода. Однако в ряде случаев это оказалось невозможным, и пришлось давать одновременно разные варианты перевода. Иногда и транскрипция текстов, и их понимание отличаются от предложенных в полном академическом издании новгородских берестяных грамот, и это сообщает книге особый интерес.

Кроме рассмотренного большого труда, появилось значительное число статей о языке, палеографии, термино-

[11] *W. Kuraszkiewicz.* Gramoty Nowogrodzkie na brzozowej korze. Zeszyt A. Opracowanie językowe. 1957. Warszawa. [Część I. Pismo i język. Część II. Teksty i komentarze. Indeks wyrazów odczytanych]. Zeszyt B. Fotografie i przerysy. 1957. См. также статьи В. Курашкевича о берестяных грамотах: Uwagi paleograficzne i językowe na marginesie wydania gramot nowogrodzkich, pisanych na brzozowej korze («Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 4(13). Warszawa, 1955, str. 83—95); *он же.* Polska lekcja najstarszego listu ruskiego od Gostiaty do Basyla («Język polski», XXXVI, 1956, N 3, str. 186—190).

[12] В ВЯ (1959, № 6, стр. 144—147) опубликована рецензия Н. А. Мещерского на польское издание новгородских берестяных грамот.

[13] Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» рассмотрен в рецензиях Л. А. Булаховского («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», т. XV, вып. 1, 1956, стр. 76—81) и В. Курашкевича (ВЯ, 1957, № 2, стр. 123—125).

логии новгородских писем на бересте: Ф. Ф. Кузьмина [14], М. В. Щепкиной [15], Д. С. Лихачева [16], В. А. Матвеенко [17], Н. А. Мещерского [18], В. К. Чичагова [19] и др. Иногда это рецензии на отдельные тома академического издания новгородских берестяных грамот, иногда — комментарии к тем или иным грамотам, иногда — статьи, в которых высказываются общие и конкретные соображения (преимущественно филологического характера) о письмах на бересте. К последней категории надо отнести в первую очередь работы Д. С. Лихачева и Н. А. Мещерского, содержащие много ценных наблюдений. В частности, Лихачев приводит комментарии к некоторым берестяным документам, предложенные в личных письмах к нему местными краеведами.

С. Н. Орлов опубликовал одну берестяную грамоту (№ 250), найденную им не при раскопках, а во время строительных работ на Торговой стороне Новгорода [20].

[14] *Ф. Ф. Кузьмин.* Новгородская берестяная грамота № 9 (ВЯ, 1952, № 3, стр. 137—140).

[15] *М. В. Щепкина.* Рецензия на книгу: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. «Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.)». М., 1953 («Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 158—161).

[16] *Д. С. Лихачев.* Рецензия на книгу: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. «Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.)». М., 1953 (СА, вып. XIX, 1954, стр. 318—327); *он же.* Рецензия на книгу: А. В. Арциховский. «Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.)». М., 1954 (там же, вып. XXVII, 1957, стр. 324—332).

[17] *В. А. Матвеенко.* Заметки о языке новгородских берестяных грамот (ВЯ, 1956, № 4, стр. 82—91).

[18] *Н. А. Мещерский.* Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка («Вестник Ленинградского университета», 1958, № 2, серия истории языка и литературы, вып. 1. Л., 1958); *он же.* К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот («Ученые записки Карельского педагогического института», т. XII. Петрозаводск, 1962, стр. 84—115); *он же.* Существовал ли «эпистолярный стиль» в древней Руси? (Из заметок о грамотах на бересте) («Вопросы теории и истории языка». Сборник в честь Б. А. Ларина. Л., 1963, стр. 212—217).

[19] *В. К. Чичагов.* Филологические заметки (К выходу в свет первого научного издания новгородских грамот на бересте) (ВЯ, 1954, № 3, стр. 77—92).

[20] *С. Н. Орлов* и *Б. В. Хрычиков.* Новый документ древнерусской письменности (сообщение и публикация) («Ученые записки Новгородского государственного педагогического института», т. II, Историко-филологический факультет, вып. 2, 1957, стр. 241—244).

Ряд откликов на издания берестяных текстов появился за рубежом. Это статьи А. Поппэ [21], Я. Ригера [22], Т. Лер-Сплавинского [23], Н. Дылевского [24], Р. Якобсона [25], А. Бэклунда [26], Г. Бирнбаума [27], Р. Смита [28], У. Мэтьюз [29], Б. Унбегауна [30], Т. Арнэ [31] и др. К сожалению, у нас нет полного учета всего того, что вышло за границей о документах на бересте. А следовало бы такой, п о л н ы й, учет вести. Представляет интерес попытка А. Л. Хорошкевич дать обзор некоторых откликов зарубежной печати на открытие новгородских берестяных грамот [32]. Думается, было бы полезным каждый выходящий том издания «Новгородских берестяных грамот» начинать (или кончать)

[21] *A. Poppe.* Zabytki staroruskiej kultury piśmienniczej na korze brzozowej w Nowogrodzie Wielkim. («Kwartalnik Historyczny», Rocznik LXI, № 2. Warszawa, 1954, str. 365—374); *он же. A. W. Arcichowski.* Nowgorodskije gramoty na bieriestie (iz raskopok 1952 g.). Moskwa, 1954 («Instytut Historii Kultury Materialnej». Rok III, № 1, Warszawa, 1955, str. 216—223).

[22] *J. Rieger.* Gramoty nowogrodskie pisane na korze brzozowej («Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», 4(13). Warszawa, 1955, str. 74—82).

[23] *T. Lehr-Spławiński.* Najstarsze listy słowiańskie («Tygodnik Powszechny», 24 grudnia. 1953, № 33); *он же.* Najstarsze zabytki mowy potocznej na Rusi («Język rosyjski», № 3, 1954).

[24] *Н. М. Дылевский.* 4 вади солоду в Новгородската «берестова» грамота № 1 от гледище на български език («Български език», VI, кн. 3. София, 1956, стр. 263—267).

[25] *R. Jakobson.* Vestiges of the earliest russian vernacular («Word», vol. 8. № 4, p. 353—357; «Slavic Word», № 1, December, 1952, New York, p. 46—51).

[26] *A. Beacklund.* Could old Russian Faminine Names end in-jata («The Slavonic and East-European Review». London, vol. XXXV, N 84, December. 1956, p. 255—258).

[27] *H. Birnbaum.* Zu altrussischen atče und Verwandten («Scando-Slavica», t. V. Cöpenhagen, 1959, s. 78—86).

[28] *R. Smith.* Some Recent Discoveries in Nowgorod («Past und Present. A journal of scientific history», London, 1954, № 5, p. 9).

[29] *W. K. Matthews.* Рецензии в «Slavonic and East-European Review», vol. XXXIII, № 80, December, 1954, p. 244; vol. XXXV, № 85, June, 1957, p. 608.

[30] *B. O. Unbegaun.* Рецензии в «Revue des études slaves», vol. XXVIII. Paris, 1953, p. 182; vol. XXIX, p. 153; 1954, vol. XXXI, p. 147—148; vol. XXXIII, p. 154.

[31] *T. J. Arne.* Näverbrev («Förnvannen». Uppsala, 1954, Häfte 4, s. 246).

[32] *А. Л. Хорошкевич.* Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот («История СССР», 1958, № 5, стр. 224—231).

библиографическим указателем работ о текстах на бересте, опубликованных за последнее время.

Особое внимание лингвистов (как советских, так и финских) привлекли те грамоты, в которых имеются следы прибалтийско-финских языков (№ 2, 248, 249, 292). Ю. С. Елисеев дал филологический разбор документа № 292, доказал, что он написан на карельском языке, и предложил его перевод [33]. Работы А. И. Попова [34], М. М. Хямяляйнена [35], Ю. Мягистэ [36] посвящены анализу имен собственных в грамотах па бересте. Х. Киркkинен опубликовал четыре грамоты (№ 248, 249, 286, 292) с переводом на финский язык, озаглавив публикацию: «Новые источники по истории Карелии в средние века» [37]. Очень много сделавший для разработки берестологии Н. А. Мещерский привлек берестяные тексты и как источник для изучения прибалтийско-финских языков [38].

Работы филологов, имея большое самостоятельное значение, дали полезный материал и историкам. Лингвистический разбор отдельных текстов призван помочь раскрытию их содержания и тем самым использованию для исторических построений. Без обращения к истории не могут обойтись и сами языковеды. В 1959 г. вышла популярная книга Л. П. Жуковской о новгородских берестяных грамотах [39]. По своей специальности Л. П. Жуковская — палеограф и лингвист, поэтому естественно, что анализ письма и языка берестяных текстов — и главная задача, и наибо-

[33] *Ю. С. Елисеев.* Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», т. XVIII, вып. 1, 1959, стр. 65—72).

[34] *А. И. Попов.* Прибалтико-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах («Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. XII. Петрозаводск, 1958, стр. 95—100).

[35] *М. М. Хямяляйнен.* О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» (там же, стр. 101—103).

[36] *J. Mägiste.* Stämerensuomalaisia henkilönnimiä Novgorodin tuohikirijeissä («Virittäjä», Kotikielen Seuran aikakauslehti. Helsinki, 1957, № 1, s. 96—99).

[37] *H. Kirkkinen.* Lisälähteitä Karjalan keskiajan historiaan («Historiallinen aikakauskirja», № 2, 1964, s. 139—147).

[38] *Н. А. Мещерский.* Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков («Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология». М.—Л., 1964, стр. 193—204).

[39] *Л. П. Жуковская.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

лее сильная сторона ее работы. Несмотря на популярный характер последней, Л. П. Жуковская не только доходчиво рассказывает читателям о результатах своих самостоятельных научных изысканий, но и дополняет их новыми наблюдениями (оригинальной транскрипцией и переводами трудных для понимания мест грамот, реконструкцией дефектных их частей и т. д.).

Но автор не остается в рамках своей непосредственной профессии. Л. П. Жуковская пытается дать классификацию берестяных грамот по содержанию (подразделяя их на частные письма, записи, официальные документы), выявить социальный состав авторов и адресатов. Такую попытку можно только приветствовать. Однако Л. П. Жуковской недостает знания ни исторических источников, ни социально-экономических и политических явлений или институтов, характерных для той поры, к которой относятся изучаемые ею берестяные документы. Поэтому комментарий к ним, предлагаемый автором, часто наивен, а их перевод (может быть, безукоризненный с точки зрения структуры русского средневекового языка) формален, ибо не раскрывает всего их богатого *исторического* содержания.

Из историков, привыкших работать с письменными источниками, специально занялся берестяными грамотами Б. Б. Кафенгауз. Он написал по данному вопросу лишь небольшую статью, скромно назвав ее «Заметками» [40], и рассмотрел в ней ряд документов на бересте, разных по времени, характеру, тематике. Очевидно, автор взял то, по поводу чего у него возникли мысли, навеянные другими источниками русского средневековья, которыми он занимался раньше. Сопоставление разных памятников письменности дало положительные результаты. По поводу отдельных толкований, предложенных Б. Б. Кафенгаузом, можно спорить, но с ними приходится считаться.

И. П. Шаскольский посвятил небольшое исследование трем берестяным грамотам (№ 248, 249, 286), рисующим новгородско-шведские отношения в XIV—XV вв. и их значение для положения населения Карелии [41]. На эту же

[40] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 159—174).

[41] *И. П. Шаскольский.* Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков («Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 71—78).

тему имеется также и небольшая заметка Н. А. Мещерского [42].

Большая заслуга в изучении берестяных грамот как исторического источника принадлежит В. Л. Янину, написавшему о них и статьи [43] и книгу [44]. Книга В. Л. Янина написана в своеобразном жанре. Это живой, увлекательный рассказ о замечательном открытии в Новгороде, предназначенный для широкого круга читателей, интересующихся прошлым, а не для одних специалистов. Труд В. Л. Янина состоит из ряда очерков, носящих яркие заголовки, иногда представляющие собой перефразировку слов, взятых из текста грамот. Автор хочет познакомить читателей и с самими грамотами, и с трудным, но необычайно интересным процессом работы над ними, и с результатами этой работы, позволяющими взглянуть новыми глазами на различные сферы общественной жизни Новгорода.

В толковании берестяных грамот В. Л. Янин в ряде случаев следует за А. В. Арциховским, но дает и много нового. Очень интересна его методика исследования текстов на бересте в связи с судьбами тех боярских усадеб, на территории которых они сохранились. Весьма тонкими приемами доказывается принадлежность целого комплекса грамот членам фамилии бояр Мишиничей-Онцифоровичей, игравшей на протяжении длительного времени большую политическую роль в Новгороде. С интересом читаются очерки о «карельских грамотах» и т. д.

В книге В. Л. Янина звучит мотив о безграничных возможностях новых открытий. И заканчивается она полным оптимизма заявлением, что «в книжке о берестяных грамотах никогда не будет написано последней главы, потому что новые успехи всегда будут сопутствовать энтузиазму исследователей» [45]. Это призыв к разработке «но-

[42] *Н. А. Мещерский.* О датировке новгородских берестяных грамот (СА, 1963, № 4, стр. 249—252).

[43] *В. Л. Янин.* О древнем Новгороде рассказывает береста («Наука и жизнь», 1964, № 5, стр. 27—32); *он же.* Заметки о новгородских берестяных грамотах (СА, 1965, № 4, стр. 104—123).

[44] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965. Берестяные грамоты использованы в книге П. И. Засурцева «Новгород, открытый археологами» (М., 1967).

[45] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 190.

вой науки — берестологии» — такими словами озаглавил Д. С. Лихачев свою рецензию на книгу В. Л. Янина[46].

А. А. Коновалов попытался применить к исследованию берестяных грамот статистический метод[47]. Рассматривая их в динамике, на протяжении с XI по XV столетие, он стремится уловить в них отражение закономерностей развития феодальных отношений в Новгородской земле. Это интересный по замыслу опыт, хотя думается, что постановка проблемы закономерностей эволюции феодального общества на материале о д н и х берестяных грамот неправомерна. Взятые изолированно, в отрыве от других источников, они во многом утрачивают свое познавательное значение, выглядят обедненными.

Географическим сведениям в новгородских берестяных грамотах посвятил небольшую заметку В. С. Жекулин[48].

Я назвал работы, с п е ц и а л ь н о посвященные текстам на бересте. Но надо добавить, что эти тексты сейчас широко используются в качестве источников (п а р я д у с д р у г и м и) в целом ряде исследований на исторические темы. Берестяные грамоты по-настоящему завоевали право гражданства в исторической науке.

В зарубежной литературе из работ, дающих оценку значения берестяных грамот в целом, надо назвать очерк Владимира Водова[49]. Он не носит исследовательского характера, но автор в курсе всех последних достижений в области берестологии. Он знает издания берестяных грамот и труды о них и дает их характеристику с разных точек зрения: археологической, палеографической, лингвистической, исторической. Следует также отметить небольшой обзор Эльзы Мэлин[50].

[46] *Д. С. Лихачев.* Новая наука — берестология («Новый мир», 1966, № 2, стр. 271—274). См. также рецензии Н. Г. Порфиридова (СА, 1966, № 3, стр. 280—282) и А. А. Зимина («Преподавание истории в школе», 1966, № 3, стр. 101).

[47] *А. А. Коновалов.* Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания (СА, 1966, № 2, стр. 61—74); *он же.* Географические названия в берестяных грамотах (там же, 1967, № 1, стр. 84—98).

[48] *В. С. Жекулин.* Географические сведения в новгородских берестяных грамотах («Известия Всесоюзного географического общества», т. 98, вып. 5, 1966, стр. 444—447).

[49] *W. Vodoff.* Les documents sur écorce de bouleau de Novgorod («Journal des savants». Paris. octobre — decembre. 1966, p. 193—233).

[50] *E. Melin.* Einige Birkenrinde-Gramoty aus Novgorod («Acta Universitatis Lundensis». Sectio I/3. Lund. 1966).

Мой предшествующий очерк показывает, как много сделано в области изучения берестяных новгородских грамот, и в то же время, по-моему, указывает на необходимость продолжить исследовательскую работу над ними. У меня давно возник замысел написать книгу, в которой было бы всесторонне раскрыто значение текстов на бересте для освещения различных сторон жизни и истории феодального общества: экономики, социальных отношений, государственного строя, классовой борьбы. Я мыслил эту книгу как исследование источниковедческое, но нужное для построений исторического характера. Я начал осуществление этого замысла с отдельных статей[51]. Сейчас он воплотился в монографию.

Приношу большую благодарность принявшим участие в обсуждении моей работы П. И. Засурцеву, А. А. Зимину, В. Д. Назарову, В. Т. Пашуто, В. Л. Янину, Я. Н. Щапову, а также помогавшей мне в оформлении рукописи В. Г. Шерстобитовой.

[51] *Л. В. Черепнин.* Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах («Вопросы истории сельского хозяйства и революционного движения в России». М., 1961, стр. 32—43); *он же.* La paysannerie russe aux XIV-e et XV-e siècles d'après les écorces de bouleau de Novgorod («Recherches internationales à la lumière du marxisme». Paris, 1963, № 37, p. 123—138); *он же.* Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами («История СССР», 1966, № 2, стр. 94—105); *он же.* Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в. («Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Л., 1967, стр. 42—54); *он же.* Русская Правда и новгородские берестяные грамоты («Вопросы истории», 1969, № 2, стр. 57—72).

Очерк второй

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Некоторые вопросы классификации и дипломатики берестяных грамот

В настоящее время издание берестяных грамот насчитывает шесть томов, включающих 405 текстов. Кроме того, в журнале «Советская археология» предварительно опубликованы еще 10 грамот, получивших порядковые номера 410, 411, 413—415, 417, 419, 420, 421, 424 [1]. Таким образом, исследователи располагают в качестве объекта изучения 415 берестяными текстами.

Содержание ряда грамот не поддается интерпретации в силу того, что из-за дефектности на них сохранились лишь отдельные слова, части слов или буквы. Таких грамот 51. Это № 13, 16, 29, 34, 35, 37, 39, 48, 56, 57, 60, 63, 64, 77, 81, 83 [2], 85, 88—90, 132 [3], 151, 171, 172, 190, 192 [4], 209, 214, 229, 230, 234, 236, 245, 267—269, 285, 315, 316 [5], 321, 327, 333, 340, 341, 360, 371, 387, 388, 396, 399, 405 [6].

[1] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 202—211).

[2] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 14, 16, 30, 35—37, 39, 49—50, 59—60, 62, 64, 77, 80, 82. (Грамота № 13 писана чернилами, не прочитана.)

[3] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ ((1953—1954), стр. 11, 14—15, 71.

[4] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 29, 57, 73—75.

[5] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 29, 35—36, 46—47, 52—53, 56, 58, 67, 94—95, 112, 150, 151.

[6] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 11—13, 16, 21, 28—29, 54—55, 71, 87—88, 98, 100, 106.

Среди остальных 354 номеров также много дефектных текстов. Однако, мне представляется, можно сделать попытку их истолкования, иногда, правда, весьма предположительного, условного.

Выражение «берестяные грамоты» не имеет четкого содержания. Оно объемлет весьма широкий круг текстов, слишком разнообразных по характеру. Поэтому вопросы их классификации приобретают серьезное значение.

В ряде надписей на бересте указаны только имена: № 86 (XII в.) [7] — «Лазоря»; № 116 (XII в.) [8] — «Лушеван» (надпись на стенке берестяного туеса); № 70 (XIII в.) [9] — «Хрьстеянова жена»; № 72 (XIII в.) [10] — «Иванко сыно Дьмеянко»; № 323 (XIII в.) [11] — «Марии црн»; № 58 (XIII—XIV вв.) [12] — «Маремеяне»; № 319 (XIII—XIV вв.) [13] — «Еванове попове»; № 126 (XIV—XV вв.) [14] — «сино Микитино Лашенестинково»; № 127 (XIV—XV вв.) [15] — «Исако» (надпись на куске берестяного поплавка).

К этой же группе документов можно причислить грамоту № 12 (XV в.) [16] — «Сидоре дворян[ин] Яколь». В грамоте № 158 (XII в.) [17] читаем слово «Пьтровичь», но сохранились и еще остатки какого-то текста, что выделяет документ из числа других, вышеприведенных.

Основная масса перечисленных грамот — по-видимому,

[7] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 11—12. Автор сначала написал «Лзо», затем полностью — «Лазоря».

[8] Там же, стр. 50.

[9] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 73.

[10] Там же, стр. 74.

[11] А. В. Арциховский читает: «Марии ц[е]рн[ицы]», т. е. черницы (*А. В. Арциховский*. НГБ, 1958—1961, стр. 13). Но, может быть, надо читать: «Марии цр[е]н», т. е. црен (соляной), принадлежащий Марии?

[12] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 60.

[13] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 9.

[14] Б. А. Рыбаков полагает, что «записка давала отчество и прозвище Микитова сына». По А. В. Арциховскому, здесь речь идет о сене, принадлежавшем Миките Лашенестинкову (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1953—1954, стр. 61).

[15] Там же, стр. 62.

[16] *А. В. Арциховский* (НГБ, 1952, стр. 13) пишет: «объединить общим смыслом эти три слова (разделение их очевидно) трудно». Но почему же трудно? Это имя, отчество и звание (должность) человека: дворянин Сидор Яковлев.

[17] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 41.

владельческие записи. В некоторых случаях такое назначение их бесспорно (например, данный вывод не вызывает сомнений применительно к надписям на берестяном туесе или поплавке) [18]. А. В. Арциховский определяет именные записи как этикетки, ярлычки или адреса. «Подобные ярлычки могли привязываться ниткой к подаркам или вообще к вещам, предназначенным для передачи определенному лицу». Но этикетки могли иметь и более деловое (и даже правовое) значение. Так, Псковская судная грамота, например, много говорит об отдаче различных вещей в заклад, на хранение и т. д. [19] К ним, вероятно, привешивались грамотки с обозначением имен собственников.

Более спорно предположение, что в кусках бересты с надписанными на них именами можно видеть своеобразные избирательные бюллетени. Б. А. Рыбаков выдвигает это предположение в отношении берестяной грамоты № 86, на которой написано «Лазоря». А. В. Арциховский обратил внимание на грамоту № 298, в которой перечислены (в родительном или винительном падеже) четыре лица: «Костка сына Лукина, Офремова сына. Купра Иванова сына. Онитвька Купра Фомина сына. Игнатъя Юрьева сына» [20]. А. В. Арциховский полагает, что этот документ являлся «бюллетенем при выборах какой-то коллегии. Требовалось, по-видимому, выбрать четырех человек». Можно выдвинуть и другие гипотезы. Новгородская судная грамота говорит об обязательном присутствии на суде четырех заседателей, по два представителя от каждой из тяжущихся сторон [21].

Может быть, эти четыре заседателя и имеются в виду в берестяной грамоте № 298? Псковская судная грамота требует привлечения при разборе дел четырех-пяти свидетелей [22]. Возможно, что в письме № 298 фигурируют именно такие свидетели («сторонние люди»).

Владельческие записи и именные списки — это наиболее простые тексты, материалом для которых служила бе-

[18] На берестяном дне одного сосуда (№ 401, XIV в.) нанесены отдельные буквы. Может быть, это тоже владельческая запись? (*А. В. Арциховский*. НГБ. 1958—1961, стр. 100—102).

[19] ПРП, вып. II, стр. 288, 292, 299, 300, статьи 14, 45, 103-а, 107.

[20] *А. В. Арциховский* и *В. Л. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 127—129.

[21] ПРП, вып. II, стр. 212, ст. 5.

[22] Там же, стр. 293, статьи 55 и 56.

реста. Имеются тексты с более сложным содержанием: правовым, литературным, религиозным, бытовым.

Прежде всего интересно выяснить, как называют сами себя документы на бересте. Дважды встречается название «бересто»: № 27 (XIV в.) [23] — «...Послал язо к тоби берос-то, написаво: вышли за...» и № 40 (XV в.) [24] — «...кто придеть з берестомъ».

Один раз фигурирует термин «память»: № 213 (XIII в.) [25] — «Про Местятку память на Радослава» (имеется в виду запись долгов).

Гораздо чаще упоминается термин «грамота» (под которым понимаются и официальный документ, и частный юридический акт, и просто письмо): № 123 (XI в.) [26] — «...[г]рамота...»; № 181 (XI—XII вв.) [27] — «Гтрамота от Дробьна...»; № 109 (XI—XII вв.) [28] — «Грамота отъ Жизномира къ Микоуле...»; № 164 (XI—XII вв.) [29] — «[От]...жимира грам[ота]...»; № 336 (XI—XII вв.) [30] — «От Петра гр[амот]а къ Влътьковп...»; № 112 (XIII в.) [31] — «...на тои грамоте...»; № 397 (XIII в.) [32] — «Къснятиня грамата»; № 5 (XIV в.) [33] — «...дать грамоте...»; № 43 (XIV в.) [34] — «...како приде ся грамота...»; № 99 (XIV в.) [35] — «а ни посла еси цоловека да грамотоу...»; № 257 (XIV в.) [36] — «...а грамоту с тобо спишемо...»; № 271

[23] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 29.
[24] Там же, стр. 39—40.
[25] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 34—35.
[26] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 56.
[27] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 67.
[28] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 38—41.
[29] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 50—51.
[30] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 24—26.
[31] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 42—43.
[32] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 98.
[33] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951), стр. 32—34.
[34] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 44—45.
[35] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 26—28.
[36] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 83—84.

(XIV в.) [37] — «...возми у него грамоту...»; № 358 (XIV в.) [38] — «...пришли ко мни грамоту...»; № 364 (XIV—XV вв.) [39] — «А граммота к тобе с моимъ детиною»; № 24 (XV в.) [40] — «...[с] цоловекомь грамотку пришли тайно».

Иногда слово «грамота» является самоназванием того берестяного документа, в котором оно фигурирует. Иногда же в дошедшем до нас берестяном тексте содержится указание на какую-то другую грамоту.

Из разновидностей грамот называются «купная» (купчая): № 53 (XIV в.) [41] — «Спиши списокъ с купной грамоте да пришли семо»; «безсудная» (обвинительный приговор одному из тяжущихся без разбора дела, в силу его неявки в суд): № 137 (XIII—XIV вв.) [42] — «...[пос]лахомъ грамоту бесудну...», № 251 (XIV в.) [43] — «...[гра]моту бесудную Федорцю ла...», № 302 (XV в.) [44] — «...чобы ся на меня не родила грамота бесудная»; позовная (повестка о вызове в суд): № 385 (XIV в.) [45] — «...наболися позовно грамото...».

Уже из приведенного материала видно, что на бересте писались те же самые акты, судебные, делопроизводственные и другие документы, что и на пергамене и бумаге.

Этот вывод станет еще более убедительным, если обратиться к формулярам некоторых берестяных грамот. По формулярам удается определить духовные (завещания). Они начинаются обычно словами: «Во имя отца и сына и святого духа. Се яз раб (или раба) божий (или божия) такой-то (или такая-то), отходя сего света, пишу...» и т. д. (№ 28, 42, 369, все XIV—XV вв.) [46] или: «Се азо, рабо б[о]жи такой-то, напсахъ роукописание...» (№ 138, XIII в.) [47].

[37] Там же, стр. 96—97.
[38] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 50—52.
[39] Там же, стр. 60—61.
[40] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 26.
[41] Там же, стр. 56—57.
[42] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 10—11.
[43] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 77—78.
[44] Там же, стр. 133—134.
[45] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 86—87.
[46] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 28—29, 42—43; *он же.* НГБ (1958—1961), стр. 67.
[47] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 11—15.

Наряду с духовными, встречаются купчая (№ 318, XIV в.— «Се купило такой-то у такого-то») [48], данная (о возврате долга) (№ 197, XIII в.— «Се дая такой-то серебро такому-то») [49], докончальные или рядные (№ 136, XIV в.— «Се доконьцяху такие-то» об уплате феодалу оброка [50]; № 366, XIV в.— «Сь урядеся такой-то с таким-то» по спорному земельному делу) [51].

По своим формулярам выделяются также документы судебного характера: судные списки (№ 7, XII—XIII вв. — «Сочита оу Короман[а]» [52]; № 154, XIV—XV вв.— «Воспросиле правищике такого-то» [53]; мировая запись (№ 45, XIII—XIV вв.— «Со соцетеся добро с таким-то» [54].

Значительное число берестяных текстов представляет собой грамоты, адресованные кому-либо от имени одного лица или нескольких лиц, по формуле: «поклон [или „покланяние"] от такого-то к такому-то» [55]. По большей части указываются лишь имена авторов и адресатов. В редких случаях называется их социальное положение; иногда приводятся сведения об отношении (родственном или служебном друг к другу). Относительно авторов посланий имеются следующие указания: «от Дрочке от папа пъкланяние...» (№ 87, XII в.); «поклоно от подвоискаго...» (су-

[48] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957) стр. 151—153.

[49] Там же, стр. 15.

[50] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 76—78.

[51] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 61—66.

[52] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951), стр. 36—37.

[53] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 31—33.

[54] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 46—48.

[55] № 3, 6, 11, 17, 23, 27, 49, 53, 59, 65, 67, 87, 91, 98, 99, 101—103, 125, 133, 139, 146—148, 152, 163, 173, 177, 178, 185, 186, 226, 227, 243, 270, 271, 273, 276, 279, 281, 289, 290, 296, 300, 306, 328, 339, 357—359, 361, 363, 364, 370, 379, 385, 395, 402, 414, 415 (*А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ, 1951, стр. 26—28, 35; *А. В. Арциховский.* НГБ, 1952, стр. 11—13, 16—17, 24—25, 29, 50—52, 56—57, 60—61, 65—68; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1953—1954, стр. 12—13, 15—16, 25—32, 59—60, 71—72; *они же.* НГБ, 1955, стр. 15, 24—27, 29—30, 48—50, 58, 61—64, 69—71; *они же.* НГБ, 1956—1957, стр. 49—51, 65—67, 95—97, 99—103, 105—109, 118—119, 125—126, 131—132, 136—137; *А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 16—17, 28, 50—53, 55—61, 68—71, 78—80; 86—87, 97, 103; *он же.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 205—207).

дебного исполнителя) (№ 147, XIII в.). Некоторые грамоты содержат коллективные обращения от крестьянского населения определенных территорий (обычно частных вотчинных владений) (№ 273, 279, 361, 370, XIV в.).

Отношения авторов грамот к адресатам в ряде случаев определяются в терминах родства: «...[покл]аняние ко матьри...» (№ 227, XII—XIII вв.); «поклонъ оспожи матери» (№ 358, XIV в.); «поклоно... ко матери...» (№ 395, XIII в.); «[покланя]ние и къ брату...» (№ 296, XII в.); «...поклонъ... ко брату моему...» (№ 178, XIV в.); «поклонъ... къ господину, къ моси къ бъратьи...» (№ 49, XIV в.); «поклонъ... къ сыну к моему...» (№ 125, XIV—XV вв.); «поклоно... беи чело батку...» (№ 290, XIII—XIV вв.); «поклонъ... ко свату моему...» (№ 91, XIV в.); «поклоно... куму и другу...» (№ 271, XIVв.); «поклонъ... к невестьке мое...» (№ 363, XIV—XV вв.).

Иногда указываются должность, звание, общественное положение адресатов: «поклонъ... ко попу...» (№ 173, XIV в.); «поконо... ко попу...» (№ 177, XIV в.); «нокло[но]... к угумяну...» (№ 359, XIV—XV вв.); «поклоно... ко пос[аднику]...» (№ 98, XIV в.); «пклонъ... ко господиноу посадкоу...» (№ 339, XIV в.); «поклонъ... къ сотьскымъ...» (№ 279, XIV в.); «поклоно... к данику повгороцдему и к новгородцамо...» (№ 281, XIV в.).

Есть и грамоты (XII—XV вв.), в которых обращение к адресатам сопровождается употреблением титула «господин» («осподин») — «госпожа», или в начальной форме приветствия (№ 17, 23, 49, 101, 152, 300, 339, 358, 361, 402), или (в звательном падеже) в последующем тексте (№ 17, 23, 49, 67, 98, 101, 102, 133, 147, 148, 243, 306, 359, 361).

Общий вывод, который можно сделать на основе анализа грамот, начинающихся с формулы «поклон [или „покланяние“] от такого-то к такому-то», заключается в признании многообразия их характера. Это и личные письма, и служебные донесения, и челобитные людей различного социального статуса органам власти или крестьян господам и т. д. Лишь по содержанию можно определить относительно каждого текста — что это за источник.

То же самое можно сказать и о грамотах, начальная формула которых еще проще: «от такого-то к такому-то» [56].

[56] № 4, 5, 9, 30, 43, 69, 82, 84, 105, 106, 113—115, 117—120, 142, 155, 156, 159, 160, 165, 195, 198, 222, 225, 231, 233, 235, 237, 239,

В подавляющем большинстве случаев не говорится — кто их авторы по месту, занимаемому в обществе. Один раз сказано, что грамота послана «от посадника» (№ 106, XIII—XIV вв.), другой — «от попа» (№ 293, XIII в.). В ряде случаев грамотами обмениваются родственники: «...къ жене и къ детьмъ...» (№ 156, XII в.); «...о матьри...» (№ 350, XII—XIII вв.); «...къ матери...» (№ 384, XII в.); «...к атцеви...» (№ 404, XIII в.); «...соуноу...» (№ 421, XII в.); «...брать...» (№ 82, XI—XII вв.); «...ко тьтоке...» (№ 346, XIII—XIV вв.). И здесь характер каждого письма (официальное или частное) и его разновидность выясняются в результате анализа содержания.

Две грамоты начинаются с обращения: «Слово добро... от такого-то к такому-то» (№ 14 и 122, XIV—XV вв.) [57]. В одном случае это охранная грамота, в другом — челобитье о защите.

Начальная формула нескольких грамот: «приказ („приказо", „се приказ") от такого-то к такому-то» (№ 93, 134, 144, 259, 275, 303, 383, XIII—XV вв.) [58]. Это предписания служебного, семейного, частнохозяйственного характера.

Некоторые документы XIV—XV вв. именуют себя челобитьями [59]. Иногда в тексте прямо употребляется это сло-

241, 246, 253, 260, 272, 286, 293, 332, 334, 344, 346, 350, 377, 381, 384, 389, 391, 404, 411, 420, 421 (*А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ, 1951, стр. 29—34, 40—42; *А. В. Арциховский.* НГБ, 1952, стр. 31—32, 44—45, 71—73, 81—82; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1953—1954, стр. 9—10, 34—36, 45—53; *они же.* НГБ, 1955, стр. 19—21, 34—38, 41—43, 51; *они же.* НГБ, 1956—1957, стр. 13—14, 16, 44—45, 47, 54—64, 67—69, 80, 86—87, 97—99, 112—114, 122—123; *А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 20—23, 32—35, 39, 76—77, 81—82, 84—86, 88—90, 94—95, 104—105; *он же.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 203—204, 210—211).

[57] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 14—15; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 54—56.

[58] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 19, 73—74; *они же.* НГБ (1955), стр. 22—24; *они же.* НГБ (1956—1957), стр. 85, 101, 134—135; *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 82—84.

[59] № 15, 31, 32, 94, 97, 129, 135, 140, 157, 167, 242, 248, 297, 301, 307, 309, 310, 311, 313, 314, 354, 362, 413 (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1952, стр. 15, 32—35; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1953—1954, стр. 20—22, 24—25, 64—66, 74—76; *они же.* НГБ, 1955, стр. 16, 38—41, 52—53; *они же.* НГБ, 1956—1957, стр. 64—65, 72—73, 126—127, 132—133, 137—144, 146—150; *А. В. Арциховский.* НГБ,

во, иногда же там фигурирует та или иная форма глагола (в сочетании с существительным): «бить челом». Характер челобитных также различен. Это и родственные или дружеские послания (№ 129, 354), и судебные иски (№ 309), и просьбы к вотчинникам о земельных пожалованиях (№ 15), и обращения к господам ключников, приказчиков, «паробков» (№ 97, 297, 301), феодально зависимых людей (№ 31, 167) и т. д.

Особую ценность представляют коллективные крестьянские челобитные. Их найдено 11 [60]. Обычные для них формулы обращения: «биютъ челомъ» (№ 157), «челомъ бьютъ» (№ 313), «бить челомъ» (№ 94), «чоломъ бею» (№ 307), «чело бьютъ» (№ 311), «цоломъ бею» (№ 307), «цолобитье», «цълобитие» (№ 242, 310), «поклонъ» (№ 279, 361, 370), «поклоно» (№ 273).

Челобитчики называют себя: «хрестяне», «хрестьяне», «хрестяни», «хрестияне», «хрестияни» (№ 157, 307, 310, 311, 313), «крестьяне» (№ 94), «половники» (№ 242), «сироты» (№ 370).

Особенно интересно, что в ряде челобитных коллективно выступают крестьяне определенной сельской местности: «хрестяне Черенщани», «хрестяни твои Черешшани» (№ 157, 311), «поклонъ... от всехъ Пашезерчевъ» (№ 279), «хрестьяне Избоищане» (№ 307), «хрестьяни [твои] Смердыньскии» (№ 313), «поклонъ от Шижнянъ Побратиловиць» (№ 361), «поклоно... от всих Мравгици...» (№ 273). Коллективные крестьянские челобитные — до сих пор неизвестный в нашей литературе источник.

Большой научный интерес представляет и челобитье (донесение) новгородскому правительству от карел Кирьяжского и Кюлолакшского погостов о нападении шведов (№ 248).

Особенно следует отметить записи (разного времени, с XII по XV в. включительно) поступлений деньгами и натурой (хлебом, рыбой, пушниной, холстом и т. д.) в пользу государства, вотчинников, купцов, ростовщиков с отдель-

1958—1961, стр. 43—47, 57—58; *он же*. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 204—205).

[60] № 94, 157, 242, 307, 310, 311, 313, 273, 279, 361, 370. Последние четыре документа, являющиеся по своему характеру челобитьями крестьян, мы рассматривали выше в числе грамот, начинающихся с обращения: «поклон», «поклоно».

ных лиц и целых селений [61]. В одних случаях указано то, что взыскано, в других — то, что надлежит взыскать. Применяется формула: «у такого-то (или „от такого-то", или „на таком-то") то-то». Здесь и оклады дани или вотчинных повинностей, и перечни недоимок, и списки долгов по ссуде, и записи закупленных у населения, но еще не полученных купцами товаров и т. д.

Лишь внимательный анализ содержания документов позволяет установить, о чем идет речь. Но документация этого рода — новая, до сих пор бывшая неизвестной.

Таким образом, дипломатический анализ берестяных грамот намечает пути к их классификации и тем самым — к уяснению их значения в качестве исторических источников. Но сам по себе этой задачи он выполнить не может. Необходим источниковедческий анализ каждой грамоты в отдельности.

§ 2. Вопросы датировки берестяных грамот

Задача датировки берестяных грамот выдвигает перед исследователем целый ряд затруднений. Из всех найденных до сих пор грамот дату имеет лишь одна — № 206 (XIII в.) [62], да и то неизвестно — указание ли это на год, когда писался текст, или же случайное число, проставленное в процессе упражнения в письме.

Очень мало можно извлечь конкретных признаков датирующего характера из содержания берестяных грамот: указаний на лица, события и т. д. Исключение в этом отношении составляют берестяные документы архива новгородских бояр Мишиничей-Онцифоровичей [63]. В ряде писем на бересте фигурируют имена представителей нескольких по-

[61] № 1, 2, 50, 92, 130, 141, 161, 162, 168, 218—220, 228, 258, 264, 278, 299, 320, 348, 355, 403, 410 (*А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ, 1951, стр. 16—24; *А. В. Арциховский*. НГБ, 1952, стр. 52—54; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1953—1954, стр. 16—19, 66—68; *они же*. НГБ, 1955, стр. 17—19, 43—48, 53—55; *они же*. НГБ, 1956—1957, стр. 38—42, 51—52, 84, 91, 104—105, 129—130; *А. В. Арциховский*. НГБ, 1958—1961, стр. 9—11, 35—37, 47—49, 103—104; *он же*. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 203—204).

[62] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 26—28.

[63] *В. Л. Янин*. Заметки о новгородских берестяных грамотах (СА, 1965, № 4, стр. 104).

колений этой фамилии: посадника Варфоломея Юрьевича (№ 191, 391, XIII—XIV вв.), его сына Луки Варфоломеевича (№ 389, XIV в.), сына последнего — посадника Онцифора Лукинича (№ 98, 99, 101, 180, 339, 354, 385, XIV в.), детей Онцифора — Юрия (№ 94, 97, 167, 362, 370, XIV—XV вв.), Максима (№ 91, 177, 253, 271, 272, 279, 290, 370, XIV в.), Афанасия (№ 273, XIV в.), сына Юрия — Михаила (№ 157, 297, 300, 301, 306, 308, 311, 313, XIV—XV вв.) и внуков Андриана и Никиты Михайловичей (№ 303, 307, XV в.) [64]. Большинство этих лиц упомянуто в летописи, что позволяет отнести к определенному времени и связанные с ними тексты.

В грамоте № 310 (XV в.) назван посадник Андрей Иванович, также известный по летописям [65].

Почти нет в берестяных грамотах сведений о таких исторических фактах, датировку которых возможно было бы уточнить по другим источникам. Можно привести лишь единичные случаи. В письме на бересте № 69 говорится о военном походе новгородцев под Ярославль, где померзли корабли, пришедшие из-под Углича [66]. По летописи такой поход произошел в 1148 г. В берестяной грамоте № 286 [67] упоминается подтверждение в 1339 г. Ореховецкого русско-шведского договора 1323 г., а в текстах № 248 и 249 [68] имеются сведения о шведских нападениях на карельские владения (о чем рассказывают и летописи, и акты на бумаге).

Но все это, повторяю, редкие исключения. Как правило же, содержание берестяных грамот таково, что не дает оснований определить с достаточной точностью время их возникновения.

Хронологию берестяных грамот приходится устанавливать по признакам стратиграфическим и палеографическим. Дендрохронологические даты, выявленные для двадцати восьми ярусов залегания писем на бересте, поражают исто-

[64] *А. В. Арциховский* и *В. П. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 15—16, 20—22, 24—29; *они же*. НГБ (1955), стр. 38—41, 52—53, 61—62, 65—66, 74; *они же*. НГБ (1956—1957), стр. 80, 96—100, 119, 126—127, 131—134, 136—141, 144—148; *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 28, 43—47, 57—58, 68—71, 86—87, 88—90, 94—95.

[65] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 142—144.

[66] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 71—73.

[67] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 112—114.

[68] Там же, стр. 72—76.

рика точностью, которой не может дать палеография. Однако палеографическая проверка необходима, ибо стратиграфия определяет время существования документа, но не время его написания. Возможности же палеографии берестяных текстов ограничены, ибо здесь отсутствует основное условие для определения палеографических примет: сопоставление начертаний знаков датированных памятников письменности с недатированными. А сравнение букв на бересте с их начертаниями на пергамене или бумаге (к которому, конечно, необходимо прибегать) не может дать точных результатов, ибо в силу различия писчего материала и орудий, которыми наносятся буквы, различны и закономерности развития письма. В ряде берестяных грамот (особенно в дефектных, дошедших в отрывках) слишком мало данных для палеографических наблюдений. При палеографических датировках во многих случаях нельзя достигнуть точности более, чем в пределах столетия.

Для моих целей — изучения содержания берестяных грамот и определения их значения для характеристики социально-экономических и политических процессов — бóльшая точность и не была нужна. Я не ставил своей задачей специальное палеографическое изучение берестяных грамот, руководствуясь их стратиграфической датировкой с теми необходимыми палеографическими поправками и оговорками, которые предлагаются специалистами. Правда, расхождения между специалистами — палеографами, лингвистами, историками — часты и иногда довольно существенны; это приходится учитывать. Я условно исходил из следующей хронологии берестяных грамот [69]:

XI век или XI—XII века — № 9, 78, 82, 84, 105, 107, 109. 119—121, 123, 160, 164. 181, 194, 238, 241, 246, 247, 335, 336, 338.

XII век — № 74, 75, 76, 79, 80, 86, 87, 103, 108, 113—118, 150, 152, 153, 155, 156, 158, 159, 163, 165, 168. 170, 174—176, 219, 222, 228. 231, 232, 235, 237. 239. 240, 296, 379—381, 384, 421, 424.

XII век или XII—XIII века — № 7, 8, 69, 143, 223, 225—227, 233, 295, 332, 334, 350, 400.

XIII век — № 51, 52, 55, 59, 61, 62, 65, 67, 68, 70—73, 110—112, 138. 139, 141, 142, 147—149, 197—208, 210, 211, 213, 215—218, 220, 221, 224,

[69] В основном она соответствует данным А. В. Арциховского. Тире, поставленное между обозначениями двух столетий, указывает, что дата падает на время, близкое к их рубежу.

291—294, 323, 330, 331, 344, 347—349, 351, 377, 378, 390, 394, 395, 397, 398, 404, 410, 411, 419, 421.

XIII век или XIII—XIV века — № 6, 45, 54, 58, 106, 137, 140, 144—146, 189, 191, 193, 195, 196, 212, 287, 290, 319, 320, 322, 326, 328, 329, 337, 346, 357, 376, 391—393.

XIV век — № 2—5, 20, 25—27, 30—33, 36, 38, 41—44, 46, 47, 49, 50, 53, 66, 91—95, 98—102, 104, 128, 130, 131, 133, 134, 136, 167, 169, 173, 177—180, 182—188, 251—266, 270—284, 286, 288, 289, 314, 317, 318, 324, 325, 339, 342, 343, 345, 353—356, 358, 361, 365, 366, 368—370, 372, 383, 385, 386, 389, 401, 403, 413—415, 417, 420.

XIV век или XIV—XV века — № 1, 14, 22, 23, 28, 96, 97, 122, 124—127, 129, 135, 154, 157, 166, 244, 248—250, 305, 311—313, 359, 362—364, 367, 375, 402.

XV век — № 10—12, 15, 17—19, 21, 24, 40, 161, 162, 242, 243, 297—304, 306—310, 352, 373, 374, 382.

Еще раз следует подчеркнуть известную условность распределения берестяных грамот по столетиям. Рубеж двух веков вообще не может быть признан устойчивой палеографической гранью; поэтому, например, отнесение текстов в графы «XII век» или «XII—XIII века» не раз заставляет задуматься. В этом и подобных спорных случаях предпочитался второй вариант. Еще больше трудностей вызывает уточнение датировок в пределах века. Достаточно сказать, что при датировке уже первых десяти найденных берестяных грамот в отношении семи мнения их издателей А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова разошлись. А филологи (Р. И. Аванесов, Л. П. Жуковская, П. С. Кузнецов) предложили свои даты, основанные на данных палеографии и языкознания, причем лингвистические наблюдения иногда вступают в противоречие с палеографическими [70]. Все же наиболее устойчивым хронологическим критерием остаются данные стратиграфии.

Во всяком случае для исследования социально-экономической и политической проблематики данный выше хронологический список берестяных грамот можно считать достаточным. Из него видно, что подавляющее большинство берестяных писем падает на XIII—XIV вв., т. е. на период, от которого до нас дошло не так много актов на пергамене и бумаге. Уже это одно подчеркивает большую ценность берестяных находок для историков, ибо источниковедче-

[70] «Палеографический и лингвистический анализ нбг». М., 1955, стр. 10—12.

ская база для их выводов расширилась. Очень важно и пополнение берестяными текстами фонда источников по социально-экономической, политической, правовой истории XI—XII вв.— эпохи, для которой акты насчитываются единицами.

§ 3. Новгородские подземные архивы

Возможности источниковедческой методики разработки русского средневекового документального и актового материала значительно расширились и уточнились в результате изучения этого материала в связи с историей архивов феодальных корпораций и отдельных феодалов. Естественно и в отношении новгородских берестяных грамот поставить вопрос: нельзя ли среди них обнаружить фрагменты каких-то феодальных архивов? [71] А. В. Арциховский отвечает на этот вопрос отрицательно: «Никаких архивов в Новгороде пока не найдено, перед нами потерянные и выброшенные куски исписанной бересты» [72]. К аналогичному выводу приходит В. Л. Янин: «Новгородцы постоянно писали и читали письма, рвали их и выбрасывали, как мы сейчас рвем и выбрасываем ненужные и использованные бумаги» [73].

Невольно рождается сомнение по поводу того, не слишком ли расширительно применяется подобное утверждение. Ведь среди берестяных грамот имеется большое количество текстов, которые представляли не узко личный и преходящий интерес для тех, кому были адресованы и кто мог их бросить по прочтении. Есть документы на бересте, которые по самому их характеру предназначались для хранения на длительный срок: например, духовные грамоты, купчие, межевые, акты взаимоотношений землевладельцев с крестьянами и т. д. Нам хорошо известно на примере Северо-Восточной, да и Новгородской, Руси, что в монастырях такие документы бережно хранились, на случай утраты с них снимались копии. Неужели же новгородские светские

[71] Термин «архив», конечно, условен: просто собрание нужных документов.

[72] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 4.

[73] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 26. Я. Н. Щапов относит к берестяным грамотам следующее место из «Вопрошания» новгородского книжника XII в. Кирика: «Несть ли в томь греха, аже по грамотам ногами ходити, аже кто изрезав помечеть, а слова будуть знати?» (*Я. Н. Щапов.* Кирик новгородец о берестяных грамотах.— СА, 1963, № 2, стр. 251—253).

феодалы были столь недальновидны и нерасчетливы и так небрежно обращались со своими документами?

Сам А. В. Арциховский под воздействием материала берестяных текстов должен был вносить поправки в свою точку зрения. Так, под № 397 он опубликовал кусок бересты, на котором написано: «Къснятиня грамата» [74]. Очевидно, этот кусок был прикреплен к не дошедшей до нас грамоте какого-то Константина, хранившейся в вотчинном или каком-либо ином архиве [75].

Этот вывод можно подкрепить некоторыми известными нам данными. В феодальных архивах XIII—XV вв. была своя система подбора, регистрации и хранения документов. Иногда на их обороте указывались разновидности, назывались авторы, лица, участвовавшие в их составлении, в отдельных случаях коротко излагалось содержание. Такие пометы имеются на обороте доканчальных грамот Новгорода с тверскими князьями (дошедших до нас в составе тверского государственного архива): «князя Ярослова», «княжа Ярослава Ярославлич», «грамоты князя Михаила Ярославича доканчалные», «князя Михайловы» и т. д. [76] Пометы сходного характера стоят и на оборотной стороне документов московского великокняжеского архива. Но делались подобные пометы и на отдельных листках, прикрепленных к оригиналам, причем почерками разных столетий [77]. Значит, собранне документов неоднократно пересматривалось.

В вотчинных и служебных архивах документы подбирались иногда не только по лицам, но и по локальному признаку. В составе берестяных текстов до нас дошел кусок бересты (№ 143, XII—XIII вв.), на котором написано: «5 Заволочкое» [78].

[74] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 98.

[75] А. В. Арциховский пишет: «Подобные этикетки имели смысл только в своего роде архиве. Конечно, этот архив был небольшим и личным, иначе такой текст не был бы достаточен. Какой-то новгородец первой половины XIII в. хранил грамоты. Можно предположить, что они были берестяные; менее вероятно, что они были пергаменные. В обоих случаях они хранились в виде свитков. Чтобы при поисках не разворачивать лишние свитки, нужны были этикетки. Они могли плотно прижиматься к свитку при помощи обвязанной вокруг ленточки или веревки, ремня, лыка и т. п.».

[76] ГВНП, стр. 10—11, № 2, 3; стр. 22, № 11; *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, стр. 237.

[77] ДДГ, стр. 268, № 72; стр. 315, № 80.

[78] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 22.

А. В. Арциховский считает, что перед нами этикетка при группе предметов или документов. «Таких групп было не меньше пяти. Возможно, например, что землевладелец разделил по пачкам документы о своих пяти имениях. На пятом месте было тогда заволоцкое имение». А может быть, это этикетка к документам о заволоцкой дани, хранившихся в архиве одного из данщиков?

Словом, А. В. Арциховский признает наличие в Новгороде вотчинных архивов, из состава которых, вероятно, отпали (какими путями — сказать трудно) отдельные берестяные грамоты. Но если это фрагменты рассыпавшихся архивов, то правомерна попытка по фрагментам восстановить (хотя бы частично) утраченное целое.

Эта попытка уже увенчалась определенным успехом. Ряд берестяных грамот (до 45), как удалось установить А. В. Арциховскому и В. Л. Янину, связан с представителями боярской фамилии Мишиничей-Онцифоровичей (об этом уже говорилось выше). Это наиболее крупный архивный массив. Таких больше нет. Но можно назвать имена и других новгородских бояр или горожан, от которых сохранилось по нескольку документов на бересте. Так, в четырех грамотах XIV в. назван Сидор — богатый землевладелец и торговец [79]. В. Л. Янин считает возможным приурочить к его деятельности еще несколько документов [80]. Два документа XIV в. рисуют деятельность данщика Григория [81]. Три грамоты XIV—XV вв. уцелели из цикла переписки двух братьев — Еспфа и Фомы [82]. Три берестяных текста откололись от семейного архива вотчинника Бориса и его жены Настасьи [83].

[79] № 260, 266, 275, 276 (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 86—87, 93—94, 101). В. Л. Янин указывает, что грамота № 266 — продолжение № 275 («Я послал тебе бересту...», стр. 146).

[80] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 146—152, № 244, 251, 252, 254, 256, 258, 261—264, 280 (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 66—67, 77—80, 81—84, 88—91, 107).

[81] № 278, 286 (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ. 1956—1957, стр. 104—105, 112—114).

[82] № 14, 122, 129 (*А. В. Арциховский*. НГБ. 1952, стр. 14—15; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ. 1953—1954, стр. 54—56, 64—66).

[83] № 15, 43, 49 (*А. В. Арциховский*. НГБ. 1952, стр. 15—16, 44—45, 50—52).

Архивы частных вотчинников XIII—XV вв.— это редкость. Их, как правило, поглотили архивы тех духовных феодальных корпораций, к которым документы светских землевладельцев переходили вместе с их вотчинами. Но восстановление (хотя бы по крупицам) утраченных частных вотчинных средневековых архивных фондов — задача научно важная, и она уже дала свои результаты в виде публикации в томе третьем АСЭИ земельных актов боярских и дворянских фамилий по ряду уездов. Новгородские берестяные грамоты Мишиничей-Онцифоровичей, Сидора, Есифа и Фомы, Бориса и Настасьи — ценное к тому дополнение.

Раскопки в Новгороде не обнаружили никаких следов государственного архива. Я думаю, этот негативный результат подтверждает высказанную мною мысль о том, что он был утрачен, может быть уничтожен, и те документы, которые относятся к большой новгородской политике (договоры с князьями), дошли до нас в противнях через тверской или московский княжеские архивы [84]. Берестяные грамоты, как правило, принадлежали частным лицам. «Будущий ученый, которому попадут в руки письма наших современников,— говорит А. В. Арциховский,— сделает много ошибок, если будет отождествлять авторов и адресатов с государственными деятелями, руководствуясь лишь совпадениями личных имен. Подавляющее большинство писем адресовано людям, которые в историю не вошли» [85].

Однако по своему содержанию берестяные грамоты не остаются лишь в кругу хозяйственных или семейно-бытовых интересов, часть их посвящена вопросам сбора дани, судопроизводства, военному делу и т. д. Среди них имеются не только частные акты, но и документы официального характера. И это, очевидно потому, что лица, деятельность которых берестяные тексты отражают, были не просто вотчинниками или купцами, а также людьми, занимавшими какое-то место в системе государственно-административного аппарата. Из среды Мишиничей-Онцифоровичей выходили и посадники, и послы в Москву, и военачальники. Григорий был данщиком в Карельской земле и, возможно, принимал участие в мирных переговорах со Швецией. Си-

[84] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 224—226.

[85] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 8.

дор, может быть, являлся уличанским старостой. Какими-то судебными полномочиями обладал Фома. Естественно, что с этими и рядом других лиц связана документация как частно-правового, так и публично-правового характера.

§ 4. Некоторые вопросы методики изучения берестяных грамот

О берестяных грамотах написано много работ, и раз задумана была еще одна, то, очевидно, ее автор должен был отдать себе отчет, какие задачи он ставит и какой методикой пользуется с тем, чтобы получить в результате своего исследования что-то новое.

Задача настоящей монографии определилась как труд по историческому источниковедению. Хотелось выяснить место и значение берестяных грамот в ряду источников по отечественной истории периода феодализма (XI—XV вв.). Для этого казалось необходимым провести работу в двух направлениях. Во-первых, надо было подвергнуть источниковедческому изучению все берестяные грамоты (и целые, и сохранившиеся в отрывках, за исключением тех, текст которых настолько дефектен, что в нем не осталось материала для исторических наблюдений). Целью подобного источниковедческого анализа являлось всесторонне раскрыть содержание каждого документа на бересте в отдельности. Второе, что представлялось весьма важным,— это выявить, какой материал дают как единичные берестяные грамоты, так и их группы для освещения определенных проблем феодального развития.

Для осуществления первой задачи пришлось, используя опыт и выводы предшественников, провести ряд исследовательских процессов, обычных в любой источниковедческой работе: разбивку текстов (в целях прочтения и правильного понимания) на слова, расстановку знаков препинания (от чего зависит смысл), терминологический анализ, заполнение разрывов в целях реконструкции утраченных частей источника. Естественно, что все время приходилось сопоставлять отдельные берестяные грамоты как друг с другом, так и с документами, написанными на пергамене или бумаге. Повторяю, все это приемы, уже достаточно прочно вошедшие в практику источниковедческой работы и достаточно себя оправдавшие. Новым в настоящей монографии является,

смею думать, широкое использование при изучении берестяных грамот современного им актового материала и правовых законодательных памятников: Русской Правды, Псковской и Новгородской судных грамот, договоров Новгорода с Готландом, Смоленска с Ригой и других.

В ряде случаев, мне думается, удалось извлечь из этих источников материал, проливающий новый свет на содержание текстов на бересте. Я исходил из предпосылки (и она оправдалась в процессе исследования), что в берестяных грамотах запечатлены в ряде случаев такие же юридические сделки с землей, движимым имуществом, крестьянами, как и в пергаменных и бумажных актах Новгородской и Северо-Восточной Руси. В берестяных документах (как и в актовом материале) можно найти сведения о феодальных институтах: иммунитете, патронате и т. д. Даже отдельные юридические формулы и выражения здесь и там совпадают.

Второй предпосылкой исследования (правильность которой также, думаю, подтвердилась) была мысль, что во многих берестяных грамотах описываются юридические казусы, споры, столкновения, тяжбы, предусмотренные законодательными нормами, зафиксированными в Русской Правде, Новгородской и Псковской судных грамотах. И опять-таки дело в ряде случаев доходит до текстуального совпадения изложения правовой нормы, с одной стороны, рассказа о ее применении на практике — с другой.

Отсюда вытекает и один из методических приемов, которым я старался руководствоваться. В целях терминологического анализа берестяных документов мне казалось важным подыскивать в других источниках не просто сходные слова (смысл которых ясен из контекста), но целые выражения и формулы, применяемые для характеристики похожей ситуации. А для этого и источник должен привлекаться сходный по характеру.

Каждый исследователь, занимающийся изучением берестяных грамот, конечно, стремится дать их перевод на современный язык, предельно точно отражающий средневековый русский оригинал. Но эту точность можно понимать по-разному. Иногда исследователи (особенно, когда ими являются лингвисты), соблюдая при переводах все нормы русского средневекового языка (и в этом их заслуга), в результате дают мало понятный текст, ибо

смысл той исторической, жизненной ситуации, которая обрисована в источнике, от них ускользает. Особенно это бросается в глаза, когда в документе много разрывов, и они при переводе остаются незаполненными. Поэтому очень важно раскрыть общий смысл источника путем привлечения параллельных материалов, отражающих аналогичные жизненные явления или излагающих закон, претворенный в жизнь документом, который изучается. Такая методика помогает и уточнению деталей перевода и заполнению разрывов в тексте. Дословный перевод для историка никогда не может быть самоцелью. Это лишь одно из вспомогательных средств уяснения исторического смысла источника.

Трудность понимания ряда берестяных грамот, проистекающая и из-за их лаконичности, и из-за того, что многие сохранились в отрывках, и в силу иных причин, иногда лишала уверенности в правильности предлагаемого толкования. В таких случаях мне казалось оправданным, наряду с толкованием, с моей точки зрения, наиболее вероятным, приводить как возможные и другие варианты.

Наконец, я не боялся и не избегал гипотез. С углублением и уточнением методики исторического исследования растет отрицательное отношение к гипотезам. Считается иногда, что они являются плодом подмены твердых знаний фантазией, ничего общего с наукой не имеющей. Думаю, что это не так. Творческая догадка (а это и есть гипотеза) останется непременным элементом научного исследования, какой бы прочный фундамент научных знаний ни был под него подведен, ибо мысль ученого всегда стремится за пределы того, что уже достигнуто. Без гипотез нет движения науки.

После того как была проведена работа по раскрытию исторического содержания каждой берестяной грамоты, встал вопрос о их разбивке на группы, освещающие те или иные исторические проблемы. Это была задача не легкая, ибо ряд документов на бересте содержит материал, важный для изучения отнюдь не одной только какой-либо проблемы. Поэтому при группировке берестяных текстов приходилось устанавливать основной (если так можно выразиться) крен, главную направленность каждого.

В качестве первой проблемы я выбрал вопрос о том, в какой мере в берестяных грамотах (преимущественно

ранних, XI—XIII вв.) нашли отражение постановления Русской Правды. Это казалось естественным, ибо сопоставление статей Русской Правды с текстами на бересте являлось для меня одним из основных методических приемов. Соответствующий очерк я назвал «Русская Правда в действии», ибо главной задачей для меня здесь было показать на материале берестяных грамот, как производился суд по Русской Правде. А поскольку последняя служит основным источником по истории Киевской Руси, в этом очерке приходилось касаться ряда важнейших вопросов раннего русского феодализма.

Следующие очерки посвящены главным образом развитому феодализму (XIII—XV вв.), и в них подняты также кардинальные проблемы общественного развития: 1) земля и земельные собственники; 2) крестьяне и холопы; 3) дань и феодальная рента; 4) ремесло, торговля, город; 5) суд и судопроизводство; 6) политическая история, церковь, быт. Для решения этих проблем берестяные грамоты дают свежий материал, часто проливающий новый свет на существенные стороны феодальных отношений. Здесь хочется отметить одну существенную особенность берестяных грамот. Они позволяют показать многие социальные явления в действиях живых лиц, если можно так выразиться — персонифицировать исторический процесс.

Несколько слов о характере изложения материала. Оно определялось профилем монографии как источниковедческого исследования — в современном понимании задач источниковедения, которые направлены к получению исторических выводов. Поэтому очерки носят проблемный характер и делятся на параграфы, в свою очередь посвященные разным аспектам отдельных проблем. Но в пределах параграфов каждому документу отведено особое место, причем приводится и его текст и дается развернутый к нему комментарий. В этом отношении я следовал системе изложения материала, принятой в моей книге «Русские феодальные архивы XIV—XV веков».

Очерк третий

РУССКАЯ ПРАВДА В ДЕЙСТВИИ

Русская Правда является важнейшим источником по истории социально-экономических отношений в древней Руси. Это сборник законодательных княжеских постановлений и норм обычного права, на основе которых вершился суд. Но сквозь юридические нормы можно разглядеть реальные явления общественной жизни, уловить взаимоотношения, складывавшиеся между различными классами и социальными группами в деревне, вотчине, городе в процессе разложения общинного строя и в условиях феодализации. Исследователями давно отмечено, что некоторые статьи Русской Правды порождены конкретными конфликтами, происходившими в обществе того времени. Так, ст. 29 Краткой редакции Правды устанавливает, что в случае кражи коня или вола либо ограбления клети, если к ответственности будет привлечено восемнадцать человек, то каждый из них должен уплатить три гривны и тридцать резан штрафа[1]. Ст. 40 говорит о взыскании с каждого из десяти человек, обвиненных в присвоении чужой овцы, козы или свиньи, десяти резан. Конечно, оба эти постановления были ответом на какие-то реальные случаи коллективных краж, в которых приняли участие один раз восемнадцать, другой — десять человек. В Пространной редакции Правды указанные

[1] Нумерация статей Русской Правды дается в соответствии с изданием: *М. Н. Тихомиров.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

нормы Краткой редакции утратили свой конкретный характер и даны в обобщенной форме: вместо цифр 18 и 10, называющих точное число лиц, судимых за нарушение прав чужой собственности, стоит наречие «много»[2].

Составители различных разделов и частей Русской Правды мыслят не отвлеченно, и давая ту или иную юридическую формулу, иногда сразу же указывают, как она применяется в жизни. Конкретизация доходит до того, что воспроизводится живая речь истца или ответчика. Поэтому в ряде случаев Русская Правда не только дает общие законодательные положения, а и отражает непосредственную действительность.

Но если из самого содержания Правды ясна реальная основа ее правовых норм, то вопрос о применении этих норм в повседневной судебной практике требует обращения к другим источникам. Для XI—XIII вв. таких источников в нашем распоряжении до сих пор почти не было, ибо актовый материал от этого времени сохранился в ничтожном количестве. Отмеченный пробел, как мне представляется, восполняют берестяные грамоты. Их содержание, иногда уверенно, иногда предположительно, можно связать с теми или иными статьями Русской Правды. Новгородские берестяные грамоты — не непосредственные акты судопроизводства. Это письма, в которых авторами и адресатами являются лица, пострадавшие и ищущие суда или привлеченные к суду, их родственники, а также лица, причастные к исполнению судебно-административных функций. Большинство писем носит частный характер. Люди, их писавшие, жалуются на несправедливости, советуются или дают советы о том, как защищать свои права, сводят с кем-либо счеты. Но некоторые из писем, по-видимому, могут быть квалифицированы как жалобы, донесения, решения, носящие официальный характер. Следует отметить также документацию, касающуюся кредитных сделок и связанных с ними конфликтов.

Сопоставление новгородских берестяных грамот с Русской Правдой и другими памятниками, к ней восходящими,— договором Новгорода с Готландом и немецкими городами конца XII в., договором Смоленска с Готландом и Ригой 1229 г.— наглядно демонстрирует эти памятники

[2] Русская Правда Пространной редакции, статьи 37 и 38.

в действии. Отдельные юридические нормы обретают плоть и кровь, и их применение на практике вырисовывается во всем конкретном своеобразии. Фигурирующие в Правде «мужи», «головники», «послухи» и т. д. получают в берестяных грамотах живой облик, выступают под собственными именами в своих индивидуальных, хотя во многом и повторяющихся, ситуациях. Если Русская Правда отражает древнерусское общество (во всяком случае наиболее его существенные стороны) в целом, причем в виде правовых формул, то берестяные грамоты иллюстрируют эти формулы яркими зарисовками отдельных судебных казусов. А в своей совокупности такие казусы представляют достаточно выразительное полотно общественной жизни, заполненное конфликтами, которые порождал процесс распада старых общинных отношений и рождения феодального общества, построенного на классовом антагонизме.

Нашей дальнейшей задачей и является анализ некоторых берестяных грамот под углом зрения отражения в них норм Русской Правды и близких к ней памятников права. Если Правда, как говорилось выше, претворила в общие юридические положения ряд конкретных судебных решений, то теперь у нас имеется возможность ознакомиться с модификацией этих обобщенных формул в практике древнерусского суда. А деятельность суда вводит нас в самую гущу народной жизни, где углублялось социальное неравенство, усиливалось закабаление трудовых масс, что обостряло борьбу между людьми, обладавшими имуществом и властью, и теми, кто всего этого был лишен.

§ 1. Суд по уголовным делам. «Виры» и «продажи»

Задачей Русской Правды являлось определение характера преступлений и видов наказаний, среди которых прежде всего упоминаются «виры» и «продажи» — штрафы за убийство и другие преступления. Совершенно естественной поэтому будет попытка поискать указания на «виры» и «продажи» и в берестяных грамотах.

В этом отношении обращает на себя внимание грамота № 115 (XII в.) [3]. У нее оторваны кусок внизу и

[3] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 48.

правая часть; поэтому разделить на слова и прочесть ее трудно. Восстанавливается следующий текст: «От Прокошь къ Ньстьроу. Шьсть гр[ивен] плати, а вире не плати, а дом и т...[4] зь на плотъ, ажи роць...[5] льп...»

А. В. Арциховский предлагает такой перевод части текста: «От Прокши к Нестеру. Шесть гривен плати, а виры не плати...» Перевести дальнейшее он отказался, так как «слова слишком отрывочны». Но и начало грамоты остается не вполне ясным. Арциховский пишет, что Нестер, по-видимому, кого-то убил. Но если так, то почему же он освобождается от платежа «виры»? Очевидно, для уяснения смысла данного документа надо обратиться к действующим в то время правовым нормам, именно — к Русской Правде. Думаю, что казус, отраженный в грамоте № 115, может быть прояснен на основе статей 4 и 5 Пространной редакции Русской Правды, посвященных «дикой вире». Если член верви, участвующий в круговой поруке, совершил неумышленное убийство («в сваде или в пиру явлено»), он не платит «виры» сам, а делает это с помощью других общинников, внося лишь по раскладке свою долю в общую сумму («а в 40 гривен ему заплатити ис дружины свою часть»). Может быть, именно это и имеет в виду Прокоша, когда пишет Нестеру: «шьсть гр[ивен] плати, а вире не плати» (т. е. не надо платить всей «виры», заплати лишь «ис дружины свою часть», в сумме 6 гривен).

Если предложенный мною комментарий к началу грамоты № 115 гипотетичен, то дать хоть сколько-нибудь убедительное толкование ее конца совсем трудно. Здесь можно лишь выделить (и то очень условно и не бесспорно) отдельные слова: «дом», «плот» (одно из значений — ограда, плетень) [6]. Обратившись опять к Русской Правде, мы увидим, что вслед за постановлением, регулирующим участие членов верви в уплате «виры» за неумышленное убийство, совершенное одним из общинников, идет статья, требующая выдачи на «поток и разграбление» убийцу умышленного — разбойника вместе с его семьей. Допустив, что по поднятым воп-

[4] А. В. Арциховский читает: «Домит...»
[5] А. В. Арциховский читает: «а Жпро...»
[6] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 970.

росам и по последовательности их постановки грамота № 115 соответствовала статьям 4 и 5 Русской Правды (конечно, это допущение вольное), можно думать, что Прокоша брал Нестера, его «дом» под защиту от «потока и разграбления». Если еще и незаконченное слово «роць...» прочесть как «роць[ник]» — «ротник» — человек, идущий на «роту» (приносящий присягу), или «ро[у]це» — «руке» — «поруке», то эти судебные термины можно привлечь в качестве лишнего аргумента в пользу предложенного комментария. Община берет на себя ответственность за убийство, совершенное одним из ее сочленов, следовательно, ручается, что степень вины его не такова, чтобы подвести ее под норму Русской Правды о «потоке и разграблении».

Разобранный текст необходимо сопоставить с грамотой № 118 (XII в.) [7], от которой сохранились пять кусков, складывающихся в три отрывка.

Первый отрывок: «...къ Нестьроу. Не е...ь не ходь ко Шедьре... Възяль... роти... зяи...»

Второй: «...рали еси въ... хотять в...»

Третий: «язъ... ль ...»

А. В. Арциховский указал, что почерк текста всех этих отрывков совпадает с почерком письма № 115. Обе грамоты (и № 115, и № 118) адресованы Нестеру. Очевидно, и автор писем — один — Прокоша. Поэтому начало грамоты № 118, по предположению А. В. Арциховского, можно восстановить так: «От Прокошь къ Нестьроу». Если в грамоте № 115 речь шла об уплате коллективом «виры» за убийство, совершенное Нестером, то, очевидно, под этим углом зрения следует рассмотреть и некоторые дошедшие до нас обрывки текста № 118. К Шедре ходить не следует, надо думать, потому, что он в круговой поруке общины, помогающей Нестеру в платеже штрафа, не участвует. Слово «рота» (№ 118) в сопоставлении с термином «роць[ник]» — «ротник» грамоты № 115 подтверждает выдвинутую выше версию о том, что члены общины приносили присягу, ручаясь за Нестера.

Итак, полагаю, что оба текста, написанные Прокошей, могут быть использованы (конечно, с оговорками

[7] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 51.

о гипотетичности их понимания) для характеристики одной из существенных функций древнерусской верви — обязанности отвечать за преступления, содеянные ее членами. Это древний правовой обычай, сведения о котором донесла до нас береста.

В шкале штрафов, налагаемых Русской Правдой на тех, кто нарушал законы феодального общества, вслед за «вирой» в нисходящей последовательности идет «полувирье» — 20 гривен. Эта сумма упоминается в грамоте № 421 (XIII в.), посланной Братятой Нежилу[8]: «От Братяте къ Нежилоу. Поиди, соуноу, домовь, свободне еси. Паки ли не идеши, а послоу н[а] тя ябътьникъ. Я заплатиль 20 гр[и]в[е]нъ, а ты св[о]бонь».

Автор письма сообщает адресату, что заплатил за него 20 гривен и предлагает ему ехать домой, ибо теперь он свободен. В. Л. Янин считает, что Нежил совершил какое-то преступление и скрылся: штраф, который с него следовал, пришлось внести его отцу[9]. Согласно Русской Правде штраф в 20 гривен («полувирье») взыскивался за отсечение у кого-либо руки или ноги, за ослепление человека, за убийство своей жены[10].

Не совсем понятно, почему отец собирается вызвать сына через ябедника, т. е. судебного пристава (если он не явится добровольно): ведь штраф уплачен, Нежил «свободен» от дальнейшей ответственности перед судом и его будущие взаимоотношения с отцом как будто бы являются чисто семейным делом, и вдруг ябедник?

Очевидно, взнос Братятой «полувирья» за Нежила был актом не добровольным, а принудительным. Ввиду того что преступника не оказалось на месте, отвечать за него должен был ближайший родственник. Когда существовала кровная месть, то брат мстил за брата, отец за сына, сын за отца и т. д.[11] С тех пор как месть была заменена денежным выкупом, родственники стали нести ответственность за уплату преступником «вир» и «продаж». Поскольку Нежил убежал, суд взыскал штраф за него с его отца. Но затем последнему стало известно местопребывание сына, и он решил потребо-

[8] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 209—211).
[9] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 181.
[10] Русская Правда Пространной редакции, статьи 21 и 83.
[11] Русская Правда Пространной редакции, ст. 1.

вать с него возмещения понесенных убытков (добровольно или через судебные органы).

Если в грамотах № 115 и 118 перед судом выступает вервь, то в письме Братяты в той же роли фигурирует семья. Двумя картинками древнерусской жизни как бы иллюстрируется процесс социального развития: усиление роли семьи как важной ячейки общества в связи с переходом от патриархальной общины к соседской, зарождением новых, очевидно, феодальных, отношений.

Если Братяте пришлось внести в казну «полувирье» за сына, то, судя по грамоте № 395, в другой семье сыновнее преступление предстояло покрывать матери. Грамота эта (XIII в.) [12] написана очень разборчиво, однако текст ее весьма загадочен. А. В. Арциховский транскрибирует его так: «Поклоно от Григори ко матери. Удан 30 гриво (т. е. „гривно“) и та у Мули и сиа с табе сюда». Слово «Мули» исследователь считает именем собственным; выражение «сна с табе сюда» переводит: «это с тебя сюда». В целом перевод остается неясным.

Может быть, лучше дать иную разбивку слов в конце; вместо «и сиа с табе сюда» транскрибировать: «и сиа ста бес юда», т. е. сия (эта) осталась без какой-то части тела (была изувечена). Тогда и смысл грамоты прояснится. Автор письма обращается к матери и велит заплатить 30 гривен за увечье какой-то женщины. Выше приводилась статья Русской Правды, согласно которой изувечение каралось «полувирьем». Но, кроме двадцатигривенного штрафа, виновный должен был дать 10 гривен потерпевшему. Всего получается 30 гривен, т. е. как раз та сумма, которая названа в грамоте № 395.

Среди преступлений, караемых «продажами», Русская Правда называет нанесение побоев. Описание конкретного случая избиения женщины находим в берестяной грамоте № 156 (XII в.) [13], где читаем: «Отъ Завида къ Мъи къ жене и къ детьмъ. А женоу ти били, не измоучили, чего же». Между строчками вписаны слова: «Къ Лоуке иди».

Хотя текст читается очень легко, смысл его постигнуть трудно. А. В. Арциховский пришел в этом отноше-

[12] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 97—98.

[13] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 36—38.

нии к совершенно безнадежному выводу: «...Словосочетание получается нелепое; его объяснить можно лишь раздраженным состоянием автора». Действительно, если принять перевод грамоты, предлагаемый А. В. Арциховским, то ее содержание покажется по меньшей мере странным: «От Завида к Мон... к жене и к детям. Жену твою били, жаль, что совсем не замучили. Иди к Луке».

Я думаю, что предпосылкой для правильного понимания текста должно послужить установление различия между терминами «бити» и «мучити» — «измучити». Первое слово применяется для обозначения незаконного и караемого судом избиения, второе — употребляется, когда речь идет о пытке или применении ордалий по суду.

В церковном Уставе князя Владимира Святославича предусматривается случай, когда дети «отца и матерь б ь ю т ь» [14]. В Уставе князя Ярослава Владимировича говорится: «Аже сын б ь е т ь отца или матерь, да казнити его волостельскою казнию, а епископу в вине». В том же памятнике, находим статью: «Аже мужь бьеть чюжю жену, за сором ей по закону, а епископу 6 гривен» [15]. Русская Правда избиения женщины специально не касается, но, как уже отмечалось выше, о случаях убийства «жены» говорит [16].

О «м у к е» как мере воздействия, используемой при судебном разбирательстве, речь идет в статьях 71 и 72 Пространной Правды, запрещающих «м у ч и т ь» смерда и огнищанина «без княжа слова», и в статьях 81 и 82 того же памятника, трактующих о применении раскаленного железа для выяснения виновности заподозренных лиц.

На основе проведенного терминологического анализа можно попытаться разобраться в смысле грамоты № 156. Адресат, имя которого, видимо, не дописано («Мън...»), обратился к Завиду (очевидно, лицу, исполнявшему какие-то административно-судебные функции) с жалобой на то, что его жена подверглась избиению. Речь здесь шла, конечно, о побоях, нанесенных ей не своими домашними, а кем-то посторонним (ибо прошение к Завиду последовало от всей семьи пострадав-

[14] ПРП, вып. I, стр. 238, ст. 7.
[15] Там же, стр. 261, статьи 29—30.
[16] Русская Правда Пространной редакции, ст. 83.

шей). Завид, надо думать, ответил совсем не то, что приписал ему А. В. Арциховский (жаль, что избитую вовсе не загнали в могилу). Автор письма, напротив, отнесся к жалобщику лояльно и указал ему, что судебно-административный аппарат здесь не при чем, что жену его не подвергали никаким пыткам, испытанию железом и прочим «мукам». Муж избитой должен поднять дело в суде против конкретного виновника преступления, и Завид посоветовал ему, куда следует обратиться: «Иди к Луке».

Очень интересно, что письмо Завида адресовано, кроме лица, имя которого начинается буквами «Мън», его жене и детям. Это указывает как на коллективную ответственность семьи за преступления, так и на коллективное выступление семьи в защиту своих интересов. По Русской Правде разбойник выдается на «поток и разграбление» с женой и детьми [17]. Но в том же памятнике зафиксирована норма: «чада смирять» того, кто изувечит их отца [18].

Трудно сказать, к какой общественной среде принадлежали избитая женщина, ее муж и дети. Статья Русской Правды о «муке» касалась и огнищан, и смердов. Непосредственное обращение мужа пострадавшей к представителю власти (если Завид был таковым), подсказавшему ему легальные пути дальнейших действий против обидчика, говорит скорее за принадлежность его к социальным верхам, чем к низам.

Трудно уловить смысл грамоты № 164 (XI—XII вв.) [19], так как она обрезана и справа и слева. Читается следующий текст: «...[От] ...жимира грам... невыхъ ко... ти коуневъ». А. В. Арциховский указывает, что имя автора кончалось на «жимир» (возможно, Держимир или Межимир). За именем следовало слово «грамота». Значит Держимир (или Межимир) адресует кому-то грамоту. Речь в ней идет о «кунах». Может быть, в слове, кончающемся на «невых», обрезаны начальные буквы «ко». Если так, то в письме говорилось о «коневых» кунах. Прилагательное «коневой» вполне возмож-

[17] Русская Правда Пространной редакции, ст. 5.
[18] Русская Правда Краткой редакции, ст. 5.
[19] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 50—51.

но. В Русской Правде упоминается «коневой тать»[20]. Автор грамоты, возможно, ставил вопрос об уплате денег за похищенного коня.

Я вполне понимаю, что изложенная интерпретация ряда берестяных грамот не всегда достаточно убедительна. Может быть, будут предложены другие, более доказательные, толкования. Но я все же полагаю, что Русская Правда проливает свет на содержание многих берестяных грамот. Известно, что Правда — памятник сложный, сохранивший в своем составе разновременные напластования. В рассмотренных выше случаях практического применения норм этого памятника нет таких, которые позволили бы охарактеризовать развитое феодальное общество. Скорее, разобранные тексты рисуют общественные отношения на заре феодализации. Мало данных, позволяющих говорить о среде, из которой вышли грамоты, бывшие предметом анализа. Но, конечно, памятники письменности могли появиться прежде всего в городской среде, к которой принадлежали и горожане в собственном смысле слова — ремесленники, купцы и представители военной знати, рождающегося феодального класса, еще не осевшие на землю. И в городе в период не развитого еще феодализма могли действовать законы о «дикой вире» и другие древние правовые нормы.

§ 2. Судебный процесс (послушество, ордалии, метание жребия, гонение по следу)

Ряд берестяных грамот рисует систему судопроизводства, виды судебных доказательств, общие черты судебного процесса. Здесь, как и при освещении других вопросов, дефектный характер многих текстов на бересте мешает их пониманию. Так, например, от грамоты № 237 (XII в).[21] дошла только верхняя строчка: «От Бъриса къ Станиль и къ Жирошь. Есмъ не вълоца въ влю...»

А. В. Арциховский для интерпретации выражения «не вълоца» приводит две статьи Новгородской судной грамоты. В одной из них сказано: «А орудье судить по-

[20] Русская Правда Пространной редакции, ст. 30.
[21] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 59.

саднику, и тысецкому, и владычню посадничю, и их судьям, и иным судьям месяць; а дале того им орудья не волочити» (т. е. посадник, тысяцкий, наместник архиепископа и всякие другие судьи должны заканчивать разбор судебных дел в течение месяца и сверх этого срока судопроизводства не затягивать). По другой статье срок рассмотрения земельных дел увеличивался до двух месяцев: «А земное орудье судити два месяця, а болши дву месяць не волочити» [22]. А. В. Арциховский правильно считает, что то значение, которое имеет термин «волочити» в Новгородской судной грамоте, вполне применимо и к слову «вълоца» в берестяном письме № 237, и так переводит последнее: «От Бориса к Станиле и к Жироху. Я без задержки...»

Я думаю, что перевод можно продолжить, попытавшись расшифровать оборванное выражение «въ влю...» или «въвлю...» Выражение это близко к глаголу «возлюбить» — «влюбить» — «улюбить», встречающемуся в договорах Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 и 1230—1270 гг. В первом документе читаем: «...аже возлюбить (влюбить) немчичь на обчии суд, то его воля» [23] (если захочет немец идти на совместный суд, то поступать по его желанию). Другая статья договора 1229 г., повторяющаяся (в несколько измененном виде) и в тексте 1230—1270 гг., гласит: «Русину же не лзе имати немчича на железо, такоже и немчичю русина. Аже возлюбить (улюбить) сам своею волею, то [ти] его воля» [24] (т. е. во время споров между немцами и русскими нельзя насильно привлекать обвиняемых к испытанию железом; но если обвиняемый сам захочет решить дело таким испытанием, то поступить по его желанию).

Если понимать имеющиеся в берестяной грамоте № 237 слова или слово «въ влю...» или «въвлю...» как оборванный глагол «въвлюбити» или производное от этого глагола существительное с предлогом «въ», то смысл его можно видеть в выражении кем-то из тяжущихся желания воспользоваться какой-то процедурой вершения судебного дела. Конечно, это отнюдь не обя-

[22] ПРП, вып. II, стр. 213, 215, статьи 9 и 28.
[23] Там же, стр. 65, ст. 21; стр. 93, ст. 21.
[24] Там же, стр. 61, ст. 9; стр. 73, ст. 10.

зательно заявление о передаче дела в сместный суд или о согласии на испытание железом. Речь идет вообще о порядке судопроизводства. Если Борис — судья, а Станило и Жирох — тяжущиеся, то смысл письма таков: его автор передает адресатам обещание не затягивать разбор их тяжбы в соответствии с тем порядком рассмотрения, который они предложили.

О процессуальных нормах имеется материал и в грамоте № 379 (XII в.) [25], разорванной на одиннадцать кусков, на восьми из которых имеются отдельные буквы и части слов. Из бесспорно выделяемых целых слов можно назвать три: «вы правили» и «поклааняние». В сочетании букв «оудъ о», может быть, следует видеть фрагмент выражения «[с]оудъ о». Текст «волине», думаю, допустимо разбить на два слова: «воли не» (или «воли не[т]»).

Речь, вероятно, идет о какой-то тяжбе. «Правити» значит «судиться» или «взыскивать». В договоре Смоленска с Готландом и Ригою 1229 г. говорится: «Та же правда буди Руси и Ризе, [и] на Готьскомь березе, ать правятся сами по своему суду» [26]. В договоре Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг. читаем: «...Оже не правять то, князю явя и людем, взяти свое у гости, оже тяжа родится в Новегороде» [27]. С выражением «вы правили» в грамоте № 379 вполне гармонируют по содержанию и слова «[с]оудъ о».

В ряде правовых памятников декретируется «воля» истца или ответчика, т. е. законом установленное право поступать (в намеченных судом пределах) по своему усмотрению. Например, в договоре Смоленска с Ригою и Готландом 1229 г. находим статью: «Которыи русин или латиньскыи иметь татя, над темь емv своя воля, камо его хочеть, тамо дежеть» [28]. Псковская судная грамота предлагает судить иски о торговой ссуде и обязательствах по поручительству «на того волю, на ком сочат (т. е. по выбору ответчика); хочет на поле лезеть, или у креста положит» (или пусть идет на судебный поединок, или же примет присягу и вернет то, о чем идет спор).

[25] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 78—80.
[26] ПРП, вып. II, стр. 61—62, ст. 10.
[27] Там же, стр. 126, ст. 11.
[28] Там же, стр. 68, ст. 33/23.

Выражение «в о л и не[т]» в грамоте № 379, очевидно, означает, что дело ведется не по волеизъявлению истца или ответчика, а по назначению суда.

Сведения о конкретных формах судебных доказательств можно получить из грамоты № 222 (XII в.)[29] В последней имеется ряд разрывов, из-за которых текст восстанавливается не полностью: «От Матья кь Гюргю. Топырьво[30] семо пришльт на д...[31] оусрячю тянь... и. Ожь ли право запираютьса, я даю княжю дьньскамоу гривноу сьрьвра, едоу с нимо, ожь[32] мя тать[мь][33] поставили. Ожь тп нь бьжяли колобягь, оу тьбь жрьбье, скоть по людьмо. Ну туто бутощи, нь[34] вькшь одопое».

А. В. Арциховский предлагает следующий перевод: «От Матвея к Юрию. Во-первых, сюда пришлет... встречу тебя... если правильно запираются. А я даю княжьему денскому гривну серебра, еду с ним. Если меня вор... поставили. Если не бежали колбяги, у тебя жребий, скот по людям... ни одной векши». Смысл текста из этого перевода уловить нельзя, поэтому я попытаюсь предложить свое понимание грамоты.

Речь, по-видимому, идет о тяжбе между новгородцами и колбягами. Кто такие колбяги, сказать абсолютно точно нельзя. Во всяком случае, это население (вероятно, немногочисленное) севера Новгородской земли. В Обонежской пятине, на реке Воложе или Воложбе, долго сохранялся погост в Колбегах[35]. В Русской Правде колбяг упоминается рядом с варягом[36]. Возможно, это обрусевшие впоследствии скандинавы или финны[37].

На характер грамоты № 222, касающейся дела между новгородцами и колбягами (вероятно, купцами или вои-

[29] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 44—45.

[30] В. А. Арциховский читает: «То пьрьво...», т. е. во-первых, вместо «топырьво» — теперь.

[31] А. В. Арциховский читает: «над».

[32] А. В. Арциховский словом «ожь» начинает новую фразу.

[33] Реконструкция в квадратных скобках предположительная.

[34] А. В. Арциховский читает «бутощинь» и указывает, что это слово ему непонятно. Правильнее различать два слова: «бутощи» — будучи и «нь» — не.

[35] *А. Н. Насонов*. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 122.

[36] Русская Правда Краткой редакции, статьи 9, 10; Пространной редакции, ст. 25.

[37] «Правда Русская». II. Комментарии. М.— Л., 1947, стр. 86.

нами), в значительной мере проливает свет договор Новгорода с Готландом 1189—1199 гг. В нем говорится, что если между русским и немцем «тяжа родится бес крови» (т. е. произойдет тяжба по делу, не связанному с избиением до крови), то пусть свидетели, выставленные обеими сторонами, бросят жребий, кому из них решать спор присягой. Следующая статья договора касается денежных исков между русскими и немцами и указывает, что если ответчик откажется удовлетворить претензии истца, то спор решается присягой последнего перед двенадцатью свидетелями. Наконец, в договоре сказано, что тяжба между новгородцем и немцем не должна препятствовать выезду последнего из Новгородской земли за границу; дело может быть перенесено и на следующий год[38].

Процессуальные нормы, зафиксированные в разбираемом договоре и восходящие еще к Русской Правде, действовали, конечно, не только в случаях, касающихся конфликтов между новгородцами и немцами. Они легли в основу разбора той тяжбы новгородцев с колбягами, которой посвящена берестяная грамота № 222.

Матвей, вероятно,— лицо, у которого возник какой-то спор с колбягами. Гюрги (Юрий) — один из послухов. В момент написания письма Матвей находится в одном месте, Юрий и колбяги — в другом. Матвей ожидает, что туда, где он пребывает и где будет разбираться дело, пришлют колбягов, с которыми у него тяжба, и он встретится[39] с ними на суде. Если же будут «запираться» (это выражение находит аналогию в словах договора Новгорода с Готландом: «а ся его заприть»), то Матвей отдаст гривну серебра (очевидно, об этой сумме шел спор) княжескому данщику, чтобы его не посчитали вором, но в дальнейшем вместе с данщиком будет добиваться решения дела в свою пользу. «Деньский» — это, конечно, не предтеча петровского денщика (как думает А. В. Арциховский), а сборщик дани («даньский»), который мог выполнять и судебные функции.

Обращаясь к Юрию как человеку, которого он назовет «послухом» (свидетелем) и за которым поедет вместе с данщиком, Матвей просит адресата метать жребий со сви-

[38] ПРП, вып. II, стр. 126.

[39] Слово «оусрячю» (встречу) находит параллель в ст. 109 Русской Правды: «Аже кто не ведая, чюжь холоп оусрячеть».

детелями колбягов. Если жребий выпадет на долю Юрия, то пусть тот докажет перед «людьми» (послухами) его, Матвея, правоту. Тогда последний вернет свое «серебро». Конечная часть грамоты № 222 почти дословно совпадает с некоторыми местами договора Новгорода с Готландом, в котором имеются, например, такие выражения: «...то вергуть жеребьее; кому ся выимьть, роте шед, свою правду възмуть...; оже емати скот..., а ся его заприть...».

В письме Матвей оговаривается, что вся изложенная им процедура состоится лишь в том случае, если колбяги не сбегут (ведь и по договору Новгорода с Готландом возникновение судебного дела не могло служить препятствием к отъезду немцев). Если же колбяги не окажутся на месте, то всякие денежные взыскания в их пользу надо будет прекратить. «Нь векше одоное»,— по-видимому, фигуральное выражение, означающее: «ни одной (пусть самой мелкой) монеты».

Итак, мы имеем возможность наблюдать, как преломлялись на практике те формы судопроизводства, о которых говорят Русская Правда и следующие за ней памятники права: обращение к послушеству, метание жребия. Грамота № 238 (XI—XII вв.)[40] рисует один из видов ордалий — испытание водой. Сохранившийся конец названного источника читается (с некоторыми гипотетическими конъектурами) так: «...Несъдицевп польняте реза-[не]... не еси въдале дъве коуне, нь то же за [мною с]отворишя, [за] мъною осмь коунъ и гривьна. Поиди же въ горо[д]... [мо]гоу ся съ тобою яти на водоу».

Поскольку нет начала документа, а в дошедшей его части много разрывов, невозможно дать сплошной его перевод. Но вдуматься в общий смысл необходимо. Здесь говорится о каких-то долговых обязательствах и расчетах. Автор грамоты упрекает адресата, что тот, платя Несдичу и еще кому-то деньги, затем взыскивает эти деньги с него. В результате адресат насчитывает на авторе письма одну гривну две куны долга. Должник предлагает кредитору отправиться в город (очевидно, в суд), где и решить свой спор, прибегнув к испытанию водой.

А. В. Арциховский считает, что в словах «ся съ тобою яти на водоу» нет оснований предполагать указание на

[40] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 60.

один из видов ордалий, речь идет якобы о речном путешествии. Я не согласен с А. В. Арциховским и думаю, что в берестяном документе говорится о применении на практике ст. 17 Пространной редакции Русской Правды, устанавливающей, в каких случаях к каким ордалиям следует прибегать. Испытание железом применяется при обвинении в убийстве (когда нет послухов) и при разборе исков на сумму до полугривны золота (в случае отсутствия поличного). Испытание водой присуждается тогда, когда иск не превышает двух гривен серебра.

Иск к автору грамоты № 238 выражается в сумме — одна гривна восемь кун, поэтому он и предлагает адресату идти «на водоу».

Каково происхождение иска, о котором идет речь в грамоте № 238, сказать трудно. Но ясно, что адресат выступает против автора письма, защищая интересы не только свои собственные, но и третьих лиц. Может быть, в основе данного дела лежат какие-то совместные торговые операции группы купцов.

Одной из форм опознания и уличения преступника, известной древнерусскому праву, было «гонение по его следу». Форма эта предусматривала использование судом в своих интересах общины-верви, которая была должна «отвести» подозрительный след, ведший к ее территории, доказав, что он здесь не кончается, следовательно не принадлежит человеку, живущему или скрывающемуся в верви. Если общине не удавалось это сделать, то она отвечала вместе с тем, кто оставил свой след. Обязанность коллективной ответственности сближает институты «дикой виры» и «гонения по следу». Последний институт как будто нашел отражение в некоторых новгородских берестяных грамотах. Рассмотрим две из них (№ 394 и 374).

В отрывке грамоты № 394 (XIII в.) [41] сохранились отдельные слова и их части: «...цале и на ...и поп ть проси и бе сорома ид... доеди до сьла...»

Текст из-за отрывочности очень неясный. Термин «сором» («срам») означает стыд, нанесение оскорбления. В Уставе князя Ярослава Владимировича говорится о штрафе за причинение «срама» женщине (оскорбле-

[41] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 96—97.

ние женской чести) [42]. В Русской Правде имеется статья о наказании холопа, ударившего «свободного мужа» и этим учинившего ему «сором» [43]. По договору Смоленска с Готландом и Ригою 1229 г. устанавливалось наказание за «сором», произведенный незаконным наложением на человека оков [44].

В какой мере все эти значения термина «сором» («срам») применимы к тексту грамоты № 394, сказать трудно. Речь идет о том, что кто-то обращается к попам и рассчитывает доехать до села «без сорома». Может быть, на помощь придет ст. 70 Пространной редакции Русской Правды, в которой трактуется вопрос о гоньбе по следу вора. След может привести к селу, где скрылся виновный или где живут люди, последнего покрывающие. Может случиться, что след вора утеряется на большой дороге. Наконец, предусматривается и случай, когда опознанные виновники кражи или подозреваемые в укрывательстве лица «отобьются».

Я допускаю, что в грамоте № 394 имеются в виду люди, которые отправляются в погоню за вором по его следу вместе с попами в качестве послухов. Привлечения послухов требовала Русская Правда: «а след гнати с чюжими людми, а с послухи». Автор письма, обращаясь к этим людям, желает им дойти до села, куда ведет след, не встретив по дороге сопротивления, в результате которого им был бы нанесен «сором».

С разобранным письмом интересно сопоставить грамоту № 374, относящуюся к сравнительно позднему времени (XV в.) [45]. Это отрывок, в котором говорится: «...шестора луди ехали с Валена. Лудине иде. Мои кони оу тебе, а твои конь оу мене. Не буде моихь конвъ оу тебе, и ты даи ми рубелъ...»

Я думаю, что речь опять идет о гонении по следу за вором (конокрадом). М. Н. Тихомиров приводит пример подобной процедуры, заимствованный из материалов копных (общинных) судов XVI в. в Белоруссии [46].

[42] ПРП, вып. I, стр. 259—261, 265, 266, 269, 270.
[43] Русская Правда Пространной редакции, ст. 58.
[44] ПРП, вып. II, стр. 62.
[45] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 72—74.
[46] *М. Н. Тихомиров.* Пособие для изучения Русской Правды, стр. 103.

В 1575 г. в Слонимском уезде был украден конь. Собравшиеся для погони, «взявши есмо след от петы, то есть от того местца, где оный конь взят, шли есмо следом горачим и привели след до села пана Абрама Мелешка до Киселев; люди деи с того села вышедши до оного следу, тот след приведеный от села своего отвели».

Как можно судить по берестяной грамоте № 374, в Новгородской земле, в деревне Валене или Валине луге [47], в XV в. имело место нечто подобное тому, что произошло в Слонимском уезде в XVI в. Очевидно, у автора письма № 374 были похищены лошади. След вора привел к деревне Валину лугу. Местные жители должны были отвести от себя подозрение в воровстве, и семь человек двинулись по следу (шестеро верхом, один пешком). Подозрение пало на адресата письма. Пострадавший отобрал у последнего в залог принадлежавшую тому лошадь и согласился, если подозреваемый станет отрицать, что он занимался кражей, но не сможет назвать подлинного вора, получить с него рубль в возмещение за свою пропажу.

Особую группу судебных дел составляли дела, возникавшие по «поклепу», т. е. по обвинению, не подкрепленному доказательствами. «Поклеп» не раз служил орудием классовой и внутриклассовой борьбы, средством, при помощи которого расправлялись друг с другом политические противники. Грамота (дефектная) № 247 (XI в.) [48] дает материал для суждения о том, как производился суд по «поклепу». Можно прочесть следующее: «...сегмми резанами. А замъке келеа, двьри келеа. А господарь въ нетяже, недее. А продаи клеветьника того. А оу сего смьръда възъ епоу... смьрьди побити клеветьника...»

Перевод А. В. Арциховского смысла текста не раскрывает: «...резанами, замок келии, двери келии, ее хозяин бездельник. Продай клеветника того. А у этого смерда воз... смердам побить клеветника». В. Л. Янин, отмечая наличие в грамоте «бессвязных обломков фраз», отказывается от ее толкования [49].

[47] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею». Указатель к первым шести томам. Пг., 1915, стр. 111.

[48] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 69—71.

[49] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 173.

Ввиду того, что края рассматриваемого берестяного документа оборваны, воспроизвести его полный текст и дать точный перевод действительно невозможно. Но общий смысл его, по-моему, ясен. Было поднято «поклепное» дело. Термины «поклеп», «клепати» не раз встречаются в Русской Правде [50]. В памятниках публицистики неоднократно подчеркивается, что не следует верить «клеветникам». Так, в Изборнике 1076 г. имеются следующие изречения: «яко не достоить послушати клеветаря, сладко ти глаголюштя или слышати на ближьняго»; «...въвъздрьжи клевештуштаго в ушию твоея, да ие купно с нимь погыпеши» [51].

В грамоте № 247 речь идет о «поклопе» в отношении смердов, которые обвинялись, по-видимому, в попытке ограбить келью, находящуюся под замком. Материал об ограблении монашеских келий имеется в Киево-Печерском Патерике [52].

Со смердов взыскивается «продажа» резанами, а привлечь к уплате «продажи» надо «клеветника». «Господарь», от которого смерды, вероятно, зависимы, уклонился от тяжбы, не хочет действовать, выступать на суде [53]. Смердам остается побить «клеветника». Судебная тяжба грозит закончиться самосудом. В оборванном слове «възъ» после существительного «смьрда», может быть, следует видеть глагол «въздьржати» — удержать; т. е. возможно, в грамоте содержится опасение, что смерды расправятся с тем, кто начал против них «поклепное» дело, и выражается забота, чтобы эту расправу предотвратить.

В разобранном деле мы сталкиваемся с классовым делением феодального общества. Жертвой «поклепа» являются смерды, причем не смерды-данники, живущие на государственных землях, а крестьяне, зависимые от своего «господаря», т. е. феодала. Характерны и их столкно-

[50] Русская Правда Пространной редакции, статьи 15, 16, 17, 45, 60.

[51] *В. Шимановский.* К истории древнерусских говоров. Исследование с приложением полного текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1887, стр. 012, 016.

[52] «Патерик Киево-Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 88.

[53] В Русской Правде не раз встречается слово «тяжа» — тяжба (статьи 17, 59, 81, 99). Выражение «в нетяже», очевидно, указывает на уклонение от тяжбы.

вение с монахами, и их активные действия, направленные против «клеветника», возбудившего судебный процесс. Все это подтверждает, что за юридической оболочкой «поклепных» дел иногда скрывались острые схватки общественных сил и интересов.

С расширением и углублением функций судебных органов, сферы их деятельности развивался соответствующий аппарат. Для ведения следствия, доставки в суд сторон, приведения их к присяге, осуществления приговора судья использовал находившихся в его распоряжении «отроков», «мечников», «детских», «метельников».

Об «отроке» говорит грамота № 241 (XI—XII вв.) [54]. На ней читается лишь левая часть текста, на правой букв почти не видно: «От Кьснятина къ Жъдану... ло... Стьпаньцю к... р... а...тиши, а на отроке... въда...»

От этого текста надо обратиться к Русской Правде. В последней «отрок» упоминается в качестве помощника «вирника», «мостника», посадника, княжеского дружинника. Говорится или о натуральном снабжении «отрока» населением, или о судебных ему пошлинах, или о штрафе за убийство. Наконец, одна из статей Правды упоминает об обязанности «отрока» помогать холоповладельцу в поимке и доставке к нему домой его беглого холопа [55]. Неизвестно, в какой связи назван «отрок» в грамоте № 241. Выражение «... на отроке» позволяет думать, что речь идет не о том, что следует получить «отроку» или «за отрока», а о том, что надлежит взыскать с «отрока» (очевидно, за какое-то правонарушение).

Несколько рассмотренных в данном параграфе грамот, конечно, не могут дать целостного представления об эволюции судопроизводства. Перед нами прошли, скорее, конфликтные сценки, иллюстрирующие его отдельные стороны. Но и такой отрывочный, иллюстративный материал позволяет представить себе, как претворялись в жизнь законоположения Русской Правды. Выросшие из практики, эти законоположения затем снова реально внедрялись в практику, носили характер действенный, воздействующий на общественные отношения.

[54] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 63—64.

[55] Русская Правда Пространной редакции, статьи 7, 9, 16, 67, 91, 108.

§ 3. Процедура «свода» и «холопий вопрос»

Одним из характерных институтов древнерусского права была процедура «свода» — розыска пропавших (утерянных или похищенных) вещей и рабов. Акты покупки на торгу должны были сопровождаться определенными формальностями. Их несоблюдение покупателем влекло за собой ответственность последнего в том случае, если впоследствии оказывалось, что приобретено было имущество, продавцу не принадлежавшее. Покупатель, чтобы снять с себя обвинение в краже, должен был «свести» владельца пропавшего имущества с тем, кто ему его продал. Тогда тот или отвечал как «тать» или, в свою очередь, аналогичным путем отводил от себя подозрение в «татьбе». Подобный порядок одновременно говорил о достаточном развитии частной собственности и о разработке соответствующих правовых норм, ее охранявших, а с другой — свидетельствовал о слабости экономических связей, в силу чего поиски пропавшей вещи вращались в сравнительно узкой округе.

Новгородские берестяные грамоты рисуют конкретные формы розыска потерянных или украденных вещей и холопов, в частности характеризуют институт «свода». С большим трудом читается грамота № 8 (XII—XIII вв.) [56]. Многое в ней неясно. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров предлагают следующее чтение: «осьмнун..., скръи Гучьку, чья ...[е]сть корова, да молови ему ожалочьши [57] коровь, а едеши по корову, а вьзи [8] [58] гривьнь».

Исходя из этого чтения, Л. П. Жуковская дает такой перевод грамоты: «[Г]осьмпуну. Скрой Гучьку, чья корова (т. е. Гучьку, которому принадлежит корова), и скажи ему (не переведено: «ожалочьши коровь»). [Если] поедешь за коровой, вези три гривны». Сама Жуковская признает, что смысл грамоты ей не вполне понятен [59].

Иное чтение и другое понимание текста предлагает В. К. Чичагов. Он считает, что в грамоте написано не

[56] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 38—39.

[57] Д. С. Лихачев (Рецензия — СА, т. XIX, 1954, стр. 324) читает: «о жалочьши».

[58] По мнению М. К. Кислова, не «8», а «три».

[59] «Палеографический и лингвистический анализ нбг», стр. 194.

«да молови ему», а «дамо лови ему» и не «о жалочьши», а «оже лучьши коровьа». Смысл здесь, по мнению Чичагова, такой: «[я] дам ловы ему, что лучше коровья», т. е. речь идет об обмене «ловов» (мест ловли зверей или птиц; «ловищ») на корову [60].

Понимание грамоты В. К. Чичаговым представляется мне натянутым. Искусственны разбивка на слова и толкование текста. Чтение, предложенное А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым, в целом ближе к истине, но требуются некоторые коррективы в транскрипции и раскрытии смысла. Правда, внести полную ясность в грамоту, сильно поврежденную временем, невозможно, но надо поискать пути, которые приблизили бы к расшифровке ее содержания. Речь идет о корове, причем ясно, что вопрос стоит не о легальной покупке, а рассматривается какое-то спорное дело о том, «чья... [е]сть корова». Разобраться в существе конфликта помогает привлечение Русской Правды. По поводу первого слова в берестяной грамоте № 8 — «осьмнун» А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров высказывают предположение, не является ли оно искажением термина «осмьник» — «осменик» — должностное лицо или сборщик торговых пошлин. Обращаясь к Русской Правде, видим, что обвиняемый в покупке чего-либо краденого на торгу (коня, одежды, «скотины») должен указать того «мытника» (сборщика торговых пошлин), в присутствии которого была совершена покупка.

Думается, что грамота № 8 представляет собой конкретный случай применения приведенной выше статьи Русской Правды. Начало грамоты можно прочитать несколько иначе, чем предложили А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, а именно: «Осьмнуну, н[ь] [61] скрьи Гучьку, чья...[е]сть корова...»

Гучко, вероятно, приобрел краденую «скотину» (корову). Нашелся ее владелец, сумевший доказать свое законное право собственности, сославшись на «осменика» — «мытника», в присутствии которого сам в свое время купил корову у третьего лица. Гучко же не мог такой же ссылкой подтвердить свою покупку и поэтому,

[60] *В. К. Чичагов.* Филологические заметки (ВЯ, 1954, № 3, стр. 84—85).

[61] После буквы «н» в тексте какая-то буква, похожая на «ь».

по закону, должен был лишиться коровы. Русская Правда говорит по этому поводу: «...оному желети своих кун, зане не знаеть, оу кого купив», т. е. тот, кто не знает, у кого купил коня, одежду, «скотину» и прочее, относительно чего возбужден судебный иск, теряет затраченные деньги, а спорное имущество у него отбирается. Законный собственник коровы, которую приобрел Гучко, защищая свои права при посредничестве «мытника» — «осменика», просит последнего поехать к Гучку и разъяснить ему статью Русской Правды, «молвив» «о жалочьши коровьа». Последнее выражение вполне совпадает с формулами Русской Правды: «а оному желети своих кун», «а прока ему желети, что с нимь погибло» [62]. В то же время законный собственник коровы готов ее уступить Гучку за соответствующую сумму и поэтому просит «осменика» отвезти и предложить ему деньги.

Для характеристики процедуры «свода» интересный материал, по-моему, дает грамота № 65 (XIII в.) [63], хотя содержание ее можно толковать по-разному. Это начало письма, довольно легко читающееся: «Поклно от Матвия ко Есифу ко Давидову. Вывези ми 2 медведна да веретниша да попонь. А к...» На обороте грамоты тем же почерком написано: «Ажь водя, по 3 рубля продаи, али не водя — нь продаи».

«Медведно» — полсть из медвежьей шкуры. В духовной великокняжеского подвойского Ивана Грани середины XV в. читаем: «...Взяти ми в Володимере же на Мелехе на Раткове сыне медведно, цена ему восмь алтын» [64]. В Новгороде были (как видно из позднейших источников) скорняки-профессионалы, занимавшиеся обработкой медвежьих шкур [65]. Знаток истории торговли С. В. Бахрушин определяет попоны как узкие полсти, выделываемые из войлока [66]. «Веретище» — «вретище» — мешок.

Смысл грамоты № 65 проще всего видеть в том, что Матвей обращается к Есифу Давыдову с просьбой привезти ему из какого-то города (вернее всего — из Новгорода) перечисленные в письме вещи. Может быть, Матвей —

[62] Русская Правда Пространной редакции, статьи 32, 35.
[63] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 65—66.
[64] АСЭИ, т. III, стр. 473, № 494.
[65] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 59, 84, 89, 248.
[66] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I. М., 1952, стр. 171.

феодал, а Есиф — купец, может быть, они оба — купцы, сказать трудно.

Но тут же возникает вопрос о соотношении текста на лицевой стороне письма с текстом на обороте, где речь идет уже не о покупке, а о продаже: адресат должен что-то продать. Но что? Не медведпа же, веретища и попоны, которые заказал ему привезти Матвей.

Может быть, поручение Матвея надо понимать иначе? Говоря «вывези», не имеет ли он в виду, чтобы Есиф не привез ему, а, напротив, взял у него и повез продавать указанные товары? Но если так, то непонятно сочетание глагола «вывези» с местоимением «ми».

Вызывает много вопросов и слово «водя». А. В. Арциховский просто указывает, что он не нашел подходящего значения глагола «водить». В. М. Глухов предлагает перевести «водя» словом «торгуясь», и тогда, по его мнению, текст станет понятным: «торговавшись, по 3 рубля продай, а не торгуясь не продавай» [67]. Но Л. П. Жуковская по этому поводу справедливо недоумевает: почему автор письма заранее уверен, что придется торговаться, и не дает указания просто настаивать на определенной цене; ведь, может быть, удастся совершить торговую сделку и не торгуясь. Сама Жуковская приводит несколько возможных толкований термина «водя» — «хлопоча», «помогая передвигаться, поддерживая», но ни одно из них ее не удовлетворяет [68].

Если речь идет о продаже медвежьих шкур, то, может быть, будет полезно воспользоваться некоторыми данными, касающимися техники скорняжного дела? При обработке, например, беличьих шкурок они подбирались по «водам», т. е. по разным оттенкам цвета [69]. «Вода» и «водя» — созвучные термины. Не поручил ли автор письма адресату платить три рубля лишь за шкуру соответствующего качества? Но тут снова возникает недоуменный вопрос: продавать или покупать должен был Есиф медведна и все остальное?

Решаюсь предложить понимание письма Матвея к Есифу, связав его содержание со статьями Русской Правды о «своде» по искам о пропавших вещах. Матвей обна-

[67] *Д. С. Лихачев.* Рецензия (СА. т. XXVII. 1957, стр. 329).
[68] *Л. П. Жуковская.* НБГ. М., 1959, стр. 71.
[69] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 101.

ружил у кого-то принадлежавшие ему ранее вещи (медведна, веретица, попону), признал их своими, а теперешнего их владельца обвинил в краже или покупке краденого. Начался «свод», т. е. (как говорилось выше) особого рода расследование, при котором каждый человек, подозреваемый в воровстве, должен был указать — у кого он купил спорное имущество. «Свод» вышел за пределы города, где жил Матвей, и последний поручил дальнейшее ведение дела Есифу. Согласно ст. 31 Русской Правды Пространной редакции вне городской черты «свод» продолжался до третьего ответчика. Тот должен был возместить истцу стоимость пропавшего у него имущества, а сам с этим имуществом в руках идти по «своду» дальше, пока не будет найден настоящий похититель, который уже не сможет отвести от себя обвинения. На этого «конечного татя» и падет обязанность уплатить все убытки по иску и штраф в казну («продажу»).

Когда Матвей писал Есифу — «вывези» мне такие-то вещи, он подразумевал, очевидно, не их покупку, а возврат по окончании «свода». Когда он говорил «водя» или «не водя», он, надо полагать, имел в виду: признает ли себя виновным в краже тот, на кого будет указано в результате «третьего свода», или нет. Термин «в о д я», думается, правомерно сопоставить со словом «с в о д» и, в частности, с выражением Русской Правды: «с в е д и т е с я, кто будеть виноват, на того татба снидеть...» «П р о д а й», вероятно, означает не «соверши сделку продажи на рынке», а «привлеки к уголовной ответственности, заставь уплатить п р о д а ж у» третьего по счету ответчика, если он виноват; если же нет, пусть продолжает «свод». Кстати, бросается в глаза следующее совпадение: по Русской Правде «продажа» — три гривны, автор берестяной грамоты № 65 пишет: «по 3 рубля продаи». Цифры сходятся.

Наряду с материалом о «своде» по искам о похищенных вещах, в берестяных грамотах имеются сведения и о «своде» по делам о владении холопами. В обществе, которое рисуют документы на бересте, рабы представляли определенную ценность, и рабовладельцы вели за них борьбу. До нас дошли лишь отдельные иллюстрации этой борьбы, на основе которых трудно составить представление о ее силе, интенсивности, распространенности. Но иллюстрации эти столь жизненны, что невольно приковывают внимание и захватывают воображение.

В одной из древнейших берестяных грамот — № 109 (XI в.) [70] говорится: «Грамота отъ Жизномира къ Микоуле. Коупилъ еси робоу Плескове. А ныне мя въ томъ яла кънягыни. А ныне ся дроужина по мя пороучила. А ныне ка посъли къ томоу моужеви грамотоу, е ли оу него роба. А се ти хочоу, коне коупивъ и кънягжъ моужъ въсадивъ, та на съводы. А ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничъто же оу него».

Ряд исследователей (приоритет здесь принадлежит А. В. Арциховскому) связывает эту грамоту с постановлением Русской Правды о том, что владелец украденного и перепроданного раба, обнаружив его у другого владельца, имеет право возбудить о нем иск и требовать от нового господина (как и в случае находки пропавшей вещи) «свода», т. е. указания лица, продавшего ему раба. Тот поступал аналогичным образом. Но так дело велось (в противоположность процедуре розыска похищенных вещей) только до «третьего свода». Третий ответчик должен был отдать истцу своего раба, а сам продолжать розыск, используя украденного человека в качестве «лица» (поличного), и на основании его показаний устанавливать всех тех, кто его продавал и покупал, вплоть до «конечного татя», т. е. до обнаружения подлинного вора. Тогда происходил обмен рабами между третьим ответчиком и истцом, а «конечный тать» должен был уплатить «продажу» и возместить убытки истцу [71].

Смысл грамоты Жизномира Микуле (слуге) следующий. Автор письма сообщает адресату, что на купленную им в Пскове рабу предъявила права (как на беглую или похищенную) княгиня. Она задержала Жизномира и привлекла его к ответственности. За Жизномира поручилась дружина (такое поручение требовалось согласно нормам Русской Правды) [72]. Жизномир, обращаясь к Микуле, просит его узнать у продавца рабы, есть ли у него другая раба, которую он должен отдать княгине (опять-таки согласно нормам Русской Правды), вместо рабы проданной и оказавшейся беглой или краденой, на то время, пока при помощи этой последней будет производиться «свод»,

[70] *А. В. Арциховский* и *В. П. Борковский*. НГБ (1953—1954). стр. 38—41.

[71] Русская Правда Краткой редакции, ст. 15; Пространной редакции, ст. 33.

[72] Русская Правда Краткой редакции, ст. 13.

т. е. розыски ее похитителя у княгини. Вести расследование будет княжеский «муж» (дружинник), для которого Жизномир специально покупает коня. Жизномир предупреждает Микулу, чтобы он не соглашался на получение с продавца рабы заплаченных за рабу денег, ибо продавец, возможно, захочет, чувствуя свою ответственность, прекратить таким путем дело.

Большой интерес для изучения вопроса о «своде» по искам о холопах представляет грамота № 155 (XII в.) [73]: «От Полоцька къ... Пояле девъку оу Домаслава. На мне ти Домаславе възяле 12 гривне. А присли 12 гривне. Или не прислеши, а мне ти стати... [кня]зя и у владыке. А больши ти протеря гоши».

Все исследователи (А. В. Арциховский, Л. П. Жуковская [74], Б. Б. Кафенгауз [75], В. Л. Янин [76]) считают, что в этом письме речь идет о женитьбе адресата на «девке» — рабыне Домаслава. Домаслав взял за нее выкуп с автора письма. Тот хочет возместить этот убыток и просит адресата вернуть ему стоимость рабыни, угрожая в противном случае обратиться в суд (княжеский и владычный). Это толкование оставляет необъясненным один вопрос: причем здесь Полчек? Почему он расплачивался за брак адресата и выкупал для него жену из рабства, а потом ему же стал грозить судом?

Мне думается, что названные выше исследователи неправильно видят основное содержание грамоты № 155 в осложнениях, возникших в связи с женитьбой свободного человека на чужой рабыне и выкупом последней на свободу. Предпосылкой для подобной трактовки является понимание выражения «поял девку» как «женился», «взял девку в жены». В таком смысле это выражение действительно часто встречается в источниках. Но есть и другое значение глагола «поял» — «пояти», «поиметь», которое применительно к «челядинам» употреблено в ст. 33 Пространной редакции Русской Правды и которое прямо связывает с этой статьей берестяную грамоту № 155. По ст. 33 Русской Правды владелец беглого или украден-

[73] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 34—36.

[74] *Л. П. Жуковская*. НБГ, стр. 41.

[75] *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 172).

[76] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 170.

ного «челядина», опознавший его у кого-либо, может его «пояти» (т. е. забрать себе) и, руководствуясь показаниями «челядина» о тех, кто его покупал и продавал, искать путем «свода» его похитителя.

Вероятно, адресат письма № 155, найдя у Домаслава какую-то «девку», назвал ее своей рабыней и вернул себе. Началось расследование («свод»), которое привело к Полчеку. Тот, видимо, не смог отвести от себя подозрение, и ему пришлось поэтому уплатить Домаславу двенадцать гривен. Кстати, такова была сумма «продажи», которая, по ст. 34 Русской Правды, взималась с владельца беглого или украденного челядина. Полчек был вынужден внести эту сумму, но в письме к лицу, возбудившему иск о рабыне, потребовал вернуть ему деньги, не считая себя виновным. Может быть, принадлежность «девки»-рабыни человеку, которому адресовано письмо, была спорной, может быть, у последнего была какая-то договоренность с Домаславом о взыскании с него денег, которые он платить был не должен,— здесь мы вступаем уже в область гаданий. Во всяком случае, в своем послании Полчек подчеркнул, что если адресат не возместит его убытки, то он будет действовать по суду дальше, и это принесет адресату только расходы, ибо ему придется взять на себя все судебные издержки. Обращаю внимание на полное соответствие терминов «п р о т е р я» в грамоте № 155 и «п р о т о р» в ст. 33 Русской Правды («протор тому же платити», т. е. все издержки платить лицу, виновность которого окончательно установлена).

Не совсем понятно выражение «протеря гоши...» «Гошити» «изгошити», «угошити» значит: делать, устраивать[77]. Буквальный перевод слов «протеря гошити» был бы: делать ущерб. Но я думаю, что «гоши» — это сокращенное (написанное с пропуском букв) «гонеши». Давая подобное толкование, останавливаюсь на ст. 108 Пространной редакции Русской Правды, где речь идет как раз о поисках беглого холопа, причем имеется выражение: «...аче упустить и г о н я». Надо думать, что Полчек приглашает своего адресата пойти на мировую и, во избежание ущерба для него самого, не возобновлять процедуру «свода» или «гонения».

[77] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 573, 1054; т. III, стр. 1140.

Несколько неясно, почему Полчек собирается обратиться в суд не только княжеский, но и владычний. Может быть, действительно, его адресат желал добиться получения рабыни с тем, чтобы на ней жениться, а подобное дело могло быть подведомственно церкви. Но основная тема письма № 155 — это не выкуп рабыни, а спор о ней на основании норм Русской Правды.

При изучении вопроса о том, как проводился «свод» по искам о холопах, может быть, полезно привлечь грамоту № 400 (XII—XIII вв.) [78]. От нее остались, правда, лишь два куска, па которых текст можно разобрать только частично.

Первый кусок: «...о... оу... ш... еси холопъ и нарекла».

Второй кусок: «...ю... з... оу ти я... ъ тр... не наре...»

По мнению А. В. Арциховского, «автор письма передает разговор, очевидно, свой, с какой-то раздраженной женщиной. Она сначала назвала его холопом, а потом еще как-то нарекла». А может быть, это не просто разговор, в котором невоздержанная на язык женщина не стесняется в выражениях? Возможно, что она «н а р е к л а», т. е. объявила своим, действительно принадлежавшего ей, а затем бежавшего от нее или украденного холопа. По Русской Правде владельцу похищенных вещей запрещалось, найдя последние, просто заявить об этом и взять их; он обязан был потребовать «свода» («...не р ц и и: се мое, но поиди на свод, кде есть взял»). Если речь шла о холопе, то, производя свод, нужно было руководствоваться показаниями последнего («а то есть не скот, нелзе р ч и: оу кого есмь купил, но по языку ити до конця») [79].

Вполне законно допустить, что в грамоте № 400 отражен случай, предусмотренный приведенными выше статьями Русской Правды. Владелица пропавшего холопа, встретив его, заявила свои права на него, отступив при этом, возможно, от утвержденной правовыми нормами процедуры «свода».

Даже те единичные факты применения «свода» в делах о беглых и украденных холопах, которые были рассмотрены выше, свидетельствуют об актуальности «холопьего вопроса» в древней Руси. Достаточно разработанные процессуальные нормы должны были служить

[78] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 100.

[79] Русская Правда Пространной редакции, статьи 29 и 33.

укреплению владельческих прав господ на рабов и содействовать борьбе с их нарушениями. Некоторые сведения о холопах имеются в документах на бересте и независимо от вопроса о «своде». В отрывке грамоты № 335 (XI—XII вв.)[80] говорится: «...нье добро же. Мени же ми къльтъкс цетыри, по полоугривне къльтъкъ золотыхъ. А за тобою 12 коуне робьихъ ве... же тими веверицами шело...»

Автор письма просит адресата продать ему четыре привески, служившие украшениями. «Колотке» — «колотки» — «колтки» — серьги, привески. А. В. Арциховский приводит выдержки из позднейших духовных грамот XV в. новгородца Федора Остафьевича Своеземцева и князя Михаила Андреевича Верейского, содержащие описания «колток»: «а что перстень и колтки золотые, а то Офимьино»[81]; «да отець пожаловал, дал дочери своеи... колтки золоты сь яхонты»[82].

Судя по последней выдержке, прилагательное «золотых» в грамоте № 335 должно относиться к «колткам»: серьги, вероятно, были золотые. Но, возможно, имеется в виду другое: за каждое украшение следовало уплатить по полугривне золотом (ср., например, в ст. 17 Пространной Русской Правды: «оже не будеть лица, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота»).

«Мени» означает выменяй, но поскольку в грамоте указана цена «колток», тот же глагол приобретает значение «продай». В связи с вопросом о холопах нас больше всего интересует выражение, «а за тобою 12 коупе робьихъ ве... же тими веверицами шело...» Его надо, очевидно, понимать так: в счет цены за колтки следует включить 12 кун, которые адресат должен автору письма за холопа или рабыню. Под «робьими кунами» можно подразумевать: либо плату (может быть, часть ее) за купленного холопа, либо цену выкупа чужой рабыни, вышедшей замуж за несвободного человека адресата, или штраф за удержание чужих рабов.

Естественно возникает вопрос, к какому социальному кругу принадлежали автор письма и адресат. Можно предположить, что последний был ремесленником. Но тогда

[80] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 23—24.
[81] ГВНП, стр. 171. № 111.
[82] ДДГ, стр. 312, № 80д.

причем здесь «робьи купы»? В последнем разделе Пространной редакции Русской Правды много внимания уделяется бегству холопов в города и возникающим конфликтам между рабовладельцами и теми, кто беглецов скрывал. Допустимо думать, что автор письма № 335 заказывает «колтки» у ремесленников, которые приняли в свою среду (ведь были же ремесленные организации) его беглого холопа, и при расчете берет за него какую-то часть выкупа.

Но возможно и другое объяснение. Русская Правда упоминает вотчинных ремесленников [83]. Может быть, грамота № 335 отражает случай покупки одним феодалом у другого вещей, выделанных несвободными ремесленниками последнего, а в счет платы за эти вещи просит зачесть деньги, которые владелец ремесленников должен ему за ранее приобретенного у него (или незаконно принятого) холопа (или рабу).

Второе объяснение менее правдоподобно, чем первое, ибо вряд ли вотчинные ремесленники делали столь тонкие и ценные украшения.

Полагаю, что в Русской Правде можно найти ключ к объяснению грамоты № 411 (XIII в.) [84], в которой говорится: «...ора [85] ко Ксьпье. Ожь яль будь Матфьеца, добрь скуеть, а цьпье могить добы[ти] [86]. Прикуеть в подклть в пивномо. А дае Кспятиньцу его, оть блюдь до мьнь... и в сьло с посто...»

В начале письма было обращение (как предполагает А. В. Арциховский,— «[от Фед]ора» или «[от Сид]ора», либо, как думает В. Л. Янин,— «[от Алекса]ндра», или «[от Мена]ндра», или «[от Ника]ндра»).

А. В. Арциховский так переводит текст: «От Федора к Ксении. Если Матвея поймали, хорошо его скуйте, а цепи сумейте достать. Прикуйте в пивном подклете. Дайте его Константину, пусть сторожит до моего приезда». Последнюю строку, где имеются разрывы, А. В. Арциховский отказывается перевести.

Может быть, смысл этой грамоты прояснится, если сопоставить ее со ст. 108 Русской Правды: «Аже кто свое-

[83] Русская Правда Пространной редакции, ст. 12.

[84] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 203—204; *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 110.

[85] В. Л. Янин читает: «...ндра».

[86] Конъектура А. В. Арциховского.

го холопа сам досочиться в чьемь любо городе, а будеть посадник не ведал его, то, поведавше ему, пояти же ему отрок от него и шедше оувязати и, и дати ему вязебную 10 кун, а переима нетуть; аче оупустить и гоня, а собе ему пагуба, а платить в то никто же, тем же и переима нетуть». Это значит: если кто-либо найдет в каком-либо городе своего (беглого) холопа (причем посадник не знал, что холоп там скрывался), то владельцу беглеца следует, известив об этом посадника, взять у него отрока, который наложит на беглого холопа оковы, и заплатить отроку 10 кун «вязебного». Брать же штраф за «переим» холопа ни с кого не надо. Если же затем холоповладелец, ведя пойманного холопа к себе домой, по дороге снова его упустит, то сам будет виноват, платить за это ему никто не обязан, и штраф за «переим» в данном случае не взыскивается.

Вернемся теперь к грамоте № 411. Матфеец — по-видимому, беглый холоп автора письма и его жены Ксении. Последняя находится в Новгороде, ее муж — в подгородном имении (в «сьле»). Розыски Матфейца, очевидно, проводятся в соответствии с процедурой Русской Правды. В них принимает участие какой-то Ксятинец (Константин) — по всей видимости, «отрок», выделенный посадником. Он должен сковать Матфейца, т. е. заковать его в цепи. Об этом весьма беспокоится холоповладелец в письме к своей супруге Ксении. Когда холоп будет скован, его, очевидно, следует доставить из Новгорода в село. При этом важно не упустить его снова по дороге. Надо думать, господин хочет этим заняться сам. Вот он и просит, чтобы до его приезда в город Матфейца продержали скованным в пивном подклете его городской усадьбы, а Константин последил бы за тем, чтобы тот не убежал. Как только автор письма прибудет в Новгород, он сам позаботится о доставке Матфейца в свое село.

С большой долей гипотетичности можно связать с проблемой холопства материал берестяной грамоты № 150 (XII в.) [87], которая сохранилась с большими разрывами: «воз... родо... ово у во... и... танеть ти сяни моуже... ъ сас есмъ, и побегли...»

[87] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 28—29.

Слово «побегли» упоминается еще в грамоте № 44 (XIV в.): «побегле во Немьце» Речь идет здесь о побеге (видимо, из-за пристава) иноземных купцов. В № 222 (XII в.) говорится: «ожь ти нь бьжяли колобягь» (по-видимому, предусматривается возможность побега колбяг, у которых возникла тяжба с новгородцами). По аналогии можно думать, что и в документе № 150 рассказывается о побеге каких-то подлежащих суду людей. В какой связи упомянуты здесь сани, сказать нельзя. В «Слове» Даниила Заточника есть выражение: «а безумного, аще и кнутьем бьешь, развязав на сапех, не отъимеши безумия его» [88]. Может быть, и в грамоте № 150 подразумевается наказание на санях, которого избежали или которое ожидает беглецов. Конечно, это не обязательно холопы. Но по Русской Правде полагалось «бити... розвязавше» холопа, ударившего своего господина и бежавшего от возмездия, а затем пойманного [89]. Не имеет ли в виду подобный акт расправы и грамота № 150? Это лишь одно из предположений, доказать которое невозможно.

Исследования последних лет все более убеждают в том, что холопство занимало видное место в общественной структуре Руси X—XIII вв. Пополнение источников по истории этой социальной категории чрезвычайно важно. И находки берестяных грамот, хотя их по данному вопросу и названной эпохе не так много, хотя сохранность текстов очень плохая, а уцелевших полностью среди них почти нет совсем, помогают нагляднее представить положение холопов.

§ 4. Тяжбы по делам о кредите и ростовщичестве

Целый ряд статей Русской Правды посвящен вопросу о кредите и ростовщических операциях. Усиление ростовщичества, закабаление непосредственных производителей в городе и деревне вызвали, после смерти в Киеве князя Святополка в 1113 г., сильное народное движение. Владимир Мономах, заняв освободившийся киевский стол, принужден был издать устав о «резе» (он вошел в состав Пространной редакции Русской Правды), несколько огра-

[88] «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам». Подг. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, стр. 65.
[89] Русская Правда Пространной редакции, ст. 58.

ничивший деятельность ростовщиков, нормировав величину процентов, взыскиваемых ими с должников.

Новгородские берестяные грамоты дают новый материал для характеристики кредита и ростовщичества в древней Руси. Это прежде всего разнообразные долговые документы: заемные письма, расписки, обязательства. Рассмотрим их образцы.

От грамоты № 380 (XII в.) [90] сохранились два отрывка. Сложив их, можно прочитать: «...остяте къ... жи съкопивъши веверъ... жи... же яз... те придоу по велике дъ[ни]...»

Первое слово А. В. Арциховский реконструирует как «[Г]остяте». Следовательно, Гостята является адресатом данного письма. Автор последнего пишет, что, собрав веверицы (т. е. деньги), он приедет к Гостяте «по велике дни», т. е. после пасхи, вероятно, чтобы отдать занятые деньги. Это письмо — обязательство об уплате долга в срок.

В отрывке грамоты № 168 (XII в.) [91] содержатся следующие фразы: «Оу Дъмитра пълъ 11 гривень. Оу Радька...» По поводу данного письма можно сказать лишь, что оно является началом какого-то документа, говорящего о займе денег или о раздаче их в долг.

По содержанию и форме к № 168 близка грамота № 228 (XII в.) [92], где сказано: «Оу Доброжира полоуторе. Оу Яръшековее дявяте. Оу Завида семе вековше и резана. Оу Олисея резана. Оу Го...» Вероятно, и в данном, и в предыдущем случаях перед нами документы, оформляющие договоры займа. Это или записи кредиторов, ссужающих должников, или письма последних о том, кому и что они должны. Оба документа отличаются лишь величиной денежных сумм. В одном случае сумма велика, в другом — упомянуты мелкие долги.

Приближается к № 168 и 228 и третий аналогичный документ, два уцелевших отрывка которого опубликованы А. В. Арциховским под № 240 (XII в.) [93].

Первый отрывок: «...у...нега со братьею гр...ниць 2 гривьне. У...»

[90] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 81.

[91] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 53—55.

[92] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 51—52.

[93] Там же, стр. 62.

Второй отрывок: «...ю 3 гривьне. У Дражь...У Пьсанѣ гривьна. У Ко...ьна...»

По всей видимости, взыскание долга имеется в виду в письме № 334 (XII—XIII вв.) [94]: «О Мирослава ко Ратмироу, ко Ал... [гри]вне серебра, а гривноу деньк...» Вследствие плохой сохранности бересты прочитать текст грамоты полностью не удается [95].

Очень лаконична грамота № 120 (XI—XII вв.) [96]: «О[т] Якима къ Нестьруо. Въдаи векъшуо». Если «въдаи» значит «дай», то можно думать, что Яким просит Нестера одолжить ему деньги. Если понимать слово «въдаи» как «отдай» (А. В. Арциховский), то, очевидно, надо сделать вывод, что речь идет о возврате долга. Сопоставление письма № 120 с другими текстами на бересте говорит за правильность второго объяснения [97]. Таким образом, грамота № 120 представляет собой требование о возврате взятых взаймы денег.

То же можно сказать о письме № 79 (XII в.) [98]: «а водаи Михалеви» («отдай Михаилу»). Вряд ли правильно мнение А. В. Арциховского, который считает его ярлычком или этикеткой, привязывавшимися к подаркам или вообще вещам, предназначенным для передачи определенным лицам. Скорее это записка, напоминающая о необходимости расплатиться по долговым обязательствам. Возможно, кредитор предлагает должнику вернуть взятые у него деньги другому лицу, которому он сам должен.

Нечто подобное находим в отрывке грамоты № 231 (XII в.) [99], которую удается прочитать так: «От Твьрьдилъ къ Да...ль есьмъ Ньжиль пъпъвь дъвь гривьнь

[94] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 21—23.

[95] От грамоты № 76 (XII в.) дошло два небольших отрывка. На одном можно прочитать буквы «имит», на другом — слово «гривьн» (*А. В. Арциховский.* НГБ. 1952, стр. 76—77). Понятно только последнее слово — «гривен». Но остается под вопросом, что оно означает: сумму долга, штраф, цену товара или что-то еще.

[96] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 53.

[97] Ср. № 114 (XII в.): «водаи гривеноу истъ[цоу]»; № 227 (XII—XIII вв.): «водае семоу 2 гривьне»; № 293 (XIII в.): «5 гривьнъ и 8 кунъ въдаи Волотъковеи...»; № 296 (XII в.): «а водаеи, бога дьля, съ 5 гривь[нъ]». Всюду речь идет об отдаче долга.

[98] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 79.

[99] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 54.

вздаль за та, а нынь вз... Стьпань». В письме Твердила к какому-то адресату полностью сохранилась только одна фраза: Нежило, попов сын, вдал за тебя две гривны. И до данной фразы, и после нее идут разрывы, мешающие реконструкции текста. Приведенное место из грамоты № 231 почти полностью совпадает со ст. 56 Пространной редакции Русской Правды: «Аже холоп обелный выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны», т. е. если полный холоп уведет чьего-либо коня, то господин должен заплатить за него две гривны. Было бы очень заманчиво предположить, что Твердило (может быть, какой-то представитель администрации) сообщает хозяину провинившегося холопа, что за последнего внесена должником холоповладельца требуемая законом сумма. Но для подобного толкования разбираемого документа данных в нашем распоряжении нет. Социальное положение адресата неизвестно, так же как неясны его денежные отношения с Нежилом, неизвестно, каким образом образовался покрытый последним долг. Мы знаем только, что Нежил уплачивает деньги за другого человека.

Ряд рассмотренных долговых документов, вероятно, может пролить свет на характер тех досок, на которых оформлялись заемные обязательства и о которых говорит Псковская судная грамота [100]. Словом «доска» обозначался документ, не заверенный официальным нотариальным порядком. Это могла быть и доска в буквальном смысле данного термина, но мог быть и кусок бересты, подобный тем, о которых только что шла речь.

Среди берестяных грамот сохранились не только заемные записи, расписки и т. д. Имеется также материал, касающийся тяжб по этим документам или, напротив, говорящий о мирном разрешении денежных споров. В грамоте № 296 (XII в.) [101] можно разобрать следующее: «[Поклания]ние и къ брату. А водаеи, бога дьля, съ 5 гривь[нъ]. [К]ланяю ти ся. А есть мужь, съ нимь [102] а хощу про... ьлъти. Есьмь въ погрьбь. Идоу къ святымъ. И вода».

Начало текста ясно. Автор письма в почтительных выражениях обращается к адресату с просьбой отдать ему

[100] ПРП, вып. II, стр. 289, ст. 28; стр. 290, ст. 30.

[101] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 125—126.

[102] А. В. Арциховский выделяет слова: «А есть мужь съ нимь».

пять гривен. Слово «брат» может указывать на степень родства или на то, что переписка идет между людьми одного социального круга. Но дальнейший текст воспринимается с трудом.

А. В. Арциховский считает, что пишет человек, находящийся в «погребе» (тюрьме) и чувствующий приближение смерти (в этом смысле исследователь толкует выражение «иду к святым»). Подобное толкование, несомненно, заслуживает внимания. Если его принять, то станет понятной и ссылка на какого-то «мужа». Это, очевидно, кредитор, с которым заточенный несостоятельный должник хочет расплатиться.

Известной параллелью к берестяной грамоте № 296 может служить имеющийся в «Житии» Бориса и Глеба рассказ о том, как в княжение Ярослава Мудрого были «осуженн от старейшин града того и всажени в погреб» (тюрьму) некии «мужи» [103].

Но допустимо, думается мне, трактовать письмо № 296 и по-иному. Фраза «идоу кь святым» может означать не приближение смерти, а намерение отправиться к «святым местам», совершить паломничество. Естественно, что, собираясь в путешествие, автор письма хочет запастись деньгами. «Погреб» не обязательно понимать как тюрьму. Это слово (с ударением на последнем слоге) означает также ликвидацию всяких денежных претензий и обязательств. Например, в договоре великого князя московского Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. есть условие: «А как ест к нам сложил целованье, а что мы оу тобе поимали и повоевали, а тому всему межи нас погреб» [104].

Если слова «есьмь въ погрьбь» не выделять в самостоятельное предложение, а связать с предшествующим, то смысл рассматриваемого письма раскрывается следующим образом: у его автора были какие-то расчеты с неким «мужем», но он их хочет ликвидировать. Здесь дело не доходит до суда. В других случаях оно обстоит иначе.

Так, в отрывке № 121 (XI—XII вв.) [105] на внешней стороне грамоты уцелело: «...х... она соудила ти...»; на

[103] «Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им». Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916, стр. 14, 20, 32, 48.
[104] ДДГ, стр. 27, № 9.
[105] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 54.

внутренней — «...в... дадять... до». Ясно, что речь идет о суде, но кто с кем и о чем судится,— неизвестно. Слово «дадять» напоминает текст Русской Правды: «...то дадять ему куны...» [106] А это позволяет думать, что в грамоте № 121 упоминается какое-то судебное дело о долговых обязательствах.

С большей определенностью можно говорить о характере грамоты № 295 (XII—XIII вв.) [107], хотя и от нее дошел лишь конец: «...ше съ вами по... жьмъ въдание опять и о старыхъ кунахъ о 50 гривенъ пакы ли али а... буде погона».

А. В. Арциховский указывает, что «старые куны» упоминаются в договоре Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189—1199 гг. [108]

Но там это определенная система денежного счета — «старая», наряду с которой существует «новая». В берестяной же грамоте № 295 речь идет о прежнем денежном иске, к которому прибавился (как видно из слова «пакы» — «опять») еще один. Слово «куны» в смысле денежного иска не раз встречается в Русской Правде: «...роте ему ити по свое куны» [109]; «аже кто взищеть кун на друзе...» [110] «Въдание» кун — возврат денег (очевидно, по суду). В Русской Правде имеется статья: «...да аще боудеть обидя не вдал боудеть достоино емоу свои скот, а за обидоу 3 гривне» [111]. Словом, из берестяной грамоты № 295 мы узнаем, что кто-то должен платить по двум искам да еще «погоны», т. е. вознаграждение судебным приставам за вызов свидетелей или поездки по каким-то поручениям суда. А. В. Арциховский привел статьи из договоров Новгорода с князьями XIII—XIV вв., где говорится о «погонах»: «дворяном твоим и тивуним погон имати, како то пошло»; «а дворяном твоим, како пошло, погон емати: от князя по 5 кун, а от тиу[на] по 2 куне» [112]. Вероятно, эти судебные «погоны» имеет в виду и грамота № 295.

[106] Русская Правда Пространной редакции, ст. 47.
[107] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957). стр. 123—125.
[108] ПРП, вып. II, стр. 125—126.
[109] Русская Правда Пространной редакции, ст. 17.
[110] Там же, ст. 43.
[111] Русская Правда Краткой редакции, ст. 14.
[112] ГВНП, стр. 11, № 2; стр. 15—16, № 6.

Угроза кредитора подать в суд жалобу на злостного неплательщика содержит грамота № 246 (XI в.) [113]. Хотя она относится к очень раннему времени, но сохранилась превосходно и читается легко: «От Жировита къ Стояновi. Како ты оу мене и чьстьное древо възъмъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лето. А не присълещи ми полоупяты гривьны, а хощоу ти выроути въ тя лоуцьшаго новъгорожяниша. Посъли же добрѣмъ».

А. В. Арциховский так переводит текст: «От Жировита к Стояну. Как ты у меня взял крест и не прислал мне вевериц (т. е. денег — *Л. Ч.*), уже девятый год. Если не пришлешь мне четыре с половиной гривны, хочу ославить тебя, лучшего новгорожанина (т. е. новгородца.— *Л. Ч.*) (вариант с тем же смыслом: огласить твой долг). Пошли же добром». Так же толкует документ и В. Л. Янин [114].

Я хочу предложить несколько иное понимание письма. Выражение «чьстьное древо възъмъ, и вевериць ми не присълещи» означает не то, что Стоян купил у Жировита крест и не заплатил за него деньги, а то, что Жировит дал Стояну деньги взаймы, он поклялся на кресте, что долг вернет, и клятву нарушил. Прошло девять лет, и Жировит напоминает Стояну, что тот его обманул. Это было подсудное дело, ибо по Русской Правде злостный должник (тот, кто не отдавал «кун за много лет») обязан был заплатить штраф («за обиду») три гривны [115].

Для того чтобы получить со Стояна долг (четыре с половиной гривны), Жировиту следовало представить свидетелей, ибо по Русской Правде заемные сделки без послухов считались закопными лишь на сумму не свыше трех гривен [116]. Жировит и грозит Стояну, что уличит его посредством какого-то «лучшего новгорожанина», т. е. новгородца, принадлежащего к числу социальных верхов (может быть, феодалов, может быть, зажиточных купцов). Мало вероятно мнение А. В. Арциховского и В. Л. Янина, что под «лучшим новгорожанином» Жировит подразумевает самого Стояна.

Обращение Жировита в суд с привлечением послуха грозило Стояну тем, что ему пришлось бы, помимо возвра-

[113] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 67—69.

[114] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту.... стр. 173.

[115] Русская Правда Пространной редакции, ст. 43.

[116] Русская Правда Пространной редакции, ст. 47.

та кредитору четырех с половиной гривен, уплатить еще три гривны штрафа. Собственно об этом и предупреждает автор письма своего адресата, советуя ему не дожидаться, чтобы он передал дело судебным органам, и расплатиться добровольно.

Особо следует рассмотреть берестяные грамоты, иллюстрирующие законоположения Русской Правды, которыми определялись размеры процентов с денежных ссуд. Небольшой фрагмент грамоты № 75 (XII в.) [117] А. В. Арциховский читает: «...о ти заято въ треть». Б. Б. Кафенгауз предлагает другую разбивку на слова: «о ти зая, то въ треть» [118]. Общий смысл текста в обоих случаях одинаков: речь идет о займе денег под условием так называемого «третного реза». Различное деление на слова меняет лишь грамматическую форму: тобой занята сумма «в треть» или — раз ты занял, то плати «в треть».

Б. Б. Кафенгауз правильно связывает рассматриваемый текст со статьями 47 и 48 Пространной редакции Русской Правды. Первая из них относится к законодательству Святополка, вторая — Владимира Мономаха. В ст. 47 говорится, что «месячный рез» (т. е. процент с долговой суммы, высчитываемый за каждый месяц кредитной сделки) можно брать только при кратковременных ссудах («оже за мало»). Если заем длился не менее года, то при получении долга кредитор не имеет права производить расчет процентов, исходя из определенной их суммы за каждый месяц. Он может взять с должника 50% за год («то дадять ему куны в треть», т. е. на каждые две куны — третью). Статьей 48 заимодавцу, давшему в рост деньги из 50%, разрешалось взыскивать с должника указанные проценты не свыше двух раз; кредитор, взявший в третий раз с задолжавшего ему человека рост в указанном размере, терял право на получение основной суммы долга («...и уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти»).

Приведенные постановления, направленные к некоторому, правда весьма умеренному, ограничению ростовщичества, явились ответом на бурные народные восстания конца XI — начала XII в.

[117] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 76.
[118] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 170.

Берестяная грамота № 75 описует практику взыскания «третного реза». По отрывку трудно судить, что это за документ. Вероятно, перед нами письмо кредитора должнику с напоминанием об уплате долга.

О «третном резе» речь шла и в грамоте № 170 (XII в.) [119], от которой сохранился лишь отрывок: «...ру куне есем... имаю въ дру[г]ую трьть... же и на тя». Несмотря на отрывочность текста, его общий смысл становится совершенно ясным в свете вышеприведенных статей 47 и 48 Пространной редакции Русской Правды, говорящих о вторичном денежном займе из расчета «в треть куны» (т. е. на две куны третью, что составляет 50% годовых). Такой высокий процент кредиторам, как уже отмечалось, разрешалось брать дважды. Таким образом, давая деньги «в другую треть», ростовщик, имя которого грамота № 170 не сохранила, до конца использовал предоставленные ему законом возможности и извлек максимальную прибыль из суммы, служившей для резонимства.

Статьи 47 и 48 Пространной Правды помогают понять и грамоту № 113 (XII в.) [120], написанную очень отчетливо: «От Чьрьнека къ Лоудьславоу. Въда [т]ебе [121] Ств... далъ еси годъ [д]ва [122] лета, а въда еси...»

Перевод письма, данный А. В. Арциховским, не разъясняет его смысла: «От Чернена к Лудиславу. Отдал тебе Ств... Ты дал срок два года, а ты отдал...»

Исходя из законоположений Русской Правды, я считаю, что выражение «дал еси год два лета» в берестяной грамоте № 113 указывает на наиболее тяжелые, но разрешенные законом, условия займа, при котором в течение двух лет кредитор удваивал свой капитал. Возможно, что заимодавец (имя которого начиналось с букв «Ств») хотел превысить эту сумму, и автор письма Чернек дает советы Лудиславу (должнику), как ему поступить.

Различные толкования допускает грамота № 114 (XII в.) [123], в которой последнее слово написано не от-

[119] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 56—57.

[120] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 45—46.

[121] Буква «т», по-видимому, пропущена случайно.

[122] Буква «д», по-видимому, пропущена случайно.

[123] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 47—48.

четливо, и его читают по-разному. По А. В. Арциховскому: «От Богош ко Оуике. Водаи гривеноу истъцоу». По Б. А. Рыбакову: «От Богош ко Оуике. Водаи гривеноу истьоу».

Если следовать чтению А. В. Арциховского, то придется допустить, что речь идет о возмещении какого-то иска по суду. Гадать,— какой это иск,— не приходится; как видно из Русской Правды, споры возникали по разным делам: о присвоении чужого имущества, о долговых обязательствах, о наследстве и т. д. Судя по взыскиваемой сумме (одна гривна), дело было не крупное.

Мне кажется, более приемлемой расшифровка текста, предложенная Б. А. Рыбаковым. Исходя из нее, надо сделать вывод, что Богша ставит перед Уйкой вопрос об отдаче ему или кому-то другому «иста», т. е. основной суммы без процентов. Чем вызвано подобное льготное предложение? Может быть, это полюбовная договоренность между людьми, связанными какими-то общими хозяйственными интересами, а не сделка между ростовщиком и должником. Может быть, несостоятельность должника (как, например, в случае об обанкротившемся купце, отмеченном Русской Правдой) заставила кредитора ограничиться взысканием основного капитала (чтобы вернуть хотя бы то, что было можно). Но, возможно, берестяная грамота № 114 является иллюстрацией к ст. 48 Русской Правды, по которой заимодавец, незаконно бравший с должника три года по 50%, лишился права требовать «рез» и мог вернуть только «исто». Допустимо думать, что Богша — какой-то судебный агент, извещающий Уйку, что кредитор, искавший с него по суду проценты, иск проиграл, ибо оказался злостным ростовщиком, нарушившим легальные нормы кредитных сделок. В силу этого Уйка обязан отдать заимодавцу лишь основной капитал, у него взятый.

Ростовщический капитал служил средством закабаления городской и деревенской бедноты. Наряду с денежными, получили распространение и хлебные ссуды. В XII в. появляется новая категория зависимого сельского населения — закупы (крестьяне, лишенные средств производства и вынужденные идти в кабалу к феодалам за предоставленные им деньги и хлеб). Закупы, по-видимому, принимали участие в народном движении 1113 г., в результате которого Владимир Мономах издал специаль

ный устав, определявший их положение (наряду с уставом о «резе»). Естественно, хочется поискать среди новгородских берестяных грамот такие, которые пролили бы свет на происхождение закупничества. Думается, что в этом отношении кое-что дает грамота № 82 (XI—XII вв.) [124].

От нее дошли две начальные строки, причем вторая из них неполная. Поэтому понять содержание очень трудно. Восстанавливается следующий текст: «От Творимира ко Фъмь. Кланяюся, брать, прихажяи во дворо. Ожь ти приедя вьрьшь, а водан [125] ро... во [126] нь вда шюрина [127] и моего о [128] ти выволоци доскы».

Из грамоты видно, что и ее автор, и адресат (и Творимир, и Фома) принадлежали к феодальной среде. Формула обращения («к л а н я ю с я, б р а т ь») такая, какую применяли в отношении друг к другу лица, равные по положению и относящиеся к привилегированному общественному слою. Подобные формулы встречаются, например, в грамотах середины XII в., которые Б. А. Рыбаков считает остатками архива князя Изяслава Мстиславича, использованными в летописи. Изяслав и другие князья употребляют в своей переписке такие же выражения, что и Творимир в письме к Фоме: «Б р а т е! К л а н я ю т и с я...»; «яз с я т о б е, б р а т е, к л а н я ю...»; «сын т и с я к л а н я е т ь...»; «...кланяеве т и ся...», «б р а т е! к л а н я ю т и с я и каюся своея вины...» и т. д.[129]

Точно так же призыв прийти во двор («п р и х о ж я п в о д в о р о») — это почетное приглашение, адресованное человеку своего круга. Так, князь Владимир Святославич устраивал на своем дворе в гриднице пиры, куда вольно было «п р и х о д и т и боляром, и гридем, и съцьскым, и де-

[124] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 81—82.

[125] Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 92—93) предлагает под знаком вопроса конъектуру: «...вода и ро[злив]».

[126] Л. П. Жуковская читает: «[мли]во». Что это такое — она не объясняет.

[127] Слово «шюрина» разобрала Л. П. Жуковская. По А. В. Арциховскому — «ширина имо» (им). Вследствие такого чтения А. В. Арциховскому пришлось допустить, что далее следовало лишенное смысла сочетание букв — «егаоти».

[128] Вероятно, буквы «а» и «о» автор по ошибке поменял местами. Надо: «...моего, а ти...».

[129] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. Сказания — былины — летописи. М.— Л., 1963, стр. 323, 331, 333.

сяцьским, и нарочитым мужем...» В 1097 г. князь Святополк Изяславич писал князю Василько Ростиславичу, «глаголя: „...да приди пыне"...» И Василько «приеха в мале дружине на княжь двор» [130].

Итак, два представителя феодального класса, Творимир и Фома, должны были собраться на дворе (т. е. в усадьбе) у первого. У них было какое-то общее дело, связанное с «вершью», т. е. с хлебным урожаем. Фраза «ожь ти приедя вьрьшь», очевидно, означает, что к приезду Фомы будет собран урожай [131]. Тогда, обращается Творимир к Фоме, ты «водан ро...» Может быть, рожь? Если так, то речь идет, очевидно, о раздаче кому-то хлеба. Полезно сопоставить берестяную грамоту № 82 со ст. 105 Пространной редакции Русской Правды: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатце; ню оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть». Здесь говорится, что нельзя обращать в рабство человека, работающего на кредитора за полученную ссуду (дачу), хлеб, а также за проценты со ссуды или наддачу за хлеб, но уйти от кредитора кабальный должник может, лишь отработав условленный срок или вернув взятое в долг. Может быть, термин «водан», имеющийся в грамоте № 82, как раз и указывает на раздачу хлеба на кабальных условиях, о которой рассказано в ст. 105 Русской Правды. Слова «в о д а н» и «в д а ч е» созвучны.

И в Псковской судной грамоте есть одна статья, которая может помочь в понимании того, что имел в виду Творимир, обращаясь к Фоме с предложением произвести какие-то операции с «вершью». В Псковской грамоте упоминаются «закупен» (т. е. закуп) или «скотник» (какой-то зависимый человек), которые возбудят иск относительно «вершн» [132]. Вероятно, имеются в виду какие-то споры между землевладельцем и кабальным человеком о хлебной ссуде, которой касается и ст. 105 Русской Правды.

Таким образом, можно думать, что Фома и Творимир совместно (а с ними, вероятно, был связан и шурин Творимира) раздавали по кабалам хлеб. Если дело действи-

[130] ПВЛ, ч. 1, стр. 86, 172.

[131] Нет, мне думается, никаких оснований переводить слово «вьрьшь» — верхом (А. В. Арциховский) или «верша» — рыболовная снасть (В. М. Глухов. См. *Д. С. Лихачев.* Рецензия.— СА, т. XXVII, 1957, стр. 331).

[132] ПРП, вып. II, стр. 288, ст. 18.

тельно обстояло так, то и выражение «выволоци доскы» приобретает определенный смысл. «Доска» в грамоте № 82 — это не доска в заколе, устраиваемом для рыбной ловли (как думает В. М. Глухов), а кабальный документ. В последнем смысле термин «доска» употребляется не раз в Псковской судной грамоте. Новгородская летопись рассказывает, что во время крупного народного движения в Новгороде в 1207 г. против боярской фамилии Мирошкиничей у них было обнаружено большое количество «досок», оформлявших обязательства на должников[133]. Интересно, что Мирошкиничи выступали коллективно в роли закабалителей. Так же, очевидно, действовали и Творимир со своим шурином и с Фомой. Обращение Творимира к Фоме — «выволоци доскы» могло означать одно из двух. Или: приготовь доски, по которым следует требовать старую ссуду; или: заготовь их для новых хлебных раздач.

Особого внимания среди документов на бересте, рисующих ссудные операции, заслуживает грамота № 219 (XII в.)[134], в которой сказано: «Оу Ивана въземь девять гривень, вызми полъчвьтвьрть гривьии, овеса пятьнадеся дежекъ. Овьса оу Боуякъва брата[135] дови гривене пять к[у]ны. Оу Данешиници за три гривене възимить верьшью на низъ Сяси. Оу Ярьпъвицяа доувоу бърькъвьскоу дове гривене и десять к[у]нъ. Оу Тоушоуевиви гривена на[136] съли и дови ногаи. На Ньрьвьяхъ сьм».

Это чей-то приказ, может быть купца-ростовщика, может быть феодала, вероятно, своему приказчику о сборе долгов с ряда лиц. Вместо выданных взаймы денежных сумм, кредитор хочет получить с должников предметы потребления или товары соответствующей стоимости. Толкованию разбираемого документа как распоряжения купить определенные продукты и товары препятствует точность в расчете их стоимости, которой заранее трудно было достигнуть. Мало вероятно также, что перед нами отчет об уже произведенных покупках. Этому предполо-

[133] НПЛ, стр. 248.

[134] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 39—41.

[135] В. И. Борковский читает: «овеса пятьнадеся[ть] дежекъ овьса. Оу Боуякъва брата...» и т. д. (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 174).

[136] А. В. Арциховский читает: «гривенана».

жению противоречит глагол «возьми» в повелительном наклонении, ориентирующий на действия в будущем.

Первую фразу я понимаю так: автор письма приказывает адресату взять у некоего Ивана занятые последним девять гривен, из которых на три с половиной гривны приобрести у него овса [137]. У Буякова брата надо взять овса на две гривны пять кун (которые он должен был вернуть). Данешинич пусть «вершью» возместит свой долг в три гривны. Слово «вершь» не раз употребляется в берестяных грамотах (№ 50, 102, 195, 254, 361) и обычно обозначает хлеб, зерно. Поэтому вряд ли прав А. В. Арциховский, считающий, что под «вершью на низ Сяси» подразумевается снасть для рыбной ловли.

Ярошевичу, задолжавшему две гривны десять кун, предстояло дать на эту сумму два берковца (20 пудов) какого-то товара. Обычно берковцами измеряли воск, мед, соль. В дополнительной грамоте к уставу смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. фигурирует «берковеск меду»; в «рукописании» новгородского князя Всеволода Мстиславича упоминается «берковъск вощаной», в жалованной грамоте Василия II русским тонникам второй половины XV в. имеется указание на дачу ими «великому князю по три берковски меду через год» [138]. В Новгородской летописи говорится: «купяху у них соль белковьск по 7 гривен и болши...» [139] В берестяной грамоте № 219, по-видимому, имеются в виду два берковца соли; это видно из следующей фразы, относящейся к Тушую, который должен дать соли на сумму в одну гривну и две ногаты.

Слово «Ньрьвьях» А. В. Арциховский производит от имени собственного «Неревин» и видит в выражении «на Ньрьвьях» указание на какое-то семейство. Но думаю, что это скорее наименование географическое: по типу «на низ Сяси». В новгородских писцовых книгах встречается село Неревичи [140]. Ввиду незаконченности текста не ясно: что же надо было сделать в Неревьях?

Кто же такой все-таки автор письма № 219? Я думаю, что его можно сравнить по социальному положению с нов-

[137] По А. В. Арциховскому, текст следует понимать иначе: у Ивана возьми 9 и 3,5 гривны, а также пятьдесят дежек овса.

[138] ПРП, вып. II, стр. 44, 176, 199.

[139] НПЛ, стр. 281.

[140] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею». Пг., 1915, стр. 171.

городцем Климентом, автором известной духовной XIII в. Последний являлся феодалом, владельцем сел, бортей, стад скота и т. д. В то же время он был причастен к торговле и связан с посадскими кругами. В духовной Климента среди его должников значатся представители купечества. В частности, Климент должен был «взяти... гривна солоных куп», т. е. или взыскать деньги за проданную соль, или получить соль за отданные вперед деньги [141].

Л. В. Данилова считает Климента представителем слагающейся новой группы земельных собственников, близкой к посаду и получившей в конце XIV в. название «житьи люди» [142].

Человеком, подобным Клименту, был, наверное, и автор грамоты № 219. Предметами его интересов в письме были хлеб и соль. Чтобы приобрести эти продукты у ряда лиц, он заранее ссужал им деньги, хотя, возможно, ему шли и натуральные поставки в виде оброка. Надо думать, что полученные хлеб и соль были для него не только предметами потребления. Вероятно, он и сам торговал названными товарами.

Таким образом, берестяные грамоты довольно разносторонне рисуют роль кредита и ростовщичества в развитии социально-экономических отношений на Руси XI—XIII вв. Они знакомят нас с видами долговых документов и с тяжбами, которые порождают последние; показывают, как претворялось в быту и в судебной практике законодательство Владимира Мономаха о «резе», дают некоторый материал для суждения о закупничестве; наконец, рисуют облик ростовщика, сочетающего в себе черты феодала и купца.

§ 5. Купеческие споры на суде

Роль торговли как внутренней, так и (особенно) внешней в истории древней Руси раскрыта в литературе достаточно. Показано место товарного обращения в системе феодальной экономики. Обстоятельную характеристику получило экономическое и правовое положение древнерусского

[141] ГВНП, стр. 163, № 105.

[142] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 49.

купечества; в частности, не раз подвергались анализу посвященные купцам статьи Русской Правды. Новые сведения в этом отношении сообщают новгородские документы на бересте.

Грамота № 424 (XII в.) [143] представляет собой целое письмо: «[Поклон] [144] отъ Гордея къ отьчеви и къ матери. Продавъше дворъ, идите же семо, Смольньску ли, Кыевоу ли. Дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъ[ли]те ми грамотичу, сторови ли есте».

В. Л. Янин, развивая комментарий А. В. Арциховского, говорит: «Гордей написал грамоту в Смоленске, но сам он намеревается идти дальше в Киев. Родители, продав свой двор, могут присоединиться к нему в Смоленске, но могут идти и в конечный пункт его путешествия» [145]. Причиной предполагаемого переселения был хлебный недород. На основе летописных данных автор делает вывод, что в XI—XIII вв. уделом Новгорода было систематическое голодание.

Однако не все в комментарии А. В. Арциховского и В. Л. Янина бесспорно. Не обязательно думать, что Гордей пишет родителям из Смоленска по дороге в Киев, где он намерен поселиться. Где он живет и откуда он пишет,— вообще неизвестно. Очевидно, это купец, по своим торговым делам бывающий и в Новгороде, и в Смоленске, и в Киеве. Во время своих торговых поездок он убедился, что в Киеве и Смоленске условия жизни лучше, чем в Новгороде, и написал своим родителям, предлагая выбрать один из двух названных выше городов в качестве постоянного места жительства.

Это письмо, проникнутое чисто семейными, домашними интересами. В нем не чувствуется никаких конфликтов. Но есть и другие письма, в которых, напротив, на передний план выступают купеческие раздоры, иногда сопровождающиеся судебным разбирательством. Новгородские берестяные грамоты наполняют конкретным содержанием юридические нормы Русской Правды, обрисовывая те жизненные ситуации, в которых происходили столкновения купцов, доходившие или не доходившие до суда.

[143] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 209, 211.

[144] Конъектура В. Л. Янина.

[145] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 187.

В очень дефектном виде сохранилась грамота № 68 (XIII в.) [146]. От нее уцелели два куска с большими разрывами каждый.

Первый отрывок: «ожь ти, будь гостьмь, пь жди торъгу, и мн... пь правя, я, како досыво, буду, а Богьш...»

Второй отрывок: «...оставиво, а ты, брать, пь дьщиси сделити [147], буть тамо ли в соши [148]. И ты, аци восопрашееть Местиловь сыно: цого мала года, и ту я стою».

А. В. Арциховский указывает значение отдельных слов, но не дает толкования документа в целом. Л. П. Жуковская предлагает формальный и совершенно бессвязный перевод: «...тебе, будь гостем, не жди торгу... я, управившись, буду, а Богша... оставив. А ты, брат, не старайся это делить. Будь там или в Соше и ты, если будет спрашивать Местилов сын, почему плохая (или: «почему мал срок»; или «почему мала родня»), я так считаю» [149]. Для чего, собственно, нужно таким образом переводить?

Д. С. Лихачев, произведя несколько иную, чем Арциховский, разбивку на слова («сде лити» вместо «сделити»; «лив соши» вместо «ли в соши»), думает, что речь в грамоте идет о ремесленниках. Автор, по мнению Д. С. Лихачева, запрещает адресату отливать сошники где-то «здесь» и предлагает ему оставаться на месте — «тамо» и выделывать сошники у себя. Автор письма не разрешает также адресату торговать самому (если будешь «гостем»-купцом, не рассчитывай на торг).

Транскрипция Л. С. Лихачева, а следовательно, и его толкование текста мне не кажутся убедительными. Грамота касается отношений между купцами, а не ремесленниками. Из-за дефектности текста дать его полный перевод, делающий ясным содержание, невозможно, переводить же отдельные фрагменты, не связывая их в единое по смыслу целое,— дело, не представляющее интереса. Поэтому остается третий путь: отказавшись от буквального перевода, попытаться раскрыть содержание письма путем сопоставления с каким-либо другим источником, проливающим на него свет. Таким источником, по-моему, является Русская Правда.

[146] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 68—70.

[147] Д. С. Лихачев (Рецензия — СА, т. XXVII, 1957, стр. 327) читает: «сде лити» (здесь лить).

[148] Д. С. Лихачев читает: «лив соши» (отливая сошники).

[149] *Л. П. Жуковская.* НБГ, стр. 67.

Статьи 50 и 51 Пространной редакции этого памятника посвящены вопросу о неплатежеспособном купце. Купец, торгующий на чужие деньги и «погубивший» чужой товар не по злому умыслу, а в силу не зависящих от него обстоятельств (кораблекрушение, война, пожар), не считается виновным. Его нельзя продавать в рабство, чтобы вырученную сумму пустить на уплату долгов. Следует дать ему рассрочку для погашения задолженности. Но если купец окажется злостным растратчиком чужого товара, закон предоставляет на волю владельцев последнего: ждать ли от обанкротившегося торговца возмещения долга или продать его. «Гости» (пришедшие торговать из другого города или «чужеземцы») имеют преимущественное (перед «домашними» — местными купцами) право на получение долга.

В грамоте № 68 выступает несколько купцов: автор письма, адресат, Богыш (Богша) и Местилов сын [150]. У них какие-то общие дела. Может быть, это даже члены одной купеческой корпорации. Автор письма находится в одном городе, а адресат уехал или должен уехать торговать (в качестве «гостя») в другой, куда автор, как только сможет, тоже приедет. Он дает советы адресату, как вести себя, если ему придется столкнуться с другими купцами — Богшей и Местиловым сыном. Возможно, что Богша задолжал ряду торговцев. Адресат в качестве «гостя» имел по закону преимущественное право на получение долга. Согласно Русской Правде Богшу как несостоятельного должника должны были «вести... на торг», чтобы продать в рабство, а затем «поделить» вырученные деньги между «домашними» купцами и «гостями». Автор письма, связанный какими-то интересами и с Богшей и со своим адресатом, просит последнего не дожидаться, когда Богшу поведут на торг (т. е. не доводить до этого), и не рассчитывать на раздел с другими кредиторами (т. е. не думать, что это будет выгодно). Лучше полюбовно договориться с Богшей, «не правя» с него ничего (т. е. не возбуждая против него судебного дела) и «оставив» его пока, на какой-то договоренный срок, в покое.

Вызывает вопрос слово «сошн» во фразе «буть тамо

[150] А. В. Арциховский утверждает, что древнерусское имя Местило встречено впервые. Это не верно. См. в ГВНП, стр. 187, № 131; стр. 196, № 144. Возможно, впрочем, он имеет в виду бересту.

ли в сошн...» Его толкуют или как географическое наименование (и пишут с прописной буквы), или как указание на соху — единицу обложения (отсюда делается вывод, что купцы владели землей). Может быть, «сошн» следует производить от глагола «сойти» (например, сошлые люди — беглые, ушедшие люди) и выражение «буть тамо ли в сошн» переводить: «будь то (он) там или в отходе (в побеге)». Вероятно, речь идет о Богше, который может быть, а может и не быть в том городе, куда поехал адресат.

Что касается Местилова сына, то, очевидно, это тоже должник, который станет уплачивать долг в рассрочку (по словам Русской Правды, «начнеть от лета платити»). Он, пишет автор грамоты № 68, возможно, поставит вопрос, что года для уплаты ему мало. Автор настаивает на этом сроке и просит Местилову сыну не уступать.

Один из эпизодов торговой деятельности купцов складников рисует, по-видимому, грамота № 105 (XI—XII вв.) [151]. Это очень хорошо сохранившееся и очень разборчиво написанное письмо. «От Сьмъка къ Коулотъке. Оже то еси казале Несъде [152] веверичь тихъ деля, коли то еси приходиле въ Роусъ съ Лазъвкъмъ, тъгъдъ възяле оу мене Лазъвке Переяславъле».

А. В. Арциховский понимает письмо следующим образом: Семок обиделся, что Кулотка в разговоре с Несдой сказал про долг, будто бы не возвращенный Семком; он напоминает, что этот долг отдан Лазовку, компаньону Кулотки. К этому толкованию в общем присоединяются В. Л. Янин [153] и Б. Б. Кафенгауз [154]. Некоторые разногласия возникают лишь по поводу того, был ли Семок переяславцем или новгородцем, ездившим в Переяславль.

Несомненно, что грамота говорит о каких-то торговых поездках новгородцев в Переяславль Южный. Под Русью имеется в виду Киевская Русь. Так, по летописи, в 1152 г. Юрий Долгорукий «поиде... с ростовци, и с суждалци, и с рязапци... в Русь; тогды же слышав Володимерко, идуча в

[151] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 34—35.

[152] Может быть, следует читать «не сде» (т. е. не здесь).

[153] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 169.

[154] *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 172.

Русь, поиде г Кыеву» [155]. Андрей Боголюбский посылает «к братье своеи в Русь» (т. е. в Киев) [156].

В грамоте № 105 упоминается, по-видимому, компания купцов. Их четверо (если считать слово «Несде» за имя собственное — «Несда») или, по крайней мере, трое (если рассматривать «не сде» как обстоятельство места). Они связаны между собой коммерческими интересами и расчетами. «Веверицы» здесь не обязательно деньги, а скорее беличьи меха. В этом смысле названный термин упоминается в ставших уже классическими местах летописи под 858 г. (хазары брали дань с ряда славянских племен «по беле и веверице от дыма») и 1114 г. («и в тои тучи спаде веверица млада...») [157]. Вероятно, Семок, Кулотка и Лазовк (а может быть, и Несда, если таковой существовал) — торговцы пушниной, и у них возникли недоразумения с дележом товара или торговой прибыли, полученной во время поездки двух из них (Семока и Кулотки) в Переяславль. Если читать не «Несде», а «не сде», то ясно, что речь идет о новгородских купцах, разбирающих дело, начавшееся «не здесь», т. е. не в Новгороде, а в другом месте, т. е. на юге, и не теперь, а раньше.

Что же случилось в то время? «Тъгъдъ възяле у мене Лазъвке Переяславъле»,— пишет Семок Кулотку. Это место толкуется в том смысле, что Лазовк якобы взял у Семока деньги, которые тот должен был Кулотке. А может быть, имя Лазовк стоит здесь не в именительном, а в винительном падеже, и понимать фразу надо по-иному: «у меня в з я л и Лазовка»? Глагол «взять» часто означает захватить, пленить. Владимир Мономах писал: «веже в з я х о м» [158]. Польский король Болеслав в 1018 г. «възма именье и бояры Ярославле, и сестре его...» [159] Касожский князь Редедя, обращаясь к князю тьмутараканскому Мстиславу, говорил ему: «Да аще одолееши ты, то в о з м е ши и именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою» [160].

Переяславская земля занимала окраинное положение и была полна опасностей: населению угрожали набеги степ-

[155] ПСРЛ, т. I, стб. 338.
[156] Там же, стб. 367.
[157] ПВЛ, ч. 1, стр. 18, 197.
[158] Там же, стр. 160.
[159] Там же, стр. 97.
[160] Там же, стр. 99.

ных кочевников. Во время одной из торговых поездок в Переяславль Семока с Лазовком последний, возможно, был захвачен в плен степняками (может быть, половцами). А у него был чужой (Кулоткин) товар. Таким образом, произошел казус, предусмотренный в ст. 50 Русской Правды. Купец вез «чюж товар» и попал в сферу военных действий (его «взяла рать»). Все это и объясняет Семок в письме к Кулотке.

Можно предполагать, что о купеческом складничестве речь идет и в грамоте № 107 (XI—XII вв.) [161], в отрывке которой дошли до нас следующие слова: «хоцьши поит[и]... цьто ти товара во роукахо...»

Восстановить текст по этому фрагменту не представляется возможным. Речь, вероятно, идет о купце, отправляющемся торговать. Выражение «товара во роукахо» могло означать, что другие купцы передали ему с рук на руки (т. е. при свидетелях) свой товар для ведения торговых операций на началах складничества (об этом говорится в ст. 51 Русской Правды). А может быть, слова «хоцьши поит[и]» надо понимать не в смысле «хочешь поехать», а в смысле «хочешь пойти на роту» (т. е. решить присягой) спор о товаре, отданном кому-то «в гостьбу» (т. е. торговлю) или на хранение. Тогда грамоту № 107 можно рассматривать как иллюстрацию к статьям 44 и 45 Русской Правды. Ст. 44 разрешает обходиться без послухов при передаче денег одним купцом другому для торговых оборотов и велит присягой решать возникавшие при этом споры. По ст. 45 послух не требовался при сдаче вещей на хранение; если же владелец вещей стал бы требовать с того, кто их хранил, больше, чем он отдал, то предписывалось верить показаниям (данным под присягой) человека, принявшего «поклажу».

Меха как товарная ценность фигурируют в грамоте № 7 (XII—XIII вв.) [162], которую полностью прочитать нельзя, ибо она дошла до нас с изъянами. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров дают такое чтение: «Сочита оу Короман[а соу]кьно, сорокь лисичь соро...ко осмь, шесть бьбороко...». Текст внизу грамоты утрачен почти полно-

[161] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 36—37.

[162] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 36—37.

стью. Видны лишь верхушки шести букв, похожие на окончания «а», «л», «м», «ь», «п», «л». Л. П. Жуковская реконструирует этот текст частично так: «по п[ал]...»

Вызывает возражения реконструкция — «соукьно». Л. П. Жуковская читает (и правильно) в этом слове букву «в», а не «к». Догадок о том, какие начальные буквы здесь утрачены, она не высказывает и в транскрипции текста оставляет слово незаконченным: «...[в]ьно» [163].

Имеются расхождения в толковании термина «сочита». А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров считают, что это форма двойственного числа от глагола «сочити» — искать, взыскивать, вести тяжбу (в этом смысле слово употребляется в Псковской судной грамоте). Н. Б. Бахилина предлагает другое понимание: «сочита» представляет собой аорист от глагола «съчитати» [164]. В соответствии с этими двумя точками зрения Л. П. Жуковская дает перевод документа в двух вариантах: «Взыщите с Коромана... [может быть: «сосчитал у Коромана»...] сорок лисиц [возможно: «сорок лисьих»...]... восемь, шесть бобров...»

Думаю, что речь идет не о пересчете шкурок, имеющихся у Коромана, а об иске к Короману. Неясное слово «...кьно» — «...вьно», которое А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров читали как «сукно», может быть, в действительности следует воспроизвести как «явьно», т. е. открыто, с соблюдением всех норм закона. «Сочита явьно» значит: ищите открыто, судебным порядком. В Русской Правде выражению «сочити явьно» соответствует «искать явлено» (так закуп «явлено идеть» «искать кун») [165].

Иск к Короману возбужден (кем — неизвестно) о шкурках лис и бобров. Кроме того, как было указано, Л. П. Жуковская восстановила в конце грамоты из сохранившихся частей букв — «пал». Может быть, добавив утраченные полностью буквы, допустимо прочитать это как «подпаль» — «потпаль», т. е. беличий мех невысокого качества. Так, в купчей грамоте игумена Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла на рубеже XIV

[163] «Палеографический и лингвистический анализ нбг», стр. 194.
[164] Там же, стр. 184.
[165] Русская Правда Пространной редакции, ст. 52.

и XV вв. читаем: «А дал есми на ней (т. е. заплатил за купленную ниву) сорок бел да подпаль пополнка» [166].

Обратим внимание на утрату в грамоте № 7 терминов, обозначающих еще какие-то сорта мехов. В самом деле, указано сорок лисиц, шесть бобров, а между этими видами пушнины были, очевидно, названы и другие, ибо мы находим здесь незаконченное слово «соро...» и число восемь. Поскольку «сороками» считались белки, думаю, в письме говорилось (наряду с подпалами) и о «белях» — «белах» — полноценных беличьих мехах.

Каково происхождение иска? Допустимы два предположения. Может быть, шкурки были переданы на хранение. Русская Правда, как известно, называет подобные сделки поклажей («поклажаи») и предусматривает споры, возникающие на этой почве [167]. Псковская судная грамота говорит об отдаче имущества на «зблюдение» и также устанавливает процедуру разбора тяжб между владельцами имущества и лицами, взявшими его на хранение. В частности, запрещается «сочить... зблюдениа... безъимянно», т. е. без точного обозначения предметов, о которых возбужден иск [168]. В грамоте № 7 и перечислено, что сдано, и сказано — в каком количестве.

Если принять предложенное объяснение происхождения тяжбы неизвестного лица (или неизвестных лиц) с Короманом, то полезно привести один более поздний документ, проливающий свет на берестяную грамоту № 7. Это духовная И. И. Салтыка-Травина 1483 г. Уходя в поход, он «положил» принадлежащие ему меха у разных лиц (т. е. договорился, что они будут хранить у себя эти ценности, вероятно, за какое-то вознаграждение, до его возвращения). Среди мехов фигурируют те же сорта, какие упомянуты и в берестяной грамоте № 7: лисы, бобры, подпали (потпали) [169].

Но может быть, грамоту № 7 следует связать с постановлениями Русской Правды, предусматривающими возможность передачи кем-либо купцу, едущему торговать, своего товара с тем, чтобы по возвращении из торговой поездки купец заплатил владельцу товара деньги, выру-

[166] АСЭИ, т. II, стр. 19, № 10.
[167] Русская Правда Пространной редакции, ст. 45.
[168] ПРП, вып. II, стр. 288, ст. 16; стр. 292, ст. 45; стр. 299, ст. 103а; стр. 300, ст. 107.
[169] АСЭИ, т. I, стр. 379, № 501.

ченные от его продажи. На этой почве, как мы уже видели, возникали тяжбы [170]. Об исках о «торговле» или «торговых деньгах» говорит и Псковская судная грамота, также запрещающая «сочить безъимянно» (т. е. требующая поименного перечисления товара) [171].

Меха были одним из главных предметов новгородской торговли. За границу вывозились белки (в числе их «подпали», «поппелен»), шкурки бобров; данных о вывозе лис недостаточно [172].

Возможно, что иск к Коромапу касался мехов, отданных не на хранение («зблюдение»), а для торговли.

Сложные юридические казусы возникали по вопросам, связанным с ссудными операциями между русскими и иноземными купцами. В грамоте № 61 (XIII в.) [173] можно прочесть следующее... «...з гостомо полотртиядесято гривьпо сьрьбра... истины 10 пудово мьду, а три годы, а ное самь ведаете код цо исправить, кодь что взяти, а ко мне кажить о всьмо». По А. В. Арциховскому, «это отрывок переписки богатых людей»; «речь идет о присылке с гостем 25 гривен серебра, т. е. огромной по тому времени суммы». Слово «ное» А. В. Арциховский понимает как собственное имя «Ной». Вместо «код цто», «кодь что» Б. А. Рыбаков предлагает читать: «къде цо», «къде что». Б. Б. Кафенгауз в толковании грамоты № 61 присоединяется к А. В. Арциховскому, считая, что в ней «говорится о госте, приславшем огромную сумму в 25 гривен серебра, причем упомянута „истина", т. е. основная сумма долга, не считая процентов. Долг состоял из 10 пудов меда. Следует заметить, что о займе меда с уплатой процентов натурой говорится в статье 46 Пространной Правды» [174]. Перевода записи № 61 не дают ни А. В. Арциховский, ни Б. Б. Кафенгауз. Перевод Л. П. Жуковской, по ее собственным словам, является условным: «...с ростом 25 гривен серебра капитала, 10 пудов меда на три

[170] Русская Правда Пространной редакции, статьи 50 и 51.

[171] ПРП, вып. II, стр. 288, ст. 14; стр. 291, ст. 38; стр. 292, ст. 45; стр. 299, ст. 101.

[172] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 74, 83, 93, 94.

[173] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 62—63.

[174] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 173.

года. А Ной сам знает, где что исправить, где что взять; а мне доложите о всем» [175].

Я думаю, что речь здесь идет о выплате чьих-то долгов. Согласно ст. 51 Пространной Русской Правды, как уже указывалось, при наличии у кого-либо многих долгов, в первую очередь должник должен был удовлетворить претензии «гостей», а затем уже местных отечественных купцов: «...отдати же первое гостины коуны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять». То же самое говорится в договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г.: «Оже немецьскыи гость дасть свои товар в долг [в] Смоленьске, а Русин будеть должен Руси, [ино] Немчичю наперед взяти» [176].

Исходя из вышеприведенных правовых памятников и рассматривая в их свете берестяную грамоту № 61, можно так истолковать ее текст: кто-то из должников обязан уплатить гостям 25 гривен серебра и отдать им 10 пудов меда; на этот основной заемный капитал и взятое в долг количество меда следует насчитать на три года проценты. Иное [177] (т. е. свои денежные взаимоотношения с русскими людьми) должник знает сам; он знает, кому что дать, у кого что взять. Пусть он сообщит автору письма обо всем. От кого же исходит письмо? Может быть, от частного лица, заинтересованного в делах своего адресата, а может быть, от официального судебного исполнителя, следящего за взысканием долга с какого-то купца и озабоченного тем, чтобы не пострадали интересы заграничных «гостей».

Разобранные грамоты важны для нас тем, что характеризуют условия и формы ведения торговли. Становятся ясными опасности, с ней связанные, наглядно проявляется слабость капиталов, приводившая часто к банкротству отдельных купцов, видны попытки объединения несколькими лицами денежных средств для совместных торговых операций и т. д. Интересны нормы купеческого права и их реальное воздействие на взаимоотношения русских купцов как между собой, так и с иноземными «гостями», пользовавшимися более значительными привилегиями.

[175] *Л. П. Жуковская.* НБГ, стр. 69.

[176] ПРП, вып. II, стр. 60.

[177] Так я понимаю слово «ное». Это не имя собственное — Ной.

Наконец, в какой-то мере проявляется и заинтересованность в развитии товарного обращения со стороны государства, выражающаяся во вмешательстве (на основе существующих законоположений) органов власти в разного рода конфликты в купеческой среде.

§ 6. Споры и дела о наследстве

С развитием частной собственности оформляется наследственное право. В Пространной редакции Русской Правды оно выступает в достаточно разработанном виде. Вопросам о разделе наследства, об устройстве имущественных дел умершего, об опеке над несовершеннолетними наследниками, о правах и обязанностях отчима в отношении пасынков уделяют внимание и берестяные новгородские грамоты. В них находят отражение нормы Русской Правды.

Русская Правда различает наследование по завещанию («ряду») и по закону [178]. От XII в. известно уже письменное завещание (духовная грамота) [179]. Среди берестяных грамот имеется такая, которую можно рассматривать как предсмертное распоряжение завещателя наместнику или приказчику об урегулировании его взаимоотношений с кредиторами. Это письмо № 78 (XI—XII вв.): «Въземи у Тимоще одиннадесяте гривъну, у Въпцина шурина на коне псапии хомуть, и воже, и оголове, и попону» [180].

По своему формуляру документ напоминает статью, встречающуюся в духовных и обязывающую членов семьи умирающего собрать деньги, розданные в долг, и вернуть заложенные вещи. Так, в завещании, написанном не позднее 1270 г., некий Климент говорит: «А про куны, чимь то ми ся было вам платити: в купецьском съте у Фомы 8 гривн в ъ з м и т е...» [181] Федор Остафьевич Своеземцев в 1435 г. указывает: «А взяти ми у подвоиского да у Ивана у Трупкого и у его детеи восмпатцать рублев, и вы то, дети мои, в о з м и т е у Деевых детеи на Виткове улице...» [182].

[178] Русская Правда Пространной редакции, ст. 87.
[179] ГВНП, стр. 161, № 104.
[180] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 78.
[181] ГВНП, стр. 163, № 105.
[182] Там же, стр. 171, № 111.

По-видимому, и грамота № 78 представляет собой если не полную духовную, то предсмертный приказ. Недаром тексту предшествует крест.

Самый текст допускает различные толкования. Прежде всего неясно — об одном или двух лицах идет речь в письме. Может быть, имеется в виду Тимоша, Войцин шурин (т. е. шурин Воя, Воина или Вонслава), но возможно, Войцин шурин — это не Тимоша, а другое лицо. Если принять первый вариант и если считать, вслед за В. И. Борковским, что «на коне» значит «за коня», то перевод грамоты будет такой: «Возьми у Тимоши, Войцина шурина, одиннадцать гривен за коня, расписной хомут [183], вожжи [184], узду, попону». Следовательно, Тимоша заложил автору письма коня со сбруей за большую сумму и дело заключается в том, чтобы получить с него деньги и вернуть ему заклад.

Если в письме упомянуты два лица (что весьма вероятно), то с первого (Тимоши) следует взыскать денежный долг, со второго (Войцина шурина) получить конскую сбрую или коня со сбруей [185]. На каких условиях тот всем этим пользовался — неясно; возможно, что автор письма заложил ему коня со сбруей и предложил выкупить заклад из суммы, полученной с Тимоши.

В Псковской судной грамоте имеется статья, которая бросает свет на рассматриваемое сейчас берестяное письмо. Предусматривается возможность денежного иска с предъявлением в суд «доски» и какого-либо заклада — платья, вооружения, коня или чего-либо иного из дви-

[183] В. И. Борковский (Новые находки берестяных грамот — ВЯ, 1953, № 4, стр. 127—128) и Л. П. Жуковская («Палеографический и лингвистический анализ нбг», стр. 204) считают, что «писании» относится не только к хомуту, но и к вожжам, оголовью и попоне, и думают, что это выражение надо переводить как «записанные», т. е. внесенные в запись за коня.

[184] Л. П. Жуковская допускает, что можно читать: «хомутьни вожжи», т. е. хомутные вожжи.

[185] Н. А. Мещерский (НГБ — «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 105) возражает против толкования выражения «на коне» как «за коня» и переводит: «возьми на коней... хомут, вожжи, оголовье». Но в ряде духовных грамот содержатся сведения о закладе коней и принадлежностей для верховой езды. Например: «взяти ми у Дмитрея у Ивапова конь в седле, а цена ему шесть рублев; взяти ми у Станка конь гнед, цена ему три рубли» (АСЭИ, т. I, стр. 379, № 501). Или: «...у дяди моего Исака седло мое...» (ГВНП, стр. 266, № 257).

жимого имущества и живого инвентаря. «Хто на ком имет ссуднаго серебра по доскам, а сверх того и заклад положит на него платно, или доспех, или конь, или иное што назрячее и животное...» [186]

В берестяной грамоте № 78 как раз и отражен договор займа, обеспеченный закладом коня и доспеха и подтверждаемый соответствующей записью — «доской». Может быть, завещательный приказ — «въземи» и означает: возьми по суду, предъяви судебное взыскание.

Грамоту № 78 по своему формуляру весьма напоминает берестяное письмо № 84 (XI—XII вв.) [187]. Оно лаконично: «Отъ Твьрьдяты къ Зоубери. Възми оу господыни тринадесяте резане». Таким образом, текст № 84 (как и 78) начинается с распоряжения: «възми...» Перед текстом в обоих случаях стоят кресты. Только в № 78 завещатель (при жизни) говорил о взыскании ссуды и возврате заклада. № 84 — это письмо Твердяты (может быть, душеприказчика) Зуберу [188] о возмещении последнему какой-то женщиной («господыней») долга, вероятно, по завещанию кого-то из ее родственников (отца, мужа или сына). По древнерусскому законодательству женщины имели право на участие в наследстве. По Русской Правде вдова пользовалась определенной долей («частью») имущества покойного мужа, которой лишалась, если выходила замуж вторично. Но она считалась полной собственницей («госпожей») того, что первый муж передал ей по завещанию [189]. В 1393 г. Остафий Апаньевич Своеземцев написал в своей духовной: «А жена моя, оже вседит в животе моем, ино осподарыня животу моему; или поидет замуж, ино ей наделка десять рублев...» [190] (т. е. если жена моя останется после моей смерти вдовой, то она наследует мое имущество; если же она пойдет замуж, то пусть ей выделят десять рублей...).

В грамоте № 84 также фигурирует «господыня» («госпожа», «осподарыня»), т. е. владелица какого-то «живота», очевидно, к ней перешедшего по наследству.

[186] ПРП, вып. II, стр. 290, ст. 31.
[187] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. ИГБ (1953—1954), стр. 9.
[188] Не русифицированная ли это передача немецкого имени Зупер (ГВНП, стр. 127, 129, № 76)?
[189] Русская Правда Пространной редакции, ст. 88.
[190] ГВНП, стр. 168, № 110.

И она должна ликвидировать лежащие на этом имуществе долги,— правда, небольшие: 13 резан.

О разделе имущества умершего человека речь идет, по-видимому, в грамоте на бересте № 384 (XII в.) [191]: «Отъ Стъенега къ матери. То ти есмь дале Саве 5 кунъ въже трькъвище, лъжици 2, ножа 2, брусе воже оленики».

А. В. Арциховский переводит это письмо так: «От Стоенега к матери. Вот я дал Савве 5 кун и полотенце, 2 ложки, 2 ножа, платок и оленью шкуру».

В таком переводе древнерусский термин «въже» — «воже» передается современным союзом «и». Однако данный термин скорее означает «или». Так, в «Поконе («Поклоне») вирном», входящем в состав Краткой редакции Русской Правды, говорится: «...вирнику взяти... в среду резану въже сыры...» (т. е. резану или сыры) [192]. Значит, и отдельные фразы грамоты № 384 надо переводить: не «5 кун и полотенце», а «5 кун или полотенце»; не «платье и оленью шкуру», а «платье или оленью шкуру». Но тогда меняется и смысл слова «дале». Стоенег не мог говорить, что он д а л в прошлом Савве либо то, либо другое. Если бы он что-то ему уже дал, то что-то определенное. Вероятно, надо несколько иначе перевести весь текст. Стоенег еще не отдал, но решил отдать Савве какие-то вещи и деньги (возможно, из отцовского наследства), причем поручил это сделать своей матери, предоставив ей право выбора между названными объектами дарения.

В рассмотренных грамотах нет сведений о феодальной, да и вообще о собственности на землю. Эти документы могли принадлежать и горожанам. А грамота № 227 (XII—XIII вв.) [193] затрагивает и вопросы землевладения. Она дошла в виде двух разорванных кусков. Восстановить ее текст очень трудно. Положив в основу реконструкцию А. В. Арциховского, внесем в нее несколько гипотетических конъектур, привлекая для этого материал других грамот на бересте.

Первый кусок: «[Покл]аняние [194] ко матьри. Водае семоу 2 гривьне. Не моги же ми, матоко, согре[шити].

[191] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 84—86.

[192] Русская Правда Краткой редакции, ст. 42.

[193] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 49—51.

[194] См. берестяную грамоту № 379.

[Аже] [195] оу себе не боуд[ьть] [196], заемоши, моги же водати, от тога ти нама хоце болого... [х]оти [197] зем... оти 6 гр[ивен] ...лоуце ...ашя е...»

Второй кусок: «...я вода... итп со [гр]ивьио одино мати, мо...жею се... а Радоковая т...дае... е дьвьри т... е была земля Павьлова... поу со зем[л]е ти хотяци ся не... ьти ся реюци, едоуц соудо воземеше, доброю женою ...яци цьсть, еиюци, пеюци, едоуци со Давыжею. А торогоуи не вь тамо поценеши ти [198] ро... [Кла]няю ти ся. А се пакы шьдоши, воземи десять гривьпо ногатами и оу а... азо канеце тое сам...»

Даже внесение ряда предположительных конъектур далеко не проясняет текст. Остается много, причем больших, разрывов. Поэтому приходится отказаться от более или менее связного перевода грамоты (представляющей письмо сына к матери) и попытаться понять ее общий смысл. Легче это сделать в отношении первого куска. Обращаясь к матери, автор письма просит ее выдать кому-то две гривны. Очевидно, это долг, который беспокоит сына и он поэтому настаивает, чтобы мать не ввела его в грех, и если хочет ему добра, а денег у нее нет, то чтобы заняла их. Невольно возникает предположение, которое трудно подкрепить фактами, что вопрос о расплате с долгами и о связанных с этим денежных затруднениях возник в осиротевшей семье после смерти ее главы — мужа и отца.

Дальнейший текст становится более отрывочным. В нем появляются новые указания на различные денежные суммы (шесть гривен, десять гривен), на какие-то операции с землей, на ее переход от одного владельца к другому («была земля Павьлова»), на судебные споры (выражение «соудо воземеше» вряд ли значит «взяв судно»; скорее речь идет о судебном процессе). Все это говорит как будто за правильность выдвинутого выше предположения о том, что грамота № 227 — это документ, касающийся урегулирования хозяйственных дел семьи в связи с кончиной ее старейшего представителя. Как видно из письма, какие-то земельные и денежные претензии к адре-

[195] См. берестяные грамоты № 197, 363, 370.
[196] См. берестяную грамоту № 370.
[197] А. В. Арциховский читает: «оти».
[198] Так читает В. И. Борковский (*А. В. Арциховский и В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 174). По А. В. Арциховскому: «...по цене шити...».

сатке предъявляют ее деверп (братья покойного мужа). Упоминаемые в грамоте Радоковая и Давыжая не являются ли женами этих деверей, которых, возможно, звали Радко и Давыд? Словом, налицо какой-то большой семейный раздел.

До нас дошла одна новгородская грамота второй половины XV в., рисующая нечто похожее на то, о чем говорится в берестяном письме № 227. Умер некто Иван (Еван). После его смерти вдова с сыном и деверем. по договоренности со снохою и братаном (племянником) Осташем, отдали сыну Кура Обекану за долг рыбные ловли в реке Сярти [199].

Конечно, самый характер сделок, которые имеет в виду грамота № 227 и которые конкретно очень трудно раскрыть, мог быть и иной, чем в только что рассмотренном случае. Но смерть неизвестного главы семьи, о которой речь идет в грамоте № 227, так же как смерть новгородца Ивана, заставляет семью в широком составе (вдову, сына, деверей и пр.) заняться устройством своих хозяйственных дел.

Интересно, что в экономическом строе семьи большая роль принадлежала женщинам. Они вместе со своими мужьями наследуют имущество отцов. Так, в середине XV в. новгородец Андрей Иванович передал своему зятю Герасиму и дочери Марье половину имущества с тем, чтобы Герасим «кормил» сына завещателя и его младших дочерей (до их замужества) [200]. Не случайно, конечно, и адресатка берестяной грамоты № 227 вступает в какие-то имущественные отношения с другими женщинами (если верно наше предположение,— родственными ей по покойному мужу).

Отношения по владению землей здесь довольно сложные. С одной стороны, сохраняется большая семья. Поэтому адресатка, будучи «доброю женою», проживала, по-видимому, с деверями и их женами. На это указывают слова: «...пеюци, едоуци со Давыжею» (т. е. ведя одно хозяйство с женою Давыда, имея общий с ней стол — еду, питье). Но с другой стороны, речь идет и о выделе каких-то частей имущества (ибо я думаю, что «цьсть» — это «часть», а не «честь», как предполагает А. В. Арциховский).

В тексте грамоты № 227 есть фраза: «А торогоуи не вь

[199] ГВНП, стр. 253—254, № 235.
[200] Там же, стр. 203, № 156.

тамо поценеши ти ро...» Последнее слово, по-видимому, рожь [201]. Вероятно, здесь поднимается вопрос о том, можно ли торговать урожаем, полученным с земельного участка, подлежащего разделу, до его окончания.

Если верно предложенное выше понимание грамоты № 227, то ее можно использовать как источник для характеристики новгородского землевладения и порядка перехода земельной собственности по наследству. Правда, феодальный характер частной собственности на землю из данного источника непосредственно не выступает.

Завещанием можно считать отрывок грамоты № 108 (XII в.) [202]: «...та десяте..., ще ту у Вовъзе пашено ти у дьвяти гривъ... че и клетище у гривене, у суме [203] две гривене корстокыхо [203] мородоко [203]».

А. В. Арциховский отказался от попытки восстановить связный текст; он сумел прочесть лишь отдельные термины. Б. А. Рыбаков, напротив, попробовал дать реконструкцию и перевод всего документа: «...в Вовзе [204] пашен [205] тебе на девять гривен... и клетище (постройка) в гривну. В (денежной) суме две гривны гробовых (погребальных) мордок (мелких денег)». Б. А. Рыбаков полагает, что перед нами духовная грамота. «Завещатель передал наследнику в числе прочего пашен на девять гривен, какую-то постройку ценою в гривну и в своей суме оставил две гривны на погребение, предусмотрев, что для этой цели будут нужны мелкие деньги — мордки».

Предположение Б. А. Рыбакова, что грамота № 108 — завещание, по-моему, приемлемо. Мне только не кажется убедительным его толкование последних слов письма, как якобы напоминания о деньгах на погребение, хранящихся в какой-то суме. Сума — это скорее название реки [206]. Вообще в документе речь, по-видимому, идет не о наличных деньгах, а о недвижимом имуществе: «пашено» (т. е. то, что вспахано, пашня), «клетище» (т. е. клеть). Было в конце (оборванном) грамоты еще одно слово, оканчиваю-

[201] См. в берестяной грамоте № 97: «...рожь продають...»

[202] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 37—38.

[203] Может быть, это географические названия.

[204] По А. В. Арциховскому, «Во възе» — «в возе».

[205] А. В. Арциховский считает, что имеется в виду не «пашня», а «пшено» (зерна проса).

[206] ГВНП, стр. 300, № 307.

щееся на «ще»: или «дворище», или «селище», «печище», «репище», «гумнище» и т. д.[207] Недвижимости эти разбросаны в различных местах, которые называются по именам. «Вовъзе» — возможно, деревня «Взвоз». В новгородских писцовых книгах встречаются географические наименования, близкие к «Корстокыхо» («Корост», «Корость» и т. д.) и «Мородоко» (например, «Мородкино»)[208].

Содержание духовной можно передать так. Пашня у селища (или у дворища и т. д.) у Взвоза оценивается в 9 гривен (далее следует слово «...че» — вероятно, «вобче» или «опче»[209], т. е. место, угодье, находящееся в чьем-то совместном владении). Цена клети — гривна, двух урочищ на реке Суме — две гривны. Вероятно, вотчина была заложена, и завещатель указывал, за какую сумму наследники могут ее выкупить. В качестве параллели можно указать на позднейшую духовную середины XV в. старца Степана, в которой он говорит о закладе Софонтием Окинфовым Михайло-Архангельскому монастырю «орамых земель», пожен, двора, дворищ, гумнищ, леса, ловищ в 9 рублях, 25 сороках белки, 100 пузах жита[210].

Свидетельствуя о наличии частной собственности на землю, грамота № 108[211] (подобно № 227) не дает материала для того, чтобы безоговорочно охарактеризовать эту собственность как феодальную.

Конкретный случай столкновения сыновей из-за отцов-

[207] ГВНП, стр. 162, № 105; стр. 201, № 153; стр. 237, № 210; стр. 265, № 256; АСЭИ, т. III, стр. 221, № 209.

[208] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею». Указатель к первым шести томам, стр. 113, 148, 166.

[209] ГВНП, стр. 170, № 111.

[210] Там же, стр. 237, № 210.

[211] Можно предложить и еще одно толкование грамоты № 108, но оно, по-моему, значительно менее убедительно. Если следовать за А. В. Арциховским в понимании слов «во възе» как «в возе» — на возу, а «пашено» как «пшено», то надо будет признать грамоту за письмо, говорящее о каких-то торговых операциях. Тогда придется допустить, что в клети находился хлеб, предназначенный для продажи. А «корстокыхо мородоко» — это, может быть, испорченная передача названий двух пошлин, взимаемых с проезжающих с товарами через таможенные заставы. «А на старых ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки с человека мортка»,— читаем в договорной грамоте московского великого князя Василия I и великого князя тверского Михаила Александровича (ДДГ, стр. 42, № 15).

ского наследства описывает грамота № 235 (XII в.) [212], в которой можно прочитать: «Отъ Судише къ Нажиру. Се Жядъке, послав ябетника дова, и пограбила мя въ братни долгъ. А я... о... о цене Жядку. А възборони емоу отине п... е на мя опас... еду в...»

А. В. Арциховский предлагает следующий перевод: «Жадок послал двух ябетников... Ябетники пограбили автора письма „в братни долг", т. е. конфисковали часть его имущества в счет долга его брата». Я ставлю этот текст в связь со ст. 95 Псковской судной грамоты, принимающей меры в отношении того, чтобы один из братьев, владеющих общим неразделенным отцовским имуществом, не истратил что-либо лично на себя [213]. В письме № 235 Судиша жалуется Нажиру (какому-то представителю власти) на Жадка (очевидно, кредитора его брата), который прислал двух ябетников (судебных исполнителей) в дом к жалобщику и его брату и взыскал «братний долг» из общего имущества. Судиша просит оборонить от подобных посягательств наследство отца, на которое он имеет такое же право, как и его брат; он собирается сам ехать об этом хлопотать.

Указание на спор наследников об имуществе, может быть, следует видеть в краткой записи № 73 (XIII в.) [214]: «На Смьне три [215] гривне со братомь». А. В. Арциховский по поводу этого текста замечает: «Кредитор записал должников». Возможно, это действительно долговой документ, своего рода кабала. Но не исключено и другое понимание. Три гривны — это наиболее часто встречающаяся в Русской Правде сумма штрафа за преступления. Не исключено, что и в рассматриваемом документе речь идет о штрафе, наложенном на Семена. Слова «со братомь» при таком толковании можно понимать двояко: или брат Семена, так же как он сам, привлечен к ответственности и оштрафован, или Семен наказан по делу со своим братом, по которому он признан виновным. Русская Правда говорит о спорах меж-

[212] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 56—58.

[213] ПРП, вып. II, стр. 298.

[214] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 75.

[215] Утверждение Б. Б. Кафенгауза, что в данном слове А. В. Арциховский неправильно прочитал букву «р» вместо «о», не соответствует действительности. Буква «р» читается достаточно ясно (*Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 169).

ду братьями, главным образом о наследстве [216]; такое дело, вероятно, и подразумевается в берестяной грамоте № 73. К какой среде принадлежали братья — сказать трудно.

Интересный материал содержит документ на бересте об опекунах, завладевших наследством, принадлежавшим опекаемым, а также отчимах — растратчиках имущества своих пасынков. В грамоте № 112 (XIII в.) [217], у которой оторваны начало и частично левый край, можно прочитать следующий текст: «...кою лар оу... пояле исполовницоу мою, телицоу вода... [?] т...[218] о племине мои ли ти тяжа, а поеди во городо хоняжи [219] на тои грамоте осподыни».

Раскрыть смысл грамоты не так легко. Речь идет о какой-то тяжбе, из-за которой адресат должен поехать в город: значит, он живет в сельской местности. Об остальном приходится догадываться. Думается, что на существо тяжбы может пролить свет ст. 93 Пространной редакции Русской Правды. В ней говорится, что опекун детей, у которых умер отец, а мать вторично вышла замуж, несет ответственность за их имущество и должен вернуть последнее по достижении ими совершеннолетия. При этом особо подчеркивается, что возврату подлежит и «плод» «от челяди... или от скота». Может быть, нарушение данной нормы Русской Правды и послужило причиной спора, отраженного в грамоте № 112. Автор письма обращается к какому-то лицу, защищающему его интересы, и рассказывает ему, что некто (опекун?) завладел его «исполовницей» и присвоил его телицу. Здесь, как и в Русской Правде, в один ряд ставятся «скот» и несвободный человек. Правда, «исполовницу» нельзя причислить к «челяди» (т. е. к холопам — рабам), но грань, разделяющая половника, близкого к закупу, и холопа, слишком неустойчива, и в данном случае очевидно, что оба тяжущихся были склонны рассматривать «исполовницу» как «рабу». Автор письма через своего адресата обращает к сопернику (опекуну?) вопрос: признаешь ли ты, что «исполовница» и «телица» — мои, и согласен ли их «водать» (отдать), или для решения этого вопроса нужна «тяжа»? Это опять-таки совсем по Русской Прав-

[216] Русская Правда Пространной редакции, статьи 89, 97, 100.

[217] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. ИГВ (1953—1954), стр. 42—43.

[218] Может быть, «водать»? (Буквами «вода» заканчивается одна строка, с буквы «т» начинается следующая.)

[219] А. В. Арциховский считает это слово именем собственным.

де, которая требует от истца, желающего вернуть присвоенное у него имущество, не заявить ответчику — «мое» («не рци ему — мое»), но действовать судебным порядком [220].

Имеющееся в письме слово «племя» («о племине») можно понимать двояко. Может быть, это тот «плод» (потомство) как от «исполовницы», так и от коровы, который имела в виду Русская Правда и из-за которого разгорелась «тяжа». Но не исключено и другое толкование. По ст. 93 Пространной Русской Правды опекуном несовершеннолетних должен быть кто-либо из родственников («...кто им ближии будеть»). Псковская судная грамота, говоря о спорах о наследстве умершего человека между его родственниками, употребляет в отношении последних термин «ближнее племя». Может быть, и берестяная грамота № 112, упоминая «о племине», подразумевает родственников, из которых один — опекун, другой — подопечный.

Какое-то участие в деле, освещаемом письмом № 112, принимает «осподыня» — «господыня» — «госпожа». Если при толковании текста исходить из ст. 93 Русской Правды, то следует считать «осподыню», так же как «господыню» в берестяной грамоте № 84, вдовой умершего собственника. Из-за ее вторичного замужества потребовалась опека над сиротами (по Русской Правде в таком случае опекуном мог стать их отчим). «Грамота осподыни» — это, возможно, завещание ее покойного мужа или запись о приеме его имущества опекуном. Под словом «ларь» надо понимать или просто ларец, где лежала «грамота осподыни», или, если следовать Псковской судной грамоте, действующий архив, своего рода государственный нотариат, куда передавались завещания, чтобы получить юридическую силу [221].

К № 112 близка по содержанию грамота № 9 (XI—XII вв.) [222]: «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отьць даялъ и роди съдаяли, а то за нимь. А ныне водя новоую женоу, а мъне не въдасть ничьто же, збивъ роукы [223], поустилъ же мя, а иноую поялъ. Доеди, добре сътворя».

Эта грамота подверглась, пожалуй, наибольшему числу толкований. Спор вызвал прежде всего вопрос о том, явля-

[220] Русская Правда Краткой редакции, ст. 13.

[221] ПРП, вып. II, стр. 288, статьи 14, 15.

[222] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 40—42.

[223] Другие варианты прочтения: «и зби в рукы...»; «изби в рукы...», «избив рукы...»

ется ли имя Гостята мужским или женским. А. В. Арциховский считал, что это мужчина. Его точку зрения поддержали В. И. Борковский [224] и Р. Якобсон [225]. М. Н. Тихомиров (а вслед за ним Ф. Ф. Кузьмин [226], В. К. Чичагов [227], М. В. Щепкина [228], Л. А. Булаховский [229], Н. А. Мещерский [230]), напротив, придерживаются мнения, что Гостята — имя или прозвище женщины; однако доводы этой группы ученых не столь убедительны.

По-разному толкуют исследователи и смысл грамоты № 9. По мнению А. В. Арциховского, «Гостята жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь на то, что тот приедет, сотворив добро, т. е. поможет». «...В рукы пустил...» В. И. Борковский толкует: заставил подчиниться.

По мысли М. Н. Тихомирова, Гостята — женщина, с которой муж самовольно (без санкции церкви) развелся, присвоив имущество, полученное ею от отца и родственников, и прогнал ее («и зби в рукы, пустил...»), приведя в дом новую жену. Л. А. Булаховский и Н. А. Мещерский, как и М. Н. Тихомиров, думают, что Гостята — жена, обиженная мужем, бросившим ее и женившимся вторично.

В. Л. Янин считает, что «злодеем Гостяты» был отчим, который после смерти ее (или его) матери женился вторично и попытался захватить в свои руки добро, по закону принадлежавшее детям его первой умершей жены [231]. Думаю, что В. Л. Янин ближе всех к истине.

[224] *В. И. Борковский.* Драгоценные памятники древнерусской письменности (ВЯ, 1952, № 3, стр. 133).

[225] *R. Jacobson.* Vestiges of the earliest russian vernacular («Word», vol. 8, № 4, p. 353—357; «Slavic Word», № 1, December, 1952, New York, p. 46—51).

[226] *Ф. Ф. Кузьмин.* Новгородская берестяная грамота № 9 (ВЯ, 1952, № 3, стр. 137—140).

[227] *В. К. Чичагов.* Филологические заметки (ВЯ, 1954, № 3, стр. 81—82).

[228] *М. В. Щепкина.* Рецензия («Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 160).

[229] *Л. А. Булаховский.* Рецензия («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», т. XV, вып. 1, 1956, стр 78).

[230] *Н. А. Мещерский.* НГБ («Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 97).

[231] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 170.

Итак, Гостята (вероятно, это юноша) приносит жалобу на отчима, завладевшего имуществом, которое передал ему отец и какие-то родичи. Что здесь имеется в виду? Ответ на вопрос дает Русская Правда, которая содержит детально разработанные нормы наследственного права. Согласно этому законодательному кодексу, каждый из детей умершего должен владеть тем, что покойный отец определил ему по завещанию: «Аже кто оумирая разделить дом свои детем, на том же стояти» (ст. 87). На тех же началах строилось и наследование по закону, при отсутствии завещания. Дети одной матери, но двух разных отцов наследовали каждый имущество своего отца: «Аже будуть двою мужю дети, а одиное матери, то онем своего отця задниця, а онем своего» (ст. 97). О своей доле отцовского наследства и говорит Гостята в первую очередь («еже ми отьць даялъ...»). Кроме того, он упоминает и то, что ему «роди съдаяли». А это что такое? Обратимся снова к Русской Правде.

По ст. 93 Правды, на которую мы уже ссылались, имущество малолетних сирот, лишившихся отца, в случае вторичного выхода замуж их матери, сдается при свидетелях в опеку кому-либо из ближайших родственников (опекуном может стать и отчим). «Аже будуть в дому дети мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати их поидеть замужь, то кто им ближии будеть, тому же дати на руце и с добыткомь и с домомь, донеле же возмогуть; а товар дати перед людми...» Когда сироты подрастут и достигнут правоспособности, опекун должен вернуть их имущество («а истыи товар воротить им») и уплатить стоимость того, что растратил («ростерял»).

Эти нормы Русской Правды проливают свет на то, что могло произойти с Гостятой. Предположительно дело обстояло так. Когда он еще был малолетним, у него умер отец, а мать второй раз вышла замуж. В связи с этим причитающееся Гостяте от отца наследство было взято в опеку. Сначала опекунами были какие-то родственники («роди», «ближии»), которые умножили имущество покойного Гостятина отца и вернули его с приращением («съдаяли»). Затем опекуном стал отчим Гостяты, который, напротив, присвоил доставшееся ему наследство («а то за нимь»). По закону он за это должен был ответить.

Нарушение отчимом закона о наследстве произошло тогда, когда он привел в дом новую жену. Надо думать, что мать Гостяты умерла и он остался круглой сиротой. Отчим

ему «не въдасть ничьто же», т. е. лишил всего принадлежащего ему по закону. Ведь ему полагалась, помимо отцовского имущества, находившегося под опекой, и материнская доля. «...Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матере своея...»,— говорит Русская Правда (ст. 88), т. е. в случае вторичной женитьбы кого-либо его дети от первой жены наследуют ее имущество. Это прямо подходит к случаю с Гостятой.

Обидев Гостяту, его отчим нарушил свое обязательство об опеке, которое оформлялось путем официальной передачи детей-сирот «на руки» опекуну: «дати на руце и с добыткомь и с домомь» (ст. 93). Расторжение этого договора и имеет в виду Гостята, говоря: «и збивъ рукы, поустилъ же мя». Он подчеркивает, что беззаконие было допущено отчимом в связи с тем, что он решил вторично вступить в брак: «а иную [жену] поялъ» (и ранее: «а ныне водя новую жену»).

Гостята обращается к Василью со словами: «Доеди, добре сотворя». Очевидно, он предлагает последнему помочь ему добиться по закону своих прав. Может быть, в это время Гостята уже достиг совершеннолетия.

Кто же такой Василий? Вероятно, один из тех «ближних», кто еще до отчима взял на себя надзор за имуществом Гостяты, или, еще правдоподобнее, один из тех «людей», перед кем опекун совершил, согласно Русской Правде, «ряд» об опеке. Как участник или свидетель дела о причитающемся Гостяте наследстве, он должен был естественно выступить по этому делу в суде.

Тема об отчиме-растратчике развивается и в грамоте № 163 (XII в.)[232], где говорится: «Поклания[ние от] Дьмяна ко Д...е парудова... А ты продае коне, колико ти водадя, а чето потеряеш[и], а то помени. А Кузеке соци, абы не истьряле куно. Лихе есте».

Текст этот труден для понимания. А. В. Арциховский переводит его следующим образом: «Поклон от Демьяна к Д... А ты продай коня за любую цену. А что на этом потеряешь, то помни. А от Кузьки требуй, чтобы он не растерял кун: он плох». Мне кажется, этот перевод требует уточнения. Прежде всего А. В. Арциховский опускает слово «парудова», которое, надо думать, происходит

[232] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* ИГБ (1955), стр. 48—50.

от глагола «порудити» — «рудити — нарушать, отменять[233]. Таким образом, письмо № 163 начинается с обвинения Демьяном своего корреспондента в каких-то правонарушениях. Далее автор письма поднимает ряд конкретных вопросов. Чтобы правильно понять их суть, необходимо вдуматься в смысл еще двух глаголов: «потеряеши» и «истьряле». А. В. Арциховский видит в первом из них указание на убыток, понесенный продавцом коня ввиду продажи его по дешевой цене. Второй глагол исследователь понимает буквально: «растерял». Между тем понимание обоих терминов («потеряеши» и «истьряле») значительно облегчается в результате привлечения ст. 97 Русской Правды, посвященной вопросам наследства. Там говорится, что дети одной матери от двух браков наследуют каждый имущество своего отца. А далее следует такое постановление: «Будеть ли потерял своего иночима что, а онех отця, а оумреть, то възворотить брату, на не же и людье вылезуть, что будеть отець его истерял иночимля» (т. е. если отчим растратит что-либо из имущества, принадлежащего его пасынку, и это будет подтверждено свидетельскими показаниями, то родной сын растратчика должен возместить потери своему пострадавшему брату по матери).

Итак, термины «потерял» и «истерял» здесь означают «растратил». Думаю, что таково же их значение и в берестяной грамоте № 163. Такое толкование вполне соответствует, во-первых, началу письма, содержащему упреки адресату в каких-то правонарушениях. Во-вторых, подобное толкование находит подтверждение и в последних словах грамоты: «Лихе есте». А. В. Арциховский относит их к имени «Кузька» и переводит: «он плох». Я считаю прежде всего, что выражение это как бы подводит итог всему письму и нет оснований связывать его только с тем, что сказано о «Кузьке». Кроме того, «лихе» значит не «плохой» или «плохо», а преступно, совершено по злому умыслу. В источниках под понятие «лихого дела» часто подводятся «разбой», «душегубство» (убийство), «татьба» (воровство), «ябедничество». В грамоте Василия II митрополичьему дому 1453 г. говорится, что в митрополичьих селах «чинится душегубства, и татьба, и

[233] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 1217; т. III, стр. 187.

иных лихих дел много»[234]. В 1485 г. Иван III поставил Троице-Сергиев монастырь под охрану пристава Сеньки Кулны; это было вызвано тем, что монастырским крестьянам «лиха чинится много: татбы и разбои»[235].

Все вышеизложенное дает основание считать, что письмо № 163 отличается единством по своей тематике и замыслу. Автор начинает с напоминания адресату о каких-то незаконных действиях, кончает новой квалификацией его акций в том же духе, а в середине своего послания дает ему два конкретных наставления. Первое я перевел бы так: «коня ты продай, но помни (веди учет тому), сколько за него получишь и сколько потом истратишь». Здесь речь идет именно об отчетности перед кем-то, а не о том, чтобы продать лошадь за любую цену. Второй совет можно передать следующими словами: «Потребуй по суду деньги, отданные Кузьке, чтобы он их не растратил». (В. И. Борковский правильно указал, что «соци» значит «ищи по суду», а не просто «требуй»[236].)

Если справедливы изложенные выше соображения, то естественно заключение, что Демьян выступает защитником чьих-то интересов, которые уже в прошлом затронул и может продолжать нарушать в будущем адресат. Вероятно, Демьян ратует за тех, кто еще сам себя защитить не может, т. е. за лиц несовершеннолетних. Привлечение статьи Русской Правды о растратчике-отчиме, думается, все разъясняет в грамоте № 163. Очевидно, Демьян обращается к отчиму-опекуну каких-то сирот, лишенных родного отца, судьба которых ему не безразлична. Адресат хочет продать коня из имущества опекаемых. Автор письма его предупреждает: что ж, продай, но помни, что тебе придется «платити детем тем» все, «что ли будешь ростерял»[237]; ты отдал детские деньги Кузьке,— требуй их судом назад, ибо есть угроза, что он их растратит.

Особый интерес представляет грамота № 198 (XIII в.)[238], ибо она говорит о выморочном имуществе, причем имуществе крестьянском. Текст документа сле-

[234] АФЗХ, ч. I, стр. 170, № 187.
[235] АСЭИ, т. I, стр. 390, № 516.
[236] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 105.
[237] Русская Правда Пространной редакции, ст. 93.
[238] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 16.

дующий: «От Сьмьюна. Сь возяло есмь у Храря задницю Шибьняцьву. А боль нь надобе никому».

А. В. Арциховский правильно привлекает для понимания этой грамоты ст. 85 Пространной Русской Правды: «аже смерд оумреть, то задницю князю; аже будут дщери оу него дома, то даяти часть на не; аже будуть замужемь, то не даяти части им». Весьма вероятно, что Шибанец — смерд, но не княжеский, а государственный, ибо дело было в Новгороде. Он умер, не оставив после себя ни сыновей, ни дочерей, могущих претендовать на наследство. Вследствие этого его имущество подлежало переходу в казну. Храрь, возможно, был представителем той общины, к которой принадлежал покойный Шибанец, облеченным какими-то полномочиями и ответственным за соблюдение закона. Поэтому под его охраной временно находилось выморочное смердье имущество. Поскольку у Шибанца наследников не оказалось, и это было проверено и официально зафиксировано, его «задниця» была затем передана Семьюну (Симеону) — вероятно, представителю правительственной власти.

Но Шибанца вовсе не обязательно считать государственным смердом. Он мог быть и частновладельческим вотчинным крестьянином. Случай с ним хорошо укладывается в рамки того правопорядка, который отражен в ст. 84 Псковской судной грамоты. Если в селе какого-либо землевладельца умирал изорник, у которого не было ни жены, ни детей, ни других родственников, то землевладелец мог продать имущество умершего в присутствии приставов и свидетелей из числа местных людей, а вырученную сумму взять себе в возмещение ссуды, в свое время выданной изорнику. В дальнейшем брат изорника или его другие родственники уже не имели права возбуждать иски относительно наследства[239].

Можно допустить, что Шибанец — крестьянин, у которого не было, говоря словами Псковской грамоты, «ни жены, ни детей, ни брата, ни племени»; Семьюн (Симеон) — землевладелец, в имении которого Шибанец жил и к которому должно было перейти по закону его выморочное имущество; Храрь — один из тех «сторонних людей», которые должны были следить за правильностью действий феодала при продаже «живота» умершего изорника.

[239] ПРП. вып. II, стр. 297.

Последняя фраза ст. 84 Псковской судной грамоты — «а потому племени изорничи, ни брату не сочит живота изорнича» вполне соответствует словам берестяной грамоты № 198: «а боль нь надобе никому».

Тому же сюжету, что № 198, посвящена грамота № 160 (XI—XII вв.) [240], в которой говорится: «От Василя къ Ростиху. Продаите половъи конь. А ризь икърипите, въ... [х]левъ, а буръруи напишите, нарядите же мужь, въложите же явъне». Перевод А. В. Арциховского такой: «от Василя к Ростиху. Продайте светло-желтого коня. А проценты (следуют непонятное слово и оборванное слово). А Бурорую напишите. Пошлите мужа. Вложите явно». Смысл остается все же не очень ясным.

По-видимому, «половъи конь» означает не «светло-желтый конь», а «конь половника» (крестьянина, закупа). Выражение «а ризь икърипити», надо думать, соответствует словам Пространной Правды: «рез погренути» [241]. Думаю, что речь идет об описи имущества покойного крестьянина, в соответствии с рассмотренными выше нормами Псковской судной грамоты, в возмещение выданной ему подмоги: «...государю... живот изорнич с приставами и сторонними людми попродавать да за свою покруту поимати» [242]. Об этом говорится в письме Василия к Ростиху (может быть, господина к приказчику). Василий велит продать коня половника [243] (вероятно, умершего), чтобы вернуть ссуду, в свое время ему данную (проценты господин прощает). Продажа должна быть совершена публично (явно), в присутствии свидетелей («мужей»). Не совсем понятна, видимо, испорченная фраза «в... [х]лев, а буръруи напишите». Думаю, что это распоряжение об описи остального скота, оставшегося у половника.

Заканчивая обзор берестяных грамот, посвященных вопросам наследственного права, нельзя не отметить, что в них сравнительно мало материала, изображающего непосредственно феодальный строй. В тех документах на бересте, которые касаются устройства дел умерших собствен-

[240] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 42—43.

[241] Русская Правда Пространной редакции, ст. 47.

[242] ПРП, вып. II, стр. 297, ст. 84.

[243] Русская Правда Пространной редакции говорит о том, что у закупа может быть свой («своискыи») конь (ст. 53).

ников и раздела оставшегося после них наследства, вопрос чаще идет о движимом имуществе. В грамотах № 227 и 108 говорится о земельных операциях, следовательно, о частной собственности на землю, но неясно, является ли эта собственность феодальной, То же можно сказать и о берестяных документах, касающихся опеки. И по их данным, в составе имущества фигурируют, как правило, денежный капитал, скот, наконец, рабы. Но все вышеизложенное отнюдь не означает, что берестяные грамоты рисуют общество, в основном дофеодальное. Правильнее будет сказать, что это общество было раннефеодальным, что шел процесс феодализации, хотя были еще весьма сильны пережитки патриархальных отношений. Упоминание в грамоте № 112 «исполовницы» как будто дает основание говорить о феодальной зависимости. А случаи с «задницей» Шибанца и с умершим половником Василия непосредственно ее характеризуют.

* * *

Берестяные грамоты конкретизируют и персонифицируют нормы Русской Правды. Перед глазами читателей проходят «головник» Нестер, вынужденный платить «виру» и обращающийся к денежной помощи своих сочленов по верви; укрывающийся от платежа «полувирья» Нежил; добивающийся правосудия муж избитой женщины; затеявший тяжбу с колбягами Матвей; купивший краденую корову Гучко и приобретший чужую рабу Жизномир, и многие-многие другие персонажи. Мы видим, как люди XI—XIII столетий подают иски в суд и отвечают по суду, страдая от «волокиты» и отводя «поклеп», как они приводят «послухов», «мечут жребий», «идут на воду», «топят по следу» вора и «сводят» с себя обвинение в краже, как общинники и родственники преступника разделяют с ним ответственность.

Внимание всех, кто знаком с материалом Русской Правды, касающимся роли ростовщического капитала в закабалении неимущих людей города и деревни, не могут не привлечь фигуры Лудислава, попавшего в цепкие лапы кредитора, или Уйки, которому посчастливилось сравнительно легко разделаться с ростовщиком-заимодавцем. Достаточно показательны образы Творимира и Фомы, разда-

вавших кабальные хлебные ссуды и оформлявших на «досках» обязательства своих должников.

Новгородские берестяные грамоты не только сохранили имена, но и запечатлели реальные действия ряда древнерусских купцов — Богши, Местилова сына, Семока, Кулотки, Лазовка, Гордея и других, и объединявших свои капиталы для совместной торговли, и конкурировавших друг с другом, и старавшихся погубить один другого.

Для общества, где господствовала частная собственность на землю, типичны фигуры Жадка, «пограбившего» при посредстве ябедников Судишу, или отчима Гостяты, выгнавшего его из дома. А на другом полюсе этого общества выступают беглые холопы; скованный Матвеец; проданная «исполовница»; закабаленный подмогой половник, имущество которого после смерти господин пускает в распродажу; смерды, грозящие побить «клеветника»; не имеющий собственной земли и пользующийся господской крестьянин Шибанец.

Все названные и не названные выше лица, столь различные и по общественному положению и по судьбам, жили в то время, когда новый феодальный порядок все больше заявлял о себе, но и старый патриархальный строй еще был жив, не ушел в прошлое. Отсюда столь причудливое переплетение старого с новым, отсюда приспособление общинных институтов к потребностям развивающегося раннефеодального общества. Берестяные грамоты ценны тем, что отразили всю пестроту и сложность общественной жизни и ее воздействие на живых людей.

Очерк четвертый

ЗЕМЛЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОБСТВЕННИКИ

В исследованиях, посвященных истории Великого Новгорода, достаточно показано, какую большую роль в развитии экономики Новгородской республики играло сельское хозяйство, раскрыто значение земельной собственности как источника богатства и политической силы боярства, выяснен процесс формирования феодальных отношений. Несмотря на то что исследователи располагают уже достаточным количеством земельных актов, чтобы охарактеризовать социально-экономические явления в новгородской деревне и вотчине, введение в научный оборот документов на бересте значительно обогащает наши возможности. Большое число берестяных грамот посвящено сделкам на землю и земельным спорам. Эти грамоты позволяют говорить о развитии частной собственности на землю, о борьбе за нее, о многообразии форм ее отчуждения и разработанности правовых норм, содействующих ее мобилизации.

§ 1. Земельные сделки и споры

Сведения о земельной собственности в берестяных грамотах идут с XI—XII вв. В отрывке грамоты № 338 (XI—XII вв.) [1] можно прочитать: «...Оушкове... сло ся во 7 гривно 30 гр[ивен]...» Слово «Ушково» — может

[1] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 26—28.

быть, географическое название. В грамоте великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю 1146—1155 гг. упоминается «Ушьково поле»[2]. В одной из новгородских «рядных» XV в. фигурирует село Ушаково[3]. Цифры 7 и 30 гривен — возможно, денежные суммы, связанные с какими-то сделками на земельное владение, именуемое «Ушково». Это или купля (с частичным погашением стоимости земли), или заклад, или еще какая-либо земельная операция[4].

По сохранившемуся окончанию грамоты № 175 (XII в.)[5] («...про зем... неделе, а тобе ся кланяю») можно только догадываться, что и здесь речь идет или о какой-то земельной сделке, или о тяжбе. Указания на подобные тяжбы имеются, например, в данной грамоте Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю конца XII в.: «Аще кто дияволъмь [нау]чен и злыми [человеки наважен цьто] хочеть отъяти, от нив ли, от пожьнь ли, или от ловищь...»[6]

Конечная фраза грамоты № 175 («а тобе ся кланяю») совпадает с формулой другого письма (№ 41), трактующего как раз о разрешении земельного спора («...землю вамъ оцистимъ, а вамъ кланяемся»).

К числу ранних земельных грамот относится № 232 (XII в.)[7]. В ней можно прочитать: «[во]зьми а т...номо... орати и цясть б... рнити, а ожь хоцет...» «Для толкования мало данных»,— говорит А. В. Арциховский. И это

[2] ГВНП, стр. 141, № 82.

[3] Там же, стр. 180, № 122.

[4] Менее вероятным является предположение, что на гривны здесь исчисляется штраф за преступление, совершенное кем-то из жителей села Ушкова. В Пространной редакции Русской Правды (ст. 21) говорится, что за усечение кому-либо руки, ноги, носа, повреждение глаза виновный уплачивает потерпевшему 10 гривен, а 20 гривен («полувирье») вносит в княжескую казну. В общем преступник штрафуется на сумму в 30 гривен, а эта сумма как раз и упоминается в грамоте № 338. Что касается 7 гривен, то при изложенном понимании грамоты можно думать, что это доля, вносимая в помощь виновному кем-то из общинников, участвовавших в круговой поруке, или какие-то дополнительные взносы самого виновного органам следствия и суда. Но, повторяю, этот второй вариант предложенной мною интерпретации грамоты № 338 мне представляется менее убедительным, чем первый.

[5] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 59—60.

[6] ГВНП, стр. 162, № 104.

[7] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 54—55.

действительно так. Можно сделать только небольшие замечания. Упоминаемый в тексте термин «ц я с т ь» — ч а с т ь свидетельствует, что речь идет о каком-то земельном участке, выделенном из общего владения (родственников или просто совладельцев). О таких земельных разделах не раз говорят новгородские акты XV в. Судя по одному из них, после смерти Федора Максимовича его внуку Матвею Ивановичу была отдана «шестая ч а с т ь изо всеи земле... ис полевои земле и из лешеи» [8]. Из другого документа узнаем, что Василий Федоров с детьми и двоюродными братьями договорились с посадником Иваном Даниловичем о выкупе у него «Андреева участка», границы которого обозначены так: «...за Волоком в Соломбале..., и в-Ыжме..., и в Лодме..., и в Уне, и в солоных местех в отцине его четвертая ч я с т ь, и в лесе и в воде в отцине его четвертая ч я с т ь...» [9] Какую-то долю земельных угодий, находящихся в совместном владении, представляла собой и та недвижимость, которой посвящена грамота № 232.

Термин «о р а т и» свидетельствует о том, что речь идет о пашенной земле. Глагол «орати» — «пахать» в сочетании с другими глаголами, указывающими на различные виды земледельческих работ, не раз встречается в актовом материале. Например, в грамоте XV в., составленной от имени Сидора Семенова, держателя церковной земли сказано: «А та земля Сидору сеять, и о р а т ь, и парить, и пожни очищать» [10]. В 1496—1498 гг. на суде В. Г. Зверева крестьяне Малоярославецкого уезда говорили: «а мы... пахали, о р а л и и бороновали» [11].

Наряду с пашнями, упоминаются и сенокосы. В отрывке грамоты № 103 (XII в.) [12] сказано: «Поокланя от Завида ко О... я пожь возми коро...»

А. В. Арциховский предполагает, что «пожь» — это «пожня»; оборванное слово «коро...» (существительное в винительном падеже после глагола «возми») значит — «корову» или «коробью». Принять первое предположе-

[8] ГВНП, стр. 179, № 122.
[9] Там же, стр. 186—187, № 130.
[10] Там же, стр. 268, № 260.
[11] АСЭИ, т. I, стр. 507, № 607.
[12] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 32.

ние А. В. Арциховского можно было бы при условии, что перед нами купчая. При продаже земельных угодий за них часто бралось, в качестве дополнения к денежной сумме, какое-либо животное, нужное в хозяйстве. Например, встречаем такие условия сделки купли-продажи: «дал есми на тои деревне и на тои ножне полтора рубля новогородского серебра, да корову пополика» [13].

Однако вряд ли грамоту № 103 можно считать за купчую. Для купчих характерно совершенно иное начало: «се купи...», «се купил...», «се купили...» [14], «се продала...» [15] и т. д. Начинать с «поклона», «покланяния» в документах этого рода было не принято. И указание на цену давалось не в форме «возьми» столько-то или то-то, а иначе: «и даша на том...», «и да на тои земле...», «а дал... на тои земли...» [16] и т. д.

Ближе к истине, по-моему, второе предположение А. В. Арциховского. Только думаю, что надо читать не «коробью», а «коробщину» (что значит натуральный налог с сенных угодий) [17]. Очевидно, грамота № 103 — распоряжение вотчинника приказчику о взятии «коробщины» за пожню.

Документами на бересте № 338, 175, 232, 103 пополняется очень ограниченный список известных новгородских земельных актов раннего времени, к которым принадлежат грамоты князей XII в.: Мстислава Владимировича, Всеволода Мстиславича, Изяслава Мстиславича Юрьеву и Пантелеймонову монастырям [18], данная Варлаама Хутынского [19]. То, что от берестяных грамот № 338, 175, 232, 103 сохранились лишь отрывки, конечно, умаляет их ценность. Мы не можем судить о категориях частных собственников, размерах их владений и т. д. Но увеличение числа находящихся в распоряжении исследователей наибо-

[13] АСЭИ, т. II, стр. 21, № 15.
[14] ГВНП, стр. 163, № 106; стр. 182, № 123; стр. 252, № 233.
[15] АСЭИ, т. II, стр. 15, № 1.
[16] ГВНП, стр. 165, № 108; стр. 179, № 121; стр. 189, № 133.
[17] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 36; *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, стр. 340—341.
[18] ГВНП, стр. 139—141, № 79—82.
[19] Там же, стр. 161, № 104.

лее древних источников по истории землевладения важно уже само по себе.

Не столь богаты по содержанию и весьма пострадали от времени и условий хранения и грамоты XIII в. Так, в небольшом отрывке № 291 [20] сохранились слова: «наш... ша з ь м л я и в о д а». Фрагмент этот слишком беден, чтобы по нему судить о содержании документа в целом. А. В. Арциховский приводит ряд выдержек из различных источников, в которых в том или ином контексте встречаются слова «з е м л я и в о д а». Пожалуй, больше всего могут дать для понимания текста № 291 соответствующие статьи Псковской судной грамоты. В ст. 9 говорится о «суде о з е м л и о полнеи или о в о д е». Ст. 79 предусматривает случай, когда собственники «имуть тягатся о з е м л и или о в о д е» [21]. Вероятно, какую-то земельную тяжбу имеет в виду и берестяное письмо № 291.

Некоторые берестяные грамоты представляют собой акты отчуждения земли. В отрывке берестяного документа, опубликованного под № 71 (XIII в.) [22], имеется краткая запись: «...иль дати ны селищь Тьрпила». Очевидно, это фрагмент данной грамоты на пустошь, где когда-то было село. До нас дошел ряд данных, новгородских и белозерских, сравнительно раннего времени. Многие из них отличаются большой краткостью, и в этом отношении близки к берестяной грамоте № 71.

Начальная статья данных грамот варьируется: «се въдале», «се дал», «се дасте», «се дасть», «се да», «се даша» [23], «се аз... дал», «се яз... дал» [24] и т. д. Один из вариантов этой статьи — «дати ны» — находим и в рассматриваемом берестяном документе № 71.

В некоторых новгородских данных говорится о дарении земли, ранее купленной. Тогда применяется такая формула: «купил есми землю..., а дал...» [25]; «се купи село..., и то село дал...» [26] Фрагмент грамоты № 71 начи-

[20] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 119—120.
[21] ПРП, вып. II, стр. 287, 296.
[22] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 73—74.
[23] ГВНП, стр. 161, № 104; стр. 213, № 171; стр. 226, № 192; стр. 242, № 218; стр. 303, № 312; стр. 309, № 323.
[24] АСЭИ, т. II, стр. 18, № 8; стр. 24, № 26.
[25] ГВНП, стр. 159, № 102.
[26] Там же, стр. 247, № 224.

шается буквами «иль». Может быть, это конец слова «купиль». Тогда речь здесь идет, как и в только что приведенных новгородских документах, о передаче собственником кому-то (частному лицу или корпорации) селища, до этого приобретенного путем покупки.

Слова «селищь Тьрнила» невольно вызывают в памяти Терпилов погост, к которому относится знаменитый документ XV в. — жалованная грамота новгородского веча тамошним «сиротам» (крестьянам), устанавливающая размер государственных повинностей («поралье и потуг») [27]. Исследовательница истории новгородского землевладения Л. В. Данилова пришла к выводу, что «Терпилов погост представлял собой крестьянскую общину, полностью освоенную крупнейшими новгородскими феодалами» [28]. Данная грамота № 71, по-видимому, отражает определенный момент в процессе перехода черной волости в частную феодальную собственность.

В противоположность № 71 грамота № 390 (XIII в.) [29] содержит сравнительно полный и очень ясно, отчетливо написанный текст: «Болого жь 2 жерьбья. Козьлеско, Плутьць 2 жерьбея. Во Подогореи плисина 2 жьребья. Старо поле, Завьтьрение по Рыдино 2 жеребья. А бороть по руцьи Поголиное и по коняжь людьщико до усть Воломи 2 жьрьбея. А Поголиное руцье за Ньтьцье и до Колина во Хомое и за Ивьницу. А Борославу другая сторона Нетьца по Цьрьтово руцьи и до вьрьховья и по путь Рыдьньскои».

На внешней стороне бересты имеются какие-то заметки, сделанные другим почерком: «Козелеско дорогу, не плисина, Завьтьрьние».

Изучение топонимики, отраженной в грамоте, привело А. В. Арциховского и А. И. Попова к выводу, что здесь имеется в виду местность в районе рек Мсты, ее притока Волмы и Ветренки, впадающей в другой приток Мсты — Хохловку (отсюда — Заветренье). Ряд географических названий, упомянутых в письме № 390, известен и по новгородским писцовым книгам.

А. В. Арциховский правильно, по-моему, указывает, что береста с текстом № 390 — это лишь один лист боль-

[27] ГВНП, стр. 146, № 89.

[28] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 16.

[29] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 90—94.

шого документа. Исследователь определяет его как «перечень земельных владений». Это определение повторяет и В. Л. Янин [30].

Я думаю, что перед нами «ободная» или «разводная» грамота, определяющая границы владений двух землевладельцев: Борислава и кого-то еще. Ориентирами при обмежевании являются р е к и, р у ч ь и, п л е с («плисина»), «л ю д ш и к и» (дороги), п у т и. Все это находит полную аналогию в известных нам документах подобного рода, писанных на пергамене или на бумаге. Вот, например, что мы читаем в одном из таких документов: «А обод тои земли от усть Хмелева р у ч ь я, от Быковои р е к и по Хмелевому р у ч ию вверх до п у т и, что п у т ь идеть от манастыря в Каковичи, что через Хмелевои р у ч ьи идеть п у т ь...» [31] и т. д.

«Обод», зафиксированный в грамоте № 390, мог быть следствием раздела, купли или других земельных операций. В документе указаны и пахотные земли («Старо поле»), и промысловые угодья («бороть»). Перечислены «ж е р е б ь и» (участки), принадлежащие по крайней мере одному из землевладельцев. Этот термин также не раз встречается в новгородских документах. Так, в одной из купчих XV в. говорится: «Се купи Вафромеи Гавриловичь у Демки и Орти Окинфовых детеи в Меншои Юры от устья и до верховья два ж е р е б ь я по обе стороны реки, и полешии лесы, и путики, и боброви ловища... наволоки...» [32]

Стремление к установлению границ своих владений, к отмежеванию их от владений соседей характерно для земельных собственников, как присуща им и тенденция прихватить при этом (по возможности в легальной форме) чужие участки. Поэтому и земельные тяжбы и «ободы» часто являются выражением борьбы за перераспределение земельной собственности. Ведущие эту борьбу стороны добиваются каждая у другой признания права на свою недвижимость путем оформления, согласно действующим юридическим нормам, соответствующего документа. Таким документом и является грамота № 390. Вырисовывается типичная вотчина, очевидно небольшая, состоя-

[30] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 391.
[31] ГВНП, стр. 264, № 255.
[32] Там же, стр. 235, № 206.

щая из ряда участков, перемежающихся с чужими участками и отделенных от последних природными границами, зафиксированными в акте размежевания.

Пожалуй, одной из наиболее интересных берестяных грамот XIII в., касающихся землевладения, является № 142 [33], ибо она в какой-то мере рисует внутренний уклад вотчины, раскрывает ее феодальный характер. Это целая бытовая картина: «От Есифа к- Ънфиму. Чтъ пришле от Маркь к тобе люди и [34] Олькса, или къ жене мъеи, отвецаи ему такъ: какъ еси дъкъпчалъ Марке съ мнъю, мне выехати на Петръво дьне к тобе и росмътрити сьла своегъ, тъбе ръже свъя сняти, а мне наклады твое дати, а истина дана. А четъ омьше пришлю, и вы имъ къне мъи голубыи даите, съ людми дате, съохе не кладе. А не възме, и вы во стадъ пустите педъ людми. Пусти на немъ тяжя, а не на мне. А язо ся саме с нимо уведаю».

А. В. Арциховский предлагает следующий перевод текста: «От Есифа к Онфиму. Если пришлет от Марка к тебе людей Олекса или к жене моей, отвечай ему так: как ты, Марк, договорился со мною, я выеду к тебе на Петров день и осмотрю свое село, а ты снимешь свою рожь, а я отдам тебе проценты, а основной капитал отдан. А если я пришлю сошники, тогда вы им дайте моих голубых коней, с людьми дайте, не запрягая в сохи. А если он не возьмет, пустите их в стадо перед людьми. Пусть он начинает тяжбу, а не я. А я сам с ними сговорюсь».

Это перевод буквальный и как таковой его в основном можно принять. Но он требует комментария, которого у А. В. Арциховского нет. Б. Б. Кафенгауз считает, что в рассматриваемой грамоте «речь идет о закладе села, о займе под залог земли. Должник, заложивший свою землю, уже отдал долг и за ним осталась лишь уплата процентов, он хочет вернуть себе село, предоставляя кредитору лишь право собрать последний урожай» [35].

По-моему, из вывода Б. Б. Кафенгауза можно исходить при дальнейшем анализе берестяной грамоты № 142. Заложил село, вероятно, землевладелец Есиф Онфиму, может быть, своему родственнику по жене, ибо она продол-

[33] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 20—21.

[34] А. В. Арциховский читает: «людии».

[35] *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 173).

жает жить в заложенном имении. Затем Есиф выкупил село, вернув Онфиму взятую у него сумму. В Петров день (29 июня) он должен заплатить еще проценты с этой суммы (возможно, хлебом), и тогда село вернется в его владение. В период действия договора заклада Онфим собирает с земли урожай. Все это обычные условия закладных на вотчины, которых сохранилось достаточное количество [36]. Правовые нормы, в них содержащиеся, вполне совпадают со всем вышеизложенным.

Но на заложенную землю предъявляют претензии и другие лица, Марк и Олекса [37], которые могут прислать своих людей в село, очевидно, для производства там сельскохозяйственных работ. Как возникли эти претензии? Судя по сохранившимся закладным, землевладельцам, бравшим у кого-либо взаймы деньги, под залог имения, запрещалось обращаться к другим кредиторам за деньгами для выкупа земли («а в людеи иим кун не имати, а выкупити иим та земля своими кунами») [38]. Вероятно, Есиф преступил эту норму и сделал заем у Марка или Олексы или у них обоих, а они почувствовали себя хозяевами его села и решили послать туда своих людей. Есиф решил рассчитаться с ними конями редкой масти, поручив Онфиму передать им лошадей перед свидетелями. В то же время он просит Онфима проследить, чтобы посланцы Марка и Олексы не впрягли лошадей в сохи для работы на пашне, на что те считали себя вправе как кредиторы Есифа. Наконец, предполагается, что люди Марка и Олексы могут отказаться получить долг конями. Тогда Есиф просит Онфима вернуть лошадей в табун, но сделать это опять-таки в присутствии свидетелей, которые в случае тяжбы могли бы подтвердить, что он не отказывается уплатить долг, однако тяжбу предлагает начать своим заимодавцам (Марку или Олексе).

Мог быть и другой источник претензий Марка и Олексы на землю Есифа. На него проливает свет ст. 104 Псков-

[36] АСЭИ, т. I, № 513, 514, 536, 579, 650; т. III, № 62, 151, 261, 367; АФЗХ, ч. I, № 77, 78, 263, 304; ч. II, № 54, 194; ГВНП, № 152, 196, 197.

[37] По-моему, надо читать: «Чтъ пришле от Маркъ к тобе люди и Олькса...» При чтении, предложенном А. В. Арциховским («Чтъ пришле от Маркъ к тобе людии Олькса»), получается непонятный перевод: «Что пришлет от Марка к тебе людей Алекса».

[38] ГВНП, стр. 229, № 197.

ской судной грамоты, которая предусматривает случай спора между несколькими лицами о земле, принадлежавшей покойному вотчиннику и заложенной последним каждому из них («А которыи исцы вымут на оумершего заклад грамоты двои, или троп, или пятеры на одну землю...») [39]. Возможно предположить, что владелец села (в момент составления грамоты уже умерший), от которого она перешла к Есифу, дал ее в заклад Онфиму, Марку и Олексе, интересы которых теперь столкнулись. Словом, берестяная грамота № 142 рисует интересный случай конфликтов, возникавших на почве борьбы за перераспределение феодальной земельной собственности.

Переходя к грамотам на бересте XIV—XV вв., мы должны с сожалением констатировать, что ряд их дошел до нас, так же как тексты XIII в., в столь дефектном виде, что на пути их прочтения возникают не всегда преодолимые трудности. От грамоты № 26 (XIV в.) [40] отрезан левый край, поэтому ее почти невозможно разбить на слова. В большинстве случаев выделяются предположительно лишь части слов: «...оп та на... у мъю и... а съ съве... въеи лю... мь зьмл... [з?]ьмъле ц... вемъ д... ня ерм... и пръ ту... даю... п... е так... нюю а ть»

Видно, что речь идет о земле. Встречается термин «даю» (хотя, может быть, это последний слог какого-то другого слова). Можно предположить слово «лю[ди]» или «лю[дем]», «лю[дьми]». Все это позволяет думать, что говорилось о какой-то земельной сделке: дарении недвижимости или чем-нибудь подобном [41].

Аналогичной теме посвящена и грамота № 250 (XIV—XV вв.) [42], от которой сохранилось очень немногое: (...детми съ племенемъ Луцнов... нне со братею Федоре лену... и... еве на рициции... ове Костке с детми би... ко Олексинъ...»

Нашедший грамоту С. Н. Орлов отметил, что «общее

[39] ПРП, вып. II, стр. 299.

[40] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 28.

[41] Совсем мало доступен для прочтения отрывок грамоты № 386 (XIV в.): «...ь у тьбя го і го... воцу і о земл[е]» (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 87). Понятно лишь, что речь идет о земле. Дважды встречающийся в тексте знак, транскрибированный как «и десятиричное», может быть, является разделительным знаком.

[42] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 76—77.

содержание документа восстановить невозможно». То же указывает А. В. Арциховский: «Для перевода текст слишком отрывочен». С. Н. Орлов предполагает, что в ней или содержался «наряд-задание группе людей на выполнение определенного вида работ», или имелось «определение размера феодальных повинностей» [43].

Выводы С. Н. Орлова не подкрепляются сопоставлением данного текста с другими известными типами документов. Попытаемся провести такое сопоставление. Бросается в глаза некоторая близость грамот № 250 и 136. Последняя — это договор группы крестьян с землевладельцем о натуральных повинностях: «се доконьцяху Мыслове дете Труфале з братьею...» В числе повинностей упомянуты «3 горсти лену» (т. е. льну). Можно подумать, что и в № 250 выступает какой-то коллектив крестьян-родственников (глава большой семьи с «детми, с племенем... со братею»), который по договору обязуется давать Федоре (землевладелице?) в виде повинности лён. Однако остальное содержание документа не подтверждает такое толкование, ибо в нем больше нет указаний на что-либо, напоминающее оброк.

Скорее следует предположить, что некто с детьми и «с племенем», фигурирующий в начале грамоты № 250,— это не зависимый от феодала крестьянин, а земельный собственник, сама же грамота — документ, оформляющий какую-то сделку на землю с размежеванием границ владений данного землевладельца от участков других. Поэтому в тексте и фигурирует такое большое количество имен. Землевладельцы выступают родственными группами. Дважды упоминается выражение «с детми», один раз — «с братею», один раз — «с племенем».

Все это находит параллель в известных новгородских актах XIV—XV вв. Так, до нас дошла купчая Акинфия, Ивана, Марка и Федора у Гошкуя, Якова, Бориса и Игната Жирятиничей на Разуев остров. В ней говорится: «А боле Жирятиничямо ненадобе у Пикиниче земли, увидаются Гошкуи, и Яково, и Борис сами с своим племенем»; «А стояло у печяти Гошкуи отто всего племени» [44]. Здесь, как и в берестяном письме № 250, действу-

[43] *С. Н. Орлов, Б. В. Хрычиков.* Новый документ древнерусской письменности («Ученые записки Новгородского гос. педагогического института», т. II, Ист.-фил. факультет, вып. 2, 1957, стр. 242—243).

[44] ГВНП, стр. 163, № 106.

ской судной грамоты, которая предусматривает случай спора между несколькими лицами о земле, принадлежавшей покойному вотчиннику и заложенной последним каждому из них («А которыи исцы вымут на оумершего заклад грамоты двои, или трои, или пятеры на одну землю...») [39]. Возможно предположить, что владелец села (в момент составления грамоты уже умерший), от которого она перешла к Есифу, дал ее в заклад Онфиму, Марку и Олексе, интересы которых теперь столкнулись. Словом, берестяная грамота № 142 рисует интересный случай конфликтов, возникавших на почве борьбы за перераспределение феодальной земельной собственности.

Переходя к грамотам на бересте XIV—XV вв., мы должны с сожалением констатировать, что ряд их дошел до нас, так же как тексты XIII в., в столь дефектном виде, что на пути их прочтения возникают не всегда преодолимые трудности. От грамоты № 26 (XIV в.) [40] отрезан левый край, поэтому ее почти невозможно разбить на слова. В большинстве случаев выделяются предположительно лишь части слов: «...оп та на... у мъю и... а съ съве... въеи лю... мь зьмл... [з?]ьмъле ц... вемъ д... ня ерм... и пръ ту... даю... п... е так... нюю а ть»

Видно, что речь идет о земле. Встречается термин «даю» (хотя, может быть, это последний слог какого-то другого слова). Можно предположить слово «лю[ди]» или «лю[дем]», «лю[дьми]». Все это позволяет думать, что говорилось о какой-то земельной сделке: дарении недвижимости или чем-нибудь подобном [41].

Аналогичной теме посвящена и грамота № 250 (XIV—XV вв.) [42], от которой сохранилось очень немногое: (...детми съ племенемъ Луцнов... нне со братою Федоре лену... и... еве на рицици... ове Костке с детми би... ко Олексинъ...»

Нашедший грамоту С. Н. Орлов отметил, что «общее

[39] ПРП, вып. II, стр. 299.

[40] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 28.

[41] Совсем мало доступен для прочтения отрывок грамоты № 386 (XIV в.): «...ь у тьбя го і го... воцу і о земл[е]» (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 87). Понятно лишь, что речь идет о земле. Дважды встречающийся в тексте знак, транскрибированный как «и десятиричное», может быть, является разделительным знаком.

[42] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 76—77.

содержание документа восстановить невозможно». То же указывает А. В. Арциховский: «Для перевода текст слишком отрывочен». С. Н. Орлов предполагает, что в ней или содержался «наряд-задание группе людей на выполнение определенного вида работ», или имелось «определение размера феодальных повинностей» [43].

Выводы С. Н. Орлова не подкрепляются сопоставлением данного текста с другими известными типами документов. Попытаемся провести такое сопоставление. Бросается в глаза некоторая близость грамот № 250 и 136. Последняя — это договор группы крестьян с землевладельцем о натуральных повинностях: «се доконьцяху Мыслове дете Труфале з братьею...» В числе повинностей упомянуты «3 горсти лену» (т. е. льну). Можно подумать, что и в № 250 выступает какой-то коллектив крестьян-родственников (глава большой семьи с «детми, с племенем... со братею»), который по договору обязуется давать Федоре (землевладелице?) в виде повинности лён. Однако остальное содержание документа не подтверждает такое толкование, ибо в нем больше нет указаний на что-либо, напоминающее оброк.

Скорее следует предположить, что некто с детьми и «с племенем», фигурирующий в начале грамоты № 250,— это не зависимый от феодала крестьянин, а земельный собственник, сама же грамота — документ, оформляющий какую-то сделку на землю с размежеванием границ владений данного землевладельца от участков других. Поэтому в тексте и фигурирует такое большое количество имен. Землевладельцы выступают родственными группами. Дважды упоминается выражение «с детми», один раз — «с братею», один раз — «с племенем».

Все это находит параллель в известных новгородских актах XIV—XV вв. Так, до нас дошла купчая Акинфия, Ивана, Марка и Федора у Гошкуя, Якова, Бориса и Игната Жирятиничей на Разуев остров. В ней говорится: «А боле Жирятиничямо ненадобе у Пикиниче земли, увидаются Гошкуи, и Яково, и Борис сами с своим племенем»; «А стояло у печяти Гошкуи отто всего племени» [44]. Здесь, как и в берестяном письме № 250, действу-

[43] *С. И. Орлов, Б. В. Хрычиков.* Новый документ древнерусской письменности («Ученые записки Новгородского гос. педагогического института», т. II, Ист.-фил. факультет, вып. 2, 1957, стр. 242—243).

[44] ГВНП, стр. 163, № 106.

ют большие родственные семьи, договаривающиеся о своих поземельных делах.

Упоминание в грамоте № 250 «лену», может быть, имеет в виду не крестьянский оброк, а посевы льна. Ведь указываются же в новгородских актах огороды, репища, хмельники [45] и т. д. Обрывок уцелевшей в тексте № 250 фразы — «...еве на р и ц и ц и», возможно, свидетельствует, что дело здесь шло не только о земельных участках, но и о речных угодьях (рыбных ловлях). Свет на этот текст проливает одна купчая XV в., в которой говорится, что некоему Игнатию нерешла «в р и ц к и цетвертая цясть» [46].

К той же категории документов, определяющих сталкивающиеся друг с другом права собственников на землю, что и № 250, принадлежит отрывок грамоты № 274 (XIV в.) [47], в котором говорится: «...тромъ пошле 10 рубльвъ. А братье не надъби...» Это столь ничтожный фрагмент, что пытаться восстановить на его основе содержание всего документа — дело безнадежное. Однако высказать мотивированные соображения об общем характере грамоты можно. Помогает здесь формула «а б р а т ь е н е н а д ъ б и». Обычно она употребляется при сделках на землю, когда часть родственников устраняется от владения недвижимым имуществом. Так, в духовной Остафия Ананьевича Своеземцева 1393 г. читаем: «А что бабе нашеи Федосьи купля в Подберезьи Киселево село, а то ми з братом з Григорьем напол, а С е м е н у [д я д е] т у н е н а д о б и. А что купля отца моего Яковково село Тавруева, то сыну моему чисто по купным грамотам отца моего, а С е м е н у [д я д е] и Г р и г о р ь ю [б р а т у] т о н е н а д о б и» [48].

По аналогии с приведенным текстом допустимо сделать вывод, что грамотой № 274 была также оформлена какая-то земельная операция (купля-продажа, раздел с доплатой кем-то из участников указанной суммы в 10 рублей и т. д.). При этом оговаривалось, что имеющиеся у одного из контрагентов родственники («братья»), со сторо-

[45] ГВНП, стр. 215, № 174; стр. 239, № 213; стр. 217, № 225.
[46] Там же, стр. 241, № 216.
[47] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 100—101.
[48] ГВНП, стр. 167, № 110.

ны которых можно было бы ожидать претензий на землю, являющуюся объектом отчуждения. теряют на нее права.

Полагаю, что к № 274 приближается по содержанию грамота № 18 (XV в.) [49]. От нее отрезан кусок, что затрудняет раскрытие ее смысла. Однако сохранившийся текст, вопреки утверждению А. В. Арциховского, можно попытаться разбить на слова: «...[здоро]вия [50] брат(ь)и [51] его к Ти... [52] ь... на доре по ме[сту]... иде на новок па... нет, не буде от ва[с]... е жалуете, ино... бывать, а вамъ».

Конечно, и при таком расчленении текста он остается загадочным, ибо слишком много в нем разрывов. Но, может быть, слова «на доре по ме[сту]... иде на ново» свяжутся в нечто цельное, если мы привлечем для сравнения купчую середины XV в. Мелентия Ефимовича Чевака у Онцифора Андроникова на перевесище в Неноксе и «поженьку на Нижнои реки по новому месту, отьчину его, чим владел Ончифор по уделу отьча своего» [53]. Надо думать, что о таком же «новом» (вновь освоенном) «месте» идет речь и в грамоте № 18. Оно досталось автору (или авторам) этого письма от прежнего владельца. Но у того были совладельцы («братья»). К ним и обращается автор (или авторы) грамоты № 18 с просьбой о признании за ним (или за ними) прав на недвижимость. За словами «не буде от ва[с]», вероятно, следовало: «вступати никто» (или что-то в этом роде) [54]. Например, один завещатель — Мартемьян, передавая по духовной свои владения жене и детям, писал, обращаясь к братьям: «а вы, братья моя, в то село и в земли не вступаитеся» [55].

Разграничению земельных участков разных собствен-

[49] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 17—18.

[50] В ряде писем на бересте их авторы говорят о своем «здоровье» (благополучии) или желают его адресатам: «...я ...добръ, здоровъ» (№ 69); «а иное все добро, здорово» (№ 122); «а иное все добро, здорово здесе» (№ 129); «а дома здорово» (№ 286); «в вашемо здоровие» (№ 304).

[51] Буква «и» стоит над словом «брат» и, по-видимому, относится к нему. А. В. Арциховский отнес эту букву к несохранившемуся тексту предшествующей строки.

[52] Здесь могло быть: «Ти[мофию]» (см. № 17); «Тимоще» (см. № 300).

[53] ГВНП, стр. 218, № 179.

[54] Там же.

[55] Там же, стр. 195, № 144.

ников посвящен отрывок грамоты № 368 (XIV в.) [56]: «Се благослови, попе Максиме, ...село..., а земля тому селоу по зарубъ Синофо... ему».

А. В. Арциховский в общем правильно уловил смысл документа, отметив, что в нем обозначается граница земельных владений. Поп Максим мог быть как землевладельцем, так и просто участником размежевания. В известных нам документах попы фигурируют в качестве писцов «отводных» («разводных», «разъезжих») грамот и в качестве «мужей» при установлении границ спорных владений [57]. В 1494 г. происходило размежевание земель Симонова монастыря и И. М. Тверитинова. Архимандрит послал на «развод» келаря Ивоню, попа Мартирия и ряд «знахарей» из числа крестьян. «Знахари» должны были идти «с-ыкопою пречистые образом» и указывать межу, а келарю Ивоне предстояло следовать за ними, «ямы копать, и грани класть, и потесы тесать» [58].

Может быть, и поп Максим, упомянутый в берестяной грамоте № 368, подобно Мартирию, «разъезжал» свои и чужие (или только чужие) владения. «Разъездщиком» или землевладельцем был и Синофонт — Ксенофонт (так реконструирует А. В. Арциховский имя лица, полностью не сохранившееся из-за дефектности грамоты). Возможно, что земельный спор, окончившийся полюбовно «разводом», как раз и шел между Максимом и Ксенофонтом.

Под «зарубом» А. В. Арциховский понимает срубленные и поваленные или просто подрубленные деревья. Вернее всего последнее толкование. «Заруб», мне кажется,— это «грань» на пограничном дереве. Перечислением таких «граней» заполнены «разъезжие» грамоты. В одной из них встречаем выражение: «и ты грани п е р е р у б и» [59]. Это значит, что надо было уничтожить «з а р у б» как межевой знак.

Отрывок грамоты на бересте № 257 (XIV в.) [60] несколько напоминает № 142, ибо также касается случая заклада вотчины: «...а Яккуну серьбро даи, а жебеи возми, а гра-

[56] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 66—67.

[57] АСЭИ, т. II, стр. 109—110, № 173; стр. 118—119, № 187; стр. 172—174, № 260.

[58] Там же, стр. 427, № 408.

[59] АФЗХ, ч. I, стр. 165, № 182.

[60] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 83—84.

моту с тобо сшишемо, на зими... мо, а к намо, г[осподи]нь, о всемо... шли».

«Жебеи», как думает А. В. Арциховский,— испорченное слово «жеребей» (один слог в нем пропущен). Речь идет, очевидно, о земельном участке. До нас дошла, например, закладная кабала первой четверти XV в. Ивана Кабачина игумену Кирилло-Белозерского монастыря Христофору на «свои жеребеи» — «пожню на Намчерове наволоце» [61].

Думаю, что и общий смысл грамоты № 257 легче уловить, если привлечь для ее комментирования одну из обычных новгородских кабал XV в. Так, например, Богдан Ермолин взял у Устиньи, жены тысяцкого Василия, взаймы 10 рублей, под заклад вотчины, доходами с которой Устинья могла пользоваться вместо процентов с долговой суммы, вплоть до возврата долга Богданом. «А володети Устеньи и еи детем тымы селы... без вывета на свое серебро на десять рублов за накладе, докуль Богдане Ермолине десять рублов отдаст Устеньи, тысячкого жене Васильеве» [62]. При заключении договора займа присутствовали «люди добрые со обе половине», т. е. свидетели с обеих сторон: и кредитора, и должника.

Вероятно, адресат грамоты № 257 тоже занял деньги («серебро») у Якуна и заложил кредитору участок («жеребей») своей земли. Автор письма советует должнику отдать долг Якуну и взять у него назад землю. При этом автор указывает, что к зиме он вместе с адресатом составит грамоту (очевидно, выкупную), а пока просит сообщать ему обо всем, касающемся выкупной операции.

Кем же было написано письмо? Очевидно, лицом, весьма заинтересованным в делах того землевладельца, к которому он обращался,— скорее всего, послухом, присутствовавшим в свое время при оформлении договора займа.

Интересные вопросы ставит перед исследователем грамота № 318 (XIV в.) [63], в которой право собственности на землю рассматривается в сочетании с правом собственности на людей. Читается ее текст легко: «Се купило Михало у князя великого бороце, у Василия, Одреяна кузнеця, и Токову, и Островну, и Ротковпци, Кодраця, и Ведрово. Да

[61] АСЭИ, т. II, стр. 40, № 62.
[62] ГВНП, стр. 311, № 326.
[63] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 151—153.

2 рубля и 3 гри[в]ны дасте Яковъ. Атно [64] се замешете [65] Михалу брату, егдасте [66] серебро двое».

А. В. Арциховский в целом правильно раскрыл смысл документа на бересте № 318. «Борец» — сборщик дани («черного бора»). «Борцы» упоминаются, например, в откупной грамоте на суд в Обонежье 1434 г. [67] В середине XV в. новгородское правительство дало великому князю Василию II грамоту на «черный бор» в Торжке; в ней было указано, сколько предписывалось «брати князя великого черноборцем на новоторжьскпх волостех на всех...» [68]

Судя по берестяному письму № 318, великокняжеский «борец» Василий продал некоему Михаилу ряд поселений: Токову, Островпу, Ротковици, Кодраця, Ведрово. Два из них (Токова, Островна) упомпнаются в новгородских писцовых книгах [69]. Остальные три пазвания находят там если не полную, то весьма близкую аналогию (Ротовец, Кодарья, Ведерниково-Ведрилово) [70].

Неизвестно, были ли куплены Михаилом перечисленные пункты с крестьянами или их там не было. Некоторые документы говорят о приобретении феодалами земель с крестьянским населением. Так, в 1460 г. великий князь Василий II дал Симонову монастырю жалованную грамоту на два озера «по Новогородцкой рубеж» «да и люди по обе стороны» одного из озер [71]. В конце XV в. князь Федор Борисович «пожаловал» Симопову монастырю в своей «отчине» во Ржеве те же озера, земли «да и те... люди дал им старожилцов, которые живут на тои земле». В 1470 г. князь Андрей Васпльевич «променил» игумену Саввино-Сторожевского монастыря черные тяглые деревни и вместе с ними крестьян-старожильцев [72]. В 1458—1459 гг. киев-

[64] В. И. Борковский считает слово «атно» опиской и читает: «ато» — «атъ» — пусть (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 181).

[65] По мнению В. И. Борковского, слово «замешете» — описка; надо — «замешкаете».

[66] По мнению А. В. Арциховского и В. И. Борковского, следует читать: «егда дасте».

[67] ГВНП, стр. 149, № 93.

[68] Там же, стр. 38—39, № 21.

[69] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею». Указатель к первым шести томам. Пг., 1915, стр. 180, 208.

[70] Там же, стр. 111, 145, 195.

[71] АСЭИ, т. II, стр. 353, № 360; см. также № 365.

[72] Там же, стр. 450, № 417; т. III, стр. 89—90, № 58.

ская княгиня Анастасия с детьми передала Троице-Сергиеву монастырю две волости в Малоярославецком уезде, Передол и Почап, «со всеми приселкы, и со всеми пошлинами, и с людми, што издавна к тым волостем прислушали, и к тым приселком...» [73]

Из новгородских берестяных писем о купле-продаже «сирот» (крестьян) свидетельствует грамота № 178.

В грамоте № 318 указано, что Михаил, кроме селений, купил кузнеца. Может быть, последний принадлежал к крестьянскому населению тех сел или деревень, которые «борец» Василий продал Михаилу, а возможно, это был вотчинный ремесленник — холоп.

Фразу о плате за покупку В. И. Борковский переводит так: «И два рубля и три гривны даст Яков. Пусть (в смысле: имеет право) это задержит (дать) Михаилу брату, в том случае, если (когда) даст серебра вдвое». Смысл такой: брат Михаила Яков пусть заплатит «борцу» Василию за селения и кузнеца из суммы, которую он должен Михаилу. Задержка с его стороны приведет к тому, что ему придется уплатить двойную сумму.

Но мне думается, что текст можно объяснить и иначе. Михаил совершает покупку от собственного имени и от имени своего брата Якова. Причитающуюся с него долю денег он «борцу» Василию уже уплатил, не упоминая об этом специально в грамоте. Яков долю, ему причитающуюся, внесет позже; а если не захочет этого сделать, то Михаилу придется платить вдвойне (и за себя, и за брата). Это случай совладения вотчиной двумя родственниками.

Земельная сделка и земельная тяжба — явления близкие, часто органически между собою связанные и одно из другого вытекающие. Двусторонние и многосторонние операции с землей вызывают споры, доходящие или не доходящие до суда. Разбирательство этих споров на суде часто заканчивается соглашением и приводит к заключению новой сделки. В актах, оформляющих права собственности на недвижимое имущество (в грамотах купчих, данных меновных и т. д.), борьба интересов, и классовых и внутриклассовых, проявляется не в меньшей мере (хотя, может быть, в более завуалированной форме), чем в материалах судопроизводства. Этот вывод подтверждают те документы, которые говорят о земельных исках и их разборах.

[73] Там же, т. I, стр. 200, № 279.

В сохранившемся фрагменте грамоты № 41 (XIV в.) [74], представляющем собой конец документа, написано: «...те даите намъ волно ходи... купахъ, землю вамъ оцистимъ, а вамъ кланяемся».

А. В. Арциховский считает, что адресатами письма были феодалы, а авторами — вассалы, может быть, крестьяне. В письме, по мнению А. В. Арциховского, содержится ходатайство о каких-то вольностях, а затем идут денежное обязательство и обещание «очистить землю»; последнее можно понимать двояко — или как освобождение земли от залогов и недоимок, или как ее очистку от камней или пней. В. И. Борковский [75] и Л. П. Жуковская [76] принимают первый вариант толкования выражения «очистить землю», не прибавляя ничего нового к комментарию А. В. Арциховского,— все же очень неясному. О каких вольностях, о каких залогах или недоимках идет речь?

Ближе к истине, как нам представляется, подходит Б. Б. Кафенгауз. Он думает, что крестьяне или мелкие земельные собственники, от которых исходит грамота № 41, уступили землю в качестве залога при займе новгородскому феодалу или ростовщику. Поскольку настал срок уплаты денег, они просят об освобождении их от долга при условии передачи земли кредитору с обязательством считать ее свободной от возможных долгов или претензий. Но и точка зрения Б. Б. Кафенгауза нуждается в коррективах [77].

Для уяснения смысла грамоты № 41 очень важно правильно понять слова «...те даите намъ волно ходи...» Думаю, что фразу в полном виде можно реконструировать так: «...даите намъ волно ходи[ти роте]». Это означает: дайте нам добровольно принести присягу на суде. Выражения «роте ити», «ити роте», «идти на роту», «поити на роту» встречаются в Русской Правде [78]. О «вольной роте» говорит Псковская судная грамота [79]. Мало убедительна попытка Б. Б. Кафенгауза сопоставить слова «волно ходи...

[74] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 40—41.

[75] *В. И. Борковский.* Новые находки берестяных грамот (ВЯ, 1953, № 4, стр. 126).

[76] *Л. П. Жуковская.* НБГ. М., 1959, стр. 63.

[77] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 170.

[78] Русская Правда Пространной редакции, статьи 17, 25, 32, 44, 45, 47.

[79] ПРП, вып. II, стр. 291, ст. 34.

кунахъ» с другим текстом Русской Правды, где нет речи о «роте»: «...наимиту (закупу) свобода во всех кунах» [80]. Здесь ставится вопрос не о земле, как в грамоте № 41, а о закабаленном зависимом крестьянине, в случае злоупотреблений господина получающем свободу. Поэтому данный текст для комментирования берестяного письма непригоден.

Итак, в грамоте № 41 упоминается о присяге по спорному земельному делу. Очевидно, перед нами отрывок судного списка, согласно которому «на роту» идут или ответчики (крестьяне или собственники-феодалы), или «знахари», «мужи», привлекаемые судьями для «отвода» земельных границ (обычно крестьяне-старожильцы). Само изложение речи тяжущихся или их свидетелей в берестяном документе № 41 напоминает манеру и стиль рассказа, характерные для известных нам судных списков. В одном списке «мужи» истца заявляют судьям: «д а й т е нам, господине, с ними («мужами» ответчика) п о л е, целовав животворящи крест, да лезем с ними на поле битися» [81]. В другом случае старожильцы стороны, возбудившей дело, обращаются к суду почти с аналогичными словами: «д а и нам, господине, с ними (старожильцами противной стороны) б о ж ь ю п р а в д у, целовав крест, да лезем с ними на поле битися» [82]. «Б о ж ь я п р а в д а» — это «божий суд» — своеобразная система средневековых судебных доказательств, куда входили как присяга («рота», «крестное целование»), так и поединок («поле»), на практике, по-видимому, применявшийся редко. Может быть, и в грамоте № 41 тяжущиеся или послушествовавшие на суде лица соглашались не только на «роту», но и на «поле», о чем, возможно, говорилось в дефектной строке.

Присяга дается относительно «кун», ее цель — «о ч и с т и т ь з е м л ю». Как все это понять? Ответ дают акты о переходе земельных участков от одних владельцев к другим. Продавец обещает лицу, покупающему землю и уплачивающему за нее деньги («куны»), самому выступать на суде, если кто-либо в дальнейшем предъявит иск в отношении отчуждаемой недвижимости. Он должен сам отвести все претензии и своими средствами ликвидировать любые денежные обязательства, с данной недвижимостью связан-

[80] Русская Правда Пространной редакции, ст. 55.
[81] АСЭИ, т. I, стр. 248, № 340.
[82] Там же, стр. 574, № 651.

ные. Приведем несколько подобных условий из новгородских купчих грамот: «Аже кто почне вступатся или в землю, или в пожни, или в лес, или въ что ни хотя, а то очищивати Прокую з детми...»; «А очищивати та земля и пожня Матфею Урвану и его детем»; «А хто почне наступати на ти земли, што очищивати ти земли Онцифору и его детем...» [83]

Теперь можно совершенно отчетливо представить себе содержание берестяной грамоты № 41. Кто-то продал свою землю. Затем о земле возникло судебное дело. Прежний собственник, давший в свое время обязательство ее «очищать», должен был выступить на суде. Сам он или привлеченные им послухи-«знахари», доказывая, что спорная земля более никому не отчуждалась, потребовали от судей решения дела присягой (а может быть, и «полем»).

Берестяной документ № 41 несколько напоминает грамота № 312 (XIV—XV вв.) [84], текст которой может быть воспроизведен лишь очень отрывочно: «...толкко за нами словъ пр... поедъ. Онанья тебе зовета ...нонке... господине, не вожевалъ...»

Невозможно предложить связный перевод текста. На основе отдельных слов и полуслов нельзя с достаточной уверенностью уловить и его общий смысл. Могу предложить очень гипотетическое толкование грамоты, отнюдь на нем не настаивая и не преувеличивая степень его убедительности. Не идет ли в данном документе (как и в № 41) речь о каком-то земельном споре и не ведется ли при этом изложение от лица одной из сторон или (что еще вернее) от лица свидетелей — «знахарей»? Предложение «...толкко за нами словъ» весьма напоминает обычную формулу свидетельских «сказок»: «то их (или «наши») и речи» [85]. Словом «поедь» обычно начинается в судных списках обращение «знахарей» — «старожильцев» к судьям с предложением произвести земельный «разъезд». Например: «а поеди, господине судья, и мы монастырьскую землю от великого князя земли отведем» [86]. Термин «зовета» указывает на вызов в судебную инстанцию или призыв

[83] ГВНП, стр. 179, № 121; стр. 206, № 160; стр. 217, № 177.
[84] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 145—146.
[85] АФЗХ, ч. III, стр. 18, № 47.
[86] АСЭИ, т. II, стр. 423, № 406.

приступить к исполнению какой-либо судебной процедуры. Так, в Псковской судной грамоте встречаем такие выражения: «а которои позовник поидет иса з в а т и на суд...»; «...на роту не з в а т и» [87]. Слово «в о ж е в а л» — того же корня, что и термины «в е с т и», «п о в е с т и», «о т в е с т и», «о т в о д ч и к», «о т в о д». «Не вожевал» означает: до сих пор еще не производил земельного «отвода» (в то время как сейчас решено организовать межевание). Итак, не представляет ли грамота № 312 отрывок судного списка?

Земельный спор, отразивший классовые противоречия между феодалами и крестьянами, рисует грамота № 53 (XIV в.) [88]. Она читается таким образом: «Поклонъ от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, и Озерици у мене сено отъяли. Спиши списокъ с купной грамоте да пришли семо. Куды грамота поведе, дать мн розумно» [89].

А. В. Арциховский считает, что перед нами «переписка между мужем и женой»; Петр был «рядовым горожанином, который имел свои покосы и косил сам»; «будь он феодалом, хотя бы мелким, крестьяне не решились бы отнять у него сено». По мнению Б. Б. Кафенгауза, «частые дела о нарушении права собственности как со стороны соседа феодала, так и со стороны крестьян не позволяют делать подобный поспешный вывод. Автор письма мог быть и феодалом, а нарушителями его права на пожню скорее всего были жители села Озеры, т. е., вероятно, крестьяне» [90].

Обратим прежде всего внимание на то, что Петр просит Марью (это не обязательно его жена) прислать список с «к у п н о й» (купчей) грамоты на землю, с которой свезено сено. Грамота ему, очевидно, нужна для того, чтобы при подаче в суд жалобы можно было на ее основе определить границы принадлежащего ему земельного участка и выяснить, оттуда взято сено или нет. Подобный (или во всяком случае близкий) к рассматриваемому случай имеет в виду ст. 106 Псковской судной грамоты, в которой

[87] ПРП, вып. II, стр. 289, ст. 25; стр. 291, ст. 35.

[88] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 56—57.

[89] В. И. Борковский (Новые находки берестяных грамот — ВЯ, 1953, № 4, стр. 127) слова «куды грамота поведе...» относит к предыдущей фразе. Н. А. Мещерский (НБГ — «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 105) читает не «дати» (дать), а «да ти», считая это выражение за союз перед придаточным предложением цели.

[90] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 171.

говорится об установлении по «купной» грамоте «меж» земельного участка одного из сябров, т. е. одного из членов группы лиц, совместно владеющих землей [91]. Л. В. Данилова показала, что «сябренное» землевладение или «складничество» было распространено среди самых различных слоев новгородского общества [92]. Среди новгородских документов имеются образцы грамот, исходящих от группы боярских сябров, к которой принадлежат посадник, сын посадничий и т. д. [93] Л. В. Данилова убедительно доказывает, что социальная сущность боярского складничества заключалась в объединении средств производства и сил для совместного наступления на крестьянскую общину [94].

Сопоставляя берестяную запись № 53 со ст. 106 Псковской судной грамоты и с новгородскими документами о сябрах, можно сделать вывод, что Петр и Марья являлись сябрами-феодалами, а лица, отнявшие у них сено,— крестьянами. По Новгородской судной грамоте один из сябров («шабров»), начавший земельный иск, имел право получить от суда отсрочку для предъявления документов на землю или представления совладельцев землей, причем он должен был под присягой назвать имя совладельца, у которого находятся документы («а ему сказать шабра своего на имя, за кем управы лежат по крестному целованью») [95]. Так и поступил Петр. Мы видим, что берестяная грамота № 53 содержит свежие данные о «сябренном» землевладении в Новгородской земле.

О земельных спорах, затрагивающих интересы крестьян, говорит, по-видимому, грамота № 283 (XIV в.) [96]. Вот сохранившийся ее текст: «...уцинилъ. Пособи, бога деля, по сиротахъ. Да попецалуся о мне, перостави сеникъ. Уцини ми добро. А язъ тобе много кланяся, брату своему. А да купи ми...»

Автор письма и адресат — очевидно, люди одного социального положения. За это говорит формула обраще-

[91] ПРП, вып. II, стр. 299—300.

[92] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 82.

[93] ГВНП, стр. 164, № 107; стр. 165, № 109.

[94] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 263.

[95] ПРП, вып. II, стр. 215.

[96] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957). стр. 110—111.

ния — «брат», могущая обозначать как родство, так и общность положения на лестнице феодально-иерархических отношений. В то же время просительный тон всего письма («пособи, бога деля...», «...понецалуся о мне», «уцини ми добро», «а язъ тобе много кланяся...») свидетельствует, что автор грамоты во многом зависит от адресата как человека экономически и политически более сильного. Очевидно, переписка идет между двумя «братьями» (по отцу или по классу), но один — более зажиточный феодал (или горожанин), другой — более мелкий.

Слово «сирота» может означать: или осиротевший человек, или крестьянин. Может быть, автор письма просит адресата помочь ему и его осиротевшим детям (если они остались без матери). Возможно, он сам лишен отца и матери и поэтому называет себя сиротой. Не исключена, наконец, возможность, что это просто фигуральное выражение.

Но все же, вероятнее, что речь идет о крестьянах. Чтобы аргументировать такое предположение, надо прежде всего прокомментировать основную реальную просьбу, содержащуюся в письме: «...перостави сенникъ». Я думаю, эта просьба означает, что адресат занял постройкой (клетью, пристроенною к сеням, сараем или сеновалом) землю, которую автор письма считал своей, и последний желает, чтобы были восстановлены нарушенные границы. В судных списках и правых грамотах постоянно встречаются указания на такие застройки чужой территории, приводящие к конфликтам и тяжбам. В 90-х годах XV в. старец Троицкого монастыря Маркел судился с дворцовым истопником Антоном Гладким. «Жалоба ми, господине, на того Онтона,— говорил истец судье,— поставил у нас на тех монастырских землях на селищех, на которых стоишь..., избу да клеть; а те, господине, селища монастырские нашего села Бебяковского» [97]. В те же примерно годы поп Григорий обвинял перед судьей двух черных крестьян: «...поставили у меня, господине, сее весны на поле на ржи и на яри о Офонасьеве дни ту избу да клеть силно, да и пожни мои, господине, покосили на пять рублев, а досталь, господине, пожен потравили» [98]. Повторяю, подобных случаев можно извлечь из актового материала до-

[97] АСЭИ, т. I, стр. 449, № 571.
[98] Там же, стр. 461, № 582.

статочно. Один из них, очевидно, отражен в берестяной грамоте № 283.

Адресат возвел хозяйственные (или жилые) постройки на земле автора письма. Последний, в достаточно почтительных выражениях, просит перенести их. Он (как можно думать) ссылается при этом на то, что пострадали не только его личные интересы (отсюда просьбы — «попецалуся о мне», «уцини ми добро»), но и интересы его крестьян (отсюда слова — «пособи, бога деля, по сиротахъ»). А в конце письма, может быть, содержалось предложение совершить какую-то сделку на землю: «а да купи ми...»

Итак, тема о земле пронизывает ряд берестяных грамот. Упоминания земли появляются уже в ранних документах на бересте (XI—XII вв.), а с течением времени становятся все более частыми. Это свидетельствует, что земля имела важное значение для экономики страны, что ее роль в жизни людей той поры была весьма заметной.

Наблюдения над берестяными грамотами позволяют говорить о развитии частной земельной собственности. Ее характерным признаком является наличие границ, определяющих сферу распространения прав землевладельцев. Поэтому вопросы обмежевания («разъезда», «развода», «обода») занимают видное место в тематике, которой посвящены разнообразные разобранные документы. Последние содержат также материал, рисующий конкретные формы реализации земельными собственниками принадлежащего им права отчуждения недвижимостей (дарение, заклад, купля и т. д.). Некоторые из берестяных грамот представляют собой частные акты на землю, юридически оформляющие ее переход из рук в руки. На основании рассмотренного материала можно судить и о характере добровольных сделок, отражающих общность интересов тех или иных групп землевладельцев, и о столкновениях между ними (явных или прикрытых) на почве борьбы за земельные богатства. Захваты и тяжбы, равно как и «полюбовные» (употребляя терминологию источников) размежевания и разделы,— явления, в одинаковой мере показательные для общества, где земля была основой производства, источником обогащения. Мобилизация земельной собственности в разных проявлениях и формах показывает такую ее роль.

К сожалению, изученные грамоты часто не дают материала для суждения о том, кто были земельные собствен-

ники, в них упоминаемые или подразумеваемые, как не содержат и достаточно данных для выявления антагонистического характера земельной собственности в феодальном обществе. Лишь в некоторых документах на бересте можно найти прямые или косвенные указания на то, что характеризуемая ими собственность на землю сочеталась с правом на труд зависимого крестьянства, т. е. была феодальной по своей сущности. В № 71 можно уловить намек на возникновение феодальной вотчины в результате захвата общинных черных крестьянских земель.

В ряде берестяных грамот нет и такого намека. И лишь приходится догадываться, что собственники земель были феодалами. Само назначение многих документов таково, что в них не требовалось раскрывать существо производственных отношений в тех вотчинах, которые они называли. Зачем, например, было это делать в разъезжих грамотах, раз при размежевании главным вопросом было направление границ вотчины, а не ее внутренняя структура? Поэтому можно думать, что рассмотренные грамоты на бересте рисуют картину феодального землевладения (по преимуществу мелкого и среднего) даже тогда, когда прямо об этом в тексте не говорится. Но, конечно, не исключена возможность наличия и земель еще свободных крестьян-собственников, так же как и горожан.

Интересной чертой поземельных отношений было наличие землевладения складнического, «сябренного» (коллективного). Его социальную сущность грамоты на бересте не всегда раскрывают достаточно отчетливо. Выше уже говорилось, что это явление, характерное для феодального общества. Для представителей господствующего класса складничество было условием, благоприятствующим производственному процессу, и формой, в которой оно противопоставляло свои землевладельческие позиции позициям крестьянства. Но опять-таки можно допустить, что берестяные грамоты рисуют не только боярское, но и крестьянское складничество.

Процесс феодализации сложен, длителен и противоречив, и, пытаясь заставить заговорить документы на бересте, надо делать это так, чтобы через них заговорили все классы феодального общества и по возможности полным голосом рассказали о различных сторонах жизни той эпохи, о тех противоположностях, в столкновениях которых шло развитие.

§ 2. Условные земельные держания

Для феодального общества типично наличие условных держаний. Земельный собственник — феодал передает во временное владение держателю участок принадлежащей ему земли, населенной крестьянами или пустующей и подлежащей заселению. Держатель в течение какого-то вперед обусловленного срока или бессрочно, вплоть до отнятия у него земли собственником, пользуется доходами с нее, а сам выполняет определенные обязанности (военные, по хозяйству и т. д.) в отношении своего патрона. Система условных держаний отвечала экономическим интересам земельных собственников, ибо давала им возможность через других лиц добиваться призыва крестьян на запустевшие или еще не освоенные земли и приведения их в должное хозяйственное состояние. Политическое значение данной системы для вотчинника-феодала заключалось в том, что он обеспечивал при ее помощи себе контингент слуг, на которых мог опереться. Наличие в среде феодалов цепи условных землевладельцев разных степеней и рангов, связанных между собой поземельными и служебными отношениями, деливших доходы с земли, находящейся в пользовании крестьян и обрабатываемой трудом последних, сообщало феодальной земельной собственности расчлененный характер. Письма на бересте содержат материал для характеристики земельных держаний.

Большой интерес представляет грамота № 243 (XV в.) [99]: «Поклонъ от Сменка от Корелина. Пришле, господине, т кобе па село на Пытарево, цимъ его пожалуешь, и ты, осподине, прикажи всякое слово, и язъ торбе, своему господину, цоломъ бею».

А. В. Арциховский явно недооценил значение данного документа. Считая, что это письмо ключника, исследователь нашел его довольно бессодержательным: «ключник сообщает, что он ждет распоряжений хозяина». С бо́льшим вниманием отнесся к грамоте № 243 В. Л. Янин, полагавший, что в ней запечатлен один из крестьянских переходов. «Такие переходы,— пишет В. Л. Янин,— приводили к заключению договора между крестьянином и его новым

[99] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 65—66. В тексте грамоты две описки: «т кобе» вместо «к тобе» и «торбе» вместо «тобе».

господином. Договор, заключенный с Семеном Корелиным, нам, к сожалению неизвестен» [100].

Думаю, что В. Л. Янин неправ. Семен Корелин скорее — не крестьянин, а слуга, который «б ь е т ч е л о м» боярину о «п о ж а л о в а н и и» его селом, т. е. о передаче ему села в держание. Условные держатели (на разные сроки) земельных владений как светских, так и духовных феодалов принадлежали к разным слоям господствующего класса, в том числе и к привилегированным. Так, в 1460 г. митрополит Иона «п о ж а л о в а л» князя Д. И. Ряполовского, «по прошенью его и по ч е л о б и т ь ю», дал ему в пожизненное пользование («до его живота») село Кусуново во Владимирском уезде [101]. В 1492 г. митрополит Зосима выдал жалованную грамоту Г. Д. Мочале Лыкову на пожизненное владение пустошами в Волоцком уезде [102]. В конце XV в. сын боярский Богдан Микулин в течение трех лет «держал» село Почап, Малоярославецкого уезда, принадлежащее Троице-Сергиеву монастырю. Одно время то же село «держал... монастырю на соблюденье» боярин Ф. В. Хромой [103].

Таким же держателем села Пытарева хотел, видимо, стать Семен Корелин. Он просит землевладельца закрепить за ним жалованной грамотой это владение и определить условия пользования им.

К тому же циклу грамот, что и № 243, относится, по-моему, № 104 (XIV в.) [104]. Здесь привлекает внимание чрезвычайно колоритное выражение: «А земля сама ся окупить твоимъ здоровиемъ». Этой фразой заканчивался не сохранившийся полностью текст. А. В. Арциховский видит здесь «любопытный разговорный оборот»: земля сама себя окупит тебе на здоровье.

Я думаю, что прежде всего следует уточнить смысл последних слов: «т в о и м ъ з д о р о в и е м ъ». Они, по-моему, означают не — «тебе на здоровье», а «при твоей жизни», «если ты будешь жив». Такой вывод, мне кажется, можно сделать, например, из последовательного рассмотрения начальных статей княжеских духовных грамот. Великий

[100] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 166.
[101] АФЗХ, ч. I, стр. 159, № 174.
[102] Там же, стр. 52, № 35.
[103] АСЭИ, т. I, стр. 506—507, № 607.
[104] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 32—34.

князь Иван Калита, его сын Иван Иванович, Василий I указывают, что они пишут свои завещания «в своем здоровьи»[105]. Князь Владимир Андреевич Серпуховской, его вдова, великий князь Василий II употребляют другую формулу — «при своем животе»[106]. Но все завещатели хотят сказать одно и то же: они делают распоряжения, пока еще живы-здоровы. Такой же смысл в выражение «твоим здоровием» вкладывает и берестяная грамота № 104.

А что значит фраза: «земля сама ся окупить»? Это яркий образ, но если заменить его сухими экономическими категориями, то получится следующее: земля окупит свою стоимость, доходы с нее возместят затраченную на нее денежную сумму. Как уже достаточно говорилось, сохранился ряд документов об отдаче крупными земельными собственниками свободным держателям в условное, в том числе в пожизненное, владение («до живота») земельных участков. Согласно содержащимся в них условиям временные владельцы не должны были отчуждать полученные земли («ни продати, ни променити, ни в закуп не дати...»), а после смерти держателей они возвращались собственникам со всеми произведенными на них улучшениями («а что... уродиться хлеба, или животины, или иное что будет...»)[107].

Может быть, какие-то поземельные отношения, похожие на только что описанные, отразились и в грамоте № 104? Возможно, автором письма был собственник, имевший в виду пожизненного держателя земли и указывавший ему на ее доходность, делающую выгодной эксплуатацию, а не отчуждение.

Отрывок грамоты № 15 (XV в.)[108] А. В. Арциховский прочитал так: «...Нестерка г[осподи]ну Ивану Борисо...[109] мя, г[осподи]не, еси пожаловал». Перед именем «Нестерка» в тексте видны еще какие-то буквы, которые А. В. Арциховский восстанавливает как «тые». В действительности же можно прочитать: «члбтье» (т. е. челобитье). Другими

[105] ДДГ, стр. 7, № 1; стр. 15, № 4; стр. 55, № 20; стр. 57, № 21.
[106] Там же, стр. 45, № 17; стр. 71, № 28; стр. 93, № 61.
[107] АСЭИ, т. I, стр. 433, № 556.
[108] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 15.
[109] «Борисо», конечно, начало отчества, пишет А. В. Арциховский, но неизвестно, как его продолжить: «Борисову» или «Борисовичу».

словами, перед нами «челобитье» некоего Нестора [110] о пожаловании. Если сопоставить грамоты № 243 и № 15, то можно высказать предположение, что Нестор бьет челом и просит пожаловать его землей. Об Иване Борисовиче, к которому обращается Нестор, в тексте № 15 каких-либо сведений, разъясняющих его положение, нет. Но до нас дошли письма его отца Бориса (№ 43) и матери Настасьи (№ 49). Мы узнаем из них, что родители Ивана были феодалы и владели одной из новгородских усадеб [111].

Мне думается, что тематически с группой перечисленных выше документов на бересте связана также грамота № 270 (XIV в.) [112]. От нее оторвана вся правая половина. Поэтому читается весьма отрывочный текст: «Поклонъ от Окру... А что земля... сове, а [113] ту землю... нъкине дети... свою чада ль ми... [го]сподинь дал...»

Приходится начать с обычной оговорки о затруднительности по фрагменту воссоздать содержание целого. По-видимому, автор письма сообщает адресату о каком-то земельном споре. Построение фразы «а что земля..., а ту землю...» обычно встречается в актах в тех случаях, когда речь идет о тяжбах или о разделах недвижимых имуществ. Например: «А что отцына моя и дедина моя, земля и вода, ...а в тои земле мне з братом з Григорьем половина...» [114]

В берестяной грамоте № 270 фигурируют по меньшей мере две спорящие стороны, ибо говорится о земле «...сове» (возможно, Амосове, Борисове, Власове и т. д.) и о претензиях, которые предъявляют на землю «...нкине (Мартемьянкине, Мартынкине, Обакункине и т. д.) дети». Встречающееся и далее слово «чада» свидетельствует о том, что одна сторона представлена группой родственников. Наименование в одном случае землевладельца полным именем, а в другом — употребление в отношении главы семьи формы обращения, подчеркивающей известное неравенство, говорит, что спор идет между людьми разного социального положения: между крупными и мелкими фео-

[110] Слова «челобитье», «целобитье», «цолобитье», «челом бью», «целом бью» и т. д. встречаются в берестяных грамотах № 22, 31, 32, 94, 102, 129, 135, 140, 157, 167, 290, 297, 306, 307, 309, 311, 354.

[111] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 40.

[112] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957). стр. 95.

[113] А. В. Арциховский с союза «А» начинает новое предложение.

[114] ГВНП, стр. 166, № 110.

далами, может быть, между феодалами и черными крестьянами и т. д.

Наконец, слова «[го]сподин дал» могут означать отдачу земли собственником в держание. Существовали разработанные формулы таких пожалований. Например: «се яз... пожаловал (такого-то)..., дал есмь ему село (такое-то)...»[115] Или: «се яз... дал есмь сию грамоту господину своему..., что мя господин мои пожаловал... сельцом...»[116]

Можно предложить такое, конечно, весьма гипотетическое, толкование грамоты № 270. Приказчик дает знать землевладельцу, что землю, пожалованную им кому-то, чье имя оканчивалось на букву «с» («...сова земля»), оспаривают «...нкипе дети» (мелкие собственники или крестьяне). А возможно, было и иначе: автор письма жалуется, что о земле, данной господином в держание ему («даль ми»), затеяли тяжбу другие претенденты.

Приведенный материал об условных земельных держаниях при всей его фрагментарности и случайности весьма важен для исследователя истории землевладения XIV—XV вв. Челобитные Семена Корелина и Нестора своим «господам», т. е. патронам, а также другие охарактеризованные выше источники должны привлечь внимание историков.

§ 3. Иммунитет

Иммунитет представляет собой один из характерных феодальных институтов, он является, как известно, атрибутом феодальной земельной собственности. Мне кажется, что внимательный анализ некоторых документов на бересте дает возможность уловить в них указания на иммунитетные привилегии новгородских вотчинников.

Начнем с разбора грамоты № 3 (XIV в.)[117]: «Поклонъ от Грикши къ Есифу. Прославъ Опанья, молв[и]... язъ ему отвечалъ: не реклъ ми Есифъ варити перевары ни на кого. Опъ прислалъ къ Федось: вари ты пивъ, седишь на безатьщине, не варишь жито...» Это лишь отрывок письма, часть которого (кусок первой строки и конец) утрачены.

[115] АФЗХ, ч. I, стр. 159, № 174.
[116] Там же, стр. 55, № 40.
[117] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 26—28.

В. Л. Янин считает, что Есиф — феодал, Онанья — его приказчик, Грикша и Федосья — зависимые от Есифа крестьяне. Онанья потребовал от Грикши, чтобы тот варил пиво (термин «перевары» имеет ряд значений, в том числе означает и напиток). Грикша отказался, ибо это не являлось его повинностью. Федосья же, сидевшая на «безатьщине» — земельном участке, перешедшем к ней от отца, не имевшего сыновей, обязана была варить пиво, ибо это, вероятно, входило в круг повинностей ее отца [118].

Думаю, что смысл грамоты несколько иной. Вряд ли Грикша — крестьянин. Крестьяне не обращались так вольно с землевладельцами (без слова «господине»). Это скорее приказчик Есифа. А Онанья — это, вероятно, какой-то представитель новгородской администрации, претендовавший на получение повинностей с владельческих крестьян Есифа. Наводит на эту мысль интересная данная грамота 1470 г. боярина Ивана Васильевича Своеземцева (сына посадника) Богословскому Важскому монастырю на два села. В ней говорится: «И те села ведает игумен и старци, а кунщики мои с тех селян кун не берут, и иных никаких пошлин, ни приказщик мои к ним не въежжает, ни перевар не пиет, ни пошлин не емлет, ни бирчь имп не наряжает, опроче городного дела, а ведают те селяне дело монастырьское» [119].

Это податной иммунитет. Боярские сборщики податей или приказчики не должны приезжать во владения монастыря, производить с монастырских крестьян каких-либо денежных сборов, требовать с них напитков (меда, пива), привлекать к трудовым повинностям (кроме строительства укреплений). Крестьяне должны знать лишь «дело монастырское», т. е. выполнять повинности в отношении духовной феодальной корпорации, на землях которой они живут.

Таким же иммунитетом пользовались, по-видимому, и владения Есифа. Об этом приказчик последнего Грикша заявил Онанье (лицу, наделенному административными полномочиями), когда тот потребовал от него «варити перевары». Очевидно, этим требованием Онанья нарушил вотчинный статус, выраженный в формуле: пусть никто «перевар не пиет» в селах иммуниста.

[118] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 36.
[119] ГВНП, стр. 282, № 281.

Натолкнувшись на отпор Грикши, Онанья обратился, минуя приказчика, непосредственно к крестьянке Федосье, сидевшей на «б е з а т ь щ и н е». Может быть, это место текста станет яснее в свете некоторых других документов. В выписке из вкладной книги Солотчинского Рязанского монастыря 1691 г. приводятся сведения о жалованных данных грамотах рязанских князей XIV—XV вв. на земельные владения с предоставлением судебного и податного иммунитета. Земли иногда жалуются с «б е з а т ш и н а м и» [120]. Последний термин обозначает и крестьянский земельный участок, держатель которого умер, не оставив сыновей, и пошлины, которые взыскивались с нового держателя, получавшего этот участок. Предоставление Солотчинскому монастырю иммунитета с включением «б е з а т ш и н» означало, что все доходы с них должны были идти не князю и его агентам, а монастырской братье.

Аналогичные порядки, вероятно, существовали и в имениях Есифа. Поэтому попытка Онанья привлечь, в обход приказчика, Федосью к варке на него пива была таким же нарушением вотчинного иммунитета, как и его первоначальные поползновения в отношении Грикши в обход самого феодала.

Думается, что к вопросу об иммунитете имеет отношение и грамота № 5 (XIV в.) [121], дефектная в начальной части. Она читается так: «...дав... сифа къ Матфею. Постои за нашего сироту, молви дворянину Павлу Петрову брату дать грамоте; не дасть на него».

А. В. Арциховский считает, что грамота адресована: «от Есифа». В. И. Борковский, восстанавливая дефектные места, предлагает следующее чтение: «Поклон от Давыда и от Есифа к Матфею» [122].

М. Н. Тихомиров и А. В. Арциховский предполагают, что перед нами письмо, говорящее о холопе или зависимом человеке, за которого надо «постоять на суде»; возможно, что дело идет о закрепощении свободного человека путем выдачи на него официального документа — грамоты, известной под названием дерноватой.

[120] АСЭИ, т. III, стр. 367, № 341а.

[121] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 32—34.

[122] *В. И. Борковский*. Драгоценные памятники русской письменности (ВЯ, 1952, № 3, стр. 135).

По-разному исследователи толкуют последнюю часть грамоты. М. Н. Тихомиров, В. И. Борковский, Л. П. Жуковская видят в «дать» одно слово, А. В. Арциховский и Н. А. Мещерский — два: «да ть» (т. е. «да те») [123]. В соответствии со своим прочтением Л. П. Жуковская так переводит текст: «[От] Есифа к Матфею. Постой (заступись) за нашего сироту. Скажи (в значении «вели», «прикажи») дворянину Павлу, Петрову брату, дать документ (так как в противном случае он) не даст (либо «не дает», или «не дал») на него» [124]. Перевод В. И. Борковского: «Скажи дворянину Павлу Петрову брату дать грамоты: не дал на него» (по мнению исследователя, здесь имеется в виду какое-то третье лицо).

А. В. Арциховский считает, что «ть» является сокращением указательно-усилительной частицы «тп», и поэтому дает такой перевод приказа дворянину: «пусть грамоты не даст на него» («да ть грамоте не дасть на него»).

Во всех этих вариантах комментария суть дела все же остается невыясненной.

Я полагаю, что для понимания письма Есифа следует привлечь жалованную грамоту тверских князей Успенскому Отрочу монастырю 1362—1364 гг. В ней определяется статус монастырских «с и р о т» (крестьян): тархан от повинностей и судебный иммунитет. «А что ся учинеть или розбой, или душегубьство, или татба, который суд, пно будуть межи монастырьских людий, судит их и д в о р я н даеть монастырьский тивун один; а нашим судьям не надобе ничто. А смешаються судомь монастырьскии люди с волостными людьми, судить монастырьскин тивун с посельским вместе с нашими судьями, а прибыток им наполы; а д в о р я н даеть тот, на чьем ищють, и суд тутo же, а на правду ездять обои» [125]. Речь идет о том, что если возникнет судебное дело среди монастырских крестьян («спрот») по обвинению в разбое, убийстве или краже, то производить суд и посылать д в о р я н (судебных агентов) для расследования и приведения в исполнение приговора должен монастырский тиун (судья); княжеские судьи в этом не участвуют. В случае же «сместного суда», т. е. когда воз-

[123] *Н. А. Мещерский.* НГБ («Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 95).
[124] «Палеографический и лингвистический анализ нбг», стр. 193; *Л. П. Жуковская* НБГ, стр. 37.
[125] АСЭИ, т. III, стр. 153, № 116.

никнет судебное дело между монастырскими крестьянами и людьми, подсудными князю, монастырский тиун и посельский должны судить вместе с княжеским тиуном и пополам с ним делить судебные доходы. Выделять дворян для доставки виновных в суд и исполнения приговора в таких случаях полагается тиуну, который выступает со стороны ответчика, и суд должен происходить на территории, где живет ответчик; в проведении же расследования участвуют оба тиуна.

Очевидно, статус, изложенный в рассмотренной жалованной грамоте, существовал и в ряде других феодальных вотчин. Конкретное его проявление видим в берестяной грамоте № 5. Крестьянин («сирота») Есифа (может быть, Давыда и Есифа, если правильна реконструкция текста В. И. Борковского) находится под судом. Ему, вероятно, предъявлено обвинение кем-то со стороны, поэтому происходит «сместный суд». Владелец (Есиф) или владельцы (Есиф и Давыд) крестьянина обращаются к Матфею (вероятно, тиуну, ими выделенному) с предписанием защитить интересы их «сироты», т. е. по существу интересы своей вотчины (ибо защитником другой стороны выступает второй тиун, участвующий в «сместном суде»). «Сирота» Есифа является, вероятно, ответчиком, так как дворян должен выделять тот, «на чьем ищють». Поэтому Есиф и велит тиуну Матфею, чтобы тот приказал дворянину Павлу Петрову брату не давать грамот на «сироту» (я думаю, надо читать: «да ть грамоты не дасть на него»). Речь идет, очевидно, о каком-то обвинительном приговоре, от которого следует отстоять «сироту».

Итак, грамота № 5 рисует один из случаев «сместного суда», постановления о котором представляют собой составную часть жалованных грамот, закрепляющих за вотчинниками судебный иммунитет. С другими пунктами несудимых грамот можно, мне кажется, связать обрывок письма на бересте № 244 (XIV—XV вв.) [126-127], в котором остались следующие строки: «...слово за мене владыце и б[ог]а деля. А цто позвале есмь...»

А. В. Арциховский определяет это письмо как просьбу о протекции, которую может оказать автору адресат, замолвив за него слово перед новгородским владыкой. В. Л.

[126-127] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 66—67.

Янин, исходя из того, что письмо было найдено на территории, где находилась усадьба Сидора, известного феодала, думает, что рассматриваемая грамота адресована ему. «Значит,— пишет В. Л. Янин,— Сидор был вхож к архиепископу и имел возможность заступиться перед ним за своих корреспондентов» [128].

Заслуживает внимания, что просьба о заступничестве сопровождается указанием на «позвы», т. е. вызовы в суд. Может быть, свет на берестяную грамоту № 244 прольют другие новгородские акты XV в., также трактующие о «позвах». Это жалованные грамоты архиепископов Евфимия, Ионы и Феофила Спасо-Верендовскому монастырю. В них содержится запрещение «позывать» в Великий Новгород монастырских черпцов и крестьян «ни подвоиским, ни дворяны, ни бирице, ни изветники, или их позовницамп». Тот, кто захочет возбудить дело против лиц, проживающих «па земле святаго Спаса», обязан «звать» их в Новгород «позовною» архиепископа, перед которым и должен происходить суд [129].

Весьма вероятно, что автор грамоты № 244, начав тяжбу с кем-то, пользующимся владычним иммунитетом, вызвал его в суд обычным порядком, но иммунист ему не подчинился. Тогда истец обратился к одному из приближенных владыки, прося замолвить за него слово и добиться владычной «позовной», обязательной для ответчика.

Источником по истории иммунитета может, по-моему, служить берестяная грамота № 167 (XIV в.) [130]. Это текст очень хорошей сохранности, написанный четкими, ясными буквами: «Чолобитье от мелника из Злостьици к Юрью к Оньцифорову. Чоби, господине, попецелилеся горюнами. А н[ы]нь [131] посли свои чоловекъ».

Итак, мельник бьет челом крупному новгородскому феодалу — посаднику (таковым был Юрий Онцифорович). Очевидно, челобитчик находится от последнего в зависимости и просит о защите. «Печалование» — защита, патронат. Иван Калита, например, писал в своей духовной грамоте: «А приказываю тобе, сыну своему Семену,

[128] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 152.

[129] ГВНП, стр. 149—150, № 94; стр. 153, № 97; стр. 155, № 100.

[130] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 52—53.

[131] В. И. Борковский читает — «нпнь» (там же, стр. 123), А. В. Арциховский — «и нь», т. е. «и не».

братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по бозе ты им будешь печальник»[132]. Аналогичная формула содержится в духовной Василия I: «А приказываю своего сына князя Васильа, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе да на нем, как ся имет почаловати...»[133] «Чоби, господине, попецелилеся горюнами» — типичное для челобитных обращение просителя к лицу, стоящему на более высокой ступени социальной лестницы, от которого он ожидает милости. Вот образец аналогичной челобитной начала XVII в. митрополиту сарскому и подонскому от вдовы его сына боярского: «...бьет челом горкая вдова... Варварка з детми...; ...пожалуй меня, горкую вдовицу, з детишками...»[134] «Горюн» и «горький» — «горькая» — слова одного корня и значения.

Среди мельников были холопы. Так, например, в 1491 г. А. М. Плещеев отпустил по завещанию на свободу Фильку мельника с женою[135]. Но были мельники лично свободные, хотя и феодально зависимые. К какой категории принадлежал мельник, подавший челобитье Юрию Онцифоровичу,— с полной определенностью сказать трудно, вероятно,— ко второй. Это видно из характера его просьбы.

А. В. Арциховский думает, что мельник ходатайствовал, «чтобы боярин его пожалел и не присылал своего человека» на его место. Однако такое пониманйе текста возможно только в том случае, если читать: «а и нь посли свои чоловек». Но В. И. Борковский достаточно убедительно доказал, что чтение должно быть другое: «а н[ы]нь посли свои чоловек». Значит, челобитчик, напротив, просит прислать боярского человека. Какого и зачем? Конечно, не нового мельника, который запял бы его место.

Чтобы понять челобитье новгородского мельника, полезно привлечь для его комментария жалованную грамоту волоцкого князя Бориса Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на оброчную мельницу на реке Клязьме с пустошами, 1494 г. Князь освободил мельника и крестьян,

[132] ДДГ, стр. 8, № 1.
[133] Там же, стр. 59, № 21.
[134] АФЗХ, ч. III, стр. 247, № 265.
[135] АСЭИ, т. I, стр. 442, № 563.

которые поселятся в пожалованных местах при мельнице, от дани, других пошлин и повинностей, запретил посельским приезжать на мельницу и относящиеся к ней пустоши для производства суда над жителями и постановил, что последние будут подсудны лишь ему, князю, или его дворецкому. Другими словами, монастырю был предоставлен податной и судебный иммунитет для его мельников [136]. О непосредственном вмешательстве князя в дела, касающиеся мельников, говорит другая грамота того же года, запрещающая, по челобитью игумена Троицкого монастыря, княжеским крестьянам «вступаться» в земли, «которые мельники пахали», и в пожни, которые они косили [137].

Думаю, что и новгородский мельник добивался чего-то аналогичного от своего боярина. Испытывая какие-то обиды, он просил последнего прислать для разбора его жалобы «своего человека», т. е. хлопотал о подсудности самому боярину или специально выделенному для этого слуге, о судебном иммунитете, освобождении от подвластности местным сельским властям. Из приведенных волоцких грамот видно, что местные мельники, занимаясь сельскими работами, в то же время выделялись из окружающего широкого крестьянского мира известными привилегиями. К этому же, наверное, стремился и новгородский мельник.

По мнению А. В. Арциховского, грамота № 167 доказывает существование на Руси, как и в Западной Европе, мукомольного баналитета. Я думаю, что эта грамота рисует также институты «защиты» — патроната и иммунитета.

Рассмотрим еще в связи с проблемой иммунитета отрывок документа на бересте № 51 (XIII в.) [138], в котором от текста сохранилось очень немногое: «...муваруу... узу ежевица 2 лососе...»

В ряде берестяных писем говорится о лососях, поставляемых рыбаками скупщикам или сдаваемых представителям власти либо феодалам в качестве дани или оброка. Можно предположить, что к числу документов на бересте, трактующих о рыбных поставках, примыкает и гра-

[136] Там же, стр. 455, № 575.
[137] Там же, стр. 456, № 576.
[138] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 54—55.

мота № 51. Однако непонятно, при чем здесь «ежевица». Вряд ли речь может идти об оброке ежевикой [139].

Некоторый свет на письмо № 51 как будто проливает один новгородский акт — грамота 1477/78 г. монастырскому ключнику в Толвуе и монастырским толвуйским крестьянам с запрещением промышлять в принадлежащих Палеостровскому монастырю островах Пальем и других. Там не разрешается «лес сечи, и пожни косити, и заяци гоняти, или рыбы ловити, или ягоды и губы брати». Для нас особенно важны слова: «...рыбы ловити, или ягоды и губы брати...» [140] Возможно, что и грамота № 51 говорит о каких-то заповедных, пользующихся иммунитетом, владениях, охраняя их от посторонних лиц, которые не должны там ловить лососей и собирать ежевику.

Интерес всего разобранного выше материала заключается в том, что он дает возможность судить, как претворялись в жизнь сухие юридические формулы иммунитетных грамот. Это не законоположения об иммунитете, а их практическое воплощение, которое происходит в борьбе различных социально-политических сил и интересов. Вотчинник отстаивает свои привилегии и стремится нарушить привилегии своего соседа. Правительственные агенты пытаются урезать иммунитетные права вотчинников. Борьба землевладельцев друг с другом, а также с приезжающими в их владения тиунами, дворянами и т. д. бьет по интересам вотчинного крестьянского населения.

Один из таких княжеских или новгородских дворян либо им подобных представителей власти — Онанья вторгается в пределы вотчинного податного иммунитета феодала Есифа, пытаясь принудить сначала приказчика Гришку, а затем крестьянку Федосью к исполнению повинностей, от которых население вотчины было освобождено. На «сместном суде» разбирается дело крестьянина («сироты») другого землевладельца (по-видимому, также носившего имя Есиф), и последний, используя свои права иммуниста, хочет повернуть приговор в желательную для него сторону, мобилизуя для этого тиуна Матфея и дворянина Павла. Автор грамоты № 244 пытается через нов-

[139] А. В. Арциховский предлагает и другой вариант прочтения текста, правда считая его натяжкой: «еже вица» (прут) вместо «ежевица». А может быть, рыба нанизывалась на специальные прутья и таким образом доставлялась по назначению в виде оброка?

[140] ГВНП, стр. 306, № 316.

городского владыку привлечь к суду какого-то своего противника, прикрывающегося броней иммунитета. Боярский мельник из Злостицы через посадника добивается защиты от обид путем предоставления ему иммунитетных прав.

Разные социальные группы, разные люди; различны их взаимоотношения друг с другом, неодинаковы интересы и требования. И иммунитет используется этими людьми по-разному как в однородной, так и в несходной обстановке. Благодаря новгородским берестяным грамотам приобретают живые и многообразные очертания часто стандартные пункты актового формуляра.

§ 4. Земля — основа сельскохозяйственного производства

Подавляющее большинство актов, известных в печати, посвящено вопросам землевладения. Это и естественно, ибо их целевым назначением являлось оформить условия перехода земли от одного собственника к другому, а также зафиксировать правовой статус земельной собственности (привилегии или государственные обязанности, с ней связанные). Поэтому в актовом материале так мало сведений, касающихся не правовой оболочки феодальной собственности, а земли как основы сельскохозяйственного производства. Случайны данные о системах земледелия, земледельческих орудиях, урожаях и недородах, видах сельскохозяйственных работ и т. д. Актовый материал приходится в этом отношении пополнять данными других источников. И письма на бересте могут здесь оказать услугу исследователю.

Из них можно кое-что узнать о системах земледелия. Как известно, в XIV и особенно в XV в. на Руси распространялось трехполье, но большую роль (особенно на севере) играло и подсечное земледелие. Грамота на бересте № 20 (XIV в.) [141] читается так: «...о ми сикли суки на рики, у Давыдовы присикивали, а на Оушемекина конь пале». А. В. Арциховский отказался от истолкования письма в целом, расшифровав лишь отдельные его места. Внести ясность в текст попытался Б. А. Рыбаков. Обратив внимание на то, что внутри первой сохранившейся буквы — «о» имеются две точки или два кружка, он пред-

[141] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 20—21.

ложил рассматривать эту букву как идеограмму: «очи», «очеса». В тексте «Оушеменкина» исследователь усмотрел два слова: «Оушеменки» и предлог «на». Исходя из всего вышеизложенного, Б. А. Рыбаков дал следующий перевод грамоты:

«Очи мне секли сучья на реке,
У Давыдовы присекивали.
А на Ушменке на конь пал».

Автор письма, по мнению Б. А. Рыбакова, описывает, как он бежал берегом реки и вплоть до деревни Давыдовки ветви хлестали его по очам; где-то на Ушеменке (может быть, это название ручья) он вскочил на коня. Б. А. Рыбаков видит в рассказе автора «песенный, полуплясовой ритм скоморошины, напоминающий записи сказителей». Б. А. Рыбакова поддержал Н. А. Мещерский, прибавивший к его наблюдениям еще одно — свое: «строка письма совпадает с ритмически организованным стихом» [142].

Мне соображения Б. А. Рыбакова не кажутся столь убедительными. Я думаю, что перед нами не запись скомороха, а какое-то деловое донесение (может быть, приказчика феодалу) о расчистке лесов под пашню. Речь идет о подсечном земледелии. Письмо, по-видимому, начиналось словами «что ми» или «то ми» (левая часть первой строки оторвана, сохранилась лишь буква «о»), и далее автор сообщал, как для него (т. е. по его приказу) секли лес на какой-то реке, у деревни Давыдовы. В актовом материале постоянно упоминаются подсеки: «с е ч и», «ч и щ и», «ч и с т и», «р о с с е ч и», «р о с ч и с т и» и т. д.[143] Эти термины вполне объясняют значение слова «с и к л и» — секли. Подсечные угодья именовались также «с у к а м и». Так, например, в расходных книгах казначея Тихвинского монастыря XVI в. говорится: «дано найму от сорока овин от жатья от ржы, что на с у к и жали...» Один крестьянин рассказывал, что он жил «в наймех» у землевладельца и тот велел ему «с у к и зажечь» [144].

Таким образом, выражение «с у к и... п р и с и к и в а л и» означает вовсе не то, что сучья хлещут человека по лицу, а то, что люди-земледельцы вырубают и выжигают лес. На этот же вывод наводит и глагол «п р и с и к и в а-

[142] *П. А. Мещерский.* НГБ («Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 103).
[143] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 136.
[144] Там же, стр. 79, 147.

ли», с которым можно сопоставить не только термин «подсека», но и слова «посекир», «посекирно», «посекирная лесная пашня» (крестьяне «лес секут посекирно и пашню пашут» [145]).

В берестяной грамоте № 20 рассказывается об устройстве подсек в лесу, на берегах реки. О подобных фактах имеются сведения и в других документах. Так, в данной грамоте XV в. князя Михаила Андреевича игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну читаем: «Дал есми... на реце на Шохсне... пожню косити, да к той пожни ослободил есми им причистити лесу, да на другой стороне Шохсны реки... также есми... чистити пожни, и лес велел сечи, и деревню на той подсеки поставити...» [146]

Никак не могу согласиться с предложенной Б. А. Рыбаковым реконструкцией: «...на Оушеменки на конь пале», что означает, по его мнению, что автор письма вскочил («пал») у ручья Ушеменки на коня. Гораздо правильнее чтение «а на Оушеменкина конь пале», т. е. на Ушеменкине (на каком-то урочище), где производились сельскохозяйственные работы, «пал» (околел) конь. Но возможен и еще один вариант реконструкции текста: «а на Оушеменки на Конь пале». В документах встречаются географические названия с корнем «конь»: Конев остров, Коневая заводь, Коневский наволок [147]. Это дает право и в грамоте № 20 считать слово «Конь» именем собственным, а в выражении «на Оушеменки на Конь» видеть наименование (сложное, из двух слов) того места, где находились «пали». А «пали» — это опять-таки подсеки, участки, на которых вырублен и выжжен лес. Таким образом, грамота № 20 оказывается по своему содержанию весьма цельной и целеустремленной. Она рассказывает о «сечах», «суках», «палях», «посекирной пашне» во владениях какого-то феодала, являясь источником для характеристики подсечного земледелия.

К № 20 близка по содержанию грамота на бересте № 391 (XIII — XIV вв.) [148], от которой дошло начало: «От Олфоромея к Доманцю и ко Лахну и ко Евану и к Олексе. Секите суко нмого, а рожи много...»

[145] Там же, стр. 140, 193.
[146] АСЭИ, т. II, стр. 78, № 128.
[147] Там же, т. II, стр. 100, № 165; стр. 113, № 179; стр. 396, № 389.
[148] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 94—95.

Автор письма — знаменитый новгородский посадник Варфоломей Юрьевич. Адресаты — боярские слуги или деревенские старосты, а может быть, и крестьяне.

В слове «нмого», вероятно, случайно переставлены буквы, и следует читать «много». А. В. Арциховский пишет: «Чтение „секите сукон мого" не дает особого смысла: не понятно, зачем сечь сукна... Здесь приказание сечь много сучьев, т. е. рубить много веток, которые могли иметь различное хозяйственное назначение. Дальше речь идет о ржи, но разрыв мешает пониманию».

Вопреки указанию А. В. Арциховского, смысл текста ясен совершенно: Варфоломей приказывает готовить подсеки для посева ржи [149]. Здесь поднята та же тема, что и в берестяном письме № 20.

В большинстве документов на бересте, касающихся вопросов сельского хозяйства, имеется, по-видимому, в виду пашенное земледелие. Попадаются сведения о сельскохозяйственных орудиях. В отрывке грамоты № 96 (XIV—XV вв.) [150] можно прочесть: «...цника... ле без емниковъ и я омеши двои за Федора з бра...»

«Омешь» — сошник [151]. Слово «емник» А. В. Арциховский понимает как рукоять (от слова «емати» — «нмати» — брать). Но, может быть, термин «емник» надо производить от «емеш» — «лемеш» — «лемех» [152]— наконечник плуга. Сочетание — сошник и лемех — правдоподобно. Во всяком случае нельзя принять чтение, предложенное Б. А. Рыбаковым: «беземников» — безземельных.

Сошники и лемехи производились и в деревне и в городе. Иногда они входили в состав владельческого оброка [153]. Среди новгородских ремесленников были специалисты лемешники [154]. Сошники и лемехи можно было приобрести на рынке [155].

[149] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 84.

[150] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954). стр. 23.

[151] *А. Д. Горский.* Очерки экономического положения крестьян Северо-восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 45; *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 43, 61, 76.

[152] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 827.

[153] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I. М., 1952, стр. 58.

[154] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 65, 86, 248.

[155] *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.— Л., 1951, стр. 195.

Характер грамоты № 96, ввиду ее отрывочности, определить очень трудно. Это могла быть запись о получении «омешей» в виде оброка с Федора с бра[том]. Возможно здесь видеть какие-то расчеты между крестьянами и господином но ссуде (из ст. 53 Русской Правды известно, что землевладелец предоставлял закупу инвентарь,— например, плуг и борону). Наконец, вполне вероятно, что речь идет о каких-то судебных спорах и исках относительно сельскохозяйственного инвентаря. В этом отношении интересно привести в качестве параллели к грамоте № 96 одно судебное дело начала XVI в. об ограблении митрополичьих крестьян. В составе ограбленного имущества значится большое количество сошников [156].

В некоторых документах на бересте имеется материал о сельскохозяйственных работах. В грамоте № 17 (XV в.) [157] читаем: «Поклонъ о[т] Михаили к осподину своему Тимофию. Земля готова, надобе семяна. Пришли, осподине, ц[е]л[о]в[е]къ спроста, а мы не смиемъ имать ржи безъ твоего слова». Общий смысл письма ясен. Приказчик феодала извещает своего господина о готовности земли к посеву и просит прислать человека, с ведома которого можно было бы взять из наличных запасов семена ржи и начать сеять. Споры вызывает термин «спроста». А. В. Арциховский считает, что он лишен определенного конкретного значения и переводит его: «одним словом», «вообще». Б. А. Рыбаков понимает выражение «целовек спроста» как «человек с разрешением». В. И. Борковский переводит «спроста» как «искренне», т. е. проявляя доверие к пославшему письмо человеку [158]. Л. П. Жуковская думает, что слово это означает «не раздумывая долго, без задних мыслей» [159]. В. М. Глухов предлагает вместо «спроста» читать «спростать» — опростать, опорожнить (опорожнить амбар от семян можно лишь в присутствии доверенного человека господина) [160]. Правдоподобнее всего объяснение Н. А. Мещерского [161], который приводит дан-

[156] АФЗХ, ч. 1, стр. 13, № 1а.
[157] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 16—17.
[158] *В. И. Борковский.* Новые находки берестяных грамот (ВЯ, 1953, № 4, стр. 122).
[159] *Л. П. Жуковская.* НБГ, стр. 62—63.
[160] *Д. С. Лихачев.* Рецензия (СА, т. XXVII, 1957, стр. 326).
[161] *Н. А. Мещерский.* НГБ («Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 101—103).

ные, свидетельствующие, что слово «спроста» имеет такой же смысл, как и «вборзе» — скорее.

Грамота рисует организацию земледельческих работ в феодальном хозяйстве с барской запашкой. По мнению А. В. Арциховского, письмо свидетельствует, что для любых сельскохозяйственных работ требовалось личное распоряжение господина. За А. В. Арциховским это же повторяет В. Л. Янин [162]. Л. В. Данилова пишет, что «владелец, по-видимому, принадлежал к некрупным вотчинникам, иначе он не стал бы вникать в детали хозяйственного управления» [163].

Привлечение некоторых дополнительных документов помогает понять, почему приказчику, приступая к севу, пришлось обратиться за инструкцией к господину. В условиях интенсивной распашки новых земельных площадей, развития пашенного земледелия с трехпольным севооборотом и быстрой мобилизации земельной собственности в XIV—XV вв. семена представляли большую ценность и обычно находились на строгом учете в феодальных хозяйствах. Вотчинники, передавая свои имения в монастыри или продавая их, в ряде случаев указывали, совершаются ли сделки на землю «с семяны ржаными и съ-всяными» [164], или «без семян» [165]. Иногда называлось точное количество зерна, поступающего к новому собственнику. Так, игумен Кирилло-Белозерского монастыря купил у Серка и Тимошки деревню, причем зафиксировал в купчей грамоте, что Серко должен ему дать пять с половиной кадей «семян сухих», а Тимошка — шесть кадей ржи [166]. Точно указано наличие зерна в житницах села Медепского на реке Тверце при переходе его от И. М. Крюкова-Фоминского к Троице-Сергиеву монастырю [167]. Княжеские посельские выдавали зерно из дворцовых сел лишь по письменным распоряжениям князей. Так, в начале XV в. великий московский князь Василий I адресовал грамоту в Юрьев посельскому села Красного с предписанием давать ежегодно игумену Успенского на Воинове горе монастырю деся-

[162] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту.... стр. 38.
[163] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 69.
[164] АСЭИ, т. II, стр. 25, № 29.
[165] Там же, стр. 35, № 52.
[166] Там же, стр. 19, № 11.
[167] Там же, т. I, стр. 64, № 71.

тину зерном «...из моего жита, изо ржи, изо пшеницы, из овса отчет, да отсыпати десятое...» [168].

Наличию в хозяйстве семян придавалось такое большое значение, что они фигурировали в данных грамотах на землю в одном ряду с нравами судебного и податного иммунитета: «...дали... в Кирилов монастырь деревню... со всеми с теми пошлинами, и с семяны, и с судом, и з данью» [169].

Особое внимание со стороны земельных собственников к наличию в хозяйстве семян определяется еще и тем, что в ряде вотчин использовался труд половников, которые получали определенную долю производимого зерна. Поэтому в документах находим и такие указания: «се яз... купил есми... деревню... с хлебом и с семяны, опрочь половничьи половины да их собины...» [170].

Итак, изложенная в берестяной грамоте № 17 просьба Михаила к своему господину Тимофею прислать скорее человека, дав ему полномочия отобрать семена для посева, становится ясной в свете общей политики землевладельцев относительно использования семенных запасов. Они стремились держать эти запасы под контролем.

Внимание к тому, как всходят хлеба, проявляется в берестяной грамоте № 195 (XIII—XIV вв.) [171], в начале которой говорится: «[От Ал]ексея ко Гавриле. Реклъ еси — былъ во своемь селе, верши все добрыи, ярая жита...» Конец утрачен.

А. В. Арциховский дает такой перевод текста: «От Алексея к Гавриле. Ты говорил, что ты был в своем селе, всходы все хороши, а яровой ячмень...» (слово «жито», в широком смысле означающее всякие зерновые хлеба, здесь, по-видимому, употреблено в значении ячменя).

Очевидно, перед нами письмо одного землевладельца к другому по поводу видов на урожай в текущем году. Письмо это является ценным дополнением к данным новгородских и особенно псковских летописей, в которых чувствуется большой интерес к земледелию и земледельцам. Летописцы внимательно следят за судьбой посевов и всходов и

[168] Там же, стр. 48, № 43.
[169] Там же, т. II, стр. 146, № 225.
[170] Там же, стр. 309, № 328.
[171] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 13—14.

делают прогнозы относительно будущих урожаев. Постоянно встречаются летописные заметки такого рода: «изби мраз вся жита...», «... уби мороз вьрьшь...», «...на осень мороз поби всю ярь», «и всякое жито под снег полегло», «...много по полю вершен погнили», «...ярь сеяна в суху землю не начат усходити», «...и пригоре всякое жито...», «...жита посохли». Это все сведения о плохих урожаях, о гибели зерновых в результате засухи или, напротив, холодов. Но попадаются и другие известия, падающие на годы, в которые естественные условия благоприятствовали земледелию, и хлеба бывало много: «...и где бяше дождеве, умножи бог ярового всякого обилья», «а ярового обилиа тогда бог умножи» [172].

Берестяная грамота № 195 относится к удачному для земледелия году, когда хозяин села мог с удовлетворением отметить, что яровой ячмень поднимается хорошо.

Напротив, тяжелый для сельского хозяйства год запечатлен в берестяной грамоте № 101 (XIV в.) [173]. Она написана очень отчетливо, но поскольку справа оторван большой кусок (вероятно, половина текста), трудно прочитать ее, связав отдельные слова в единое целое. «Поклоно ко г[осподи]ну к Он[сифору Лукинячу?..] ...г[осподи]нь, не родился, а в ж... зобити тои и семо... [по твое]му слову, а г[осподи]ну сеие, г[осподи]н[е]...»

Судя по обращению, с неоднократным употреблением слова «господин», перед нами донесение приказчика по вопросам, связанным с сельским хозяйством. Адресат — феодал, возможно, известный новгородский боярин Онцифор Лукинич [174]. Реконструировать текст полностью мы не можем, но представить себе более конкретно, о чем говорится в грамоте, можно. Для этого надо сравнить с ней некоторые места из летописей, особенно новгородских и псковских, которые проявляют большую наблюдательность, рассказывая о состоянии земледелия, об урожайности, о трудовых процессах в сельском хозяйстве и т. д.

Прежде всего приказчик, по всей вероятности, ставил в известность господина о неурожае: «...х л е б (и л и „ж и т о“), г[осподи]нь, н е р о д и л с я („н е р о д и л о-

[172] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 41, 78, 210, 211.

[173] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 29.

[174] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 93.

с я")». Подобная фраза встречается в летописи, например, под 1435 г.: «и никакое жито не родилося с тех мест...» [175] Таким образом, в первом разрыве грамоты № 101 надо предполагать слово «жито» или «хлеб».

Труднее сказать, какой текст содержался во втором разрыве. Существительное после союза «а» и предлога «в» начиналось с буквы «ж». По контексту это могло быть или «жито» или «житопродавцы», «житницы», «жать», «живот» и т. д.

Если продолжался рассказ о недороде, то следует логически предположить здесь одну из фраз, близких к летописным известиям: «...скудота всякого жита...» [176], «дороговь быть велика всякому житу» [177] или «изби мраз всякое жито» [178] и т. д. Конечно, конструкция предложения и расстановка слов могли быть иными. Если речь шла о средствах преодоления последствий недорода, то, может быть, упоминались «житопродавцы» (скупщики и продавцы хлеба) [179],

Допустимо предположить, что мысль автора развивалась в другом направлении. Не доносил ли он своему господину, конкретизируя данные о неурожае, что неудачно прошла жатва? Летописцы это отмечали не раз: «...христиане по селом... ржи не жяли»; «...нпде и жати нечего» [180]. Может быть, слово «жати» и являлось ведущим во втором разрыве.

Наличие предлога «в» перед словом «ж...» позволяет скорее предполагать здесь или «живот» («в животе»), или «житницы» («в житницах»). Неурожай, естественно, заставлял задуматься над тем, как сохранить «живот» — жизнь. Но самое вероятное,— что приказчик ставил вполне реальный и хозяйственный вопрос о наличии в господских житницах зерна, которого должно хватить и для прокормления, и для посева. Отсюда сочетание терминов: «ж[итница]», «зобити» («зобати» — есть) и «сеие». Отсюда и ожидание приказа («слова») господина, как быть с подготовкой сева. Кстати, бросается в глаза, что слова «зобати» и

[175] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 147.
[176] Там же, т. XVIII, стр. 91.
[177] Там же, стр. 159.
[178] «Псковские летописи», вып. II. М., 1955, стр. 88.
[179] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 159.
[180] «Псковские летописи», вып. II, стр. 67, 200.

«зобьница» (мера сыпучих тел) — одного корня. Это как будто указывает, что глагол «зобати» относился в первую очередь к зерновым продуктам.

Среди сельскохозяйственных работ вотчинники и их приказчики проявляли заботу и об уборке сена. Сохранился конец грамоты № 187 (XIV в.) [181]: «...поедите... осоко рея (или „осокорея") уемли сенику и каменея и цто надоби выведаете, а поедите л поженого веремяни».

А. В. Арциховский восстанавливает письмо, лишь начиная со слов: «и цто надоби выведаете...» Предшествующий текст он не транскрибирует, указывая, что «оборванность фразы делает произвольным выбор между разными вариантами раздела».

Привлекая для комментирования разбираемого документа статью Судебника 1497 г.— «А где отхожие пожни от сел или от деревень, пно поженному государю не городится», А. В. Арциховский по аналогии с выражением «п о ж е н н ы й г о с у д а р ь» — собственник пожен, покоса переводит и слова «п о ж е н н о е в е р е м я» как время покоса. Можно с этим переводом согласиться и исходя из него продолжить толкование всего письма. Дважды обращаясь к кому-то, автор говорит: «поедите» и «выведаете», т. е. он предлагает тем, с кем ведет переписку, отправиться на место покоса и проверить — все ли к нему готово. Речь идет, очевидно, о подготовке к сенокосу па так называемых «отхожих пожнях». Может быть, это обращение феодала к приказчикам и слугам, может быть, приказчика — к кому-либо из дворовой челяди или к крестьянам.

«О с о к а», «о с о ч л и в ы й л у г» — покос па болотистой почве. Около 1467 г. Алферий Едигей променял свое село Новленское с селищами «н а д о с о ч л и в ы м л у г о м», причем при обмежевании было указано, что граница обмениваемого владения идет к «водоточи, кое течет вода из Слинкова болота, да к дорошке...» [182] В 1563 г. дозорщики измерили в Заверяжье покосы и установили покопенный оброк: «с мелкого сена и с крупного с копны по деньге московской, а с о с о к и, с болотища, с копны по полуденьги» [183].

[181] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955). стр. 71—72.

[182] АСЭИ, т. I, стр. 254, № 347.

[183] *Г. Е. Кочин*. Сельское хозяйство па Руси..., стр. 276, прим. 148.

«Реять» — значит «толкать», «отталкивать» [184]. Выражение «осоко рея», может быть, означает; производя работы по расчистке и осушке болота. Источники упоминают подобные «болотные пожни», «розчисти», пущенные под сенокосы [185]. Монахи Ройского Иоанно-Златоустовского монастыря во второй половине XV в. «...розчистили собе болото поимы в чистех по реке по Шуиге...», и княгиня Мария Ярославна «велела ...им те свои розчисти косити» [186].

«Уяти» — взять; «уемли» — возьми [187]. «Сеник» — сенник — сарай. В 1510—1511 гг. Захар Румянцев поставил на Селецкой дмитровской дороге, на реке Уче, «ям»; на дворе были построены избы, сенники, конюшни [188]. В 1512 г. чинили Ергольский «ям»; крестьяне должны были заново поставить две избы, два сенника на подклетях, конюшню, вокруг ямского двора заметать замет или устроить тын, сделать ворота [189].

«Уемли сенику и каменея и цто падоби» — достань все, что нужно для сенника, камень, и прочее необходимое.

Итак, тем, кто поедет на «отхожую пожню», следует позаботиться, чтобы на «осочливом луге» было все оборудовано на сенокосный сезон, сделать пригодным для хранения сена сарай, и т. д. Какое значение придавалось уборке сена, видно из одной правой грамоты Ярославскому Спасскому монастырю конца XV в., в которой как раз описываются работы в «п о ж е н н о е в е р е м я». Выступавшие на суде свидетели рассказывали, что на лугу, о котором шла тяжба, когда-то стояли «изба да клеть при архимандрите при Варламе на приезд. Приежжали в сенокос старци и с людми тех пожен косити; а в той избе стояли» [190].

Но я бы хотел предложить еще один вариант прочтения грамоты на бересте № 187, с другой разбивкой на слова. Этот вариант не меняет общего понимания содержания, но вносит в него некоторые нюансы. Может быть,

[184] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 227.
[185] АСЭИ, т. I, стр. 369, № 490; стр. 573, № 651.
[186] Там же, т. III, стр. 242, № 223.
[187] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 1349.
[188] АФЗХ, ч. I, стр. 57, № 44.
[189] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 377.
[190] АСЭИ, т. III, стр. 221, № 209.

следует читать не «...осоко рея, уемли сенику и каменея и цто надобе выведаете...», а «осокорея уемли сенику и каменея и цто надоби выведаете». Это могло значить: возьми[те] (приготовьте) для сенника строительный материал — осокоревые бревна (т. е. бревна из дерева осокоря) и узнайте все, что необходимо, например, нет ли там камней (которые надо удалить или, наоборот, использовать).

На такое толкование дают право некоторые близкие по характеру источники. Например, в правой грамоте 1475—1476 гг. говорится: при отводе земли оказалось, что «на лузе камень»[191]. Во время разбора тяжбы между Симоновым монастырем и крестьянином Семеном Узким один из свидетелей показал: «...что... (на спорной земле)... каменье... старое..., ино яз, господине, возил на ту землю за речьку на взвоз; да и каменье, господине, дворовое на нем есть...»[192]

Берестяные грамоты дают зарисовки отдельных эпизодов. В них запечатлены явления, вырванные из большого жизненного полотна. От этого полотна береста довела до современного зрителя лишь немногие куски, да и то сильно поврежденные временем и окружающей средой. Но и дошедшие до нас яркие кусочки былого много говорят нашему разуму и воображению. В грамоте № 20 зарисована картина труда земледельцев, расчищавших на речных берегах лес для освобождения площади под посев и потерявших рабочего коня. Грамота № 391 дополняет эту картину своего рода сентенцией: чем больше будет вырублено «суков», тем больше в дальнейшем земля даст хлеба. В письме № 96 нашли отражение орудия крестьянской пахоты — омеши и лемехи. Из ряда грамот мы узнаем, как готовились к севу люди того времени, как они присматривались к хлебным всходам, как подготавливали себя к возможным неурожаям, как старались не пропустить «поженное веремя», чтобы как следует провести сенокос.

Многое в берестяных грамотах непонятно. Их предельный лаконизм иногда ставит в тупик исследователя. Но привлечение других параллельных источников — летописей, документов на пергамене и бумаге и т. д. помогает

[191] АСЭИ, т. II, стр. 150, № 229.
[192] Там же, стр. 414, № 404.

из этого тупика выбраться. И по отдельным разрозненным зарисовкам мы воссоздаем цельную картину былого.

В этой картине на первом плане выступает земля как основа производства,— земля, требующая приложения труда, для того чтобы стать источником богатства. Отсюда — тяга к земле, борьба за нее. И в этой борьбе складываются производственные отношения, которые приводят к неравенству в распределении богатств земли и усиливают социальную неравноправность. Формируется собственность на землю, защищенная юридическими нормами, правами иммунитета, дающая возможность землевладельцам эксплуатировать труд зависимых крестьян. К вопросу о том, что дают документы на бересте для изучения истории новгородского крестьянства, мы сейчас и обратимся.

Очерк пятый

КРЕСТЬЯНЕ И ХОЛОПЫ

§ 1. Экономическое и юридическое положение крестьян

История русского крестьянства в XIV—XV вв. представляет большой интерес. Трудом крестьян и городских ремесленников были восстановлены производительные силы, подорванные в результате татаро-монгольского нашествия и завоевания русских земель, были созданы материальные предпосылки ликвидации на Руси политической раздробленности и образования единого государства. В то же время социально-экономические и политические процессы, связанные с созданием Русского централизованного государства, привели к существенным изменениям в судьбах крестьянства. Происходило оформление крепостного права в общегосударственном масштабе. А ответом на это было углубление классовой борьбы, усиление антифеодальных движений.

Документов, рисующих положение крестьян в XIV—XV вв., сохранилось мало. Источники их пополнения тоже очень ограничены. Поэтому радуют всякие новые находки. Среди таких находок первое место занимают новгородские берестяные грамоты. Давая материал для характеристики новгородского крестьянства, они в то же время проливают свет и на судьбы сельского населения Русского государства в целом.

В ряде документов на бересте имеются сведения об обеднении части крестьянства, об отсутствии или недостатке у него рабочего скота, семян для посева и т. д.

Грамота № 242 (XV в.) [1] дает следующий текст: «Цолобитье от Кощея и ооттъ половниковъ. У кого коне, а те худе, а у ныхъ неть. Какъ, осподине, жалуешь хрестьянъ. А рожь, осподине, велишь мне молотите, [ка]къ укажешь».

А. В. Арциховский пишет по поводу рассматриваемого документа следующее: Кощей, «надо полагать, ключник. Письмо адресовано феодалу. Хозяйство барщинное, что для Новгорода, судя по всем источникам, редкое исключение. Половники являются как бы соавторами письма». А. В. Арциховский считает, что грамота № 242 подтверждает мнение Б. Д. Грекова, согласно которому «половник обычно не нес тягла и работал на хозяина из доли продукта» [2].

Не во всем с А. В. Арциховскнм можно согласиться. хотя в целом он верно передает смысл текста. Грамота № 242 не дает никакого материала для суждения о том, несли ли половники тягло, а из других документов известно, что были тяглые половники [3]. Значит, определение Б. Д. Грекова безоговорочно принято быть не может. Документ № 242 позволяет корректировать точку зрения Б. Д. Грекова и в другом паправлении. Б. Д. Греков противопоставлял половников крестьянам, а в изучаемом тексте половники прямо названы крестьянами. Нет оснований говорить и о том, что в грамоте № 242 обязательно выступает барщинное хозяйство и что половники, фигурирующие здесь, были барщинниками. В данном хозяйстве могли применяться разные формы ренты.

Чем же интересен документ № 242? Это коллективное челобитье крестьян определенной категории — половников. Уже это заслуживает внимания: группы крестьян, экономическое и юридическое положение которых сходно, объединяются для защиты своих интересов. Половники не просто соавторы ключника. Последний выступает с жалобой господину от их имени, в данном случае поддерживая крестьян, ибо их бедственное положение слишком явно,

[1] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 64—65.

[2] *Б. Д. Греков*. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 1. М., 1952, стр. 417.

[3] *Л. В. Черепнин*. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 235.

и это сказывается на господском хозяйстве. Положение половников тяжелое. Они или вообще лишены лошадей, или вынуждены довольствоваться плохими, малогодными для работы лошадьми.

Сходные явления, имевшие место в другой новгородской вотчине, рисует грамота № 361 (XIV в.) [4]: «Поклонъ от Шижнянъ Побратиловиць г[осподи]пу Якову. Поеди, г[осподи]не, по свою верешь дать, господине, негнее [5]. А нынеца есме, г[осподи]не, погибли, верешь позябля, сеяти, г[осподи]не, нечего, а ести также нечего. Вы, г[осподи]не, промежю собою исправы не учините, а мъ промежю вами погибли».

А. В. Арциховский указывает, что крестьяне Шижненского погоста деревни Побратилова или Братилова, у которых померзли хлебные всходы, просят у своего господина «негнее» (т. е. зерно для нового посева, которое не должно быть гнилым). В грамоте, по мнению А. В. Арциховского, имеется намек на какие-то раздоры между феодалами, от которых страдают крестьяне.

Если читать не «негнее», а «не, г[осподи]пе, е[сть]», то несколько изменится и смысл текста: крестьяне, ссылаясь на неурожай, говорят, что у них не только нет хлеба для выполнения своих оброчных повинностей господину, но и им самим нечего есть. Голодовки вследствие неурожаев, а также феодальных войн, вызывавших затруднения с подвозом хлеба, были частым явлением в Новгороде. Поэтому трудно приурочить данный документ к какому-то определенному году. Но он, не давая (как и другие аналогичные грамоты) права на какие-либо широкие выводы, показывает, однако, что в деревне на рубеже XIV и XV вв. имелись крестьяне-бедняки.

Данные челобитных о тяжелом экономическом положении части сельского населения подтверждаются и берестяными грамотами другого типа. В дефектной грамоте № 353 (XIV в.) [6] значится следующее: «...ныне ту у вдовкиныхъ детен на тыхъ сохахъ семянъ нету ни деже, ино не дашь кони и семяна... буде...»

[4] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 55—57.

[5] Может быть, правильнее читать: «Поеди, г[осподи]не, по свою верешь, дать, господине, не, г[осподи]не, е» (т. е. дать, господин, нечего).

[6] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 41—43.

А. В. Арциховский правильно определяет этот документ как письмо приказчика (ключника, старосты) феодалу (по-видимому, Юрию Онцифоровичу).

Г. В. Абрамович считает, что первоначально соха была не только фискальной единицей, но и реальной единицей хозяйства, в основе которой лежало земледельческое орудие с трехлошадной упряжкой [7]. В грамоте Великого Новгорода Василию II на «черный бор» середины XV в. говорится: «а в соху два коня, а третьее припряжь» [8]. В 1478 г. новгородцы в ответ на запрос Ивана III так определили размер сохи: «3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади ореть, а хто на 3-х лошадех и сам третей ореть, ино то соха» [9].

В грамоте № 353 речь идет о безлошадных хозяйствах (или безлошадном хозяйстве) крестьян. После смерти главы семьи или глав семейств вдова или вдовы с детьми не могут без подмоги вотчинника начать пахоту и сев на предоставленных им сохах. В писцовых книгах среди крестьян не раз упоминаются вдовы [10].

«Вдовкиным детям», фигурирующим в письме № 353, необходимы лошади и семена. В параллель этому письму можно привести другие документы, говорящие о безлошадных хозяйствах: грамоту митрополита Киприана Царево-Константиновскому Владимирскому монастырю 1391 г. («пешеходцы из сел») [11] и выше цитированную грамоту на «черный бор» («четыре пешци за соху») [12].

Г. Е. Кочин выбрал из новгородских писцовых книг интересные сведения о «подможных деньгах», «подможном хлебе» и семенах, полученных крестьянами от феодалов. При этом он отмечает: «На много сотен волостей владений (даже свыше тысячи), описанных в НПК, случаев подмоги отмечено очень мало. Все говорит за то, что помощь крестьянам со стороны крупных землевладельцев была исключением, отражением каких-то особых необы-

[7] *Г. В. Абрамович.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. (коробья, коппа, обжа) («Проблемы источниковедения», XI. М., 1963, стр. 371—372).
[8] ГВНП, стр. 39, № 21.
[9] ПСРЛ, т. 25, стр. 319—320.
[10] АФЗХ, ч. I, стр. 32, 44, 152.
[11] Там же, стр. 180, № 201.
[12] ГВНП, стр. 39, № 21.

чайных обстоятельств, а не правилом, не была жизненной нормой» [13].

Вероятно, и грамота № 353 рисует одно из таких весьма тяжелых для крестьянского хозяйства обстоятельств, заставивших ключника обратить внимание вотчинника на положение «вдовкиных детей». Конец грамоты не сохранился. Она обрывается на слове «буде» (если), с которого начиналось придаточное предложение. Очевидно, далее говорилось, что произойдет с крестьянами (или что будут делать крестьяне), если господин не даст им лошадей и семян. А. В. Арциховский так домысливает продолжение текста: «...пропадут тогда вдовкины дети». В. Л. Янин ту же мысль передает несколько иначе: «...вдовкиным детям придется совсем туго» [14]. Конечно, в этих случаях перед нами не реконструкция текста, а логическое его осмысление с целью воссоздания реальной жизненной действительности, в нем отраженной.

Но можно стать и на путь реконструкции текста на основе привлечения некоторых сходных грамот. Так, выше была приведена крестьянская берестяная челобитная «господину Якову» (№ 361), оканчивающаяся словами: «Вы, г[осподи]не, промежю собою исправы не учините, а мъ промежю вами погибли». Чем-то подобным могла оканчиваться и грамота № 353. В крестьянском челобитье Михаилу Юрьевичу (№ 301) имеется такая фраза: «...Волости половиня пуста, и которъ остались, и ти хотя жалуби...» Может быть, и в письме № 353 ключник грозил барину возможностью ухода, разбега крестьян.

Кроме указаний на бедность и разорение, в крестьянских челобитных содержатся также жалобы на притеснения вотчинной администрации — приказчиков, ключников и т. д. Так, в челобитье № 94 (XIV в.) [15], адресованном Юрию Онцифоровичу, крестьяне рассказывают своему владельцу о злоупотреблениях ключника, которому они не могут ничем угодить, и просят его сместить. В документе говорится: «Вють целомъ крестьяне г[осподи]ну

[13] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, стр. 360—361.

[14] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., М., 1965, стр. 353.

[15] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 20—21.

Юрию Онцифоровицю о ключнике, зан до [16], г[осподи]не, не можемъ ницимъ ему оудобритися. Того, г[осподи]не, съ села... г[осподи]не, буянить [17]. А себе... г[осподи]не...»

Отрывок коллективного крестьянского челобитья представляет собой и берестяная грамота № 313 (XIV—XV вв.) [18]: «Г[осподи]ну Михаилу Юрьевичю челомъ бьютъ хрестьяни [твои] Смердыньскии. Здесе, г[осподи]не, у насъ Глебъ не по...» По аналогии с берестяной грамотой № 94 можно думать, что перед нами жалоба крестьян вотчиннику на ключника Глеба.

В крестьянском челобитье на имя Юрия Онцифоровича и его брата Максима, опубликованном под № 370 (XIV в.) [19], читаем: «Поклонъ ко Юрью и к Миксиму от всихъ сиротъ. Цто еси даль намъ за клуцка, за насъ не стоть, иасъ продаеть, и окрадони от ного есми. А лежини от ного, не отъезде да [20]. А ми есми в томъ погибли. Аже ему будьть сидить, намамъ сили нить сидити. А да намъ смирного человека. А па томъ тобе цоломъ».

А. В. Арциховский видит в грамоте № 370 жалобу крестьян господам на ключника, который «1) не стоит за них, 2) продает их (т. е., вероятно, конфискует их имущество), 3) обкрадывает их», 4) не дает им разрешения на выезды, в силу чего крестьяне сделались «лежнями» (неподвижными людьми). Крестьяне угрожают владельцам уходом.

Мне думается, что три обвинения, выдвинутые против ключника: 1) «за нас не стоть», 2) «нас продаеть» и

[16] А. В. Арциховский напечатал: «...о клюцнике Зандо», считая «Зандо» именем ключника. Б. А. Рыбаков предложил другое, более правильное, чтение: «...о клюцнике; за надто, господине, не можемъ ницимъ ему оудобритися». «Зандо»,— говорит В. Л. Янин,— одна из форм древнерусского слова «зане» («Я послал тебе бересту...», стр. 117). Приведем один оборот из духовной Климента XIII в., близкий к сейчас разбираемому: «... зан да не было у мене брата...» (ГВНП, стр. 163, № 105). Очевидно, и в берестяной грамоте № 94 надо читать: «зан да...». См. также *В. Л. Янин.* Две неизданные новгородские грамоты XV века («Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 339.— «...зань до брату нашему Даниле в тых еадех оубытка много...»).

[17] Слово «буянить» представляет собой реконструкцию А. В. Арциховского. Ясно только «нить».

[18] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 146—148.

[19] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 68—71.

[20] Может быть, правильнее читать: «Але ж нии от ного; не отъездед, а ми есми в том погибли».

3) «окрадони от ного есми», тесно связаны между собой и логически вытекают одно из другого. Ключник, во-первых, не защищает интересы крестьян на суде (вотчина, вероятно, пользовалась иммунитетом), во-вторых, обременяет их судебными штрафами и, в-третьих, внутривотчинными поборами. Другими словами, речь идет об использовании ключником вотчинного судебного и податного иммунитета и вотчинного права в своих интересах или в интересах землевладельца. Дальнейший текст, транскрибированный мною иначе, чем А. В. Арциховским, я понимаю так: от него (ключника) мы (крестьяне) испытываем и (многое) иное (иные притеснения); если он от нас не уедет, нам придется погибнуть.

Обращает на себя внимание общность мотивов крестьянских жалоб, звучащих в документах № 94 и 370: в обоих случаях крестьяне ставят вопрос о смене вотчинной администрации, в одном случае говорится, что ключник «буянить», в другом челобитчики просят дать им управителем «смирного человека».

Несомненно, в словах «намам сили ниту сидити» звучит угроза крестьян уйти из имения своего господина. Судя по Псковской судной грамоте, суд, разбирая спор между землевладельцем и крестьянином, возникший в связи с «выходом» первого, интересовался, на каких условиях он «на селе седел» [21].

Естественно поставить вопрос: имеем ли мы дело с довольно распространенным явлением злоупотреблений вотчинных прпказчиков или впервые введенные А. В. Арциховским в научный оборот документы представляют собой иллюстрации каких-то процессов более общего характера. Конечно, дать утвердительный ответ на поставленный вопрос очень трудно. Но известные основания наметить решение его во втором направлении имеются. Прежде всего, думается, полезно сопоставить рассмотренные челобитные с получившей широкую известность уставной грамотой митрополита Киприана Царево-Константиновскому Владимирскому монастырю, составленной в 1391 г. в ответ на жалобу крестьян на увеличение игуменом, вразрез с существующим сеньориальным правом, их повинностей [22]. Эта грамота рассматривается исследователями как

[21] ПРП, вып. II, стр. 293, ст. 51.
[22] АФЗХ, ч. I, стр. 179—180, № 201.

показатель того, что рубеж XIV и XV вв. явился временем, когда господствующим классом были сделаны первые попытки (принявшие более заметный характер к концу XV в.) повысить норму крестьянских повинностей. Это вызвало борьбу крестьян за фиксированную ренту, которая отразилась в грамоте митрополита Киприана. Нельзя ли отнести рассмотренные берестяные грамоты к числу документов, иллюстрирующих те же самые или аналогичные явления?

На это дает как будто право и то, что среди берестяных грамот имеется несколько записей оброчных повинностей крестьян XIV — первой половины XV в.[23] Появление этих записей, очевидно, было вызвано стремлением зафиксировать нормы ренты, ранее в ряде случаев, вероятно, регулировавшейся неписаным обычаем.

Недовольство крестьян своим господином и его ключником проявляется в челобитье на бересте № 157 (XIV—XV вв.)[24]: «Г[осподи]ну Михаилу Юрьевичю биютъ челомъ хрестяне Черенщани. Чо еси, г[осподи]не, велелъ намъ переставливати дворъ, и ключникъ намъ, г[осподи]не, велитъ переставливати...»

Что является причиной жалобы крестьян, изложенной в грамоте № 157, не совсем ясно, ввиду дефектности последней. О перестановке чьего двора идет речь? Если господского (или ключничьего), то крестьяне могли быть недовольны либо тем, что на их плечи легла новая обязанность, либо (вернее!) тем, что перенос барского (или ключничьего) двора в какой-то мере затрагивал их земельные интересы. Но всего вероятнее, было предписано перенести на другое место какой-то из крестьянских дворов, т. е. по существу речь шла о покушении на крестьянский надел (выделении его под господскую пашню, замене его другим и т. д.). Крестьяне не хотели с этим согласиться.

К № 157, по-видимому, близка по содержанию берестяная грамота № 300 (XV в.)[25], в которой также гово-

[23] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 16—25, № 1—2; *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 52—54, № 50; *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 43—46, № 161; см. также *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 169).

[24] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 38—41.

[25] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 131—132.

рится о правах крестьян на дворы, находящиеся на господской земле. Сохранилось лишь начало грамоты, и то с большими разрывами: «Покланян]ие г[осподи]ну Михаи[лу Ю]рьевицю от Тероха и от Тимоще. И Терохе возилеся, было в [Макс]имове хороме. А [Ти]мошка въ Терохо...»

Для комментирования этого документа полезно привлечь правую грамоту 1504 г. по делу между Колязинским монастырем и черными крестьянами Степаном и Аксеном Щелковыми. Монастырский старец рассказал на суде о том, как «поряженные» им крестьяне (их имен он не называет) «посекли» лес на двух пустошах, устроили там починки, возвели «хоромы». Но затем, по словам истца, в эти починки вселились («в в е з л и с я силно») вместо монастырских вышеупомянутые черные крестьяне, братья Щелковы. Последние, будучи допрошены, нарисовали несколько иную картину, чем та, которая была изображена истцом. По их словам, «рядился» с ними, «посадил» их в эти починки и «перевез» туда дворский черной Жабенской волости. Ввиду отсутствия у Щелковых «крепостей» и на основе показаний свидетелей суд решил, что они «вошли сами на те починки и в хоромы в готовые в монастырские» и вынес им обвинительный приговор [26].

Какие-то недоразумения в связи с «ввозом» в хоромы, построенные на барской земле, были и у крестьян Михаила Юрьевича — Тереха и Тимофея. Это заставило их обратиться с челобитной к своему господину.

Одной из причин недовольства крестьян была их передача с землей одним собственником другому. Документ № 311 (XIV—XV вв.) [27] представляет собой крестьянское челобитье Михаилу Юрьевичу. А. В. Арциховский дает его в следующей транскрипции: «Господину своему Михаилу Юреевичу хрестяни твои Черешпани[28] чело бию, те што[29] еси одода деревенеку Климецу Опарину. А мы его не хътимо. Не суседнеи человеко. Волено бъ деиты»[30].

[26] АСЭИ, т. III, стр. 187—189. № 173.

[27] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957). стр. 144—145.

[28] Это те же Череншани, от имени которых написана челобитная № 157.

[29] По-моему, правильнее читать: «чело биюте (т. е. «челом бьют»), што...». Так же считает В. И. Борковский (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 181).

[30] Может быть, правильнее читать: «волено б[ог]ъ де и ты» («волен бог, да и ты»).

Содержание челобитной А. В. Арциховский понимает следующим образом. Крупный феодал (посадничий сын) Михаил Юрьевич передал свою деревню своему вассалу (мелкому феодалу) Климецу Опарину. «Крестьяне не хотят нового владельца и смеют об этом писать (решает вопрос господин)».

Я считаю, что текст следует толковать несколько иначе. Никаких признаков того, что Михаил Юрьевич является сеньором Климеца Опарина, в челобитной нет. Очевидно, произошел акт отчуждения крестьян с землей одним феодалом другому, не связанному с ним какими-либо вассальными отношениями. Это и вызвало крестьянскую жалобу, поданную на имя прежнего владельца.

Одна из мотивировок нежелания челобитчиков переходить под власть Климеца Опарина заключается в том, что он «не суседнеи человеко». А. В. Арциховский полагает, что это значит: «слишком далеко живет». Между тем, по-видимому, челобитчики имеют в виду другое. Они считают, что Климец Опарин не имеет права владеть ими, так как он не является совладельцем земли, принадлежащей Михаилу Юрьевичу.

Другой аргумент, выдвигаемый крестьянами в обоснование просьбы не передавать их Климецу Опарину, А. В. Арциховский усматривает в словах «волено бъ деиты», понимая их как указание на своеволие нового владельца. Мне представляется более правильной отвергаемая А. В. Арциховским разбивка данного текста на слова: «волено бъ де и ты», смысл которых таков: «волен бог, да и ты». Я считаю более убедительной такую транскрипцию по аналогии с берестяной грамотой № 310, содержащей крестьянское челобитье со следующей концовкой: «Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна».

В конечных фразах двух сравниваемых челобитных отражается представление крестьян о том, что если они выполнят нормированные обычным правом или специальной записью определенные повинности в отношении вотчинника, во владениях которого имеют землю и ведут хозяйство, то никакой другой землевладелец не имеет права посягать на их земельный участок, труд, личность.

Документ № 311 интересен тем, что он рисует протест крестьян против отчуждения их феодалом с землей. Факты подобного рода сделок между землевладельцами, объектом которых были крестьяне, для XV в. известны (хотя

и не в большом числе) [31]. Отношение же к ним крестьян известно не было. Как видно из новгородского документа на бересте № 311, крестьяне выступали против подобных актов отчуждения.

О покупке крестьян («сирот») говорит и новгородская берестяная грамота № 178 (XIV в) [32]: «Поклонъ от Синофонта ко брату моему Офоносу. Буди тоби сведомо, купиле есомъ перво Максима Ещерски уездъ и Замолмовсови и свое сироти в Симовли, а на Хвоини. А Максиме, Иване Широки ту же быле». Это сообщение об акте купли людей с землей, оформленном в присутствии двух свидетелей (послухов).

Значительное число берестяных грамот содержит материал, характеризующий право крестьянского «выхода» и стеснение этого права.

Остановимся сначала на характеристике документов XIV в. В берестяной грамоте № 102 (XIV в.) [33] говорится: «Поклоно о[т] Ф...еси велипле, велиле верше имати, творяце и виновати. Одину три коробеи оув-Ыванка оузяле. Староста Олескандрова погоста беетъ целомъ, стобы еси, господине, окупиле и[х и с]лово [34] положиле со мною, аже ти... окупити ихъ, тиы отошлии».

А. В. Арциховский переводит текст таким образом: «Поклон от Ф... ты велел, велел отобрать хлеб, объявив их виноватыми. Сразу три коробьи у Иванка взял. Староста Александрова погоста бьет челом, чтобы ты, господин, окупил их... слово положил со мною, что тебе... окупить их, ты отошли».

В. Л. Янин полагает, что грамота была адресована новгородскому посаднику Онцифору Лукиничу [35]. Отправлена она была каким-то боярским приказчиком пли ключником.

Смысл текста в значительной степени разъясняется в результате его сопоставления с двумя статьями Псковской судной грамоты (44 и 51). В ст. 44 сказано: «А государю

[31] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 216—217.

[32] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 62—64.

[33] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 30—31.

[34] Утраченный текст восстановлен предположительно.

[35] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 115.

на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своеи покруты и сочить серебра и всякои вершн по имени, или пшеница ярои или озимои, и по отроку государеву или сам отречется». Это значит, что землевладелец имеет право требовать с зависимого от него крестьянина, огородника или рыболова, и без письменного документа, путем устной публичной огласки своей претензии, ссуды — денег и всякого хлеба, указывая, какого именно: пшеницы яровой или озимой, независимо от того, с чьей стороны состоялся отказ — землевладельца или крестьянина, огородника или рыболова. Ст. 51 рассматривает тот случай, когда крестьянин станет отрицать факт получения ссуды от землевладельца, говоря: «я жил в твоем имении, но ничего тебе не должен» («А коли изорник имет запирается у государя покруты, а молвит так: у тебе есми на селе живал, а тебе есми не виноват...») [36].

Судя по берестяной грамоте № 102 от боярина Онисифора Лукинича (или другого землевладельца») «отошлии» (т. е. «отказались», заявили об уходе) крестьяне. Он объявил их «виноватыми», т. е. должными ему, и распорядился насильно изъять у них «вершь» (хлеб). Ключник выполнил господское распоряжение применительно к одному крестьянину — Иванку, у которого были взяты три коробьи зерна. Тогда в дело вмешался староста Александрова погоста. Естественно возникает вопрос: причем он здесь? Может быть, ответ на этот вопрос поможет дать сопоставление берестяной грамоты № 102 с княжескими грамотами середины XV в. об «отказе» белозерских серебренников. У старосты Волочка Словенского была специальная грамота князя Михаила Андреевича Белозерского, согласно которой он имел право принимать на черные земли из деревень Ферапонтова монастыря «половников в серебре», т. е. крестьян-издольщиков, задолжавших монастырю. Переход крестьян мог совершаться круглый год («межень лета и всегды»), причем переходившему в Волочек Словенский крестьянину давалась на два года рассрочка в уплате монастырского долга. Впоследствии эта грамота была отменена, и условия крестьянского перехода стали более трудными [37].

Можно думать, по аналогии, что староста Александро-

[36] ПРП, вып. II, стр. 292—293.
[37] АСЭИ, т. III, стр. 307, № 326.

ва погоста (где были черные, государственные земли) обратился к боярину через его ключника с челобитьем установить сумму откупа, который должны внести ушедшие в черный погост крестьяне, и дать им возможность со временем погасить долг. Перед нами картина борьбы между землевладельцем и крестьянами, возникшей на экономической почве. Средством борьбы является крестьянский отход. Староста местного погоста вынужден выступить на защиту крестьянских интересов. По Псковской судной грамоте полагалось в том случае, когда крестьянин станет отрицать свою задолженность вотчиннику, требовать от последнего представления свидетелей того, что он выдал крестьянину подмогу. Вот приказчик и предлагает господину поручить ему договориться со старостой Александрова погоста по вопросу о задолженности крестьян их прежнему владельцу.

К XIV в. относится и дефектная берестяная грамота № 356 [38]: «...прокроутоу посъли, твоеи ж... оу тьбь съл... г[оспо]жя воля и твоя».

А. В. Арциховский указывает, что письмо адресовано госпоже и написано ключником или крестьянами. Термин «прокрута» А. В. Арциховский сопоставляет с «покрутой» Псковской судной грамоты.

Думаю, что А. В. Арциховский нашел правильный путь к раскрытию смысла документа. Дать его полный перевод невозможно, ибо в нем слишком много разрывов. Но, по-видимому, речь идет о каких-то спорах между крестьянином и землевладельцем по поводу взыскания первым с последнего данной ему ссуды. Псковская судная грамота в случае подобной тяжбы иногда предоставляла господину («государю») на выбор: взять на себя присягу по спорному делу или дать присягнуть изорнику: «...ино государю, правда давши, взять свое, или изорнику верит, то воля государева» [39]. Фраза в берестяном письме № 356 — «госпожя воля и твоя» вполне соответствует этой формуле Псковской грамоты, так же как аналогичной формуле, имеющейся в другой статье этого юридического кодекса: «...государю добровольно искать остатка своего покруты» [40].

[38] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 49—50.
[39] ПРП, вып. II, стр. 293, ст. 51.
[40] Там же, стр. 296, ст. 76.

Грамота № 359 (рубежа XIV и XV вв.) [41] гласит: «Покло от Парфения к угумяну. Осподине, како есьмъ порядилесе, тако и живу. А Василке [42] село Пустошь вежу свезле, двере 3 свезле. А Селоанавхыхъ [43] се грозитьце у Ладогу звати. Осподине, о всемъ томо попаболисе».

Это, очевидно, челобитье крестьянина на имя игумена, с которым он заключил «ряд» о получении для обзаведения хозяйством земельного участка под условием несения обязанностей наряду с другими крестьянами. Именно в этом смысле употребляется в документах термин «порядиться». «...Порядил есми, господине, на пустошы на монастырские на Крутец да на Красное селище своих крестьян, и хоромы, господине, себе на тех пустошах поставили и леса, господине, себе посекли...»,— рассказывал в 1504 г. на суде старец Троицкого Колязина монастыря Касьян [44]. Он делал то же, что и игумен Парфений: привлекал в свою вотчину жильцов, труд которых был необходим для эксплуатации земли. Подобным же образом в 1496 г. дворский Тропыня «рядил» двух крестьян, которых «посадил» на селище Матренкине [45].

Выражение «...тако и живу» в берестяной грамоте № 359 тоже имеет определенное социально-экономическое значение. «Жить» за феодалом означает для крестьянина: 1) освоить землю под поселение; 2) из года в год ее возделывать и 3) выполнять повинности на земельного собственника. Селянин, который «живет» за землевладельцем, постепенно превращается в «старожильца». Так, в правой грамоте конца XV в. приводятся слова крестьянина Троице-Сергиева монастыря: «Яз, господине, в тои деревне Сарычкине жил за монастырем, а поставил, господине, тое деревню отець мои..., да жил, господине, в тои деревне отец мои за монастырем тритцать лет..., а яз, господине, после отца своего живу в тои деревне десять лет, да пахал есми, господине, десятины на монастырь... восемь лет» [46].

Мы не знаем, сколь давно «порядился» за игумена Парфения автор берестяного челобитья № 359, не знаем,

[41] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 52—54.
[42] А. В. Арциховский ставит здесь запятую.
[43] А. В. Арциховский читает: «...Селоана вхыхъ».
[44] АСЭИ, т. III, стр. 187, № 173.
[45] Там же, стр. 177, № 163.
[46] Там же, т. I, стр. 539, № 628.

и каковы были его повинности. Но общие социально-экономические условия его бытия, бесспорно, не отличались от тех, о которых рассказал троицкий крестьянин.

В противоположность автору грамоты № 359 второй крестьянин, Василько, не захотел жить во владениях игумена Парфения и свез в другое место[47] «вежу» и «двери» (конечно, при этом он ушел и сам). А. В. Арциховский считает, что «вежа» — это шатер, «двери» — деревянные двери домов, которые легко снимались с петель. Но зачем крестьянину понадобилось их увозить? Ответить на поставленный вопрос может помочь ст. 88 Судебника 1550 г., в которой говорится, что «пожилое» при крестьянском «отказе» взыскивается с «ворот», т. е. берется со всех жилых зданий, помещающихся за оградою с одними воротами, независимо от величины, застроенности и личного состава двора[48]. Чтобы платить поменьше, Василько, вероятно, и увез лишние ворота с того двора, где раньше жил.

Уйдя из имения Парфения, Василько грозится «звати» в Ладогу (куда, очевидно, он переселился) «Селоанавхых» (т. е. вероятно, сыновей Силуяна, может быть, живших с ним в одном дворе)[49]. В документах часто говорится о перезыве землевладельцами чужих крестьян, особенно из пределов не своего, а других княжеств («а кого к себе игумен призовет людей из иного княжения...»)[50]. Допустимо думать, что Василько, перейдя в Ладогу к другому господину и получив от него земельный участок, взялся привлечь туда и своих бывших односельчан из имения Парфения. Такие случаи бывали. В 1527 г., например, митрополит Даниил «пожаловал» своего крестьянина Дементия Новикова землями и поручил ему на них «людей ... призывать, и деревни ставити, и слободу збирати, и льготные ему грамоты на урок давати...»[51]

Не выступал ли в подобной роли и Василько? Это-то и могло испугать автора челобитья № 359 и побудить его обратить внимание игумена Парфения на необходимость принять меры. Ведь уход одних крестьян увеличивал подат-

[47] Неясная конструкция фразы не позволяет судить: вышел ли Василько из села Пустоши или, напротив, перешел туда.

[48] «Судебники XV—XVI веков». М.—Л., 1952, стр. 73, 320.

[49] А. В. Арциховский считает, напротив, что сам Силуян грозится звать (кого и зачем,— исследователь не говорит).

[50] АФЗХ, ч. I, стр. 205, № 234.

[51] Там же, стр. 270, № 314.

ные тягости для других. И это было уже не по феодалу, а по зависимому населению феодального имения.

Начальную статью письма № 359 весьма напоминает начало берестяного документа № 357 (XIII—XIV вв.) [52]: «Поклоно отто Юрки ко Мари. Цто есомо оу тебе свезли на...» Грамота № 359— это обращение крестьянина к лицу, возглавляющему духовную корпорацию (игумену). Грамоту № 357, надо думать,— также крестьянин (ибо он титулует себя уменьшительным именем Юрка) адресует к землевладелице, сообщая ей, что у нее «свез».

По Псковской судной грамоте если крестьянин (изорник) возбуждал иск против своего господина, требуя от него какое-то имущество, а свидетели из числа местных людей показывали, что имущество это господское, то дело решалось в пользу господина. «А изорник поимается за жывот у государя, и государь изведется тем, за что изорник поимался за свои жывот у государя, а сторонним людем ведомо будет и околным суседом, што государево,— ино изорник не доискался, а государь прав» [53]. Вероятно, такой спор об имуществе был у Юрки с Марией. Дошло ли тут дело до суда,— неизвестно. Но то ли на случай суда (если его еще не было), то ли после суда (если он был) Юрка записал, что было предметом его спора с госпожой и что он присвоил, сообщив об этом госпоже.

К началу XV в. относится берестяная грамота № 310 [54], текст которой [55] звучит следующим образом: «Цълобитие осподину посаднику новгороцкому Онедрию Ивановицю от тъъегъ клюцника от Вавулы и от твоихъ хрестияно, которые хрестияни съ лова пришли за тебя, Захарка да Нестерке, жили за Олексее за Щукою. Ноне, осподине, Олексии не ходе намъ ржы дати. Како ся, осподине, нами, своими хрестияны, попецялишсе. Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна» [56].

А. В. Арциховский отметил, что грамота интересна для изучения вопроса о праве крестьянского «выхода». Он считает, что в приведенном документе речь идет о внутривот-

[52] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 50.

[53] ПРП, вып. II, стр. 297, ст. 87.

[54] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 142—144.

[55] Грамота написана очень отчетливо.

[56] Посадник Андрей Иванович упоминается в летописях в 1401, 1411, 1415 и 1421 гг. (НПЛ, стр. 164, 396, 402, 405; ПСРЛ, т. III, стр. 140; т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 431).

чинном переходе крестьян. «Захар и Нестор переходят не впервые,— пишет А. В. Арциховский,— они когда-то пришли под власть Андрея Ивановича „с лова", т. е. были до того охотниками. Затем они жили за Алексеем Щукою, вероятно, мелким феодалом, вассалом крупного феодала — посадника... „Ноне" Алексей отказал челобитчикам во ржи, и они уже не считают себя за ним, говорят о нем и о себе в прошедшем времени: „жили". Они просят Андрея устроить их в другом месте, и ключник поддерживает их просьбу».

Мне думается, что текст рассматриваемого документа следует понимать несколько иначе. Речь идет не о внутривотчинном переходе, а об уходе крестьян из владений одного феодала (Алексея Щуки) в вотчину другого (посадника Андрея Ивановича). Никаких данных о вассальной зависимости первого землевладельца от второго в тексте нет. Существо дела заключается, как можно думать, в следующем. Ключник посадника принял в имение последнего двух крестьян, ушедших от своего прежнего господина [57]. Но последний отказался вернуть принадлежащий им хлеб (речь может идти как о не снятом еще с крестьянского надела урожае текущего года, так и о прошлогодних запасах). Ключник от своего имени и от имени крестьян, господином которых теперь является посадник, подает последнему челобитную, чтобы он помог крестьянам добиться от старого владельца возврата их зерна.

Судя по разбираемой грамоте, в Новгороде в момент ее составления еще не было зафиксированного законом определенного в пределах года срока, когда разрешался «отказ» крестьян от своих владельцев. Дело обстояло, очевидно, примерно так же, как на Белоозере, где до середины XV в. «отказы» крестьян происходили в течение всего года («межень лета и всегды») [58]. С середины XV в. вводится постепенно один срок в году для крестьянских «отказов»: в пределах Северо-Восточной Руси — «Юрьев день осенний», или 26 ноября; в Псковской земле — «Филиппово заговенье», или 14 ноября.

Новгородская берестяная грамота № 310 рисует отно-

[57] Выражение «с лова» указывает, что крестьяне, имея пашенные участки, занимались и рыболовством. (В Псковской земле такие крестьяне назывались «котечниками», или «кочетниками»).

[58] АСЭИ, т. II, стр. 61—62, № 101; стр. 81—82, № 138; стр. 112, № 177; стр. 124—125, № 193; стр. 185, № 276; стр. 307, № 326.

шения, по-видимому, накануне официального ограничения права крестьянского выхода определенным сроком. Но в берестяной грамоте имеются указания на другие ограничения этого права. Данный документ является как бы иллюстрацией к положению Псковской судной грамоты о производстве специального расследования по поводу того, какая часть имущества крестьянина должна быть отдана господину в возмещение данной последним первому ссуды [59]. Отсюда и спор о «ржи» между Алексеем Щукой и его крестьянами.

По-видимому, о крестьянском «отказе» речь идет в отрывке грамоты № 373 (XV в.) [60]. Здесь можно прочитать: «...серба о недею, а нине говори ... им ... ин ... ъ, а здисе Коурила мезенъ отъялъ и куни ... с о томъ попецалисе, ка тому би...»

Слово «мезенъ», как указывает А. В. Арциховский, означает жаркую, летнюю пору, лето. При толковании термина исследователь ссылается на договор Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем Тверским XIII в.: «А куда пошло судии твоему ездити по волости, ехати им межень по Петрове дни» [61]. Та же статья в договоре Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем начала XIV в. передана следующим образом: «А судиям твоим ездити по волости, куда пошло, лете с Петрова дни, по пошлине» [62]. Из сопоставления этих двух документов вытекает равнозначность выражений «межень по Петрове дни» и «лете с Петрова дни», указывающих на вторую половину лета, с 29 июня.

Раскрыв значение термина «мезенъ» — «межень», А. В. Арциховский недоумевает, каким образом и что отнял Кирилл: «вероятно,— говорит он,— речь идет о ловле рыбы в это время (т. е. летом) или о чем-либо подобном»; «возможно, Мезен здесь название местности».

Может быть, глагол «отъял» относится к слову «куны»: Кирилл отнял летом у кого-то куны (деньги). В связи с данным текстом хочется еще раз вспомнить грамоту белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в. волостелю Волочка Словенского об отмене разрешения при-

[59] ПРП, вып. 11, стр. 292—293, статьи 44, 51.
[60] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 71—72.
[61] ГВНП, стр. 10, № 1.
[62] Там же, стр. 17, № 7.

нимать в волость, которой он управлял «межень лета и всегды», «половников в серебре» из деревень Ферапонтова монастыря [63]. Теперь для «отказа» таких крестьян было установлено определенное время в году: «две недели до Юрьева дни и неделя по Юрьеве дни». При этом крестьяне, покидавшие монастырские владения, должны были тут же ликвидировать свою задолженность в отношении монастырских властей, в то время как раньше им давалась рассрочка на два года «без росту» (т. е. без взыскания процентов с долговой суммы) [64].

Может быть, в берестяной грамоте № 373 и имеется в виду «отказ» Кириллом половников «межень лета» и взыскание с них «серебра» («кун»). Тот, кто пострадал от этого (скорее всего прежний владелец крестьян), подает жалобу органам власти, просит «попечалиться» (т. е. рассмотреть его жалобу) и указать, как ему действовать («как тому быть») [65].

Подводя итоги рассмотрению материала ряда берестяных грамот, можно сделать некоторые выводы относительно тех процессов, которые происходили в новгородской деревне в XIV—XV вв. Во-первых, там наблюдалось экономическое неравенство. Часть крестьянства находилась в тяжелом материальном положении. Группа половников во главе с ключником Кощеем жалуется барину, что у одних лошади охудали (оплошали), у других их нет совсем. Крестьяне Шижненского погоста деревни Побратилова в результате того, что мороз побил у них хлебные всходы,

[63] Этот документ мы привлекали при комментировании берестяных грамот № 102 и 310.

[64] АСЭИ, т. II, стр. 307, № 326.

[65] Нет ничего невероятного, что слово «мезен» употреблено в грамоте № 373 в значении «межьник» — пограничный, межевой знак. Этот термин находим, например, в грамоте второй четверти XII в. великого князя Всеволода Мстиславича Новгородскому Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи (ГВНП, стр. 140, № 80). Если так, то смысл письма № 373 заключается в том, что Кирилл захватил, перейдя межу, чужие земли и этим нанес денежный убыток их владельцу.

Слово «мезень» созвучно еще слову «мезинии» — меньшие. В Лаврентьевской летописи под 1176 г. упоминаются «новии же людье мезинии володимерьстии», т. е. люди меньшие, стоящие внизу социальной лестницы. Но я не думаю, чтобы это давало право относить термин «мезен» в грамоте № 373 к Кириллу и толковать его как определение социального состава последнего.

Все же наиболее правдоподобным является понимание грамоты № 373 как текста, трактующего о крестьянском отказе.

остались без зерна для посева, им нечего есть, и они говорят, что погибнут, если господин им не поможет. Не знают, что им делать без лошадей и семян какие-то «вдовкины дети».

Тяжелое положение усугублялось притеснениями вотчинной администрации. В одном из имений Юрия Онцифоровича «буянить» ключник, и крестьяне никак не могут его задобрить. Сельское население другой вотчины того же землевладельца заявляет, что им «сил нет» выносить поборы и штрафы, которыми их обременяет присланный господином управитель. Жители Шижнеиского погоста недовольны тем, что ключник заставил их перенести чей-то двор с одного участка на другой и это как-то ударило по их землепользованию. Близкую по характеру жалобу подают крестьяне Терех и Тимоша.

Один из мотивов крестьянских жалоб — это отчуждение господами вместе с землей и возделывающих ее земледельцев. Один феодал (Михаил Юрьевич) передал деревеньку другому (Климецу Опарину). Феодал Ксенофонт купил «сирот» с землей и рассказал об этом в письме своему брату.

В ряде берестяных грамот отразились споры крестьян с господами в связи с «отказами» и выходами с занимаемых ими земельных участков. Частновладельческие крестьяне переходят на черные земли, и староста черного погоста поднимает вопрос перед прежним их барином о разрешении погасить их долг по «покруте» в рассрочку. Крестьянин землевладелицы Марии Юрий, уйдя из ее владений, «свез» имущество, на которое, по мнению госпожи, не имел права. Землевладелец Алексей Щука захватил хлеб, принадлежащий крестьянам Захару и Нестору, которые перешли от него в вотчину посадника Андрея Ивановича. Монастырский крестьянин Василько, чтобы снизить норму «пожилого», платимого при «отказе», свозит «двери» с ворот своего двора.

Все это конкретные эпизоды жизни новгородской деревни. Положение крестьян менялось к худшему. Причина этого кроется, по-видимому, в событиях общего характера, происходивших на Руси. Надвигался процесс государственной централизации. Он затрагивал все русские земли и княжества, где усиливались закрепостительные тенденции, а это порождало недовольство крестьян, вызывало их сопротивление господам.

§ 2. Классовая борьба крестьян

Легальной формой проведения крестьянами в жизнь своих требований была подача челобитных — индивидуальных и особенно коллективных. В челобитных крестьян достаточно четко отражаются классовые противоречия в феодальной деревне и выступает то, что их беспокоило и тревожило. Выше уже был разобран ряд челобитных на бересте. Можно привести еще несколько документов подобного рода, к сожалению, дефектных, в силу чего содержание их остается неизвестным.

Отрывок коллективной челобитной крестьян деревни Мравгицы (Мравичи, Муравичи), очевидно, во главе со старостой, адресованной землевладельцам Юрию и Афанасию Онцифоровичам, представляет собой берестяная грамота № 273 (XIV в.) [66]. Но дошли до нас от нее только две строчки: «Поклоно от Павла и от всих Мравгици ко Юрегу и ко Офоносу...»

Таким же коллективным челобитьем крестьян села Пашозера, вместе со своим старостой Михаилом, на имя сотского Максима Онцифоровича и других является грамота № 279 (XIV в.) [67]; «Поклонъ от старосте от Михале и от всехъ пашезерчевъ къ сотскымъ къ Максиму и ко Онании и к Къст...»

От грамоты № 284 (XIV в.) [68] до нас дошел конец письма: «...п своя, ань ся вамо... осподь своеи...» Выражение «осподь своеи» встречается в крестьянских челобитных,— например: «а хрестьяну вашь вамъ, своеи осподи, цоломъ бею» (№ 307).

Ничтожный отрывок уцелел от грамоты № 308 (XV в.) [69]: «...[господи]ну [70] Михаилу Юрьевичю... твои Зеповеи...»

Притяжательное местоимение перед именем существительным «Зеновеи» дано или в единственном («твой»), или во множественном («твои») числе. Если в единствен-

[66] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 99—100.

[67] Там же, стр. 105—107.

[68] Там же, стр. 111—112.

[69] Там же, стр. 140—141.

[70] Или «[Осподи]ну», или «[Г]ну» (конъектуры А. В. Арциховского).

ном, то можно предположить, что перед этим местоимением было: или «паробок» (как в № 301), или «клюцник» (как в № 310), или что-то аналогичное. Но вернее надо читать «твои», а не «твой» (т. е. подразумевать множественное число). Тогда приходится предположить, что за Зиновием были названы другие имена, а перед всеми ними стояло «слуги» (№ 352) или, возможно, «крестьяне» («хрестяне», «хрестьяне», «хрестияни», «хрестяни», «хрестьянн» (№ 94, 157, 307, 310, 311, 313), или, наконец, «половники» (№ 242). Не исключена возможность, что было указано и место жительства крестьян (как это мы находим, например, в № 157 и 311 — «Черенщани», «Черешани», № 307 — «Избоищане», № 313 — «Смердыньскии»).

Обращение к «господину Михаилу Юрьевичу», очевидно, заканчивалось словами «целом» («целомо», «цолом», «челом», «чолом») «бьеть» или «биють» («биют»).

Вероятно, в четырех рассмотренных челобитных, сохранившихся в дефектном виде, содержались жалобы примерно того же порядка, что и в грамотах, которые мы разобрали выше. Одной из характерных черт крестьянской психологии является наивная вера, что все беды происходят главным образом от вотчинной администрации, а сам вотчинник является верховным судьей и защитой: он, как господь бог, далек от простого народа, но на него вся надежда. «Надеемся, осподине, на бога и на тебя, на своего осподна» (№ 310); «волено б[ог]ъ де и ты» (№ 311). Однако в просительный и почтительный тон челобитных иногда вкрапливаются и требовательные нотки: «А мы его (нового господина, которому их передал прежний владелец), не хътимо» (№ 311).

Подача крестьянами челобитных принимала массовый характер, и это вызывало у представителей господствующего класса беспокойство, так как от легальной формы защиты своих интересов крестьяне могли перейти к активному социальному протесту. В этом отношении представляет интерес берестяная грамота № 301 (XV в.) [71]: «Осподиню Михаилу Юрьвицу, синю посадницу. Паробокъ твои Кля цоло бие. Како, осподине, пожалуеши волости. Половиня пуста, и которъ остался, ити хотя. Жалуби

[71] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 132—133.

хотя, осподине, жалоби, цоби, осподине, подати оубавити [72]. А тоби, своему осподиню, цоломи бию».

А. В. Арциховский, интерпретируя текст документа, указывает, что слово «паробок» значит слуга, Кля — это уменьшительное имя и что грамота свидетельствует о побегах крестьян из-за больших податей.

Действительно, перед нами донесение слуги вотчинника своему господину о том, что принадлежащая ему волость запустела, так как из нее разошлось до половины крестьян, обремененных непосильной тяжестью податей. Может быть, это «выходы» в порядке «отказа», а может быть, и побеги.

Важно указание на намерения крестьян, не ушедших из волости. Если читать текст так, как предлагает А. В. Арциховский («...ити хотя. Жалуби хотя...»), то можно сделать вывод, что и оставшиеся крестьяне грозят разбежаться или разойтись, осуществляя свое право «отказа». Если следовать моей разбивке текста на слова («...и ти хотя жалуби...»), то, очевидно, смысл его надо видеть в угрозе крестьян подать жалобу на вотчинную администрацию. Кому же они намеревались жаловаться? Вероятно, новгородским посадникам и вечу. Надо думать, предполагалось нечто вроде того, что произошло в 1486 г. в Пскове, куда явились «обидниии люди» из псковских пригородов и волостей с челобитьем посадникам и «всему Пскову» на княжеского наместника [73]. Это челобитье было предвестником восстания.

Кстати сказать, и берестяная грамота № 301 (так же, как № 310) может пролить некоторый свет на причины имевшего место в Новгороде в 1421 г. (как мы знаем из летописей) [74] восстания против посадника Андрея Ивановича (с именем которого связан документ на бересте № 310). В движении 1421 г., вероятно, принимали участие не только горожане, но и крестьяне, в жизни которых

[72] Я бы предложил в некоторых случаях иную расстановку знаков препинания и другое деление текста на слова: «Како, осподине, пожалуеши. Волости половиня пуста. И которъ остался, и ти хотя жалуби. Хотя, осподине, жалоби, цоби, осподине, подати оубавити. А тоби, своему осподиню цолом и бию». Моя транскрипция в некоторых частях совпадает с транскрипцией В. И. Борковского (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 177).

[73] «Псковские летописи», вып. II, стр. 69.

[74] ПСРЛ, т. III, стр. 140; т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 431.

происходили серьезные перемены (усиление податного гнета, стеснение права «выхода»).

Имеются сведения об активном неповиновении крестьян приказу господина. В дефектной берестяной грамоте № 345 (XIV в.) [75] сохранились слова: «...а звало есмь васо в городо, и вы моего слова нь послушали. А како приедуто по васо дворянь, тако будитъ». По месту находки и соседству с другими документами В. Л. Янин считает вероятным, что грамота написана посадником Онцифором Лукиничем [76]. Общий смысл текста ясен. Боярин вызвал в Новгород своих крестьян, но они его не послушались, и он грозит отправить за ними специальных лиц из государственного административного аппарата (как посадник, он может это сделать сам). Некоторый свет на берестяную грамоту № 345 проливают Новгородская и Псковская судные грамоты. Новгородская судная грамота говорит: «А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином...» Следовательно, различаются две формы вызова в Новгород сельского населения: добровольно письмом и насильно через специальное лицо, облеченное полномочиями,— дворянина [77]. Первый способ, к которому прибег Онцифор Лукинич (если он подразумевается в берестяном акте № 345), не подействовал. Крестьяне упорствовали. Он предупреждает их, что прибегнет ко второму способу. Более детально вопрос об уклонении виновного от явки на вызов по «позывнице» («стулится от позывницы») рассматривает Псковская судная грамота [78]. Это также иллюстрация к берестяной грамоте № 345.

Мы не знаем, в чем заключалась вина крестьян Онцифора Лукинича (или иного новгородского вотчинника). Но налицо сам факт их неповиновения господской власти и реакции на это боярина в виде угрозы применить насилие.

Неповиновение, вероятно, чаще всего выражалось в отказе от выполнения повинностей. Об этом, по-видимому, говорит берестяной текст № 352 (XV в.) [79], дошедший до нас с большими разрывами: «...андровичю сыну посадни-

[75] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958— 1961), стр. 33.
[76] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту.... стр. 115.
[77] ПРП, вып. 11, стр. 218, ст. 41.
[78] Там же, стр. 289, ст. 25.
[79] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 40—41.

чю. Слуги твои, г[осподи]не... мосюку, што еси, г[осподи]не, хлебо велело и... тошомо, ино тото хлебо, г[осподи]не, крестьяне перемо... г[осподи]не, не слушали, а которые, г[осподи]не, остат... ыты, г[осподи]не, молотимо, да сыплемо, г[осподи]не, в жы[тницы] и хлеба, г[осподи]не, перемолотили кретеяне».

В грамоте слишком много дефектных мест. Поэтому очень трудно восстановить ее связный текст. А. В. Арциховский относит грамоту к 20-м годам XV в. В 1421 г. умер посадник Александр Фоминич. В грамоте, по-видимому, упомянут его сын. Слуги последнего сообщают своему господину о ходе работ по обмолоту зерна в его вотчинах. К этому привлечены крестьяне, причем в грамоте имеется какое-то противоречие. С одной стороны, крестьяне оказывают неповиновение во время работ, с другой стороны, указывается, что они перемолотили хлеб. Вероятно, противоречие это мнимое, возникающее у читателя лишь в силу того, что он имеет дело с дефектным текстом. Может быть, некоторый свет на содержание берестяной грамоты № 352 может пролить уставная грамота митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г. Она появилась в силу того, что монастырские «сироты» пожаловались митрополиту на своего игумена, который произвольно увеличивал барщину и оброк по сравнению с исконным вотчинным обычаем. Митрополит произвел расследование, «какова поплина в святом Констянтине, и как людем монастырским дело делати», и восстановил старые порядки. В числе крестьянских повинностей в грамоте Киприана фигурирует и обязанность «на семя рожь молотити» [80].

Может быть, и в берестяной грамоте № 352 речь шла не вообще об отказе крестьян от работы, а об их борьбе за фиксированную ренту, т. е. о согласии выполнять повинности лишь в пределах издавна существующих в вотчине норм. Непослушание выразилось в нежелании работать сверх этого, и слуги вынуждены были уступить: крестьяне перемолотили то, что им полагалось, а обмолот остального слуги организовали уже на началах крестьянской барщины, может быть, руками дворовой челяди.

Активными формами классовой борьбы крестьян были: присвоение собственности феодалов, их убийство, коллек-

[80] АСЭИ, т. III, стр. 16—17, № 5.

тивные на них нападения. Представители господствующего класса именовали эти преступления: «татьба», «душегубство», «разбой». Кирилл Белозерский писал князю Андрею Дмитриевичу: «Тако же, господине, и разбоя бы и татбы в твоеи вотчине не было. И аще не уймутся своего злаго дела, и ты их вели наказывати своим наказанием, чему будут достоини...» [81]. О «татьбе» и «душегубстве» имеются сведения и в берестяных грамотах.

В грамоте № 297 (XV в.) [82] говорится о том, что произошло в вотчине Михаила Юрьевича (сына посадника Юрия Онцифоровича): «Челобитье от Сергия з братьеи изъ Рагуилова г[осподи]ну Михаили Юрьевицу. Стогъ, г[осподи]не, твои ржаныи четверетьнъи тати покрали, овиновъ пять свезли въ чъи...»

Судя по обращению, это письмо одного из вотчинных приказчиков или ключников своему господину. Перед нами случай коллективной «татьбы», о которой говорила еще Русская Правда: «Аже крадеть гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем по 3 гривны и по 30 кун» [83]. Псковская судная грамота включает кражу зерна в число преступлений, подсудных княжескому суду: «Се суд княжеи, оже клеть покрадут за замком... или вь яме (очевидно, хлеб в яме) или скота украдают или сено сверху стога имать, то все суд княжои...» [84].

В берестяной грамоте № 297 о краже сообщается как о довольно заурядном случае. Очевидно, в вотчинных владениях феодалов такие преступления, субъектами которых являлись крестьяне, были часты.

О «татьбе» говорит и берестяная грамота № 256 (XIV в.) [85]: «...ци ерово крошено и тадби, вопяре [86] тадбу свою 10 рублово на Григорици и...»

Текст отрывочный, но можно сказать, что речь в нем идет о хищении хлеба. «Ерово крошено» — очевидно, снятый и обмолоченный урожай яровых хлебов. Источники упоминают «ярь» «в земле» (посев), «па поле» (всходы),

[81] Там же, т. II, стр. 274, № 312.
[82] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 126—127.
[83] Русская Правда. Пространной редакции, ст. 39.
[84] ПРП, вып. II, стр. 286, ст. 1.
[85] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 82—83.
[86] А. В. Арциховский читает «во пяре» и ставит здесь точку, начиная следующее слово с большой буквы.

«в стогах» (сжатый хлеб), «в житнице» (зерно) [87]. В грамоте № 256, вероятно, имеется в виду последнее, а может быть, даже мука.

Выражение «вопяре», по-моему, не существительное с предлогом, как думает А. В. Арциховский («в опяре» или «во пяре»), а одна из форм глагола «въпрети» — «въпрети» — «вопрети». «Малый юс», думается, ошибочно поставлен вместо «ъ» или «ь», и должно быть: «вопъре» — «вопьре». «Претися» значит: спорить, состязаться; «въпретися» — начать спор, возбудить иск. Смысл текста, по-видимому, такой: кто-то поднял судебное дело против Григория, обвиняя его в краже зерна (или муки) на 10 рублей.

Допускаю, что можно читать не «вопъре», а «во пъре», т. е. не «начал спор», а «в споре». Но понимание грамоты от этого не меняется [88].

В некоторых берестяных грамотах отражены случаи, когда «татьба» сопровождается «душегубством».

В грамоте № 252 (XIV в.) [89] читаем: «[снох]у есть у мьнь убиле, а живото есть у мьнь розграбиле лезни мя въ Плищь... и снохою и своимъ грабьжъмъ поедъмъ в городъ кун...». А. В. Арциховский указывает, что «Плищь» — это, вероятно, название местности, ибо в новгородских писцовых книгах XV в. упомянуто несколько деревень по имени «Плищово». Слово «лезни» А. В. Арциховский сопоставляет с встречающимся в старинных белорусских актах термином «лезные люди» — люди, праздношатающиеся, не имеющие ни оседлости, ни постоянных занятий. Продолжая это сопоставление, мне кажется, можно сделать вывод, что «лезни», «лезные люди» — те же «попрошаи», «попрашатаи», о которых говорят грамоты Северо-Восточной Руси, запрещая им ходить по деревням и просить хлеба [90]. Появившихся в каком-либо населенном пункте «попрошаев» («попрашатаев») предписывалось задерживать и отправлять к князю на суд [91]. «Попрашаи», «лезни» — это, очевидно, крестьяне-бедняки, лишившиеся земли и не имев-

[87] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 157, 169.

[88] По В. И. Борковскому (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1956—1957, стр. 175), «вопяре» — повелительное наклонение от «въперпти»: «возбуди дело свое о краже (или — о возмещении стоимости украденного)».

[89] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1956—1957, стр. 78—80.

[90] АСЭИ, т. II, стр. 134, № 206; т. III, стр. 94, № 61.

[91] Там же, т. III, стр. 50, № 27.

шие средств к существованию. Наличие таких социальных элементов в деревне особенно стало беспокоить землевладельцев и органы власти в XV—XVI вв., когда в процессе образования централизованного государства обострялись классовые противоречия и люди, не имевшие постоянного места жительства и занятий, казались опасными представителям господствующего класса.

По-видимому, в берестяной грамоте № 252 речь идет о землевладельце новгородской местности Плищь, у которого «лезни» убили сноху и забрали имущество. Можно думать, что это был акт классовой расправы. Не совсем понятна последняя фраза. Пострадавший собирается ехать в город, очевидно, Новгород. Зачем? Может быть, на этот вопрос даст ответ статья Белозерской уставной грамоты 1488 г., говорящая о том, как поступать, если будет совершено убийство, а убийцу не найдут: «...А учинится душегубьство в коем стану или в коеи волости, а не доищутся душегубца, и они вины четыре рубли заплатят в стану или в волости, в коеи душегубьство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дадут наместником или их тиуном, а хрестьаном в том продажи нет» [92]. Можно полагать, что случай, предусмотренный Белозерской уставной грамотой, как раз и произошел в Новгородской земле и его отразила берестяная грамота № 252. Учинившие убийство и «грабеж» «лезни» скрылись, они не найдены. И вот пострадавший землевладелец едет в город, чтобы искать по суду «кун» с тех, кто обязан произвести розыск виновных и представить их в суд, а до этого уплатить «вину», т. е. с жителей волости, где совершено преступление. Это предположительное, но, на наш взгляд, весьма правдоподобное объяснение смысла берестяной грамоты № 252.

В грамоте № 135 (XIV—XV вв.) сказано: «Целобетье от Иева къ Василью Игнатьву. Цо еси посла детину да седла да выжля, потому опознавъ да отадбели, а цо было живота твоего и моего, то все взяли, а самого смертью казнили. А нонеце, осподин, пецалесь детьме моими» [93].

Неясны в данном тексте слова «выжля» и «отадбели». Можно согласиться с А. В. Арциховским, что первое слово означает: охотничья собака. Менее убедительны его

[92] Там же, стр. 39—40, № 22.

[93] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 75.

соображения по поводу второго термина: он считает, что здесь допущена описка и следует читать не «отадбели», а «отбили». Ближе к истине чтение, предложенное Б. А. Рыбаковым: «о татбе ли». Однако, мне представляется, что перед нами не три слова, а одно, причем это глагол — украли. Сходный термин (только в другой глагольной форме) встречаем в Псковской судной грамоте: «...изорничю брату, изорничю племяни государя не т а т б и т ни лукошки, ни кадки...» [94]

Общий смысл текста, по-видимому, таков. Иев сообщает Василью Игнатьеву, что посланный им на оседланном коне с собакой «детина» (какой-то зависимый человек) был по дороге задержан и убит, а находившееся при нем имущество двух лиц, которые ведут переписку, было у него отнято. Слова «с м е р т ь ю к а з н и л и» свидетельствуют, что произошло не просто убийство с целью грабежа, а имел место акт возмездия, расправы, наказания за какие-то преступления. В этом смысле выражение «к а з н и т и с м е р т ь ю» употребляется в новгородских летописях [95]. «Детину», очевидно, специально поджидали и «казнили», лишь «опознав»,т. е. убедившись (по коню, седлу, собаке), что это он. Все изложенное говорит за то, что перед нами один из эпизодов классовой борьбы. Слуга, отправленный с господским поручением и имуществом, стал жертвой недовольства им или его господином со стороны людей, принадлежавших к другому социальному кругу, т. е. к феодально зависимому населению. Говоря языком феодального права того времени, произошли одновременно «душегубство» и «татба».

Последнюю фразу текста А. В. Арциховский переводит: «А теперь, господин, печалься с детьми моими». Б. А. Рыбаков понимает интересующие нас слова иначе, он считает, что в конце грамоты имеется не обращение к адресату «печаловаться» вместе с автором письма, а констатация печального положения его и его детей: «А нонече, господин, печаль с детьми моими». Думаю, что ни тот, ни другой перевод не передают правильно сути

[94] ПРП, вып. II, стр. 297, ст. 86. Так же переводит слово «отадбели» Л. П. Жуковская.

[95] НПЛ, стр. 392. По мнению Л. П. Жуковской (НБГ, стр. 39), выражение «смертью казнили» — преувеличение, подобное современному фразеологическому обороту: «избить до смерти». С этим нельзя согласиться.

дела. В действительности в тексте не моральная сентенция, а просьба о правовой защите. Слова «а понеце, осподин, пецалесь детьме моими» имеют такой же смысл, что и формула договора великого князя Василия Дмитриевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем около 1396 г.: «А отъимет бог которого от нас, и вам, брате, печаловатися нашими княгинами и нашими детми по животе по нашем»[96]. Здесь «печаловаться» означает: взять под свой патронат, оборонять от попыток нарушить интересы подзащитных. Нечто подобное имеется в виду и в берестяной грамоте № 135. Иев обращается к Василию Игнатьеву, вероятно более мощному феодалу, с просьбой защитить (возможно, возбудив иск в суде) интересы его детей, лишившихся имущества.

Поскольку случаи крестьянских выступлений против землевладельцев, приказчиков, ключников были далеко не единичными, феодалы следили за настроениями крестьян в своих имениях и старались избавиться от подозрительных людей. О сгоне крестьянина речь идет в берестяной грамоте № 314 (XIV в.)[97]: «....лобетье от Олоферья къ Олекс[а]ндру. Велелъ есе его (сверху вписано: «Мекефора») съгнате... чюлъ есмь от людьи, Мекефорко хъцьть оу тьбе прошатеся на Лупену. А на Лупене человекъ добръ, А ссбродну... не име...».

А. В. Арциховский считает, что Александр — вотчинник, Олферий — ключник, Микифор — крестьянин. Мне кажется, что некоторое сомнение вызывает определение Олферья как ключника. Ключники обычно, обращаясь к вотчинникам, называют их «господами» («осподами»). Скорее, может быть, это кто-то из местных властей, с чьей помощью землевладелец (Александр) согнал со своей земли крестьянина (Микифора). Олферию было поручено Александром проследить и за последующей судьбой изгнанного (представлявшегося, очевидно, вотчиннику человеком опасным). По-видимому, Олферий не просто сообщает Александру дошедший до него от «людей» слух о дальнейшей судьбе Микифора. Надо думать, что он производил специальный «обыск» о ошельмованном крестьянине (как это требовалось средневековым феодальным правом) и «обыск-

[96] ДДГ, стр. 43, № 15.

[97] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 148—150.

ные люди» дали ему нужные сведения. Исходя из них, Олферий не советует Александру давать Микифору участок и в другом своем имении, чтобы не пускать его в среду «добрых» крестьян. Слово «добрый» могло означать как человека зажиточного, так и лицо хорошего (с точки зрения феодала) поведения. Может быть, грамота имеет в виду сразу оба эти значения термина «человек добр». Микифор же квалифицируется как представитель «сбродни», а последний термин А. В. Арциховский правильно считает равнозначным «збродням» (очевидно, лихим, крамольным людям). Словом, из документа ясно, что среди вотчинных крестьян были опасные для феодалов люди, с которыми они вели борьбу. Это свидетельство наличия классовых противоречий в деревне.

Особый интерес для характеристики классовой борьбы в Новгородской земле представляет грамота на бересте № 307 (XV в.) [98]: «Осподену Онд[рея]ну Михаиловицю, оспод[е]ну Микыти Михаилоцю, оспож[е н]ашеи Настасеи Михаилове жене чоломъ бею хрестьяне Изобощане. Здесе, осподо, у вашеи вълости являются позовнице оу Горотъне, и зде являтся пюзовници ложивыи. Здесе, осподо, я[вляется ру]куписание лживыя. А перепесысысывають вашь не требу. И деякъ позовници, рукопесанпа лживыяа творяться. Печатале. И ва Парфе рукусаниеуея[99]. А хрестьяну вашь вамъ, своеи осподи, цоломъ бею».

А. В. Арциховский убедительно доказывает, что в тексте упоминаются жена известного уже нам вотчинника Михаила Юрьевича и два его сына: Адриан и Никита. Речь идет, говорит А. В. Арциховский, о том, что в волости, принадлежавшей наследникам Михаила Юрьевича (в нее входил ряд перечисленных в тексте селений), появились лживые (т. е. самозванные) позовники (судебные приставы). С ними был дьяк позовничий (должность, неизвестная по другим источникам). Составлялись фальсифицированные документы, к которым прикладывались печати. Делалось это с целью вымогательства. Крестьяне, страдавшие от поборов позовников, стали просить защиты у своих господ.

Мне кажется, что некоторые фразы в тексте грамоты

[98] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 137—140.

[99] Транскрипция В. И. Борковского: «И деякъ позовници рукопесапиа лживыя а творяться печатале и ва Парфе рукусаниуея» (там же, стр. 180).

можно прочесть иначе, чем А. В. Арциховский, и тогда несколько изменится и понимание документа. Приведу эти фразы: «...А перепесысысывають, вашь не требу и деяк. Позовници и рукопесанна лживыя, а творяться, печатале...»

В переводе данный текст будет звучать так: «А переписывают имущество (крестьян), вас не требуя и дьяка (без вас и без дьяка, у которого имеется печать) [100]. Лживые (фальшивые) позовницы (повестки о вызове в суд) и другие документы (рукописания) действуют как настоящие, поскольку у них имеются печати [101]. И в Парфе рукописания...» и т. д.

Обращаю внимание на выражение «рукописания лживыя»? Что это за «рукописания», фабрикуя которые судебные приставы притесняли крестьян? Думаю, что речь идет о долговых документах, подобных тем, которые были захвачены в Новгороде во время восстания 1207 г., вызванного злоупотреблениями посадника Дмитра Мпрошкинича. По такого же рода документам, судя по грамоте № 307, новгородские позовники правили долги (реальные и мнимые) с крестьян в середине XV в.

Мне кажется, можно уточнить, когда это было. Грамота № 307 производит впечатление иллюстрации к тому, что происходило в Новгороде в 1445—1446 гг. А события этих лет описаны в летописи так: «А в то же время не бе в Новегороде правде и праваго суда, и въсташа ябетници, изнарядиша четы, и обеты, и целованья на неправду, и начаша грабити по селам и по волостем, и по городу» [102]. Одним из проявлений этого «грабежа» «по селам и по волостем» как раз и было то, о чем писали в своем челобитье (№ 307) крестьяне.

Как известно, в Новгороде в 1446—1447 гг. на почве судебного произвола произошло восстание, в ответ на которое новгородское правительство вынуждено было еще раз реформировать законодательство. Появилась новая редакция Новгородской судной грамоты [103]. В ней находим

[100] Перевод А. В. Арциховского: «А переписывают ваше (имущество) неправильно. И дьяк позовничий...»

[101] Перевод А. В. Арциховского: «...Рукописания лживые творятся. Печатал (дьяк)».

[102] НПЛ. стр. 425. В. Л. Янин также связывает грамоту № 307 с новгородскими событиями 1445—1446 гг. («Я послал тебе бересту...», стр. 121—123).

[103] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М., 1948, стр. 394—395.

отражение обостренных отношений крестьянского населения с судебными властями в 1445—1446 гг., о чем говорится и в летописи, и в берестяной грамоте № 307. Новгородская судная грамота предусматривает случай, когда «примут позовника в селе, а почнут над ним силу деять», т. е. задержат в селе позовника и применят к нему насилие [194].

Итак, и эта берестяная грамота кое-что проясняет в характере классовой борьбы в Новгородской земле.

Новгородские документы на бересте рисуют различные формы социального протеста крестьян. Наиболее мирную и законную форму представляет собой акт подачи челобитной. Но если это челобитье коллективное, то в его оформлении и продвижении присутствуют известные элементы сознания общности мирских интересов и организации. Иногда этот элемент вносят отдельные представители вотчинной администрации: некоторые ключники, старосты и пр.

Челобитные подавались как господам-вотчинникам, так и органам государственной власти, причем в последнем случае они приобретали характер жалоб на господ. Это не было явлением единичным. «Паробок» посадничьего сына Михаила Юрьевича сообщал последнему, что половина населения принадлежавшей ему вотчины разошлась, рассчитывая путем подачи жалоб добиться снижения податей, а те, кто еще не ушел из волости, готовы сделать это в любой момент.

От челобитий как легальной формы классовой борьбы крестьяне легко переходили к открытому неповиновению землевладельцам и их слугам. Берестяные грамоты запечатлели случаи отказа одних крестьян от явки по вызову своего барина к ответу в Новгород, других — от выполнения барщинных работ.

Берестяные грамоты донесли до нас факты хищений крестьянами барского имущества. Слуга вотчинника Михаила Юрьевича ставит его в известность, что в его имении «тати» свезли из ржаного стога пять овинов. В другом документе говорится о «татьбе» урожая яровых хлебов.

Мы узнаем о фактах убийства крестьянами господ или их слуг. В местности Плищь безземельные бедняки — «лезни» убили и ограбили сноху какого-то землевладельца. Неизвестные люди произвели самосуд над «детиной»

[194] ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 40.

Василия Игнатьева, «казнив его смертью» и «отадбев» его и господское имущество.

Зная о крестьянских настроениях, землевладельцы «сгоняли» со своих земельных участков нежелательных для них людей и принимали меры к тому, чтобы не дать им поселиться где-нибудь поблизости.

Как можно видеть из грамоты № 307, к середине XV в., когда в борьбе новгородского боярства с крепнувшим единым Русским государством решалась судьба Новгородской республики, классовые противоречия там особенно обострились, что подрывало крепость господствующего класса. Это надо учитывать при рассмотрении вопроса о причинах падения Новгорода.

§ 3. Холопы

Несколько берестяных грамот содержат материал о холопстве. Грамота № 98 (XIV в.) [105] адресована двум лицам, одно из которых — знаменитый новгородский посадник Онцифор Лукинич: его имя имеется в тексте, но в самом начале кусок документа, где названы адресаты, оторван. Реконструированный текст такой: «Поклоно от Нуфрея ко пос[аднику господину Онсифору] и Смену. Господине Онсифоре, роба и холопо твои, дете мои. У мене Неверовици д...».

В документах того времени обычно словом «холоп» обозначали раба-мужчину, словом «роба» — женщину-рабыню. Собирательный термин был «люди». Например: «Да даю сыну своему Михаилу своих людей, холопов и роб» [106]; «А што мои холопи полные и робы, чем меня благословил отець мои...» [107]

Большинство исследователей считает, что в берестяной грамоте № 98 речь идет о разделе зависимых несвободных людей между феодалами: Онцифор получает холопскую семью (мужа и жену), их детей берет Онуфрий. Условия раздела неизвестны. Подобное толкование возможно. Из документов того времени видно, что семьи холопов часто дробились. Так, в 1433 г. Василий Васильевич Галицкий

[105] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 25.

[106] АСЭИ, т. I, стр. 523, № 612.

[107] Там же, т. II, стр. 104, № 168.

передает по завещанию «половину» Резановых детей жене и дочери, а «половину» отпускает на свободу [108]. В середине XV в. Евфимия Семеновна Кушелева отдает сыну несвободного дьяка Ондрейка «опроче жены его Татьянки» [109]. В 1472 г. Александр Белеутов завещал своей супруге и детям холопа Сысойца и его брата Остафийца, а третьего брата Фофанца Рыжого и их мать освободил из неволи [110]. Степан Лазарев по духовной 1473 г. предложил своей жене поделить между младшими детьми девять несвободных людей [111].

Таким образом, приведенный в качестве параллели материал позволяет допустить, что между Онцифором и Онуфрием состоялась сделка и первому достались в холопство отец и мать несвободных людей, которые были во владении последнего.

Но возможно и другое толкование грамоты № 98. На нем очень бегло остановился В. Л. Янин [112]. Может быть, обращаясь к Онцифору, Онуфрий заявляет, что его дети (сын и дочь) стали холопами посадника. Сохранилось большое количество записей о самопродаже свободных людей в полное холопство поодиночке и семьями [113]. Интересно, что в холопы переходили и представители землевладельческого класса. Так «дался в холопи» княжеский слуга Иван Воронин [114]. Вотчинники, выкупая свои владения у монастырей, давали обязательства «в холопи ся... с тою землею не дати» [115].

Может быть, смысл грамоты № 98 заключается в том, что Онуфрий хочет через посадника как-то повлиять на участь своих детей?

Наконец, решаюсь предложить еще одно толкование документа № 98: «холоп» и «роба» Онцифора могли быть детьми от брака несвободного и свободной или наоборот; т. е., возможно, холопом был сам Онуфрий или (что вернее) рабыней являлась его жена. В случае таких смешанных браков возникал вопрос о статусе родившихся от них

[108] АСЭИ т. I, стр. 86, № 108.
[109] Там же, стр. 179, № 251.
[110] Там же, т. III, стр. 99, № 67.
[111] Там же, стр. 101, № 67а.
[112] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 88, 115.
[113] АСЭИ, т. III, стр. 411—416, № 392—399 и др.
[114] Там же, т. I, стр. 284, № 391.
[115] Там же, стр. 313, № 423.

детей. Так, в начале XVI в. Павел Васильевич Люткий разрешил своему холопу Абросиму Филину жениться на «слободной» и, руководствуясь нормой — «сыновья по отцу, а до[чи] по матери», распорядился, чтобы дети Абросима женского пола (а по особому пожалованью также младший сын) вышли на свободу [116]. Не собирался ли Онуфрий поставить в этом же роде вопрос перед Онцифором?

В грамоте № 98 есть еще одна незаконченная фраза: «У мене Неверовици д...» В. Л. Янин замечает, что, вероятно, имеются в виду жители деревни Неверово. Но возможно и другое: речь идет о детях Невера. Поскольку тема документа — холопство, закономерно думать, что «Неверовичи» — это или селение, где жили холопы («страдные люди»), или семья холопов. И то и другое можно встретить в документах. Так, в договорной грамоте рязанских князей 1496 г. упоминается село Переславичи, в котором «сидят» княжеские холопы Шиповы [117]. В духовных грамотах называются среди несвободных людей «Негодяевы дети», «Андроновы дети» [118] и т. д.

Если «Неверовици д[ети]» — это как раз те холопьи дети, которые остались у Онуфрия после раздела с Онцифором, то значит наиболее правильным надо считать первое из рассмотренных толкований грамоты № 98.

А. В. Арциховский правильно отметил, что тем же почерком, что № 98, написан берестяной текст № 100 (XIV в.) [119]. Это отрывок, в котором можно прочитать: «...а в охото мне [120], го[сподине]... ве мое и детеи моихо».

Не исключено, пишет А. В. Арциховский, что № 98 и 100 «это не отдельные грамоты, а начало и конец одного письма, но доказать это нельзя. Надо оговориться, что ярусы разные (хотя и соседние), что несколько затрудняет объединение грамот».

Я думаю, что можно с совершенной определенностью утверждать, что № 98 и 100 представляют отдельные отрывки одного и того же документа. За это говорит не только их почерк, но и содержание. Текст № 100 нельзя по-

[116] Там же, т. III, стр. 263, № 242.
[117] ДДГ, стр. 334, № 84.
[118] АСЭИ, т. I, стр. 441, № 562.
[119] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 28—29.
[120] Конъектура Б. А. Рыбакова: «а во Хотомне...»

нять без № 98. В № 100 говорится, что его автор хотел бы что-то сделать со своими детьми. Если предположить, что их похолопил посадник Онцифор или что они родились от смешанного брака — холопа и свободной или свободного и рабы (а так можно понять отрывок № 98), то и смысл отрывка № 100 проясняется. Автор текстов № 98 и 100 (представляющих части одного документа) Онуфрий ставит вопрос об освобождении своих детей из холопства, куда они попали то ли по рождению, то ли в силу добровольной записи.

В очень дефектном виде сохранилась грамота № 402 (XIV—XV вв.) [121]: «Поклонъ о... г[оспо]же. Жонку ту дала за своего я... паро[бка]».

Речь идет о женитьбе слуги (вероятно, несвободного, ибо в письме его госпожа говорит о нем как о «своем») на какой-то «жонке» (может быть,— рабе, может быть,— вольной). По сохранившимся документам известны случаи браков и между несвободными, и холопов со свободными.

Так, в 1459 г. Есип Дмитриевич Окинфов рассказывает, что он получил «в приданые» «паробка» и «девочку» Бухарицу. Первого он женил на своей «девочке» Огренице, а Бухарицу выдал замуж за «своего паропка за Гридицю» [122].

В 1497—1505 гг. Иван Федорович Новокщонов поставил перед коломенским наместником «холопа своего Захарца Гридцына сына да девку Овдотьицу Ивашкову дочь Костыгина; а сказал, что тот де его человек Захарец полной, а девка волная идет за того его холопа Захарцу, а по его холопи далась ему в робы» [123]. Ушак Елизаров Хвостов в XV в. оформил перед наместником суздальским женитьбу вольного «паробка» новгородца Онаньицы Захаркова сына на дочери его холопа Офросиньице. Онаньица Захарков воспринял статус своей жены и перешел в холопство к Хвостову [124].

Тот брак, о котором говорит берестяное письмо № 402, по своему юридическому характеру приближается к одному из выше приведенных случаев.

[121] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 103.
[122] АСЭИ, т. III, стр. 137, № 100.
[123] Там же, стр. 435, № 439.
[124] Там же, стр. 422, № 410.

Это все, что сохранилось в берестяных грамотах о холопах [125].

Кроме холопов, в боярских дворах, по-видимому, жили и свободные военные слуги — послужильцы. Может быть, к изучению вопроса о послужильцах следует привлечь берестяную грамоту № 43 (XIV в.) [126]. Достаточно отчетливый ее текст гласит: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловекъ на жеребце, зане ми здесе делъ много. Да пришли сороцицю, сороце забыле».

Смысл письма ясен. Он раскрыт А. В. Арциховским и В. Л. Яниным [127]. Автор письма Борис, очевидно, новгородец, но находящийся где-то вне города, просит, чтобы к нему прислали из Новгорода кого-то из подчиненных ему людей, верхом на коне. Из сопоставления грамот № 43 и 49 (где упоминаются одни и те же лица) видно, что Настасья — жена Бориса. По мнению А. В. Арциховского и В. Л. Янина, Борис — богатый человек, у которого много слуг (в противном случае он назвал бы слугу, которого желает видеть, по имени). Думаю, что довод этот мало убедителен. Ход рассуждений исследователей можно повернуть совсем в другую сторону: если у Бориса был один «человек», не было нужды указывать его имя, если их имелось несколько, а ему было не важно, кто именно приедет, то и в данном случае отсутствие имени вызываемого понятно. Важнее другое: подразумевается ли под «человеком» лицо свободного состояния или холоп. Могло быть и то и другое. В духовных грамотах упоминаются припад-

[125] В небольшом отрывке грамоты № 95 (XIV в.) можно прочитать: «...пто бо повест...» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1953—1954, стр. 22—23). «Повесть» — известие, рассказ. В Пространной Русской Правде есть статья (109): «Аже кто не ведая чюжь холоп оусрячеть и. или повесть дееть, любо держить и оу себе, а идеть от него, то итп ему роте, яко не ведал есмь, оже есть холоп, а платежа в том нетуть». Это значит: если кто-либо встретит чужого холопа и расскажет ему, как куда пройти, или будет его держать у себя, а тот уйдет от него, то обвиняемый в этом должен принести присягу, что не знал, что имел дело с беглым холопом, и тогда он освобождается от уплаты штрафа.

Конечно, было бы заманчиво связать грамоту № 95 с приведенной нормой Русской Правды, но для этого нет сколько-нибудь веских оснований. Что кому надо поведать или о чем кого оповестить, из текста данной грамоты неясно.

[126] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 44—45.

[127] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту.... стр. 39.

лежащие феодалам (а Борис был, вероятно, феодал) холопы, «люди пошлые» — несвободные [128]. Но у новгородских бояр были, вероятно, и свободные «послужильцы» — служилые люди, сопровождавшие своих господ в походах. В 1483 г., по приказу Ивана III, были «распущены» из княженецких и из боярских дворов служилые люди, которых затем испоместили на новгородских землях. В выборке, составленной в XVI в. по писцовой книге Дмитрия Китаева, приведен перечень послужильцев, получивших поместья в Вотской пятине («...которые и чьи послужильцы испомещены») [129]. Такие же боярские послужильцы, судя по писцовой книге 1548 г., были в Тверском уезде [130].

Вероятно, послужильцем Бориса был и «человек», о котором говорится в письме № 43. Он должен явиться на жеребце. Это надо сопоставить с имеющимися у нас данными о том, что у боярских слуг были обычно кони (свои или господские) и военная амуниция. Так, в 1560—1561 гг. Василий Петрович Кутузов завещал своему «человеку» Андрюше «конь с седлом и с уздою, да тегиляй, да шолом» и запретил приказчикам отнимать у него другого коня «его купли». Этот Андрюша назван особо после суммарного указания на «людей полных и докладных и кобальных» [131].

Сведения новгородских берестяных грамот о холопах и послужильцах столь же конкретны и жизненны, сколь и о других социальных категориях Новгородской земли.

[128] ГВНП, стр. 171, № 111.

[129] *В. И. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961, стр. 325.

[130] *И. И. Лаппо.* Тверской уезд в XVI веке (ЧОИДР, 1894, кн. IV, стр. 228—230).

[131] АФЗХ, ч. II, стр. 292, № 282.

Очерк шестой

ДАНЬ И ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА

§ 1. Дань

Основной формой эксплуатации населения как русского, так и нерусского, находившегося под властью Новгородского государства, была дань. О ее сборе специально посылаемыми для этого данщиками сохранился ряд летописных известий. Из них видно, что жители часто оказывали сопротивление новгородским данщикам, не раз становившимся жертвами народных восстаний. В 1149 г. «...идоша даньници новгородьстии в мале...»; в 1169 г. «иде Даньслав Лазутиниць за Волок даньникомь с дружиною»; в 1187 г. «избиени быша печерскыи и югорьскыи даньници, а друзии за Волоком»; в 1216 г. «убиша на съступе... тьрскаго даньника» и т. д. [1]

Хорошо известен красочный летописный рассказ о том, как в 1194 г. новгородцы пошли ратью на югру во главе с воеводой Ядреем, югра «затворишася в граде» и «высылаху к ним... льстбою», говоря: «Копим сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смьрд и своеи дани»; в то же время осажденные тайно собирали войско [2]. Здесь раскрывается состав дани (серебро и меха) и выясняются обостренные отношения между данщиками и плательщиками дани.

Новгородские грамоты на бересте значительно пополняют наши сведения о том, как происходило взимание

[1] НПЛ, стр. 28, 33, 57, 229.
[2] Там же, стр. 40.

дани. Сведения эти относятся ко времени, начиная с XI—XII вв.

Грамота № 336 (XI—XII вв.) [3] представляет собой довольно обширное письмо: «От Петра гр[амот]а къ Влътькови. То еси ты поведалъ къ Рожънетови на Нустуе емати 2 срочька. Ни векшею не длъжьнъ. А ныне оу Даньши заялъ есмь 2... 2 срочька въ 5-ть срочькъ. А емли на немь Даньша».

А. В. Арциховский указывает, что измерение ценностей «срочками» («сорочками») встречено 26 раз в новгородском уставе Святослава Ольговича 1137 г., где речь идет о сборе дани в северных местностях. М. Н. Тихомиров считает, что «сорочек — денежная единица, употреблявшаяся на севере, уменьшительное от слова „сорок". Под двумя сороками, вероятно, понимается: восемьдесят меховых шкурок» [4].

Грамоту № 336 можно трактовать двояко. В ней идет речь или об обязательствах между кредиторами и должниками (если под термином «заял» понимать «занял», под словом «емли» — «потребуй долг»), или о сборе дани с населения (если «заял» значит «взял», «собрал», а «емли» — «взыщи недоимки»). А. В. Арциховский предпочитает первое толкование, я — второе.

Прежде всего бросается в глаза, что цифры «срочек» («сорочек») в грамоте № 336 примерно совпадают с аналогичными цифрами устава Святослава Ольговича 1137 г.: «...на Волдутове погосте 2 сорочка, на Тудорове погосте 2 сорочка...» и т. д. [5] Затем важно, что глагол «е м л е т» в ряде случаев употребляется там, где речь идет о взимании повинностей. Например: «...е м л ю т у наших сирот на Терпилове погосте поралье посаднице и тысяцкого не по старине» [6].

Можно думать, что Петр — это сборщик дани, Влотько и Рожнет — его помощники. Нустуй, Даньша — вероятно, представители местного населения (может быть, выборные власти), обязанные в пределах определенных территориально-административных единиц произвести раскладку и взыскание повинностей и передать их данщикам. Ад-

[3] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 24—26.

[4] *М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 22.

[5] Там же, стр. 23.

[6] ГВНП, стр. 146, № 89.

ресуясь к Влотьку, Петр замечает, что предписание последнего Рожнету взять два «сорочка» с Нустуя было выполнено. Нустуй уже погасил всю свою задолженность и больше не должен ни одной векши. Что касается Даньши, то оклад, на него падающий, составляет пять «сорочек», из которых две «сорочки» Петр с него уже взыскал. Осталась, следовательно, недоимка в три «сорочки», которые Петр предлагает получить Влотьку. Вероятно, надо читать не «...емли на немь Даньша», а «...емли на немь, Даньше» (последняя буква в слове «Даньша» явно переправлена).

От грамоты № 226 (XII—XIII вв.) [7] дошли только три отрывка.

Первый отрывок: «...ние ко оспо...»

Второй: «...анокоу и ко Мирошь... и есьмо... въ полюдие семо м... по Паше...»

Третий: «...одина а... зы ти есьмь и тал...»

А. В. Арциховский восстановил на основе первого и второго отрывков начало письма: «...[Поклоня]ние ко [Ив]анокоу и ко Мирошь...». Из основного текста обращают на себя внимание слова: «...въ полюдие семо...» Очевидно, авторами (или автором) письма являются официальные лица (или лицо), совершавшие объезд в пределах определенной территории для сбора дани. Сфера действия данщиков простирается по реке Паше, в Обонежье. Взимание дани, по-видимому, соединялось с вершением суда. До нас дошла откупная грамота 1434 г. Якима Гуреева и Матвея Петрова у великокняжеского наместника Григория Васильевича на суд в Обонежье, в том числе по реке Паше. Этот документ на два с лишком столетия моложе грамоты № 226, но он ссылается на «старину» и поэтому в какой-то мере может служить источником, пополняющим сведения, которые можно почерпнуть из письма Иванку и Мирошку. В откупной Обонежской грамоте 1434 г. говорится: «А суд им судити и пошлины имати им по старине, и верное им имати... А корму им имати собе и конем доволно, а подвода до подводе». Тот, кто станет препятствовать действиям судей и пошлинников («а хто згонит или замешает»), должен платить штраф [8].

[7] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 49.

[8] ГВНП, стр. 149, № 93.

Письмо № 226 — это, очевидно, не донесение в Новгород представителям власти, а предписание лицам, от них зависящим. Об этом свидетельствует форма, в которой приводятся имена их адресатов: Иванко, Мирошка.

Чрезвычайно трудно читается грамота № 211 (XIII в.) [9]: «... па село во Еги ехо [10], вдало есомо 5 гривено вхого [11] соцксоса [12], и от межо дахо сарати [13] погосту, 2 гривни возяти было...»

А. В. Арциховский отказался от перевода текста в целом, указав, что его понимание «затруднено, по-видимому, несколькими описками, а также конечно, оборванностью», «понятны лишь отдельные куски». В. И. Борковский предложил следующий перевод: «Под залог села Воегиха дал пять гривен в год (в голод). С откоса и от границы дал запахать. Подати две гривны надлежало взять».

Думается, что текст надо толковать иначе. Речь идет не о закладе земли, а об уплате повинностей в каком-то новгородском погосте. Для понимания грамоты № 211 полезно привлечь уставы князей: новгородского Святослава Ольговича 1137 г. [14] и смоленского Ростислава Мстиславича 1136/37 г., в которых говорится о разделе государственных доходов между княжеской властью и церковью. Устав Святослава начинается словами: «А зде в Новегороде что есть десятина от дании, обретох уряжено преже мене бывшими князи, толико от вир и продажь десятины зьрел, олико дании в руце княжи и в клеть его». И далее следует перечень погостов с указанием на то, что может получать с их населения епископ [15]. Близка по своему характеру к рассмотренному документу и грамота Ростислава Смоленской епископии, которой князь передает «десятину от всех данеи смоленских, что ся в них сходит истых кун,

[9] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 32—33.

[10] В. И. Борковский читает: «... на село Воегиехо ...» (там же, стр. 173—174).

[11] По мнению В. И. Борковского, следует читать: «во (въ) го(д)».

[12] По предположению В. И. Борковского, «соцксоса» значит «с откоса».

[13] По В. И. Борковскому, «сарати» — то же самое, что «съорати»: распахать, уничтожить (межу).

[14] Мы уже пользовались им для комментирования грамоты на бересте № 336.

[15] ПРП, вып. II, стр. 117.

кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья...» [16] И здесь также называются погосты и поступления, идущие с них в пользу епископа.

Нас сейчас приведенные уставы интересуют не как источники по истории церковной десятины, а как памятники, рисующие организацию фискального обложения по погостам. Плательщиками являются, надо думать, государственные крестьяне — смерды. В село Еги (может быть, это испорченное при написании название новгородской волости «Егны» [17]) приехал автор письма, вероятно, какой-то представитель местного крестьянского мира, и уплатил причитающуюся по разверстке податную сумму — 5 гривен. Надо сказать, что эта цифра близка к тем, которые встречаются в уставе Святослава.

Не берусь судить, что имеется в виду под сочетанием букв «вхого». Это какой-то явно испорченный текст. Не отвергаю предположения В. И. Борковского, что его следует читать «в год» и разуметь здесь годовой оклад. Но что касается толкования тоже испорченного слова (или слов) «соцксоса» как «с откоса», то оно мне представляется совсем не убедительным. По-моему, здесь скорее надо видеть указание на сотского как представителя власти в пределах «сотни» — административно-территориальной единицы в Новгородской земле. Вероятно, сотскому и вручил автор письма привезенную сумму.

В конце сохранившейся части грамоты № 211 речь идет об отмежевании земель внутри погоста или данного погоста с другим. Среди сохранившихся документов имеются образцы межевых грамот подобного рода. Такова, например, грамота о «разводе» Новгородской и Ржевской земель 1483 г. [18]

В берестяной грамоте № 211 говорится: «от меже дахо сарати (съорати)», т. е., очевидно, ранее автор письма допустил нарушение земельных границ, теперь надо было снести грани, появившиеся в результате земельного захвата, и вернуться к старым. На виновного в этом правонарушении (а им являлся, судя по контексту, автор письма) был наложен штраф.

[16] Там же, стр. 39.
[17] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 91.
[18] ДДГ, стр. 290, № 77.

Кара за уничтожение «меж» декретируется рядом законодательных памятников, причем содержащиеся в них формулировки почти буквально совпадают с выражением берестяной грамоты № 211 — «...м е ж с ъ о р а т и». В Двинской уставной грамоте 1397 г. читаем: «А друг у друга межу п е р е о р е т или перекосит на одином поле, вины боран, а межы сел межа — тритцать бел, а княжа межа — три сороки бел, а вязбы в том нет» [19]. Аналогичная статья имеется и в Белозерской уставной грамоте 1488 г.[20] По Судебнику Ивана III величина штрафа за «переорание» межи зависит от того, к какому социальному разряду принадлежали правонарушитель и пострадавший (собственник или держатель земли) [21].

В случае, отраженном в грамоте № 211, правонарушителями были, по-видимому, смерды (от лица которых и выступал автор письма). Нарушение ими феодального права было следствием борьбы за землю.

О государственных повинностях речь идет в берестяной грамоте № 410 (XIII в.) [22]: «У Митрощь 2 гривнь намо. У Домитра 2 гривнь намо. У ... омана у смьрда полуторе гривнь, по 7 погато памь. У Го... шьоси 10 было и 2 гривьнь куно. У Козьла 5 бело и пологривнь. У Братьши у смьрда поло 30 было ... мьяна 10 было и пологривнь намо. У Колокы 5 куно и гривна намо».

Вероятно, это список повинностей (оклада или недоимок) деньгами и, может быть, пушниной (если «было» — «белы» означают здесь беличьи шкурки). Упоминание дважды смердов (т. е. государственных крестьян) позволяет думать, что речь идет о повинностях типа «поралья и потуга» посадничьего и тысяцкого, которые взимались, например, в XV в. с «сирот» Терпилова погоста [23]. Слово «нам» («намо»), неоднократно повторяющееся, позволяет думать, что грамота составлена теми, кто собирает повинности (данщиками). У нас имеются документы, написанные от лица общинников-смердов: например, мировая Вымоченского погоста шунгских смердов, толвуян и куза-

[19] АСЭИ, т. III, стр. 21, № 7, ст. 4.
[20] Там же, стр. 40, № 22, ст. 18.
[21] «Судебники XV—XVI веков». М. — Л., 1952, стр. 28, ст. 62.
[22] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 203—204 — упоминание. Опубликована грамота в книге В. Л. Янина).
[23] ГВНП, стр. 146, № 89.

рандцев с челмужским боярином Григорием Семеновичем и его детьми о размежевании земель в Челмужском погосте, 1375 г.[24] В ней рисуются земельные отношения у смердов. Берестяное письмо № 410— это документ, характеризующий систему фискального обложения смердов[25].

Сведения о государственных повинностях смердов имеются в берестяной грамоте № 99 (XIV в.)[26]: «Паапоклоно о ... рика к Оцифоруо. Прикажзиваеши про риби, а мни смедри не платя без руоба. А ни посла еси половека да грамотоу. А цто оу тебе недоборе стари, пришли зеребе».

А. В. Арциховский пишет: «Перевод грамоты на современный язык затруднителен. Непонятных слов как будто и нет, но слишком плохо автор писал по-русски». По-моему, текст поддается переводу, хотя и предположительному. Смерды — государственные черносошные крестьяне. В данном случае имеются в виду смерды, пользовавшиеся рыболовными участками. Кто-то из лиц, управлявших черносошными рыболовными угодьями, обращается к Онцифору, которого А. В. Арциховский с основанием считает посадником, с уведомлением о повинностях смердов. Посадник требует с них рыбного оброка, а они отказываются давать его «без руба», т. е. без справедливой (с их точки зрения) разверстки тягла. А. В. Арциховский считает, что «руб» — это рубище, а выражение «без руба» означает нищенское состояние смердов. Я думаю, что «руб» — это «розруб», раскладка податей. В таком смысле слово употребляется, например, в правой новгородской грамоте XV в.: некто Уласке (Влас) Тупицын заявил крестьянам Княжострова: «Кладете на мене розруб, а яз у вас не живу»[27]. Точно так же в духовной Ивана Тойвита XV в. встречаются выражения: «А что порубили Тоивита в поралье...»[28]

[24] Там же. стр. 285, № 284.

[25] В. Л. Янин считает («Я послал тебе бересту...», стр. 164), что в грамоте № 410 упоминается гривна в семь ногат. Это возможно, но спорно, ибо если в середине соответствующего текста поставить запятую, то его смысл изменится. Выражение «... полуторе гривнь, по 7 ногато намь...» может означать, что данщики (их, вероятно, несколько) взыскивают полторы гривны общей суммы (государственных повинностей) и еще по семь ногат каждый из них получает себе за свою службу.

[26] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 26—28.

[27] ГВНП, стр. 148, № 92.

[28] Там же, стр. 253, № 234.

(т. е. привлекли к уплате налога с рала, включив в оклад, определив причитающуюся ему долю повинностей).

Автор письма № 99 упрекает Онцифора, что он не направил человека с грамотой о «розрубе» повинностей среди смердов, и заканчивает свое сообщение так: поскольку со смердов имеется недобор повинностей за старое время, надо, чтобы Онцифор прислал «жеребей», т. е. определил приемлемую для крестьян норму поступлений с рыболовного участка, находящегося в их пользовании.

Вопросу о податном «розрубе», по-видимому, посвящена и грамота на бересте № 346 (XIII—XIV вв.)[29]. У нее не хватает куска внизу, поэтому связный текст восстановить нельзя. Сохранились следующие слова: «От Микифора ко тьтоке. Молови Ратемиру. Отп ся соцете со мопою, молови але во Торожеку ... [па]ряжие лихо деете».

А. В. Арциховский считает, что письмо адресовано тетке. Это возможно, но возможно и другое: в новгородских писцовых книгах упоминаются землевладельцы, носившие фамилию Теткин[30]. Может быть, и письмо № 346 направлено какому-то Теткину.

Автор письма просит что-то передать Ратмиру. Из разобранного текста можно понять, с одной стороны, что у Микифора с Ратмиром происходит какая-то тяжба («оти ся соцете со моною»). С другой стороны, Микифор упрекает Ратмира в том, что он причинил ему зло, «нарядив» (т. е. послав выполнять какой-то наряд) к Торжку.

Может быть, разобраться в письме № 346 поможет та же правая грамота первой четверти XV в. по делу между Власом Тупицыным и черными крестьянами села Княжострова, на которую мы ссылались выше, разбирая документ на бересте № 99. Влас Тупицын жаловался посадникам на княжостровцев: «Кладете на мепе розруб, а яз у вас не живу» (т. е. заставляете меня выполнять по разверстке крестьянские повинности, хотя я здесь не живу). На это крестьяне села Княжострова возразили: «Нашь еси брат княжьостровець». Тогда посадники, «обыскав судом», княжостровцев «оправиша», а Власа «обиниша и даша... всем княжьостровчем грамоту судную правую»: пусть он

[29] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 33—35.

[30] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею». Указатель к первым шести томам. Пг., 1915. стр. 84.

«потянеть... с княжьостровци в старину, как отець его тянул...» [31]

Нечто подобное могло произойти и с Микифором — автором письма № 346. Ратмир (очевидно, какой-то староста, сотский или кто-то в этом роде) нарядил его по «розрубу» в Торжок выполнять какие-то повинности. Это и заставило Микифора возбудить против Ратмира судебное дело.

Интересные сведения о взимании дани сообщает берестяная грамота № 417 (XIV в.) [32]: «Приехавъ и Заволоцея носиле серебро Климець с племенъмъ на заветре по Петрове дни. Носиле Фодорку Слепеткову съз братею. А серебромъ хо[дя]лъ Григорен Фларевъ, Давыдъ Поповъ, Матвеи Кепище, Лука Опишковь, Софронъ М[а]шкинъ».

А. В. Арциховский и В. Л. Янин [33] установили, что речь здесь идет о сборе дани. Для толкования текста В. Л. Янин обращается к договору Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем 1304—1305 гг., где сказано: «А се, княже, волости новгородьскыя: Волок с всеми волостьми... А судье слати тобе свое на Петров день, тако попло... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца; а тобе серебро емати...» [34] Из приведенного документа видно, во-первых, что дань собиралась в Заволочье (Двинской земле) к Петрову дню (29 июня), и, во-вторых, что для взыскания ее посылался не княжеский слуга, а человек, выделенный новгородскими властями, который и привозил князю следуемое ему количество «серебра». Обращаясь к грамоте № 417, В. Л. Янин думает, что Климец — это новгородец, собиравший вместе со своими людьми дань в Заволочье и передавший ее княжескому уполномоченному (Федорку Слепеткову). Грамота найдена на Ильине улице, где жил наместник Феликс: В. Л. Янин полагает, что он был новгородским наместником в Двинской земле.

Вообще это очень логичная и аргументированная интерпретация текста. Но в ней есть, по-моему, одно слабое звено: понимание термина «племя» как «слуга». В новгородских актах слово «племя» упоминается не раз [35] и обозначает обычно близких и дальних родственников. По

[31] ГВНП, стр. 148—149, № 92.

[32] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг., стр. 207—208.

[33] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 180.

[34] ГВНП, стр. 15—16, № 6.

[35] Там же, стр. 163, № 106; стр. 202, № 155; стр. 309—310, № 323.

определению Л. В. Даниловой, племя — это патронимия, группа родственных семей, больших или малых, связанных поземельными отношениями[36]. А если так, то Климец «с племенем» — это скорее не сборщики дани, а ее плательщики, ибо зачем было данщику забирать с собой в Заволочье родственников: ему была нужна дружина, а не «племя». Данщик — вероятно, Федорко Слепетков. Во время своей поездки в Заволочье ему не удалось получить дань полностью. Остались недоимщики, и вот к Петрову дню они доставили остаток причитающегося с них серебра в Новгород и передали его Федорку Слепеткову.

Большой интерес представляет берестяная грамота № 131 (XIV в.)[37]. Это целое письмо: «Цто было в Пудоги празда, ту празку Сергие взяле[38]. Изо Ояте закрою спроста. А я быле о русалеяхо в Пудоге[39]. А цто про Сямозерци хедыле[40] есемо не платяце, а плаатяце в томо, цто промежи[41] ряду нету. А ныне Сямезерци в городе. Говоре с неми саме. А я с ти, осподине, буду. А я борзо буду. А ныне есеме к тобе рибоко послаля. А во Шуе ни лидне, ни ловоу».

Это, по-видимому, письмо одного из сборщиков дани в Обонежье другому: подручного своему начальнику. Данщики обычно выезжали с дружиной. «П р а з г а» — «п р а з д а» — дань. В этом смысле термин упоминается в новгородских актах XV в. Так, в купчей братьев Менуевых у Фалелея из Валдолы и других на участок Каргольский в Поморье и на реке Кеми читаем: «Тако володети ему ...землею и водою, и лопъю, и п р а з г о ю межу корелою...»[42]. Точно так же Павел, Ивашко и Борис купили у Бориса

[36] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 267—268.

[37] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 68—71.

[38] Так читает Б. А. Рыбаков. А. В. Арциховский слова «изо Ояте» относит к первой фразе и точку ставит после них.

[39] По А. В. Арциховскому, отдельным предложением является фраза: «Закрою спроста, а я быле... Пудоге». По Б. А. Рыбакову, «а» в кружке из точек указывает на шифр; фраза начинается со слов: «Я быле...»

[40] Так читает А. В. Арциховский. Б. А. Рыбаков предлагает другую разбивку на слова: «А цто про Сямозерцихе дыле...»

[41] Б. А. Рыбаков в противоположность А. В. Арциховскому предлагает читать: «промеж и...»

[42] ГВНП, стр. 295, № 296.

Калтоева «землю и воду и [в] лопь ходити и п р а з г у имати...» [43]. Если карельское, лопское и русское черное крестьянское население было обложено данью, то привилегированные землевладельцы пользовались податным иммунитетом. В конце XIV — начале XV в. посадник Григорий с товарищами передали Спасскому Верендовскому монастырю рыбные ловли и угодья по рекам Видгоще и Верепде, «ослобонив» монахам и их «людям» «всякий запас добывали», «а празги им с того не давати» [44].

Автор письма № 131 объехал ряд пунктов Обонежья и рассказал о том, как проходит сбор дани. В Пудоге (в Никольском Пудожском погосте) «празгу» получил некто Сергий (очевидно, один из сборщиков дани). Что произошло в селениях на реке Ояти, не совсем ясно. Выражение «закрою спроста» Б. А. Рыбаков понимает в том смысле, что сведения об Ояти составитель грамоты решил зашифровать простым кодом. А. В. Арциховский считает, что это выражение значит: «спишу недоимки». Вернее всего, слова «закрою спроста» надо переводить: «взимание дани скоро завершу». «Спроста» в значении «скоро» встречается в берестяной грамоте № 17.

Автор письма сообщает, что в Пудоге он был «о русалеяхо», т. е. в праздник поминовения умерших предков. Христианская церковь не признавала этого языческого торжества, считая культ «русалий» служением дьяволу («но сими дьявол летить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы гусльми и русальи») [45]. Но в народе языческие пережитки были сильны, и в административной практике приходилось к ним приспосабливаться. Очевидно, к «русалиям» иногда приурочивали данщики свои приезды в селения для сбора «празги» и суда. Тем самым эта дата языческого календаря приобретала такое же значение для взаимоотношений населения с административно-судебным аппаратом, как и дата календаря христианского.— «Збор» или «Сборное» (Соборное) воскресение после первой недели великого поста (к этому времени обычно приурочивались вызовы в суд) [46].

[43] Там же, стр. 308, № 321.
[44] Там же, стр. 164, № 107.
[45] ПВЛ, ч. 1, стр. 114.
[46] АСЭИ, т. I, стр. 103, № 133.

Автор письма указывает далее, что он ходил к Сямозерцам, т. е. жителям побережья Сямозера. Слово «хедыле» — «ходил», очевидно, относится к данщику, пошедшему за данью. Сходные выражения («идоша даньници»[47], «иде» данщик[48]) употребляются и в летописях. Сямозерцы, надо думать, отказались платить дань в размере, указанном данщиком, а ту норму, на которую они соглашались, данщик считал недостаточной. Поэтому у него произошли разногласия с населением. Представители от Сямозерцев пошли в город, и автор письма предлагает своему начальнику самому вести с ними переговоры, обещая вскоре прибыть туда же. Я думаю, что имеются основания расценивать выступление Сямозерцев как проявление протеста против феодальной эксплуатации. Такие выступления, по всей видимости, имели место не раз. В откупной грамоте 1434 г. Якима Гуреева и Матвея Петрова у наместника Григория Васильевича на судопроизводство в Обонежье предусматривается возможность, что откупщиков кто-либо «згонит или замешает...»[49] Такое же «замешательство» отражено, по-видимому, и в берестяной грамоте № 131.

Автор письма № 131 посылает своему корреспонденту рыбу. Приезжие представители администрации обычно получали рыбу с населения. В той же откупной Обонежской грамоте 1434 г. сказано: «А хто изымает осетр, ино судиям половина»[50].

В конце берестяной грамоты № 131 говорится, что в реке Шуе нет ни лодок («...лидие» — «...лодие»), ни «лова». Вряд ли это можно понять, как указание на отсутствие там рыбных промыслов. Такой вывод страдал бы просто неправдоподобием. Вернее другое: местные рыболовы помешали ловить рыбу в реке данщикам и их людям. Произошло, по-видимому, нечто подобное тому, что случилось, когда в середине XV в. новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич послал своих «ловцов» на реку «Выг»: карелы его «людей сгониле, и сети выкинуле»[51].

Со словами «А во Шуе ни лидие, ни лову» интересно сопоставить отрывок берестяной грамоты № 174

[47] НПЛ, стр. 28.
[48] Там же, стр. 33.
[49] ГВНП, стр. 149, № 93.
[50] Там же.
[51] Там же, стр. 291, № 290.

(XII в.) [52] — «...[на ла]дье ольнина моя» [53] (т. е. олепина, оленье мясо). Очевидно, в обоих документах речь идет о каких-то конфликтах на промыслах (рыбных, охотничьих).

Деятельность данщиков отражена в берестяной грамоте № 281 (XIV в.) [54], от которой сохранилось лишь начало: «Поклоно от Наума и от Григории к данику новгородцему и к новгородцамо, кто изгодидце тамо [55]. Послале есме свои люди 3 целовеке свои...»

А. В. Арциховский и В. Л. Янин [56] считают, что письмо было адресовано данщику и сопровождающим его лицам туда, где они производили сбор дани с нерусского населения. Наум и Григорий были или помощниками данщика или крещеными старостами «местных племен» — «этими глазами и ушами новгородской власти».

Мне думается, смысл письма № 281 можно передать таким образом. В какой-то район Новгородской земли, населенный карелами, саамами или другими народами, из Новгорода отправился сборщик дани с дружиной. Но там, где он развернул свою деятельность, у него нашлись конкуренты в лице местных феодалов, может быть, из нерусского или обрусевшего населения, стремившиеся захватить в свои руки часть сборов со своих сородичей. Григорий и Наум, вероятно, и были такими феодалами. Они не знают имен ни данщика, ни сопровождающих его людей, которые направляются из Новгорода, но уже спешат заявить им о своих правах.

Некоторые новгородские акты XV в. показывают, как в Карельской земле вырастали местные земельные собственники, завладевавшие угодьями, промыслами и богатевшие за счет эксплуатации трудового населения. Выше приводилось указание на братьев Менуевых, приобретших «землю и воду на Поморьи по [мо]рьским рпкам и по лешим озерам» и тем самым получивших возможность собп-

[52] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955). стр. 59.
[53] Конъектура А. В. Арциховского.
[54] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 107—109.
[55] Так расставляет знаки препинания В. Л. Янин. Другую пунктуацию предлагает А. В. Арциховский. Он ставит точку после слова «новгородцамо», и далее читает: «Кто изгодидце тамо послало есме свои люди 3 целовеке свои...».
[56] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 73—74.

рать «празгу» (дань) на территории, населенной «лопью и ...корелою, куды вся 5 родов володею[т]»[57]. Говорилось, что обладателями таких же прав (вместе с землей и водой) стали Павел, Иван и Борис[58].

На почве взимания дани с Карельской земли у Новгородского государства возникали конфликты со Швецией, сведения о которых сохранились в берестяных грамотах. Развернутый текст на бересте опубликован А. В. Арциховским под № 286 (XIV в.)[59]: «[От Г]ригории ко Дмитроу. М[ы здо]рове[60]. А ты ходи, не боися, миро взяле на [ст]арои меже Юрия князя, [нынец]я[61] послале кореле на Каяно море[62]. А [не п]омешаи[63], не испакости каянецамо, ни соби[64] присловия возми. А [ц]и[65] пои[ма]ло дани лонескии, возми и мои. А уцюеши, а не поиду к но[ву], и ты то годъ[66] иди. А дома здорово. А на меня вестеи перешиня[щ]о, аже возможеши, пособляи мне цимо».

Смысл текста хорошо раскрыт А. В. Арциховским, И. П. Шаскольским[67], В. Л. Яниным[68], хотя к их выводам можно добавить и ряд новых наблюдений. В грамоте говорится о заключении мира между Новгородом и Швецией, подтвердившего государственную границу («старую межу»), установленную при великом князе Юрии Даниловиче договором 1323 г. Условия Ореховецкого договора на протяжении XIV в. подтверждались дважды: в 1339 и 1351 гг.[69] Следовательно, одним из этих годов надо датировать и берестяную грамоту № 286. Предпочтительно

[57] ГВНП, стр. 295, № 296.

[58] Там же, стр. 308, № 321.

[59] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 162—164.

[60] Конъектура В. Л. Янина.

[61] То же.

[62] И. П. Шаскольский читает: «[тоб]я послале [к] кореле на Каяно море».

[63] Конъектура В. Л. Янина.

[64] А. В. Арциховский после слова «соби» ставит точку и далее читает: «Присловия возми, а... и пои[ма]ло дани лонескии, возми и мои».

[65] Конъектура В. Л. Янина: «а[к]и».

[66] А. В. Арциховский читает: «тогодь».

[67] *И. П. Шаскольский*. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV веков («Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 71—78).

[68] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту.... стр. 69—70.

[69] НПЛ, стр. 350, 362.

остановиться на первой дате, ибо в 1338 г. в новгородско-шведских переговорах специально стоял вопрос о «корелe», которую упоминает и письмо № 286. Сначала новгородское правительство отправило послов Кузьму Твердиславича и Александра Борисовича в Выборг, «и привезоша мир, доконцавше по тому миру, что доконцали с великим князем Юрьемь в Неве...» Вопрос о положении пограничных карел было решено оставить открытым до переговоров со шведским королем. Эти переговоры те же послы провели в городе Людовле, в Мурманской земле. Король снова утвердил мирный договор. Кроме того, было постановлено вести борьбу с переходами карел через границу, из одного государства в другое, но православных карел-перебежчиков, находящихся в настоящее время на новгородской территории, шведам не выдавать [70].

Письмо № 286 написано одним данщиком (Григорием), который должен был действовать в Карельской земле, другому (Дмитру). Письмо, как видно из его текста («а дома здорово»), послано из Новгорода, причем, по-видимому, сразу после того, как там стало известно о мире. Выражения, которыми пользуется Григорий («м[ы здо]рове», «миро взяле»), придают большую вероятность догадке В. Л. Янина о том, что он был в Людовле вместе с другими новгородскими послами. Но писал он, конечно, не из Людовля и не с дороги, как думает В. Л. Янин, а вернувшись домой.

Можно предположить (предположение это также высказано В. Л. Яниным), что Григорий был издавна связан с Карельской землей, где действовал в качестве данщика. Летопись рассказывает, что в 1333 г. некто Григорий (возможно тот самый, который упомянут в грамоте № 286) ездил в качестве одного из посланцев к литовскому князю Наримантy Гедиминовичу с приглашением от новгородского правительства на наместничество в ряде пунктов Новгородской земли, в том числе и населенных карелами [71].

Вернувшись из Людовля в Новгород, Григорий отправляется в Карелию не сам, а посылает туда Дмитра. Письмо его к последнему двойственно по тону. С одной стороны, Григорий успокаивает Дмитра: военная опасность ми-

[70] Там же, стр. 349—350.
[71] Там же, стр. 345—346.

повала, мир взят, иди, бояться нечего. Но с другой стороны, сам он явно обеспокоен. На это особенно указывает последняя фраза грамоты: «А на меня вести переципя[ш]о, аже возможеши, пособляи мне цимо». Слова «а на меня вести переципя[щ]о» А. В. Арциховский и В. Л. Янин оставили вообще без перевода. В. И. Борковский, несколько иначе разбивая текст на слова и по-иному восстанавливая разрыв («а на меня весте и переципя [т]о»), дает перевод — мало понятный: «а на меня ссылайся и переделывай (изменяй) то».

Значение глагола «чинити» многообразно; в таких сочетаниях, как «чинити ведомо, знаемо» он означает «извещать» [72]. Соответственно выражение «а на меня вести переципя[ш]о» можно понять так: извещая меня о слухах, которые меня касаются. Григорий просит Дмитра сообщать ему все, что тот услышит о нем; этим адресат весьма ему поможет.

Осторожность Григория понятна. Если он был связан с Карелией с 1333 г., то в 1337 г. он должен был быть свидетелем восстания карел, которые «нодведше немець (т. е. шведов), побиша Русь новгородцов много и ладожан гостии, и кто жил крестиян (т. е. православных) в Корелe, а саме побежале в Немечкыи городок (Выборг), и потом много посекоша крестияп изь Немечкого городка» [73]. Григорий, естественно, боится, как бы эти события не повторились. А если восстание 1337 г. как-то затронуло его персонально, то страх его был вдвойне обоснован.

Грамотой № 286 Григорий информирует Дмитра, что «[нынец]я послале кореле на Каяно море». Это название Ботнического залива. Приведенный текст В. Л. Янин понимает в том смысле, что карелы послали гонцов к своим соплеменникам, перешедшим на шведскую территорию, для переговоров о возвращении. Хотя военная опасность миновала, обстановка в пограничной зоне сложилась острая, напряженная. И Григорий предупреждает Дмитра, что он должен действовать в отношении карел-каянцев дипломатично и в то же время достаточно твердо. Ему не следует вредить им («пакостить»), чинить какие-либо препятствия, но в то же время не надо допускать, чтобы

[72] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 1518.

[73] НПЛ, стр. 348.

карелы прекословили властям. Слова «ни соби присловия возми» я понимаю как совет Дмитру не допускать себе противоречий. Вряд ли убедительно толкование В. Л. Яниным термина «присловия» как списка недоимок дани, приложенного Григорием к своему письму.

По поводу дани Григорий отдает следующее распоряжение: если она за прошлый год уже взыскана, то пусть Дмитр соберет оклад этого года. Очевидно, Григорий и Дмитр действовали в качестве данщиков, сменяясь через год. В 1339 г. должен был ехать в Карелию Григорий (поэтому он и говорит — «дани мои»), но он послал вместо себя Дмитра. Григорий не уверен, что приедет и в будущем году (ибо страхи его еще не рассеялись, он не загадывает на ряд месяцев вперед), и предупреждает, что, возможно, Дмитру придется опять его заменить.

В. Л. Янин[74] заметил, что одним и тем же лицом написаны текст № 286 и грамота на бересте № 278 (XIV в.)[75]. Следовательно, последняя также принадлежит перу данщика Григория. В ней сказано: «У Икагала у Кривца 3 кунице. У Иголан дове и в Лаидиколе полорубля и 2 кунице. У Лешнуя в Лаидиколе 6 бело. У Филипа у деяка 30 бело. У Захарии и в Калинина полосорока и 5 и 5 бело. У Сидуя у Авинцн 4 купицн. У Мнкнте Истовнои у Еванова 6 куницн. У Муномела в Куроле у Игалина брата полорубля и 2 кунице. У Лег...»

В грамоте названы географические пункты в Карельской земле, указаны и имена карел, с которых следовало взять (или уже взяли) меха и деньги. Отсюда можно думать, что в письме № 278 зафиксированы недоимки по выплате дани или соответствующие ее платежи.

Грамоту № 278 В. Л. Янин[76] сопоставляет с письмом на бересте № 403 (XIV в.)[77], в котором говорится: «У Марка коробея. У Гымуева брата полуторе белки в Сандалакши. У Мунданахта 2 беле. У Пюхтино коробея. То в Погни у наимита белка».

В нижней части берестяного листа в разных местах — записи: «Соромо гулкпя», «вели кяски», «кпсело хапала», «церево социле кохти», «кюзу веле кадо нии далы».

[74] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 71.
[75] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 104—105.
[76] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 71.
[77] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 103—104.

Как и в № 278, перед нами, возможно, список недоимок по сбору дани в карельских поселениях. Географические названия («в Сандалакши», «в Погии») ведут к Кирьяжскому погосту, находившемуся на западном берегу Ладожского озера, недалеко от города Корелы. Имена плательщиков — в большинстве нерусские. Записаны недоимки по взысканию пушнины («белок», «бел») и зерна (измеряемого «коробьями»). «Наймитом», очевидно, именуется феодально зависимый закабаленный человек типа «закупа». О «наймитах, хто стражет на готовых конех (т. е. выполняет барщинные работы), а в кунах» (т. е. забрав ссуду), говорит грамота Ивана Калиты печерским сокольникам [78].

Дополнительные записи на бересте в основном сделаны не на русском языке. Отдельные русские слова («кохти» — когти, «церево» — черево — брюшко меха, «социле» — «сочил» — судился, искал по суду) говорят или об объектах обложения данью, или о спорах и конфликтах, возникающих на почве ее сбора [79].

О пограничных столкновениях восточных карел с западными и со шведами говорят грамоты на бересте № 248 и 249. В первом документе (XIV—XV вв.) [80] сказано: «Бьють челомъ корила Погоская, Кюлолаская и Кюриеская господину Новугороду. Приобижени есмь с Немечкои половине. Оцтина наша и дидена... а нас, оу Вымолчовъ, господда, имали крецетея... мопь и вьрьжи ограбиле, а сами есмь... и на... алуи 10. а оу...»

[78] ГВНП, стр. 142, № 84.

[79] К № 403 близка по своему характеру грамота на бересте № 351, XIII в. (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 39—40): «...у Шила и были на Сто...вь добрь и товаре во Хъ ...вьль. Бес поцали буди». Очевидно, это опять письмо данщика (а может быть, скупщика товаров). С одной стороны, указаны лица, у которых взяты или подлежат взысканию беличьи шкурки (Шило и, вероятно, другие). С другой стороны, названы географические пункты (вследствие разрывов в тексте их нельзя восстановить полностью). В параллель № 351 можно привести выдержки из грамот № 278 («у Лепнуя в Лаидиколе 6 бело») и № 403 («у Гымуева брата полуторе белки в Сандалакши»). К той же категории документов, связанных со взысканием дани, относится, вероятно, и грамота на бересте № 52, XIII в. (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1952, стр. 55—56). От нее дошли два куска. На первом можно прочитать: «40 беле, в Пуе 1, а в Кокше[ипе]...» (конъектура А. В. Арциховского). На втором куске сохранились полностью лишь слова: «40 было...»

[80] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 72—73.

А. В. Арциховский и И. П. Шаскольский [81] установили, что это донесение новгородскому правительству от карел двух погостов («Корила Погоская»), входивших в состав Новгородского государства: Кирьяжского и Кюлолакшского. В донесении содержится жалоба на «обиду», нанесенную нападением, совершенным «с Немецкой половины», т. е. с той территории Карельской земли, которая Ореховецким договором 1323 г. была признана находящейся под шведской властью. Набег мог быть совершен как шведами, так и западными карелами. У жителей Кирьяжского и Кюлолакшского погостов, занимавшихся охотой и рыболовством, были захвачены ловчие птицы — кречеты и рыболовные снасти.

Бросается в глаза фраза: «а у нас, у Вымолчов». В новгородских актах упоминаются в карельском Поморье «отчина Вымолецкая», «Вымолци», «пять родов Вымолцов» [82]. Судя по последней цитате, можно думать, что «Вымолци» — это карельское население, делившееся на пять родов, связанных общностью происхождения. Но в другом случае встречаем выражение «Вымолци и пять родов» [83], откуда можно предполагать, что «Вымолци» составляли один из пяти родов карел («корельских детей»). И действительно, упоминаются и другие роды: Курольцы, Ровкульцы, Валдейцы [84].

Во всяком случае, последовательное упоминание в документах «пяти род корелских детей» [85] говорит о наличии в Восточной Карелии определенной государственной организации. Слово «род» к тому времени уже, вероятно, утратило свой первоначальный смысл и стало обозначать территориально-политическую единицу, возглавляемую местной карельской знатью. Восточная поморская Карелия была, вероятно, представлена пятью родами во главе с Вымолчами. Именно поэтому, как можно догадываться, в берестяном документе № 248 выражение «корила Погоская, Кюлолаская и Кюриеская» оказывается равнозначным понятию «Вымолчи».

[81] *И. П. Шаскольский.* Берестяные грамоты... («Археографический ежегодник за 1962 год», стр. 71—78).
[82] ГВНП, стр. 295—296, № 297—298; стр. 307, № 318.
[83] Там же, стр. 296, № 298.
[84] Там же, стр. 289, № 287; стр. 308. № 319.
[85] Там же, стр. 298—299, № 303—304.

А. В. Арциховский и И. П. Шаскольский считают возможным (хотя и с некоторыми оговорками) связать грамоту № 248 с летописным известием о походе в новгородскую Карелию в 1396 г. Под этим годом в новгородской летописи говорится: «Того же лета пришедше немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша; и князь Костянтин с корелою гнася по них и язык изпма, и присла в Новгород»[86]. Мне думается, совпадение текстов летописного и берестяного письма настолько близкое, что, по всей вероятности, речь в них идет об одном событии.

Но мне кажется не совсем убедительным предположение И. П. Шаскольского, что именно грамотой № 248 новгородские власти были извещены в 1396 г. о вражеском нападении на Кирьяжский и Кюлолакшский погосты, в силу чего и могли своевременно принять ответные меры: послать служилого князя Константина Белозерского для изгнания вторгшегося отряда из русских владений. Ведь сообщение «Погоской корилы» касается прошлого и говорит не о надвигающейся опасности, а о пережитой «обиде», о ее результате. Смысл донесения, очевидно, в том, чтобы новгородские власти учли понесенное разорение и дали карелам податную льготу, освободили бы их на какой-то срок от дани. Об этом, вероятно, и шла речь в конце сильно попорченной грамоты № 248.

К № 248 близка по характеру берестяная грамота № 249 (XIV — XV вв.)[87], сохранившаяся неполностью. В ней читаем: «...оу Питпна сына, оу Игале и оу Миките третиего л[ета узяле товара][88] на 14 рубле Микулинь человекь Стеньна...[89] Коневыхь водахъ оу Жябия Носа оуби[ле] насъ [...]вуева[90] сына и Кавкагалу; а оузяле товара 10 [руб]левъ Киреевь сыно, ино взе лопинь[91]. Лоно

[86] НПЛ. стр. 387.

[87] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 73—76.

[88] Конъектура И. П. Шаскольского (*И. П. Шаскольский*. Берестяные грамоты...— «Археографический ежегодник за 1962 год», стр. 71—78).

[89] Может быть, здесь было: «того жь третиего лета на...».

[90] Здесь было имя и начало отчества какого-то карела. Отчество кончается буквами «вуева».

[91] А. В. Арциховский расставляет знаки препинания иначе: после точки — «А оузяле товара на 10 (руб)левъ. Киреевь сыно, ино взе лопинь».

оу Гювпева сына оу того жь Жябея Носа пріехавше Севилакшане 8 человекъ взяле товара на 5 рублевъ и лотку. На тых жь Коневыхъ водахъ оу Мундуя оу Вармина сына взяле 10 лендомъ рыбъ...»

Грамоту довольно детально разобрали А. В. Арциховский и И. П. Шаскольский. Речь идет о нападениях на новгородских карел со стороны «Севилакшан», т. е. жителей погоста Саволакс, уступленного новгородским правительством Швеции в 1323 г. [92], а может быть, и со стороны населения других погостов, перешедших к шведам. Документ № 249, вероятно, был написан на нескольких листах. В дошедшей до нас части говорится о трех или двух нападениях на территорию одного из мысов озера Оривеси [95] из-за рубежа, отделяющего Восточную Карелию от Западной. Один набег состоялся за два года до написания грамоты. Во время него «человек» Микулы Стенина отнял «товар» (очевидно, продукты охоты и рыболовства) у трех лиц: у Питина сына (его имя не сохранилось), Игалы и Никиты. Во второй (или тот же самый) набег были избиты два человека: один по имени Кавкагала, имя другого утрачено. При этом лопарь Киреев сын взял у них товара на 10 рублей [94]. Наконец, в прошлом году 8 человек «севилакшан» захватили у Гювпева сына товара на 5 рублей и лодку, у Мундуя Вармина 10 лендом [95] рыбы.

От некоторых грамот сохранились настолько ничтожные куски, что об их содержании можно только догадываться. Такова, например, грамота № 36 (XIV в.) [96]: «...[гри]вна, у Селихъ гривна, у Е... мона....» По мнению А. В. Арциховского, это какой-то денежный документ, запись долгов или налогов. Л. П. Жуковская считает, что письмо № 36 по содержанию и по форме близко к уставу князя Святослава Ольговича 1137 г., где имеется, например, такой текст: «...оу Пахитка на Паши полгривны, на

[92] ГВНП, стр. 68, № 38.

[93] А. И. Попов отождествил слова «Коневы воды» с названием озера Оривеси (ori — конь, vesi — вода). Жабий Нос — мыс на побережье того же озера.

[94] А. В. Арциховский понимает текст иначе. Он выделяет в отдельную фразу слова «Киреевь сыно ино взе лопинь» и не связывает их с предыдущим: «А оузяле товара па 10 рублев». Поэтому он дает такой перевод: «А взяли товара па 10 рублей. Киреев сын еще взял лопарь».

[95] Слово «лендома» неясно.

[96] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 36—37.

Коукуеве горе гривна, у Пермина гривна, оу Кокорка полгривны»[97]. Из сопоставления устава Святослава и берестяной грамоты № 36 Л. П. Жуковская делает вывод, что в последней записаны налоги, близкие по значению к государственным.

Трудно сказать, за что берутся гривны, зафиксированные в грамоте № 36. Можно сделать одно предположение (отнюдь не настаивая на его убедительности): не следует ли читать не «у Селихъ», а «усе лихъ», т. е. все лихо, все лихое? И если так, то не следует ли думать, что гривны, записанные в грамоте № 36, взимались в качестве штрафов (продаж) за лихие дела — уголовные преступления?

Очень короткую запись находим в грамоте № 47 (XIV в.)[98]: «...Се лишки датит...»[99] Речь идет, очевидно, о каких-то излишних, сверх нормы, поборах. В уставной грамоте Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1392 или 1404 гг. читаем: «А что села отца нашего митрополичи церковныа..., а дань имати с тех сел в выход по оброку по моеи грамоте, князя великого, по оброчнои, а л и ш е того оброка не имати»[100]. В ряде княжеских жалованных грамот находим формулу: пусть крестьяне «потянут в мою дань по силе»[101]. В то же время князья угрожают «казнью» тем, «кто что силно на них возмет»[102]. «Сильно», очевидно, значит не только «силою», «насильно», но и сверх обложения, «лише». Когда берестяная запись № 47 указывает, что кому-то из плательщиков пришлось дать «л и ш к и», она, вероятно, и имеет в виду принуждение их к уплате не «по силе», «л и ш е» того, что было установлено.

Подводя итоги всему вышеизложенному, следует сказать, что материал берестяных грамот значительно расширяет и конкретизирует наши представления о том, как происходил сбор дани, какие при этом возникали конфликты между данщикамп и населением.

Некоторые документы из-за их плохой сохранности донесли до нас лишь отрывочные сведения о «полюдье» —

[97] *Л. П. Жуковская* НБГ. М., 1959, стр. 58.
[98] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 49.
[99] А. В. Арциховский читает: «...дати Т...»
[100] АСЭИ, т. III, стр. 18—19, № 6.
[101] Там же, стр. 59, № 98.
[102] Там же, стр. 115, № 182.

поездке за данью представителей государственной власти, облеченных соответствующими полномочиями, или о недоимках, которые надо взыскать с налогоплательщиков, мехами, серебром и т. д.

Но имеются и более конкретные данные, рисующие процесс поступления тех или иных денежных платежей и натуральных взносов от смердов к данщикам и осложнения и трения, которые возникали у правительственных агентов и тяглецов. Данщик Петр при содействии своих помощников Влотька и Рожнета добирает до нормы «сроки» пушнины с представителей местного населения Нустуя и Даньши. При взимании податей со смердов села Еги встает вопрос об отмежевании их селения, ибо они нарушили земельные границы. Недоразумения по поводу податной раскладки («розруба») возникают между смердами-рыболовами и посадником Онцифором Лукиничем. Некто Ратмир незаконно привлек какого-то Микифора к выполнению государственных повинностей в Торжке, а привлеченный запротестовал и подал жалобу в суд. Недоимщики Климец «с племенем» ликвидируют свою задолженность по дани ее сборщику Федорку Слепеткову.

Весьма красочные сведения содержит письмо одного из данщиков, которому пришлось собирать «празгу» в Обонежье. Он или его помощник побывали в разных пунктах (в Никольском Пудожском погосте, на реке Ояти, на побережье Сямозера) и в ряде случаев натолкнулись на сопротивление жителей, отказывавшихся платить дань в требуемом размере и не позволявших данщикам ловить рыбу в своей реке.

Особенно острые социальные и политические конфликты происходили при сборе дани в районах, населенных нерусскими, карельскими и лопскими, жителями. Там формировалась местная социальная верхушка, представители которой оспаривали у новгородцев право на эксплуатацию своих сородичей из среды рядового населения. Такими представителями карельской знати были, по-видимому, Наум и Григорий, конкурировавшие с «даником новгородцем».

Сбор дани среди карел осложняли русско-шведские пограничные споры и переходы карельского населения за границу Новгородского государства. Недаром один из данщиков — Григорий, побывавший в 1338 г. в Людовле, где происходили мирные новгородско-шведские переговоры,

подробно инструктирует другого данщика Дмитра о том, как осторожно и дипломатично, хотя и настойчиво, следует действовать в Карельской земле. О нападениях «с Немецкой половины» в Восточную Карелию и причиняемых при этом разорениях жителям рассказывает челобитье жителей Кирьяжского и Кюлолакшского погостов, а также грамота № 249.

§ 2. Феодальная рента

Наряду со сведениями о дани, новгородские берестяные грамоты содержат материал и о вотчинных повинностях: натуральном и денежном оброке, иногда — барщине. Правда, не всегда можно четко выявить, о чем идет речь.

В небольшом отрывке грамоты № 192 читаются слова: «...ржи ко мне 10 д...» [103] С буквы «д» начинаются слова «денег» и «дежей». Соответственно этому могло говориться как о количестве ржи, так и о ее стоимости. Может быть, имелся в виду хлебный оброк, может быть, рассказывалось о купле-продаже зерна.

В грамоте № 348 (XIII в.) [104] написано: «...ретънихо. У Илее, у Тудора 4 цетверти. У Милошка цетверете. У Ратше 2 цетверети. У Страхона цетвете. У Мала цетвете. У Ярыша 2 цетверети. У Надея цетвьрте. У Хоцу у сына его цетверте. У Содлилке цецетверте. У Селяте цетверте. У Вонега цетверте. У Васеке цетверте. У Несула цетверте. У Терпиа 2 цетверте. У Тешиле цетверте. У Обидена 2 цетверти. У Дешевка церте. У Наслава цетверте. У Станяте цетверте. У Иелее 7 цетверти».

Прежде всего ясно, что здесь употребляется какой-то счет на «четверти» (это слово в ряде случаев пишется с ошибками: «цетвете», «цецетверте», «церте»). А. В. Арциховский думает, что в грамоте зафиксированы крестьянские повинности, и указывает: «четвертями постоянно уплачивается оброк в новгородских писцовых книгах»; «речь идет, надо полагать, о ржи: все другое было бы оговорено». Действительно, в новгородских писцовых книгах под «четвертью» часто подразумевается четвертая часть урожая, которую должны были отдавать крестьяне-издоль-

[103] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 75. (Стратиграфической даты нет, палеографические признаки для датировки недостаточны).

[104] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 35—37.

щики барину [105]. Но применим ли этот термин к берестяной грамоте № 348? Ведь здесь говорится, например, что у Тудора надо взять 4 четверти, а у Ильи — 7 четвертей. Не мог же феодал требовать у одного крестьянина весь его урожай, а у другого — даже почти вдвое больше зерна, чем он сможет собрать.

«Четверть» упоминается в источниках и как реальная мера сыпучих тел. Так, в духовной Панкрата Ченея 1482 г. читаем: «взяти ми на Куземке на Скворцове десять четвертеи ржи; взяти ми на Парфене на Бурцеве десять четвертеи овса...» [106] В новгородских документах на бересте в качестве меры сыпучих тел обычно фигурируют «дежа» или «коробья». Поэтому вряд ли следует трактовать «четверть», о которой говорит грамота № 348, как единицу измерения хлеба.

Остаются еще два возможных варианта толкования слова «четверть» в грамоте № 348: это или мера земельной площади, или денежная единица. Если верно первое, то перед нами — список крестьянских земельных наделов; если остановиться на втором понимании термина, то значит речь идет о денежной ренте, следуемой с крестьян. «Четверть» как единица денежного счета подразумевается в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. («по уху ударить, 3 четверти серебра») [107], в договорных княжеских грамотах («а имет с ким холоп его тягатися, а не будет по нем поруки, ино холопа обвинити да выдати осподарю, а з головы дати пошлины гривна, а с семьи четверть») [108].

В небольшом обрывке грамоты № 337 (XIII—XIV вв.) [109] можно прочитать: «...реза... 17 оулковъ. Оу...»

«Улка» — мера зерна [110]. «Реза» — либо начальная часть слова «резана» (так думает А. В. Арциховский), либо родительный падеж слова «рез» (процент). Таким образом, в тексте № 337 можно видеть или указание на продажу хлеба, или перечень крестьянских (натуральных

[105] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.— Л., 1965. стр. 182, 184, 185, 279, 318, 319, 323—326.
[106] АСЭИ. т. III. стр. 103, № 68.
[107] ПРП. вып. II, стр. 59.
[108] ДДГ, стр. 28, № 9.
[109] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961). стр. 26.
[110] Эта мера упоминается также в грамоте № 50.

и денежных) повинностей, или, наконец, запись ростовщика о хлебной ссуде на кабальных началах.

В очень дефектной грамоте № 320 (XIII—XIV вв.)[111] восстанавливается следующее: «...са полоуторе деже оу Тьр... овса 7... ово. Оу Радеха 9 деже[112], овса десятая, а коун... гривне. Оу Милъслава со Милонего 9 деже[113], овса десятая и безъ 10 коуно 2 гривне оу Милого... полопять деже, овса полодеже, а коуно 40... а коуно 40 резазанъ, овса... оу Ратше оу Рикиница полоп...»

Вероятно, это список крестьянского оброка (хлебом и деньгами)[114]. А. В. Арциховский считает, что основной повинностью являлся оброк рожью (хотя она и не названа), дополнительной — овсом. Нельзя читать «9 деже овса», указывает А. В. Арциховский,— дальнейшая расстановка слов этого не позволяет. Слово «десятая» (дежа), по А. В. Арциховскому, относится к овсу: крестьяне платили 90% рожью и 10% овсом. Но если мы возьмем берестяную грамоту № 50, то там встретим такие выражения: «3 дежи трьтие...», «дижя семая», что означает третья часть урожая, седьмая доля урожая и т. д. Вполне возможно, что и в грамоте № 320 словосочетание «9 деже овса, десятая» надо понимать в том смысле, что 9 деж овса, вносимого феодалу, составляли десятую часть крестьянского урожая. Может быть, в грамоте № 320 речь шла специально об оброке овсом (на началах издольщины). подобно тому как в № 161 упоминается одна рожь.

В грамоте № 254 (XIV в.)[115] очень много разрывов, поэтому невозможно восстановить не только текст в целом, но даже ряд отдельных слов. Сохранилось следующее: «...аяече ...[Б]оровицки 2 короби пшеници, 2 короби... ши Колачицки и вожи и во пшеници а све..е и пшеници. а в[оско] и рожи и вожи... ски ни дружини а ком... мо... ели Есифе рубеле... емли вереше...»

В ряде берестяных новгородских грамот рожь и пшеница упоминаются как статьи крестьянского оброка или хлебной ссуды вотчинников крестьянам, подлежащей воз-

[111] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 9—11.
[112] Возможно, что здесь запятая и не нужна.
[113] Так же.
[114] Измерение «дежами» ведется также в письмах № 50, 191, 219, 220, 253.
[115] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 81—82.

врату [116], причем обычно по именам указываются лица, которые выполнили (либо должны выполнить) свои оброчные обязательства, вернули (или должны вернуть) взятое заимообразно зерно. В грамоте № 254 фигурируют не крестьяне-плательщики персонально. Здесь (во всяком случае, в сохранившейся части документа) речь идет о феодальных повинностях с сел или деревень. Упомянуто одно имя — Есиф, и после него стоит глагол в повелительном наклонении — «емли». Может быть, это ключник (или приказчик, староста), который должен взыскать с жителей названных поселений ренту. Повинности на крестьянах лежали, как можно думать, не только натурой (пшеница, рожь, воск), но и денежные («р у б е л е»). Не исключена, правда, возможность, что слово «рубеле» означает здесь не денежную единицу, что это термин одного корня с глаголом «р у б и т и», «р о з р у б». Тогда текст следует понимать так, что Есифу вменяется в обязанность производить взимание оброка (прежде всего хлеба — «вереши») согласно проведенной среди плательщиков разверстке.

Возникает вопрос: что такое «вожи»? По-видимому, речь идет о «повозе» — обязанности крестьян перевозить господские грузы с хлебом, сеном, дровами и т. д. [117] Об этом говорится в Псковской судной грамоте («А старому изорнику вози вести на государя») [118] и в Судебнике 1550 г. («А за повоз имати з двора по два алтына») [119].

Весьма трудно также определить, в каком смысле употреблено в тексте слово «дружини». Можно предложить два одинаково гипотетических толкования. Известна статья Пространной редакции Русской Правды, согласно которой член верви, вносящей виру, должен «заплатити по дружины свою часть» [120]. Если связывать слово «дружина» в грамоте № 254 со следующим далее глаголом «рубеле» — разрубал, производил раскладку повинностей [121], то допустимо думать, что слово это подчеркивает участие каждого жителя села в податной разверстке.

[116] См. берестяные грамоты № 23, 136, 161, 162, 179, 196, 218, 220, 299.

[117] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси,... стр. 356.

[118] ПРП, вып. II, стр. 296, ст. 75а.

[119] «Судебники XV—XVI веков», стр. 173, ст. 88.

[120] Русская Правда Пространной редакции, ст. 4.

[121] См. в новгородском акте второй половины XV в.: «а что порубили Тонвита в пораль̀е...» (ГВНП, стр. 253, № 234).

Пожалуй, ближе к истине другое понимание термина «дружина», в какой-то мере связывающее его значение со значением слова «вожи». Если последнее указывает на повозную повинность, то первое, возможно, упомянуто в грамоте № 254 в связи с обязанностью крестьян предоставлять феодалу довольствие на «подъезд», т. е. в случае его приезда в вотчину в сопровождении ряда лиц. В рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем около 1460 г. «повоз» и «подъезд» названы вместе: «...а возити им самим тои хлеб в монастырь святаго Спаса и святаго Георгия...»; «а коли архимандрит приеде на подъезд..., а дару...» (ему и его «молодцам») [122]. Может быть, «дружина» в письме № 254 — это как раз те самые «молодцы», которые сопровождали господина в его разъездах и которых население должно было «кормить».

В очень дефектном виде дошла до нас берестяная грамота № 179 (XIV в.) [123]. Читаются лишь отдельные слова, плохо соединяющиеся во фразы: «...улу... рьбеикина коробия ржи. У Коурятъва вь ан... 8 беле. У Боба... полъ 3 бел. У Скудле 3 куньнич».

Над первой сохранившейся строкой другими, мелкими, буквами написано: «и 3 беле на замке».

А. В. Арциховский пишет: «Трудно решить, чем признать эту грамоту: записью долгов или записью крестьянских феодальных повинностей». Помимо отрывочности текста, встают дополнительные трудности на пути его понимания. Неясно, имеет ли прямое отношение к содержанию письма надстрочная приписка; правомерно ли вносить ее в текст (как это делает А. В. Арциховский), или ее надо рассматривать как позднейшую самостоятельную заметку, непосредственно с ним не связанную. Не вполне понятно и значение фразы «и 3 беле на замке». Может быть, говорится, что три беличьи шкурки спрятаны под замком (в сундуке или в кладовой) [124]. Но, возможно, имеются в виду шкурки запломбированные, отмеченные особой печатью (во избежание фальсификации) [125]. Возникает вопрос и от-

[122] ГВНП, стр. 174, № 115.

[123] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 64—65.

[124] См. в Псковской судной грамоте: «оже клеть покрадут за замком...» (ПРП. вып. II, стр. 286, ст. 1).

[125] См. примеры под словами «замъкнути», «замъкну» у И. И. Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 929).

носительно значения слов «у Скудле»: идет ли речь о каком-то лице, носящем такое имя, или подразумевается сосуд («скудел» — «скудьл» — «скудельник»).

Если бы не упоминание о коробье ржи, то можно было бы предположить, что перед нами отрывок записи мехоторговца. А так наиболее вероятными из возможных трактовок характера грамоты № 179 остаются те две, которые предложил А. В. Арциховский. Трудно сказать, какую из них следует предпочесть.

От грамоты № 50 (XIV в.) [126] до нас дошли шесть кусков. Пять кусков вплотную подошли друг к другу; между ними и шестым (нижним, конечным) был еще текст, ныне утраченный. Начала документа также нет. Связное чтение установить не удается, разрывы этому мешают. Текст, который можно восстановить, звучит так: «...3 дежи трьтие... [За] [127] Радославомо дижя семая. Воислали [128] 2 дежи... дослали [129] исполовия 13 улоки. За Олександромо лонеского жита 13 улоки. Олександре дале Коромолнику 3 улки верши Волосе на Хомутини [130] у ... искорми. Ладога [131] 3 дежи. Опдришку 4 улки искормили. 14 улки овиса Олександрь с Волосомо».

А. В. Арциховский считает, что грамота № 50 является документом сельскохозяйственной отчетности. По Л. П. Жуковской, это письменный отчет о расходовании зерновых. Б. Б. Кафенгауз [132] сопоставляет берестяное письмо № 50 с росписью оброков с деревень Троице-Сергиева монастыря XVI в., открытой И. А. Голубцовым [133].

[126] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 52—54.

[127] Конъектура Л. П. Жуковской (НБГ, стр. 46).

[128] А. В. Арциховский считает мало вероятным чтение «воислали» — воины послали, а допускает, что надо читать: «выслали». Л. П. Жуковская предлагает транскрипцию «во Ислале» (указание на географический пункт). Вернее всего «Воислали» — Вославу (личное имя) (см., например, ГВНП, стр. 31, № 16).

[129] Может быть, «Радослаля» — значит Радослава (имя человека).

[130] А. В. Арциховский полагает, что слово «Хомутини» могло быть названием местности или означать подкладку под хомут; тогда «волосена хомутини» — лычные или мочальные хомутины. Вернее первое предположение (см. географическое название в ГВНП, стр. 180, № 122).

[131] Вряд ли Ладога — кличка лошади (как допускает А. В. Арциховский). Скорее это прозвище человека.

[132] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 169).

[133] АСЭИ, т. I, стр. 157, № 221.

Действительно, здесь есть нечто общее. В монастырской троицкой росписи говорится о «дежах» ржи, овса, пшеницы и пр., о «кербях» льна, о пудах масла и т. д., поступающих с ряда феодальных владений. В новгородской грамоте № 50 упоминаются «дежи» (меры) без указания какого именно зерна и «улоки» («улки») — более мелкие единицы измерения «жита», «верши», овса. «Жито» и «вершь» означают урожай всяких зерновых (в более узком значении «жито» — ячмень) [134].

В грамоте № 50 находим записи разного характера. Во-первых, отмечается задолженность по оброчному хлебу издольщиков-крестьян: Радослава, Воислава, Александра, Волоса. Выражения «дежа третья», «дижа семая», «исполовье» обозначают те доли урожая, которые должны отдавать крестьяне феодалу и которые они, очевидно, ему задолжали. Выражения эти равнозначны указанию на определенный сноп (например, «...а дают тот лес пахати заволостным крестьяном из пятого снопа») [135]. В некоторых случаях крестьянская задолженность составляла лишь часть причитающейся издольщины: «исполовия 13 улоки», «за Олександромо лопеского (прошлогоднего) жита 13 улоки, Олександре дале Коромолнику (очевидно, приказчику) 3 улки верши» (значит, частично оброк уже должником внесен).

При всей уместности проведенного Б. Б. Кафенгаузом сравнения грамоты № 50 с росписью оброков Троице-Сергиева монастыря надо подчеркнуть и существенное различие между этими документами. В последнем случае речь идет о целых селениях, в первом — об отдельных крестьянах. Документы употребляют иногда выражение «жито заемное и оброчное» «на хрестиянех» [136], имея в виду крестьянские долги феодалу по хлебной ссуде и натуральному оброку зерном. Грамота № 50 и содержит учет «жита оброчного» — недоимок и их погашения.

Есть в разбираемом документе и еще одна интересная разновидность записей. Это учет того, что крестьяне «искормили» представителям вотчинной администрации (таковыми являются, по-видимому, Коромольник и Ондриш-

[134] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси... (по указателю).
[135] Там же, стр. 194.
[136] ДДГ, стр. 277, № 74; *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 348.

ка). Что значит здесь «корм»? Это хлебное довольствие, поставляемое крестьянами слугам феодала, его хозяйственным и судебным агентам и пр., а также обязанность кормить их коней. Конкретные данные об этом имеются, например, в приводимой уже рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем около 1460 г.[137]

Большой документ, в котором находим список имен (очевидно, вотчинных крестьян) с указанием, сколько за каждым из них числится зерна (ржи), представляет собой берестяная грамота № 161 (XV в.)[138]. В ней читаем: «Перха три кади ржи. Наумь 3 ржи. Огафоноко кадь ржи. Грига 2 кади ржи. Кулба кадь ржи. Филимонь 3 кади ржи. Офромеець кадь ржи. Васке 3 кади ржи. У Обакунця 2 кади ржи. У Максимця 2 кади ржи. Шестьники 5 кадеи ржи. У Окиша 2 кади ржи. У Тораха 3 кади ржи. Исакь ноль 3 третьи[139] ржи. У Съсья 2 ржи. У Токаря 2 ржи. У Микитци кадь ржи. У Доманта 3 ржи. У Овсяника кадь ржи. У Понарьи польтреть ржи. У Юрка 2. У Чупровыхо 5 ржи». Внизу: «Перхи 2».

Исчисление ржи дается в кадях. Поэтому данную меру надо предполагать и в тех случаях, когда она прямо не названа, а указаны только цифры. Мало убедительно предположение А. В. Арциховского, что «шестник» — боярский вооруженный слуга. Вернее, это крестьянин-издольщик, работающий из шестого снопа.

Трудно сказать, говорится ли в рассматриваемом документе о «жите оброчном» или «заемном», т. е. о крестьянском оброке (окладе либо недоимках), или о задолженности крестьян вотчиннику по хлебной ссуде. Вернее всего, что это недоимки по продуктовой ренте.

Аналогию берестяной грамоте № 161 представляет перечень в духовной Васьяна Уварова 1475 г. тех хлебных недоимок, которые следует взыскать с крестьян[140]. Аналогия почти полная. Недоимщики названы персонально, точно помечено, сколько зерна каждый из них должен внести. Говорится лишь об одной хлебной культуре — ржи. Пожа-

[137] ГВНП, стр. 174, № 115.

[138] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 43—46.

[139] А. В. Арциховский с основанием предполагает, что в выражении «поль 3 третьи» писец по ошибке дважды написал число «три» (цифрой и буквами). Должно быть: «поль-третьи» — $2^1/_2$.

[140] АСЭИ, т. III, стр. 337, № 450.

луй, единственное отличие духовной Васьяна Уварова от берестяной грамоты № 161 заключается в том, что в первом документе рожь исчисляется в четвертях, во втором — в кадях.

Грамота № 162 (XV в.) [141] гласит следующее: «На Терехе и на Лоутьянь роубль. И на ихъ вноучате, на Микуре, на Григорь 4 гривни. На Онане на Пелемчахъ полтинна. У Сеш... коробе ржи. На Ргигорьи 5 коробе овса да коробья жита. На Мине 2 гривни. На Машке 2 гривне».

Думается, что имеются достаточные основания для трактовки А. В. Арциховским этого документа как списка крестьянских повинностей, которые были смешанного характера (и натуральные, и денежные). Но возможно, что речь идет о долгах крестьян феодалу. Во многих актах Северо-Восточной Руси упоминаются «села с серебром», причем под «серебром» имеются в виду или деньги, которые следует получить с крестьян в качестве оброка, или подлежащая возврату денежная ссуда. «...И сын мой Михайло пс тех сел что серебра на людех вымет, да испродасть хлеба, да приказником моим те денги отдасть...»,— читаем в духовной В. Б. Тучка Морозова 1497 г. [142] «А што в моем селе серебро... да и в деревнях, и то серебро прикащики мои зберуть да дадуть жене моей» [143]. В обоих случаях здесь можно предполагать как взыскание с крестьян долгов, так и денежную ренту.

Уцелевшая часть текста грамоты № 299 (XV в.) [144] такова: «А от Гриска осмина жри... У Са... И у Михали у Шила осми[на]... И у Лягаца осмина ржи. У Н... [о]смина ржи. У Фефана... [осм]ина ржи. У Фефилата осмна овьса. У В...да полъосмина жита».

Как и в ряде других выше рассмотренных грамот, здесь перед нами список или натуральных крестьянских повинностей, или задолженности по хлебной ссуде.

Грамоту № 169 (XIV в.) [145] А. В. Арциховский разбил на слова так: «Василеве Софонтеева. Онтане послале Ов-

[141] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 46—48.
[142] АСЭИ, т. I, стр. 524, № 612.
[143] Там же, стр. 379, № 501.
[144] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 129—130.
[145] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 55—56.

докиму два клеща. Да Щука с Василевы Рыбы клеще послале. Клеще Стопане цетворты».

Клещи были хомутные деревянные [146] и железные, употребляемые в качестве инструмента. А. В. Арциховский с основанием полагает, что в грамоте № 169 имеются в виду железные клещи, образцы которых известны по раскопкам в Новгороде. Найдены клещи кузнечные, ювелирные, кричные [147].

Таким образом, в разбираемом письме речь идет о посылке железных клещей, но кто и кому их посылает, не совсем ясно. Несколько странно звучат имена собственные во фразе «Да Щука с Василевы Рыбы». А. В. Арциховский правильно указывает, что в новгородских писцовых книгах встречаются имена, совпадающие с названиями рыб, в том числе Щука. Но уже менее правдоподобно звучит предположение, что целая семья могла называться Рыбой, особенно в разговорной речи.

Я хочу предложить иное прочтение текста, чем то, которое дает А. В. Арциховский: «Василеве Софонтеева [148]. Онтане послале Овдокиму два клеща да щука. С Василевы рыбы, клеще послале. Клеще Стопане цетворты». Смысл письма при такой транскрипции становится понятнее. Автор его сообщает Василию Софонтьеву о том, что Антон послал Овдокиму двое клещей и щуку, из деревни Васильевой ему же отправили клещи и рыбу, наконец, четвертые клещи направил (очевидно, все тому же лицу) Степан.

Конечно, очень важно определить социальное положение всех лиц, упомянутых в грамоте № 169. Прямых указаний на это нет. Приходится ограничиться предположениями, имеющими условный характер. То, что одни и те же люди отправляют железные изделия и рыбу, позволяет думать, что они живут не в Новгороде, а в Новгородской земле, где-то в районе развития крестьянской железодела-

[146] В 1589 г. из Иосифова-Волоколамского монастыря в Тверь был послан конюшенный старец «купити на конюшенной обиход удил к уздам и клещей к хомутам и пряж к подпругам и всяких запасов» (*С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I. М., 1952. стр. 63).

[147] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) («Материалы и исследования по археологии СССР», № 65. М., 1959, стр. 17—23).

[148] А. В. Арциховский считает, что слова «Василеве Софонтеева» означают: «двор Василия Софонтьева». По В. И. Борковскому, текст надо перевести так: «[Слова] Васильевы Софонтеева» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1955, стр. 131, прим. 170).

тельной промышленности и рыболовства [149]. Это деревенские кузнецы и рыбаки, вероятно, порвавшие с земледелием. Еще сложнее вопрос: что следует видеть в клещах и рыбе — оброк или товарную продукцию? Скорее — второе, ибо оброк клещами в новгородских писцовых книгах обычно не фигурирует.

И последний вопрос: кто такие автор грамоты № 169, Василий Софонтьев и Овдоким? И в данном случае остается только строить догадки. Можно думать, что Василий Софонтьев — феодал; автор письма — его приказчик, выполнявший поручение Василия Софонтьева по доставке для него клещей и рыбы; Овдоким — другой приказчик, ведавший его домашним хозяйством и поэтому обязанный принять столовые запасы и домашнее оборудование.

Но не исключено, что Василий Софонтьев и Овдоким — новгородские кузнецы — ремесленники, связанные общими производственными интересами с другими кузнецами, работающими вне Новгорода, и получающие от них продукцию для реализации на городском рынке.

Особый интерес представляет обширная грамота № 1 (XIV—XV вв.) [150], сильно поврежденная временем: «[А шл]о с Тер...ею и [151] Фоме шло и [151] ...[п]озема трицать и [151] три б[е]л[ке. А] с Лути... [п]озема и [151] дару [бел]ке. А с Менова села шло [по]зема и [151] д[ару]... б[е]лъ и [151] полоть. А с...ина села шло и [151] позема и [151] дару 40 б[ел] и [151] ...ик ...ина села шло [позе]ма и [151] дару 20 б[ел]ъ и [151] шесть б[е]лъ. А с Васильева с[ела...бе]гъ. А с... рунъского села [шло] 20 б[е]лъ дару. А с Овсеева села шло 20 б[е]лъ дару. А Шадрина села шло 20 б[е]лъ дар[у. А с] ...ипова села и [151] позема и [151] дару шло 40 б[е]лъ безъ дву. С Ошвина села шло позем[а] и [д]ару 20 б[е]лъ б[е]лъ. У [Р]афанова села шло и [151] позема и [151] дару 30 белъ без дво. А з Вабинихъ [152] [се]ла шло и [151] позема и [151] дару 30 б[е]лъ ...позема и [151] дару шестьдесять б[е]лъ и [151] полоть. А Хариянова

[149] *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961, стр. 98—106.

[150] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* ИГБ (1951), стр. 16—20.

[151] Во всех отмеченных случаях А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров считали «и» десятиричное за разделительный знак и не опубликовали его (Л. П. Жуковская.— «Палеографический и лингвистический анализ нбг». М., 1955, стр. 37, 190).

[152] В. К. Чичагов читает: «А з Бабиних...» (*В. К. Чичагов.* Филологические заметки. — ВЯ, 1954, № 3, стр. 83—84).

се[ла] ...Мохова села шло дару 20 б[е]лъ. А с Менова стана и[151] еву... ка Фоме 4 ваци[153] солоду... и... а 4 каде... 2 ка...[154] [ва]ци[155] рж[и]... [р]ужиного[156] шло... ка... по с[е]лке».

Перед нами роспись повинностей, шедших с ряда сел Фоме,— очевидно, феодалу. Основными повинностями являются «позем» и «дар», исчисляемые в «белах» (вероятно, беличьих мехах, может быть, в денежных единицах). «Позем» — это оброк, бравшийся феодалом преимущественно с торгово-промышленного зависимого населения, с держателей промысловых угодий. Поэтому встречается название «непашенные поземщики»[157]. Кроме новгородских грамот и писцовых книг, «позем» в том же значении упоминается в документах Рязанского княжества. Рязанские князья передают монастырям села «...со всеми пошлинами, и с бортники, и с бор[тными] землями, и с позем ом, и с озеры, и с [бобры и с] перевесьищи»[158].

Происхождение «дара» рисует жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 г. Первоначально — это денежный или натуральный корм, получаемый органами государственной власти или феодалом при объезде владений в целях сбора повинностей и суда («осеньнее полюдие даровьнее»)[159]. С течением времени «дар» становится разновидностью регулярного оброка. Так, судя по рядной крестьян Робичинской волости с тем же Юрьевым монастырем, архимандрит, отправляющийся в свои села «на подъезд», имеет право останавливаться в определенном стану на двое суток и получать при этом, помимо натурального довольствия для себя и своей свиты и корма для лошадей, пять гривен «дару». Каждому из сопровождающих архимандрита лиц «дар» идет в форме фиксирован-

[153] По В. К. Чичагову, «каци» — «кадьи».

[154] В. К. Чичагов реконструирует текст иначе: «...Фоме 4 кадьци солоду и [две] а и 30 каде[цъ] 2 ка[ци]».

[155] По В. К. Чичагову, «[ка]ци». Исследователь предполагает, что перед указанным словом было названо количество пшеницы, измеряемой кадями.

[156] По А. В. Арциховскому и М. Н. Тихомирову, «ужиного».

[157] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 41, 79, 80, 117—118, 182; *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке, стр. 117, 131, 136, 137.

[158] АСЭИ, т. III, стр. 351, № 322.

[159] ГВНП, стр. 140, № 81.

ного количества ржи. Если в каком-либо году архимандрит не поедет «на подъезд», крестьяне обязаны доставить пятигривенный дар в монастырь. Они освобождаются в этом случае лишь от хлебных поставок в пользу монастырских «пошлинников» [160]. Таким образом, «дар» приобретает характер постоянной повинности. В данном значении он упоминается в духовной грамоте Остафия Ананьевича Своеземцева 1393 г.: «а хлеб, и куны, и дар, а то идет матери моеи и сыну моему Федору» [161]. Сведения о «даре» имеются в новгородских писцовых книгах [162].

В берестяной грамоте № 1 среди повинностей дважды называется также «полоть» — половина туши мяса. В обоих случаях «полоть» стоит после указания на «дар» «белами»: входила ли она в состав «дара» или взималась наряду с ним, неясно. В новгородских писцовых книгах при перечислении составных частей оброка «полоть» упоминается неоднократно [163].

В конце берестяной грамоты № 1 из натуральных повинностей, шедших Фоме, назван оброк солодом и рожью [164]. В. К. Чичагов, восстанавливая текст, бывший в утраченных частях грамоты, довольно убедительно доказывает, что, наряду с рожью, там говорилось об овсе и пшенице.

Очевидно, у Фомы были и земледельческие и неземле-

[160] ГВНП, стр. 174, № 115.

[161] Там же, стр. 168, № 110.

[162] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 173—174.

[163] Там же, стр. 72, 107, 108, 110, 114, 115, 119, 121, 128, 136, 138, 148, 149, 159, 163—165, 181, 183, 185, 186, 193.

[164] В качестве единиц измерения натурального оброка в грамоте указаны «кадь» и еще одна мера, которую А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров прочитали как «ваци». Они считают это слово уменьшительным от «ват» — ведро, кадь. В. К. Чичагов считает правильным: не «ваци», а «каци», т. е. «кадди» — «кадь».

В 12 дефектной строке грамоты неясный текст: «...[ва]ци ржи[и]... [р]ужиного шло...» М. Н. Кислов читает «ружиного», т. е. церковной руги; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров — «ужиного» (от слова «ужинать», «жать»). Вероятнее всего, это просто название местности. Ужинский погост был и в Деревской, и в Шелонской пятинах (*Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 420). Предложенное понимание термина вполне разъясняет текст: «с такого-то села шло столько-то (текст утрачен) кадей ржи, а с Ужинного шло столько-то (опять дефектное место)».

дельческие села и поступления из них были разные: пушниной и хлебом.

Интересно, что о видах и нормах феодальных повинностей во владениях Фомы говорится в прошедшем времени: «а шло». Очевидно, к моменту написания грамоты дело изменилось. Можно предполагать, что, во-первых, наблюдалось увеличение крестьянских повинностей, во-вторых, изменялся их характер. Допустимо предположить, что именно эти два обстоятельства и объясняют составление описи, фиксирующей старинные поступления оброка с сел, принадлежавших Фоме.

Усиление податного гнета и изменения форм ренты (особенно рост денежного оброка) хорошо прослеживаются по новгородским писцовым книгам рубежа XV и XVI вв.,— времени после включения Новгородской земли в состав единого Русского централизованного государства [165]. Однако берестяная грамота № 1, так же как некоторые другие документы, позволяет думать, что эти процессы начались значительно раньше, еще в период политической независимости Великого Новгорода.

Разобранные выше берестяные грамоты представляют собой источник исключительной важности. Наличие сравнительно большого числа записей крестьянских повинностей XIII — XV вв. (будь то окладные нормы оброка либо фиксация его поступления, либо, наконец, справка о недоимках) свидетельствует, что вопрос о феодальной ренте приобретал, в связи с развитием феодальных отношений, все большее значение. До сих пор в нашем распоряжении не было документов подобного рода. Особенно важно, что можно уловить тенденцию к возрастанию крестьянских повинностей. В этой связи оброчные записи можно расценить как документы, отражающие с одной стороны, наступление землевладельцев на крестьянский труд, с другой — сопротивление сельского населения нажиму на них со стороны феодалов.

Господствующей формой эксплуатации был, по-видимому, натуральный оброк, ибо о нем больше всего сведений в берестяных грамотах. Но имеются данные и о денежной ренте, и о барщине. Таким образом, сосуществовали три вида ренты, однако с явным преобладанием продуктовой.

[165] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 141 и др.; *В. И. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке, стр. 83 и др.

Существовали как земледельческие села, так и поселения, жители которых занимались промыслами. Поэтому и оброк взимался как зерном (рожью, овсом, ячменем, пшеницей), солодом, мясом, так и пушниной, рыбой, металлическими изделиями. Были различные формы оброчных платежей: «дар», «позем», «в подъезд» и т. д. Распространенной формой взыскания продуктовой ренты являлась издольщина. Из барщинных повинностей упоминается «повоз». Есть сведения о раскладке («розрубе») повинностей среди крестьян.

§ 3. Акты, фиксирующие повинности отдельных крестьян

Особый интерес представляют грамоты на бересте, содержащие материал, относящийся не к целым селениям или группам крестьян, а к отдельным крестьянским семьям или даже отдельным лицам из числа сельского населения. Это материал наиболее конкретного характера.

А. В. Арциховский справедливо подчеркивает уникальный характер грамоты № 136 (XIV в.) [166] представляющей собой договор крестьян с феодалом об уплате натурального оброка: «Се доконьцяху Мыслове дете Труфале з братьею давати оусповъ 6 коробеи ржи да коробья пшеницы, 3 солоду, дару 3 кунници да пудъ меду, детемъ по белки 3 и 3 горсти лену, боранъ, оуновину».

А. В. Арциховский дает следующий перевод текста: «Вот договорились дети Мысла давать Трифону с братьею оброк, 6 коробей ржи да коробью пшеницы, 3 солода, дар 3 куницы да пуд меда, детям по 3 белки и 3 горсти льна [167], барана [168], холстину» [169].

В этот перевод, по-моему, следует внести некоторые поправки. Трифон с братьею («Труфале з братьею») — это, по-видимому, не землевладельцы, а крестьяне-оброчники (дети Мысла — «Мыслове дети»). Как правило, в древне-

[166] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954). стр. 76—78.

[167] Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 57) переводит: «...по белке, 33 горсти льну...».

[168] По Л. П. Жуковской, «баран» — значит пеня. Вывод этот ничем не аргументируется.

[169] По Л. П. Жуковской, «новина» — новый урожай; «боран у новину» — пеня, уплачиваемая во время уборочной поры. Но почему и за что платится пеня, автор не разъясняет.

русских документах указывается не только отчество, но и имя (или имена) того (или тех), кто дает обязательство. Имена феодалов здесь почему-то опущены. 3 белки и 3 горсти льну — это не оброк детям феодала (такой специальной повинности обычно документы не знают), а количество оброка, уплачиваемое феодалу каждым из Мысловых детей (каждым из крестьян). Бессмысленно выражение — «3 солоду». Очевидно, опущено указание на меру вместимости.

Фиксация крестьянских повинностей в специальном «докончанип» с феодалом (образцы подобных докончаний до новгородских находок нам пе были известны) — показатель того, что в конце XIV в. в некоторых вотчинах производился пересмотр размеров крестьянского обложения. Обращаю внимание на одну характерную деталь. Слова «боран», «уновина» производят впечатление приписки к тексту документа № 136. Очевидно, сначала эти натуральные поборы не были предусмотрены. Сопоставим это обстоятельство с другим, аналогичным: при составлении грамоты митрополита Киприана 1391 г. возник вопрос, нужно ли в число крестьянских повинностей включать «яловицу», и было решено произвести специальное расследование, взимался ли прежде с крестьян игуменом этот вид побора.

Что-то общее с № 136 есть у грамоты № 31 (XIV в.) [170]. К сожалению, от нее уцелел лишь конец: «...дину своему много целомъ бью о сироте [171]; тобе, осподине, и [172] потомъ приходя куньницею на годъ».

Понимание грамоты зависит в значительной мере от того, как читать одно место текста: «о сироте» или «а сироте». Б. А. Рыбаков, предложивший первый вариант, считает, что перед нами «записка с просьбой о протекции и с обещанием ежегодно благодарить куницею за оказанную сироте помощь». А. В. Арциховский думает, что выражение «си роте» равнозначно «ходити роте», т. е. присягать в верности кому-нибудь (глагол «ходити» мог и отпасть). В грамоте № 31 А. В. Арциховский видит текст «феодального обязательства». «Вслед за челобитьем и клятвой в верности идет обязательство вассала приходить раз в год

[170] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 32—33.

[171] Так читает Б. А. Рыбаков. А. В. Арциховский предлагает другую транскрипцию: «А си роте». Слова эти он считает началом новой фразы и ставит перед ними точку.

[172] Перед словами «и потом» А. В. Арциховский ставит точку.

и приносить с собой в виде оброка куницу... Вассал, вероятно, был небогатым крестьянином...».

Толкование А. В. Арциховского принять трудно. Термин «рота», действительно, означает присягу, но также присягу на суде, а не только клятву верности. Достаточно просмотреть Русскую Правду, летописи и другие источники, чтобы убедиться, что значение слова «рота» именно таково. Когда речь шла о клятве верности, то чаще говорили не «ити роте» [173], а «крест целовать» [174].

Поэтому правильнее видеть в грамоте № 31 не обязательство вассала, а челобитье феодалу «о сироте», т. е. о крестьянине. Челобитье могло быть подано или самим «сиротой» (если так, то, значит, он говорит о себе в третьем лице), или приказчиком. Грамота № 31 находит аналогию в челобитье крестьян Владимирского Царево-Константиновского монастыря митрополиту Киприану 1391 г., о котором говорит сам митрополит в своей уставной грамоте: «Что ми били челом сироты монастырские...» Правда, в одном случае челобитная индивидуальная, в другом — коллективная, но по своему характеру оба документа сходны. Поскольку грамота № 31 сохранилась не полностью, трудно судить о ее содержании в целом. Но, судя по последним фразам, можно предположить, что в основном речь шла в пей о фиксации крестьянских повинностей. Из слов «И потом приходя куньницею на год» видно, что крестьянин (или приказчик за крестьянина) просит нормировать ежегодное приношение господину, называемое в источниках «даром» и взимавшееся сверх обычного оброка. Упоминание о «даре» как крестьянской повинности имеется и в других берестяных документах (например, в грамоте № 136). В уставной грамоте митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю термин «дар» не употребляется, но об этой повинности говорится, причем в тех же выражениях, что и в берестяном челобитье № 31: «а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках» [175].

Трудно сказать, что явилось поводом для челобитья. Может быть, «сирота» вновь порядился на участок земли,

[173] Русская Правда Пространной редакции, статьи 44, 45, 47.

[174] *С. В. Юшков.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.— Л., 1939, стр. 148; ДДГ, стр. 107, № 38.

[175] АСЭИ, т. III, стр. 17, № 5.

и при этом определяются его повинности. Но, возможно, речь идет о крестьянине-старожильце, недовольном феодальным произволом и поставившем вопрос о документальном закреплении своих обязанностей в отношении феодала (конкретно вопрос ставится о «даре»).

По своему содержанию грамота № 31 близка к берестяному документу № 22 (XIV—XV вв.) [176]. Последний текст дефектный. Сохранились лишь его отрывки.

Внутренняя сторона: «...к...янь [177] ...пшеньке [178] виялъ [179] 5 [180] кадецъ пшеницы [181] ...ти аньени [182] то у насъ» [183].

Внешняя сторона: «...целоби[т] ....лень...ю ходилъ, осподину с[ы]нъ мо[п]...»

Л. П. Жуковская правильно указывает, что читать документ надо, начиная с внешней стороны. Это обращение зависимого человека, вероятно, крестьянина, к своему господину. Автор рассказывает, что он сам или его сын провеяли на ветру после молотьбы (очевидно, лопатами) [184] 5 кадей пшеницы. Из дальнейшего текста можно заключить, что сын автора грамоты № 22 «ходил» с челобитьем к господину. Смысл приведенного выражения разъясняется в результате привлечения уставной грамоты митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г., в которой говорится, что в праздничные дни монастырские «сироты» «приходят к игумену, что у кого в руках». Это праздничный «дар», который крестьяне согласно «пошлине старой» должны вносить в монастырь. В Царево-Константиновском монастыре «дар» обычно выражался в яловице («...всегды ходит яловица на праздник»). Вручение «дара» расценивалось как акт «челобитья».

[176] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 22—24.

[177] Реконструкция Л. П. Жуковской (НБГ, стр. 89).

[178] А. В. Арциховский читает «пшенъ ке», считая последние две буквы за обозначение числа 25.

[179] По Л. П. Жуковской, «биялъ».

[180] По Л. П. Жуковской, 10 (перечеркнутое «и» десятиричное).

[181] По Л. П. Жуковской, на конце «и».

[182] По Л. П. Жуковской, «а ныни...»

[183] Л. П. Жуковская читает: «...[ток] на[съ]...»

[184] *А. Д. Горский.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. стр. 54. Ср. в «Слово о полку Игореве»: «На Немизе снопы стелють головами, молотят цепи харлужными, на тоце животь кладуть, веют душу от тела» («Слово о полку Игореве». М.— Л., 1950, стр. 46).

Очевидно, о таком же приходе с подношением к господину и челобитье ему идет речь и в грамоте № 22. Кстати сказать, и повинность молотьбы зерна, которую упоминает последнее письмо, находит аналогию в уставной грамоте митрополита Киприана [185].

Представляет интерес материал о взыскании с отдельных крестьян повинностей. Так, например, грамота № 23 (XIV—XV вв.) [186] гласит: «Поклоно от Карпа к осподину моему Фоми. Было есми, осподинь, на Пустопьржи, рожь есмь роздилило с Ольксои, съ Гафанкомо. Ньмного, осподинь, ржи на твою цасть, два овина цьтвьрти. А Пянтьликь видьль самь».

Это письмо приказчика своему господину-землевладельцу с сообщением о том, что он разделил урожай ржи, собранный крестьянами-издольщиками деревни Пустопержи, между ними и вотчинником, выделив последнему причитающуюся ему долю оброка. Раздел был произведен в присутствии свидетеля Пянтлика.

Деревня Пустопержа, судя по новгородским писцовым книгам, находилась в Копорском погосте Шелонской пятины. Как следует из грамоты № 23, ее крестьяне должны были вносить владельцу натуральный оброк на началах издольщины.

Среди исследователей имеются расхождения по вопросу о понимании выражения «два овина цьтвьрти». По А. В. Арциховскому, это значит: «два овина с четвертью». В. И. Борковский считает, что слово «четверть» имеет здесь общее значение — «оброк». В подтверждение своей мысли он ссылается на Псковскую судную грамоту, где встречается текст: «...а государь не доискался четверти...» [187]. По аналогии В. И. Борковский толкует рассматриваемое место грамоты № 23 как «два овина (необмолоченного хлеба) оброка» (т. е. оброк в пользу феодала составил два овина). Ближе к истине подошел В. Л. Янин, предложивший такое толкование текста: «На долю Фомы (землевладельца) досталось два овина, что составляет четверть всего урожая» [188].

[185] АСЭИ, т. III, стр. 17, № 5.
[186] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 24—25.
[187] ПРП, вып. II, стр. 292, ст. 42а; *В. И. Борковский.* Новые находки берестяных грамот (ВЯ, 1953, № 4, стр. 124).
[188] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 121.

Слово «четверть» означает ту часть уродившегося хлеба, которую должны были передавать крестьяне (Алекса и Гафанко) своему господину (Фоме). Исходя из этого расчета, приказчик и разделил рожь между издольщиками и землевладельцем. Судя по новгородским писцовым книгам, в отдельных феодальных хозяйствах были различные условия «издолья»: с крестьян взыскивались в качестве оброка разные доли произведенного ими зерна — «половье», «треть», «четверть», «пятина». Иногда заранее устанавливалась определенная норма хлеба, которую они должны были отдать вотчиннику по снятии урожая («посол») [189]. «Издолье» двух крестьян деревни Пустопержи было определено в количестве четвертой части («четверти») зерна. Эта часть, собранная приказчиком на землевладельца, составила два овина.

А. В. Арциховский обратил внимание на слова приказчика: «ньмного, осподинь, ржи па твою цасть», и выразил удивление по поводу «непринужденного тона сообщения феодала о невыгодном для него разделе ржи». Мне кажется, нет основания видеть здесь проявление непочтительности. Это или ответ на барский запрос, или хозяйственный совет господину. Последний мог раньше высказать недовольство количеством полученного оброка. Приказчик в ответ посылает точный расчет распределения хлеба между его производителями и землевладельцем, ссылаясь при этом на свидетеля, который видел, что раздел зерна был произведен правильно. Но, может быть, самому приказчику показалось, что его господин получил слишком мало оброка, только не потому, что были допущены какие-то злоупотребления при его взимании, а потому, что норма «издолья» не отвечает интересам барского хозяйства, она мала. И тогда, возможно, приказчик и бросил феодалу реплику о том, что на его «часть» приходится немного хлеба, что, следовательно, надо повысить его доходы, а для этого снизить «часть», которую могут оставлять себе крестьяне. Это не непочтительное вмешательство не в свое дело, а желание услужить барину.

Под № 325 (XIV в.) [190–191] опубликована краткая запись: «Ортимие не недоборнои». Очевидно, здесь указы-

[189] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., стр. 70.
[190–191] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 14.

вается, что за крестьянином Артемием не числится недоимок.

В некоторых письмах на бересте речь идет не о сборе оброка, а о возврате крестьянами господам ссуды. В грамоте № 253 (XIV в.) [192] говорится: «От Маскима ко Десясцянамо. Дать Мелеяну 8 деже, накладо и веши. А ты, старосто, сбери».

А. В. Арциховский довольно правильно прокомментировал отдельные слова и выражения. «Десясцянамо» — жителям деревни Десятское. «Н а к л а д» — лихва, проценты. Это слово упоминается в Пространной редакции Русской Правды («н а к л а д ы отроку») [193] и в духовной новгородца Климента XIII в. («а на поральское серебро н а к л а д а възяти Климяте на Борьке 13 ногате и гривна», т. е. Клименту взять с плательщика Борьки дополнительную сумму к подати с рала, может быть, потому, что эта подать не была внесена в срок). В целом А. В. Арциховский считает, что перед нами письмо феодала к ключнику, в котором ему дается распоряжение отдать некоему Мелеяну (Емельяну) восемь деж зерна, какие-то проценты и вещи. В. Л. Янин повторяет толкование А. В. Арциховского [194].

Здесь неясно, ни кто такой Мелеян, ни почему он имеет право на получение всего перечисленного в грамоте, ни, наконец, о каких «вещах» идет речь.

Думаю, можно предложить более убедительное понимание письма № 253. Выражение «дать Мелеяну», по-моему, надо толковать не в том смысле, что ему следует что-то получить, а в том, что сам он обязан отдать автору письма свой долг, и старосте предписывается этот долг взыскать.

Вероятно, «веши» — это не «вещи», а испорченное слово «верши» — зерно. Мелеян, очевидно, крестьянин, должен вернуть феодалу Максиму 8 деж зерна, причем в это количество входят как полученная в свое время от последнего ссуда, так и проценты на нее. Пониманию взаимоотношений Мелеяна с землевладельцем помогает ст. 46 Пространной Правды, где говорится об отдаче «кун в рез» (денег под проценты), меда «в настав» и «жита во про-

[192] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 80—81.

[193] Русская Правда Пространной редакции, ст. 67.

[194] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 135.

сол» (меда и зерна под условием возврата взятого с надбавкой). Крестьянин Мелеян получил от Максима «жито во просол» (более поздние документы употребляют термин «жито заемное») [195], теперь пришло время расплачиваться. Землевладелец возлагает ответственность за взыскание ссуды на старосту и в то же время обращается за этим ко всем крестьянам той деревни, где живет Мелеян, ибо и они отвечают за долги своего односельчанина.

К № 253 близка по содержанию берестяная грамота № 191 (XIII—XIV вв.) [196], от которой дошел лишь конец: «...деже ржи с Офлемовими людми. А наима дан коробию ржи...»

А. В. Арциховский и В. Л. Янин считают, что «найм»— это заработная плата. «Речь в грамоте идет об использовании при уборке урожая наемных рабочих и о расплате с ними»,— пишет В. Л. Янин [197]. Мне думается, вывод этот не совсем верен. Речь, очевидно, идет не о наемных рабочих, а о «закупах», о которых рассказывает Русская Правда,— людях, попавших в долговую кабалу и обязанных своей работой в хозяйстве землевладельца («господина») вернуть полученную от него ссуду («купу»). Ссуда под проценты называлась «наймом». В «Вопрошании» Кирика середины XII в. говорится: «а наим деля рекше лихвы» [198].

В том же значении (закабаленный крестьянин) употребляется слово «наймит» в ряде новгородских и псковских документов XII—XV вв. Интересна грамота второй четверти XIV в. Ивана Калиты печерским сокольникам, в которой упоминаются «третники и наймиты хто стражет на готовых конех, а в кунах» [199]. Это те же «закупы-наймиты» Русской Правды, «емлющие» от господина «купу», работающие, очевидно, из доли урожая со своими собственными лошадьми. Не менее интересны данные новгородских писцовых книг о «рядовичах», которые «пашут сельцо на розъем, а дают с него оброку в волость...» В других указаниях аналогичного рода слова «на розъем»

[195] ДДГ, стр. 277, № 75.
[196] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 74.
[197] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 114.
[198] *С. И. Смирнов*. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (ЧОИДР, 1912, кн. III, отд. III, стр. 115).
[199] ГВНП, стр. 142, № 84.

заменяются термином «наймом», а термин «рядовичи»— словом «христиане» [200]. Следовательно, речь идет о крестьянах, получающих под пашню пустующие земли и дающих за них феодалу или выборным властям в государственных волостях определенную сумму «найма».

Псковская судная грамота предусматривает случай, когда «закупен», который «по волости ходит», станет «искать» (т. е. требовать по суду) «верши», т. е. части урожая [201].

Источники различают «челядина полного» (т. е. раба, холопа) и «челядина наймита» или «закупного наймита» (закабаленного крестьянина-закупа). Такое различие проводится в «Правосудии митрополичьем» [202]. В духовной грамоте Остафия Ананьевича Своеземцева 1393 г. имеется распоряжение об отпуске на свободу «челяди дерноватой». В то же время завещатель упоминает просто «челядь» («людей»), живущих в селах и обязанных давать «хлеб и куны и дар». Эту «челядь» он передает своим наследникам [203].

Вероятно, и в берестяной грамоте № 191 фигурируют две категории феодально зависимого населения: «люди» (холопы) Офлема — Ефрема и его «наймиты-закупы».

Мы рассмотрели документы на бересте двоякого типа. Первую их группу составляют акты, оформляющие договорные взаимоотношения крестьян с феодалами относительно характера и размера повинностей (своего рода рядные записи) или «челобитья» крестьян землевладельцам о фиксации того, что те могут с них требовать. К числу таких документов относятся договор Труфаля с братьею Мысловых детей относительно оброка, который они должны вносить вотчиннику (не названному по имени); челобитье господину «сироты» (или ключника о «сироте») о нормировке ежегодного «дара»; аналогичная «челобитная», с которой «ходил» к своему боярину другой зависимый крестьянин. Все это акты, укрепляющие вотчинный статус, иногда нарушавшийся вследствие попыток господ увеличить долю принадлежащего им продукта крестьянского

[200] «Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею», т. I СПб., 1859, стр. 412, 542, 536.
[201] ПРП, вып. II, стр. 288, ст. 46.
[202] АСЭИ, т. III, стр. 24, статьи 29—30.
[203] ГВНП, стр. 168, № 110.

труда или вследствие стремления зависимого сельского населения обезопасить себя от подобных тенденций феодалов.

Вторая группа берестяных документов — это акты, фиксирующие раздел продуктов крестьянского труда между земельными собственниками и непосредственными производителями материальных благ или говорящие о взыскании с последних предоставленной им господами ссуды. Таковы сообщение приказчика Карпа своему господину Фоме о разделе на господскую и крестьянскую части урожая ржи, собранного в деревне Пустоперже издольщиками Алексой и Гафанком; запись о погашении недоимок крестьянином Артемием; распоряжение землевладельца Максима старосте деревни Десятское о принуждении крестьянина Мелеяна вернуть с процентами хлебную ссуду; грамота, рисующая взаимоотношения Офлема с зависимыми от него челядинами и закупами.

§ 4. «Корм», «дар», «почесть»

Особая повинность, лежавшая на населении,— это обязанность доставлять «корм — производить поставки натурой (хлебом, рыбой, мясом и т. д.) правительственным агентам, сборщикам дани, лицам, выполнявшим поручения суда и т. д. Иногда натуральные поставки заменялись денежным взносом. Мы уже приводили берестяные грамоты, содержавшие упоминания о «корме». Рассмотрим еще некоторые документы на бересте, в которых о нем говорится специально.

Без труда читается грамота № 147 (XIII в.) [204]: «Поклоно от подвоискаго ко Филипу. Нь пожали, г[ос]подине, про сигы, еще сигово нету, по цта [205] тобь буде гъже. А язо тобе кланяюся».

Перевод А. В. Арциховского: «Поклон от подвойского Филиппу. Не посетуй, господин, насчет сигов. Еще сигов нет по подходящей для тебя цене. А я тебе кланяюсь». Л. П. Жуковская выражение «по цта (поцта) тобь буде гъже» переводит иначе: «угощение тебе будет хорошее».

[204] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 25—26.

[205] Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 75) читает: «поцта», думая, что это одно слово.

Подвойский — лицо, выполнявшее полицейско-административные функции по вызову истцов и ответчиков в суд и пр. Почему же он вдруг занимается покупкой сигов? Подобное недоумение вполне законно. А. В. Арциховский пытается разрешить его путем предположений, что слово «подвойский» в грамоте № 147 является шуточным прозвищем или что в хозяйстве новгородских землевладельцев были тоже должностные лица, называвшиеся подвойскими.

Мне кажется, в этих предположениях нет надобности. Ниоткуда не видно, что подвойский должен был купить сигов для Филиппа (очевидно, своего начальника). Представители судебно-административного аппарата получали рыбой и «корм» с населения. Например, по жалованной уставной грамоте 1506 г. Василия III переяславским рыболовам последние должны были отдавать наместникам и волостелю улов, полученный с подледной ловли в течение трех ночей [206].

Подвойскому — автору письма № 147, очевидно, было поручено проследить, чтобы для Филиппа (наместника, или судьи, или вообще лица, которому он подчинялся), была доставлена доброкачественная рыба. Он ответил, что в настоящее время такой, пригодной, рыбы нет: не на рынке, а у тех, на ком лежала соответствующая повинность. Слова «по цта тобь буде гъже» не означают, помоему, обещания в будущем угощения и не указывают на то, что автор письма хочет дождаться установления подходящих для адресата цен. Подвойский, посланный куда-то для взыскания «корма» рыбой, просто указывает, что не нашел сигов, которые были бы «годны», т. е. удовлетворили бы адресата. «Гоже» — одного корня со словом «гожение» — угождение [207].

О «корме», очевидно, речь идет и в берестяной грамоте № 196 (XIII—XIV вв.) [208], от которой дошел лишь конец: «...у Милослава поставило 4 кадце пшенице, тоже полти 2, и лоньски, и нынецнеп. А рожь Петровоу повелело есемо измолотиво Криву дати». Перевод А. В. Арциховского такой: «...у Милослава поставили 4 кади пшеницы, а также 2 полти, и прошлого года, и этого года. А рожь Петро-

[206] АСЭИ, т. III, стр. 44, № 25.

[207] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 540.

[208] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957). стр. 14—15.

ву я повелел, измолотив, отдать Криву». Многое остается неясным. Кто и где поставил? Кто такие Милослав, Петр, Крив (Кривой)?

Пишет, по-видимому, какой-то приказчик своему боярину, от которого он получил известные полномочия и поэтому может распоряжаться («повелело»). Речь идет о крестьянском оброке. «Лоньский» — прошлогодний. А. В. Арциховский считает, что это прилагательное относится к существительному «полть» (половина мясной туши). Может быть, это действительно так, и имеются в виду две «полти»: из убоя скота прошлого и нынешнего года. Но, возможно, что говорится вообще об оброке за два года (включая сюда и мясо и зерно).

У нас нет начала документа. Поэтому мы не в силах с полной уверенностью определить его характер. Но судя по сохранившемуся отрывку, это отчет не о сборе оброка, а о выполнении определенного господского поручения касательно его реализации. Результаты взимания ренты даже по одному селению были бы, конечно, более значительны.

Выражение «у Милослава поставило...» допускает два толкования. Первое: автор письма представил (доставил) какую-то часть собранной ренты Милославу. Второе: автор письма поставил предназначенное для Милослава в его житницу или клеть. Основной смысл текста в зависимости от той или иной его интерпретации не меняется. Но кто же такой Милослав? Это не барин, которому служит автор письма, ибо последний говорит о нем в третьем лице. Может быть, это лицо, которому господин человека, написавшего письмо, задолжал и приказчик по барскому поручению должен вернуть долг из полученного с крестьян оброка. Но вернее всего, Милослав — кто-то из правительственных агентов, получавших «корм» зерном, полтями мяса и т. д. Так, например, по Белозерской уставной грамоте 1488 г. такой «корм» (с переводом патуральных поставок на деньги) шел в пользу наместников, тиунов, доводчиков «со всех сох... без оменки» [209].

Особого комментария требует последняя фраза письма о передаче Криву (Кривому) измолоченной Петровой ржи. Конечно, можно допустить, что Петр — один из крестьян, обложенных хлебным оброком; получив от него

[209] АСЭИ, т. III, стр. 38, № 22.

зерно, приказчик использовал его для ликвидации долга своего барина некоему Кривому.

Но я хочу предложить другое толкование рассматриваемого текста. «Петрова рожь» — может быть, не оброк, принесенный Петром, а «дар», который должны были давать крестьяне землевладельцу в Петров день. Уставной грамотой митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г. было предписано монастырским крестьянам на пасху и в Петров день «приходить к игумену, что у кого в руках», а также «к празднику рожь молоти и хлебы печи»[210]. И в грамоте № 196, очевидно, речь идет о праздничной ржи, полученной феодалом и намолоченной крестьянами в соответствии с лежавшей на них повинностью. Но в Петров день получали праздничный «корм» и правительственные агенты. Так, по Белозерской грамоте 1488 г. наместникам приходилось с сохи по барану и по 10 хлебов (с переводом на деньги), тиунам — вдвое меньше[211]. Вероятно, и Крив (Кривой) был одним из представителей администрации, а приказчик какого-то феодала распорядился, во исполнение государственной повинности, предоставить ему праздничный «корм», измолотив Петровскую («Петрову») рожь.

Заслуживает внимания берестяная грамота № 124 (XIV—XV вв.)[212]: «Пришлите ми паробоко, борана или уду. Мне ся не можется. А лодку дан Павлу Соболецеву изо нама».

Написан документ большими, ясно выделяющимися буквами. Прочтение его не вызывает никаких затруднений. Но смысл далеко не столь ясен. А. В. Арциховский так переводит текст: «Пришлите мне слугу, барана или уду. Я болен. А лодку дай Павлу Собольцову оттуда». Но при этом исследователь справедливо замечает, что слова «борана или уду» вызывают недоумение. «Непонятно, как баран и рыболовная уда могли заменять друг друга. Вероятно, б о р а н здесь название какой-то рыболовной снасти». Однако в древнерусских источниках А. В. Арциховский не нашел упоминания термина «баран» в таком значении. По мнению Б. А. Рыбакова, «Борап» и «Уда» — имена

[210] АСЭИ, т. III, стр. 17, № 5.
[211] Там же, стр. 38, № 22.
[212] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 58—59.

парубков, одного из которых нужно было послать к больному автору записки.

Меня не убеждает предположение Б. А. Рыбакова. Я думаю, что превращать непонятные слова в имена собственные — не лучший путь преодоления трудностей для комментатора. Думаю, что слово «уду» в грамоте № 124 следует возводить не к термину «уда» — «удица» (снасть для рыбной ловли), а к «удо» (часть, кусок). И. И. Срезневский приводит под этим словом такой пример: «Не подобаеть кому от святитель удес мяс от приносящих приимати»[213]. Вероятно, в грамоте № 124 речь и идет о присылке барана или куска говяжьей туши[214]. Бараны и «части мяса» входили в состав «корма» и «поборов», получаемых наместниками и доводчиками. «Боран, а любо полоть мяса» (т. е. или то, или другое) составляет и доходную статью для лиц, собиравших от имени великого московского князя «черный бор» с Новоторжских волостей[215].

Надо думать, автор письма № 124— какой-то представитель провинциальной администрации (местной новгородской или княжеской). Он не может из-за болезни приехать за своим «кормом» в город (а «кормы» не выдавались в сельских местностях) и просит прислать ему с «парубком» барана или «часть» говяжьей туши туда, где он находится в настоящее время. У наместников, доводчиков и т. д. были специальные «парубки», выполнявшие их поручения[216]. «Корм» должен быть доставлен на лодке. Полагаю только, что надо читать не «изонама» (оттуда), а «изо на[й]ма»: значит, автор письма просил нанять для него лодку, заплатив за это.

Наряду с термином «корм», в ряде документов на бересте упоминаются для обозначения повинностей населения термины «дар» и «почестье». О «даре» мы встречали уже сведения выше, но преимущественно в значении повинности вотчинной. Но «дар» получали и правительственные агенты. Возможно, что это одна из разновидностей «корма».

[213] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 1149.

[214] По В. И. Борковскому, имеется в виду борона (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ. 1953—1954, стр. 116).

[215] ГВНП. стр. 39, № 21.

[216] АСЭИ, т. III, стр. 38, № 22.

С большими разрывами восстанавливается текст грамоты № 215 (XIII в.) [217]: «...лная же по 10 резоно намо. У Марка у половьника 3 гривне по 10 резано и полоте дару и поцте. У... ава 2 гривне. У поповиця по 10 резано».

Это список повинностей: либо подлежащих взысканию, либо собранных. Поскольку среди плательщиков называются люди разных состояний (и половник, и попович), вероятно, речь идет о повинностях не вотчинных, а государственных. Конструкция фразы — столько-то денег «и полоте дару и поцте...» — дает основание говорить, что здесь имеются в виду не четыре разновидности сборов с населения (денежный урок, полтуши мяса, «дар», «поцте»), а две («дар» и «поцте»), которые покрывались частично деньгами, частично натурой (мясом). «Поцте» — это «почестие», о котором говорится в дополнении к уставной грамоте Ростислава Мстиславича Смоленского 1150 г.: «А се погородие от Мьстиславля 6 гривен урока, а почестья гривна и три лисици; ...а се от Копосы 6 гривен урока и две лисици...» [218]. Таким образом, здесь как и в берестяной грамоте № 215, в состав «почестья» входят и денежные суммы, и натуральные поставки. О «почестье» упоминают и ханские ярлыки русским митрополитам: «...никакова дань, никоторая пошлина..., ни даров не дадуть, ни почестья не въздають никакова...» [219]

Вызывает вопрос выражение: «3 гривне по 10 резано». А. В. Арциховский и В. Л. Янин видят в нем указание на существование гривны, состоящей из 10 резан. Может быть, это так, но уверенности здесь нет, тем более что, по словам исследователей, подобная счетная гривна больше нигде не упоминается. Приведенное выражение можно понимать и по-другому. Документ составлен от имени нескольких лиц («намо»). Это, вероятно, какие-то представители местной администрации: каждый получал по 10 резан (кроме основного взноса, шедшего в казну).

Берестяной текст № 215 по своему внешнему виду приближается к № 216 —218. В. Л. Янин считает даже, что все это остатки одного и того же документа, хотя

[217] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 36—37.
[218] ПРП, вып. II, стр. 44.
[219] Там же, вып. III, стр. 465—466.

здесь несколько почерков[220]. От № 216—217 сохранились лишь обрывки[221], вследствие чего реконструировать их текст невозможно. № 218 (XIII в.)[222] читается так: «У Осп... гривне па туске по 10 и полоть поцты. У Воилы 6 гривенъ, по 10 цело и[223] полоть почты и четверть пшенице. А[224] лоньскыхо намо недоплатило 8 ногато. У Мануиле у кума полоцетве... кюпапка перешло[225], по семцине наме, кроме поцте. У Некраса гривна...»

Как и в № 215, здесь речь идет о сборе «дара» и «почестья». Сравнив начальную фразу грамоты № 218 («У Осп... гривне на туске по 10 и полоть поцты») с текстом грамоты № 215 («У Марка у половника 3 гривне по 10 резано и полоте дару и поцте»), легко убеждаешься, что слово «туска» равнозначно термину «дар». Как указывает М. Н. Тихомиров, ссылаясь на В. Г. Тизенгаузена, «туска» — это русифицированная передача тюркского слова «тузга»: провиант и подарки различным представителям власти[226].

Если грамота № 215 говорит о взимании «почестья» и «дара» деньгами, то в грамоте № 218 в качестве составной части сборов этого рода с населения фигурирует также пшеница.

Письмо № 218 упоминает недоимки прошлого года: «а лоньскыхо намо недоплатило...», «перешло» (очевидно, с прошлого года на нынешний).

Как и в грамоте № 215, остается неясным вопрос о гривне в 10 резан. Для А. В. Арциховского и В. Л. Янина указанием на нее служат слова: «У Воилы 6 гривен по 10». Но совсем не обязательно отделять их запятой от последующего. Если же запятую снять в данном месте и поставить перед словом «по», то смысл получится такой: у Воилы (Воислава) следует взять «почестья» 6 гривен

[220] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 164.

[221] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 37—38.

[222] Там же, стр. 38—39.

[223] А. В. Арциховский читает «целои» и ставит перед этим словом, а не после «6 гривен» запятую.

[224] А. В. Арциховский текст, начинающийся союзом «а», в отдельную фразу не выделяет.

[225] В издании А. В. Арциховского после слова «перешло» запятой нет.

[226] *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 273.

и сверх того по 10 (очевидно, как следует из сопоставления текста с грамотой № 215,— резан) на «чело» («цело»), т. е. на голову, на каждого из представителей власти, от лица которых составлен документ; натурой же следует взыскать полоть и четверть пшеницы.

Подобная конструкция фразы, меняющая смысл документа, как будто повторяется и ниже: «по семцине наме, кроме поцте...», т. е., помимо общей суммы почестья, мы можем получить еще по семь каких-то денежных единиц (судя по контексту,— ногат, ибо выше говорилось о ногатах).

Материал о взыскании «дара» с новгородских смердов можно найти в дефектной грамоте № 59 (XIII в.) [227], которая транскрибируется так: «Поклоно от Омросии ко Степаноу... Язо во пороуки за сироти, а ны... полои води язо видаюся с тоб... мысли вся, тако буду к тоби, а ты виши а... а дар ко соби восми, а посемо болша боу...» Комментарий А. В. Арциховского следующий: «Автор письма берет на поруки каких-то сирот. Упоминается половодье. Все слова понятны, только слово в и ш и без полного контекста уяснить трудно. Но грамоту в целом истолковать нельзя, текст прерван пять раз» [228].

С выводом А. В. Арциховского не согласен Б. Б. Кафенгауз. Он считает возможным для толкования записи № 59 привлечь ст. 93 Пространной Русской Правды, в которой речь идет об опеке над малолетними людьми, лишившимися отца. «Автор письма Омвросий соглашается быть поручителем или опекуном над сиротами, но за невозможностью выехать из-за половодья поручает заботу о сиротах адресату Степану. В полном соответствии с Русской Правдой он предоставляет Степану взять себе доход с крестьян за это время» [229].

Я не могу принять толкование Б. Б. Кафенгауза. В приводимой им статье Русской Правды не говорится ни

[227] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 60—61.

[228] Д. С. Лихачев дает несколько иную транскрипцию и реконструкцию текста: «Поклоно от Омросии ко Степану... Язо во пороуки за сироти. А ны[не из-за] полои води язо видаются с тоб[ою только в] мысли. Вся тако буди к тоби. А ты ви[дя]ши [ли?]». Д. С. Лихачев полагает, что перед нами любовная записка (Амвросия описывает свое мысленное свидание со Степаном) (*Д. С. Лихачев.* Рецензия.— СА, т. XXVII, 1957, стр. 329).

[229] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 170—171).

о «даре», ни о «сиротах», ни о «поруке», а упоминаются термины «дети мали», «дати на руце» (что значит не поручиться, а принять с рук на руки на свою ответственность).

Между тем смысл берестяной записи № 59 хорошо раскрывают новгородские акты, терминологически с ней сходные. «Сироты» — крестьяне [230]. Об этом свидетельствует, например, жалованная грамота новгородского веча сельскому населению Терпилова погоста 1411 г. [231] «Дар» — здесь сбор в пользу князя с крестьянства Новгородских волостей. Эту повинность упоминают договорные акты Новгорода с великими князьями [232]. В некоторых волостях управлением ведали княжеские «мужи», в некоторых — «новгородские», причем в последнем случае они отвечали за сбор и передачу князю «дара». В случае непоступления с волостей повинностей (денежных и натурой) по требованию князя их жители отдавались на поруки. В Коростынском договоре Великого Новгорода с Иваном III 1471 г. говорится: «А кто будет на поруце дан в серебре или в хлебе, и с тех порука доловь, а что собрано, а то великим князем...» [233]

Исходя из всех вышеприведенных данных, можно думать, что в берестяной грамоте № 59 перед нами переписка двух новгородских мужей, ответственных за крестьян, обязанных «даром» князю [234]. Амвросий, отрезанный от Степана половодьем, просит его задержать собранный им «дар» у себя до тех пор, пока он сам сможет прибыть, и тогда, очевидно, организовать передачу «дара» в княжеское распоряжение.

Рассмотренные документы на бересте интересны тем, что воспроизводят живые бытовые сценки получения княжеской и новгородской администрацией с жителей Новгородской земли «корма», «дара», «почестья». Один из таких администраторов или судей Филипп поручил своему подручному-подвойскому достать и переслать причитаю-

[230] Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 40) читает: «оси роти», производя последнее слово от глагола «ротить» или «ротиться» (клясться, божиться).

[231] ГВНП, стр. 146, № 89.

[232] ПРП, вып. II, стр. 135—137, 139, 253.

[233] Там же, стр. 256.

[234] Не вижу основания, как это делают А. В. Арциховский и другие, считать автора письма женщиной.

щихся ему в качестве «корма» сигов. Тот не смог добыть рыбы достаточно высокого качества и поэтому не исполнил своевременно поручения. Приказчик какого-то новгородского землевладельца извещает своего господина, что выполнил обязанность по передаче «кормовых» продуктов — хлеба и зерна представителям государственной власти — Милославу и Кривому. Какое-то должностное лицо, не будучи в состоянии из-за болезни приехать самолично за «кормом», просит своего корреспондента (очевидно, также облеченного административными полномочиями) выслать ему с парубком на лодке баранину и говядину. В виде отдельных отрывков сохранился документ о взыскании какими-то правительственными агентами с населения «дара» и «почестья». В переписке двух новгородских «мужей» — Амвросия и Степана поднимается вопрос о получении «дара» со смердов и доставке его князю в трудных условиях половодья.

Характер фискальной системы и приемы ее реализации выступают в зарисовках конкретных ситуаций и действий живых лиц.

Берестяные грамоты достаточно полно рисуют состав крестьянских повинностей — вотчинных и государственных. Не всегда, правда, можно установить, где речь идет о феодальной ренте, где — о государственных налогах. В частности, в дани иногда, вероятно, совмещалось то и другое.

Очерк седьмой

РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ, ГОРОД

§ 1. Ремесло и ремесленники

В области изучения средневекового русского ремесла сделано уже достаточно. Сведения, содержащиеся в разнообразных памятниках письменности, в сочетании с данными археологических раскопок и находок, остатками материальной культуры, позволили исследователям нарисовать достаточно яркую картину развития ремесленной деятельности в ряде русских городов XI—XV вв. Выяснены виды ремесла, техника и общий уровень ремесленного производства, социальный состав ремесленников и организационные формы их работы. Показано сочетание работы на заказ с производством продукции на рынок. Значительная часть материала, которым пользуются при рассмотрении указанных вопросов историки, относится к Новгороду.

Но несмотря на все достижения, которых добились ученые, исследовавшие средневековое русское ремесло, материала в их распоряжении все же недостаточно. И поэтому каждая новая находка представляет ценность. Особенно это относится к источникам, характеризующим самые ранние времена. Причем наименее освещенной стороной вопроса являются формы организации ремесленников, и расширение конкретных сведений в этой области чрезвычайно важно. Ряд интересных данных можно почерпнуть из новгородских берестяных грамот — неисчерпаемого источника пополнения наших знаний по различным сторонам жизни средневековой Руси.

В хорошей сохранности дошла грамота № 119 (XI в.)[1]: «Отъ Рознега. Въдале есмь Гюрьгевицоу без девяти коунъ 2 гривьне. Възьмъше въда же прочь людьмъ.»

А. В. Арциховский считает, что письмо говорит о выдаче заработной платы наемным рабочим; Гюрьгевиц, вероятно, был приказчиком или старостой артели. Менее четко определяет смысл грамоты Л. П. Жуковская[2], видя в ней «отчет о расходовании денег», направленных Рознегом своему господину.

Предположение А. В. Арциховского вероятно, хотя термин «наемный рабочий» автор, конечно, употребляет условно. В источниках имеются сведения об артелях городских ремесленников, именуемых «людьми», об их работах, о выдаче им денег («найма») за труд. В некоторых списках славяно-русского Пролога помещен интересный рассказ о строителях каменных зданий. В Киеве князь Ярослав задумал постройку церкви св. Георгия, и «не бе много делатель у нея», т. е. не нашлось достаточно рабочих рук. Князь спросил тиуна: «Почему не много у церкве стражющих» (почему мало работающих?). Тот ответил: «Понеже дело властелское, боятся люди труд подимше, наима лишени будут» (дело это властелинское, люди боятся, что труд затратят, а платы за него не получат). Тогда Ярослав приказал привезти на телегах деньги («купы») и возвестил на торгу, что за работу будут платить по ногате в день. Это привлекло много строителей: «и бысть множество делающих»[3]. Здесь фантастика перемежается с реальностью.

В «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора говорится о построении деревянной церкви в Вышгороде. Князь Изяслав Ярославич приказал вести строительство «старейшине древоделям». Тот позвал находившуюся в его ведении артель («вся сущая под ним древоделя») и вместе с нею выполнил заказ. На украшение храма Изяслав выделил часть дани, заявив: «даю им от дани княжи украсить церковь»[4].

[1] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 51—52.

[2] *Л. П. Жуковская*. НБГ. М., 1959, стр. 36.

[3] *М. К. Каргер*. Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 486.

[4] *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города, изд. 2-е. М., 1956, стр. 135.

Приведенные два рассказа о церковном строительстве (каменном и деревянном) в XI в. в Киеве и Вышгороде дают богатый материал для понимания берестяной грамоты № 119. Может быть, действительно, Гюргевич — старейшина какой-то артели ремесленников, «люди» — члены (рядовые) этой артели, две гривны без девяти кун — заработанные ими деньги, Розпег — заказчик (официальное лицо, представитель власти или просто человек, обладающий средствами,— феодал, купец и т. д.) [5].

Особый интерес представляет найденная в слое XI—XII вв. свинцовая пластинка [6] с выдавленной железным орудием надписью: «От Носъка къ Местяте. Заожеричъ отрокъ лони крили соужъдалъцъ Ходоутиничъ. Възъми дове гривьне на намъ» [6а].

А. В. Арциховский переводит: «От Носка к Местяте. Заозерич отрок и суздалец Ходутинич в прошлом году крыли. Возьми две гривны для нас». Опять выступает артель, причем артель, члены которой являются жителями разных местностей (Суздальской земли, Заозерья, Новгорода) и работают также в разных городах. Носко — очевидно, старейшина артели (мастер), Местята и Ходутинич — его помощники (подмастерья), отрок — ученик. Как глава артели Носко просит Местяту, находящегося сейчас в другом месте, получить деньги за работу по покрытию крыши какого-то здания (скорее всего — церкви) которую в прошлом году проделали Ходутинич и Заозерич. А. В. Арциховский полагает, что свинцовая пластинка, на которой написано письмо,— это образец материала, посылаемый Носком в связи с возможным новым заказом.

Несколько загадочен текст, сохранившийся на отрывке грамоты № 153 (XII в.) [7]: «Кринило сиоу. У Фодора оу урокев... А живе во Славне со Коуиже...»

[5] Менее правдоподобно другое толкование грамоты № 119, согласно которому здесь имеется в виду купец, задолжавший многим «людям» и расплачивающийся с ними. Если все же принять эту версию, то перед нами иллюстрация к статье Русской Правды об обанкротившемся купце.

[6] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 154—155, приложение.

[6а] По А. В. Арциховскому, «на намъ» описка. Должно быть: «на насъ» или «намъ».

[7] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 30—31.

А. В. Арциховский дает следующий комментарий к тексту: «Отец (по имени Кринило) пишет сыну и обходится при этом без поклона... Урокев — начало второго имени или отчества этого Федора. Наиболее интересная фраза а живе во Славне, т. е. „а живет во Славне". Это, надо полагать, адрес Федора». Исследователь указывает далее, что «грамота, очевидно, недописана» и «последнее слово поэтому понять нельзя. Должно быть здесь описка, из-за которой письмо было брошено, а затем начато другое».

Однако слово «у р о к е в» можно понимать совсем иначе, чем А. В. Арциховский. По Псковской судной грамоте, «урок» — это сдельная работа. По ст. 39 мастер-плотник или неквалифицированный наемный работник, выполнившие заказ, относительно которого у них была договоренность с господином (нанимателем), могли требовать по суду плату за нее, обусловленную соглашением: «А котори мастер плотник или наимит отстоит свои у р о к и плотник или наимит... свое дело отделает, [ино ему]... на государех и взакличь сочит своего наима» [8].

Возможно допустить, что сын Кринила был ремесленником, выполнявшим какие-то «уроки» на Федора, жителя Славны — известного района Новгорода. Если признать, вслед за А. В. Арциховским, что последнее слово грамоты № 153 — описка и читать его не «со Коуиже», а «сокоуи же», то можно предположить, что искажению подверглось слово «сочит» — предъявлять судебный иск. Если так, то и грамота № 153 приобретает смысл. Отец советует сыну добиваться по суду с заказчика оплаты своего труда.

Мастерскую ремесленников-оружейников, надо думать, рисует грамота № 383 (XIV в.) [9], содержащая такой текст: «Приказъ от Романа к Пятелею. Цо прилбица у тебе Опдреева, прилбица даи Ондрею».

Слово «прилбица» А. В. Арциховский толкует как шлем. «Пантелей,— указывает исследователь,— по приказу Романа, должен был выдать Андреев шлем Андрею. Вероятно, Пантелей заведовал складом, где хранились шлемы и вообще оружие отдельных воинов, т. е. арсеналом. Арсенал этот мог быть и казенным. Оружие выда-

[8] ПРП, вып. II, стр. 291.
[9] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 82—84.

валось на руки лишь по приказу начальника, а таковым был Роман. Могли, впрочем, шлемы подчиненных Роману воинов храниться и на лично принадлежащем ему складе различного имущества». А. В. Арциховский допускает возможность и другого понимания текста: шлем мог быть заложен у ростовщика. Но такое объяснение представляется автору мало вероятным, так как «ростовщики всегда хранили свои заклады у себя, а тут кладовщик Пантелей находился в некотором отдалении от начальника (или хозяина) Романа, почему и потребовалось письмо».

Я хочу предложить третье понимание текста: Роман и Пантелей — горожане-ремесленники, занимавшиеся выделкой предметов вооружения; Андрей, может быть,— тоже ремесленник (только другой специальности), может быть,— княжеский воин. У новгородского ремесленного населения было оружие; новгородцы участвовали в городском ополчении. Б. А. Рыбаков выписал из новгородских летописей XIII в., год за годом, имена ремесленников разных профессий, погибших в боях: 1200 г.— Страшко серебреник, весец; 1216 г.— Онтон котельник; 1216 г.— Иванко Прибышинец опонник; 1234 г.— Гаврило щитник; 1234 г.— Нежило серебреник; 1240 г.— Дрочило Нездилов сын кожевник; 1262 г.— Яков гвоздочник; 1262 г.— Измаил кузнец [10].

Возвращаясь к берестяной грамоте № 383, можно высказать предположение, что в ремесленной мастерской Романа — Пантелея был выделан или отремонтирован шлем (прилбица) для Андрея. Заказчик пожелал получить свою вещь, и Роман распорядился, чтобы Пантелей ее выдал. Возможно, Роман был мастером, Пантелей — подмастерьем или учеником. Б. А. Рыбаков в своей монографии, посвященной русскому ремеслу, доказывает, что в средневековой Руси были как мастера, так и подмастерья и ученики. В частности, он заключает это из рассказа Ипатьевской летописи о том, как в 1259 г. к князю Даниилу в город Холм стали приходить бежавшие от татар «уноты и мастеры...: седельници, и лучници, и тулници, и кузнеци железу и меди и серебру...» «В этом поэтичном описании нового города, в который ремесленники вдохнули жизнь,— говорит Б. А. Рыбаков,— нас может особо интересовать противопоставление „унотов“

[10] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 516.

(юных, молодых) мастерам»[11]. Очевидно, в новгородской ремесленной оружейной мастерской к мастерам принадлежал Роман, к «унотам» — Пантелей.

О женской ремесленной работе находим материал в берестяной грамоте № 21 (XV в.)[12]. Начало ее утрачено; в сохранившейся части читаем: «...уозцинку[13] выткала, и ты ко мне пришли, а не угодице[14] с кымъ прислать, и ты у себя избели».

Автор письма, обращаясь к какой-то ткачихе, просит прислать вытканный ею холст. Слово «усчина» («уозцинка») в значении холста упоминается и в новгородских писцовых книгах (в качестве оброка), и в ряде других источников[14а].

Кто эта ткачиха и от кого она получила письмо? По мнению В. И. Борковского, адресат — «крестьянка, которая должна была выткать простое крестьянское полотно и отослать его автору письма, живущему, возможно, в городе». А. В. Арциховский пишет в общей форме: «Адресат письма — ткачиха, автор — человек, которому она подчинена». Выражение «подчинена» можно понимать по-разному: как вотчинную зависимость крестьянки, как зависимость ткачихи, работающей в мастерской, от владельца (владелицы) последней, и т. д. Б. А. Рыбаков и В. Л. Янин[15] думают, что в грамоте № 21 отражены взаимоотношения между мастерицей, работающей на заказ, и заказчицей.

Выше уже говорилось, что новгородские феодалы получали в качестве оброка произведения деревенской промышленности: полотно, холст и т. д. В источниках имеют-

[11] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 513.

[12] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 21—22.

[13] А. В. Арциховский читает «у озцинку...», принимая букву «у» за окончание предшествующего слова. В. И. Борковский (Новые находки берестяных грамот — ВЯ, 1953, № 4, стр. 124) предлагает более правильное чтение — «уозцинку» — усчину — холст. Б. А. Рыбаков думает, что писец по ошибке переставил в слове две первых буквы и должно быть: «оузцинку».

[14] А. В. Арциховский слово «угодице» транскрибирует так: «угоди це», считая, что «це» означает «если». В. И. Борковский (Новые находки берестяных грамот — ВЯ, 1953, № 4, стр. 123) и Н. А. Мещерский (НГБ — «Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 103) думают, что «угодице» — это форма возвратного глагола с частицей «ся» в ее диалектном северорусском варианте.

[14а] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I. М., 1952, стр. 29, 88.

[15] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 46.

ся сведения и о вотчинном ремесле. Так, во владениях Марфы Борецкой в Бежецкой пятине были деревни, где боярские холопы и зависимые крестьяне под наблюдением особого слуги ткали полотно изо льна, собранного по всей вотчине [16]. Но вряд ли можно думать, что грамота № 21 адресовалась в какое-то имение и речь в ней шла о поступлении оброка или о присылке продукции вотчинной промышленности. Ведь письмо найдено в Новгороде.

Скорее всего грамота № 21 рисует ткачество в самом Новгороде. В XV в. производство там тканей находилось еще в значительной мере на стадии домашнего промысла. Об этом свидетельствует даже более поздний памятник Домострой (автором которого, возможно, был новгородец). В Домострое находим такой совет домохозяйке: «А добрая домовитая жена благоразумным своим помыслом... и добрым подвигом своих трудов с слушками полотен и усчин и холстов наделано..., и то у ней на домашней обиход перекроено и перешито, а будет слишком за обиходом наделано полотен или усчин или холстов..., ино и продаст, ино што надобе купит, ино того у мужа не просит...» [17] Таким образом, основная масса необходимых в хозяйстве тканей выделывается дома; ненужные излишки продаются; то, в чем ощущается недостаток, прикупается.

Однако, наряду с домашней промышленностью в области ткацкого дела [18], развивались и городское ремесло и мелкотоварное производство. Твердые данные об этом имеются для XVI в. Но ремесленники-ткачи были, по-видимому, в городе и в XIV—XV вв. [19]. В 1506 г. в Новгороде упоминается Холщевный ряд [20]. Среди ткачей было много женщин [21]. В связи с ростом общественного разделения труда наряду с холщевниками выделилась профессия белильщиков (среди которых также были женщины), и в городе появился Белильный ряд [22].

[16] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 25.

[17] «Домострой по Коншинскому списку и подобным». К изд. приготовил А. С. Орлов. Кн. I. М., 1908, стр. 29.

[18] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, стр. 166.

[19] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 677.

[20] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I, стр. 29, 88.

[21] Там же, стр. 88.

[22] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 85, 99.

Грамота № 21 — это, очевидно, фрагмент переписки двух городских ремесленниц близких профессий — ткачихи и белильщицы. Предложение видеть в авторе письма заказчицу, а в адресате — мастерицу-исполнительницу вряд ли можно принять, ибо трудно допустить, чтобы первая предоставила на усмотрение последней белить или не белить холст. Что касается белильщицы, то она вполне могла так поставить вопрос перед ткачихой: если хочешь, чтобы я выбелила твой холст, присылай его сейчас; не сможешь прислать, бели сама, потом мне будет некогда, я буду загружена работой. Такова, вероятно, логика письма.

О белильном деле речь идет и в сохранившейся неполностью грамоте № 288 (XIV в.)[23], в которой читаем: «...хамоу 3 локти... золотнике зелоного шолкоу, дроугии церленого, третии зелоного жолтого, золотнъ белилъ на белкоу, мыла на белкоу боургалскога, а на дрогоую белкоу...»

По словам В. Л. Янина, это «запись и расчет заказа какого-то вышивальщика или вышивальщицы» о том, сколько потребно разного материала, чтобы выбелить мылом и белилами полотно («хам») и расшить его разноцветными шелками[24]. Термин «бургалское» (мыло) В. И. Борковский[25], на основе консультации со специалистом по финно-угорским языкам Ю. С. Елисеевым, определяет как городское. Значит, речь идет о городском ремесле.

Приведенный материал пополняет наши сведения о новгородском ремесле XI—XV вв. новыми данными. Разнообразен список ремесленных профессий, упоминаемых берестяными грамотами: кровельное, оружейное, ткацкое, белильное, вышивальное дело. С точки зрения ремесленной техники интересна роспись заготовок, необходимых для беления и вышивания полотна. Особенно наглядно выступают формы организации ремесленников, их взаимоотношения с заказчиками. Артель Гюргевица выполняет заказ Рознега, и старейшина, получив деньги за работу (какую—неизвестно), делит их между своими «людьми». Организованно оформляют заказы в разных городах

[23] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957). стр. 115—118.

[24] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 46.

[25] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 175.

и распределяют заработок кровельщики во главе с Носком, среди которых есть и опытные специалисты, и ученик («отрок»). Мастерская Романа — Пантелея выделывает на заказ шлемы. Люди близких профессий — ткачиха и белильщица работают врозь, но поддерживают друг с другом производственную связь. Сын Кринила исполняет какую-то сдельную («урочную») работу по найму. Здесь нет единообразия в организации производственного процесса и труда. В зависимости от профессии перед нами и похожие артели, и постоянные мастерские. Наряду с производственными коллективами, действуют и ремесленники-одиночки. В то же время лица, специализирующиеся в близких по своему характеру отраслях, сохраняя профессиональную самостоятельность, в отдельных случаях кооперируют свой труд. Все это многообразие отражает реальные отношения, характерные для такого крупного средневекового ремесленного центра, каким был Великий Новгород.

§ 2. Торговля и купечество

Изучение торговли требует постановки целого ряда вопросов: об общественном разделении труда, товарном производстве и обращении, о значении рынка для реализации продукции городских ремесленников и о перерастании ремесла в мелкотоварное производство, о степени связанности с рынком феодального барского и крестьянского хозяйства. Важно раскрыть соотношение внутренней и внешней торговли, выяснить ассортимент предметов ввоза из-за границы и вывоза из России в другие страны, определить значение импорта и экспорта для развития экономики Русского государства. Необходимо, наконец, показать и место купечества в общественной жизни. Все эти темы исследуются учеными на большом и разнообразном материале источников — русских и иностранных. При рассмотрении как внутренней, так и внешней торговли России, естественно, большое внимание уделяется Новгороду — крупному средневековому экономическому центру, сыгравшему большую роль в развитии торговых связей как внутри Русского государства, так и международных.

Данные берестяных грамот в силу своей фрагментарности, случайности, конечно, не могут стать основой для решения комплекса поставленных выше и во многом уже

освещенных вопросов. Они являются лишь одним из источников, помогающих уточнить, конкретизировать наши представления о новгородской торговле, иногда осветить новым светом некоторые стороны этой большой и важной проблемы.

Отдельные грамоты дошли в столь дефектном виде, что в них можно уловить лишь указание на какую-то торговую сделку, и больше ничего.

Так, от грамоты № 381 (XII в.)[26] уцелело лишь начало: «От Игната къ Климяте. Възми оу Доушиле [оу Ф]оминица[27] полъцетвьрте гр[и]вне и крь... Чьрмьницнъ же ньс... и крьни...»

При реконструкции и толковании текста данной грамоты А. В. Арциховский оставляет в стороне слово «крьни». Между тем это слово один раз читается полностью, в другом случае от него сохранились три первые буквы. «Крьни» значит «купи». Термин «кренеть» в таком смысле встречаем, например, в Русской Правде: «аже кто кренеть чюжь холоп, не ведая...»[28]

В письме к Климяте Игнат предлагает ему взять у Душилы Фоминича три с половиной гривны и что-то купить; трудно сказать, что именно. Бросается также в глаза, что производятся какие-то сложные денежные операции, в которых заинтересованы четыре лица.

Утрачена и значительная часть грамоты № 176 (XII в.)[29]. Прочесть можно лишь следующие слова: «...пополоуц... стися в бырзе домови...»

Очевидно, автор письма дает совет адресату (находящемуся в отъезде), как только он что-то получит (долг, товар или что-либо иное), скорее возвращаться домой. Вероятно, «...стися» — глагол повелительного наклонения; например, «[пу]стися».

От грамоты № 165 (XII в.)[30] сохранились пять отрывков.

[26] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 81—82.

[27] Реконструкция А. В. Арциховского.

[28] Русская Правда Пространной редакции, ст. 112. И. И. Срезневский приводит текст, также разъясняющий значение термина «крьни»: «Он же прием книгы, к авве Геласию несе искоусити я, и рек емоу ценоу, юже продаяи рече, и глагола старець: крьни е, добры бо соуть» (*И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1341).

[29] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 60.

[30] Там же, стр. 51.

Первый отрывок: «От Миха[л]я ко Стьпапоу. Гю...» «...а товаро продале, а б...»

Второй отрывок: «...е. А Поутнла пришьле...»

Третий отрывок: «шьлесто...»

В четвертом отрывке уцелели лишь нижние части букв: каких, — сказать невозможно. В пятом отрывке читаются две буквы: «...ег...»

В нашем распоряжении слишком небольшие фрагменты документа, поэтому восстановить его текст нет возможности. Но суть его схватывается. Михаль сообщает Степану о продаже товара и о том, что Путила что-то пришлет. Вероятно, речь идет о присылке денег за проданный товар [31].

В грамоте № 375 (XIV—XV вв.) [32] находим следующий отрывочный текст: «...нъе за два рубя Ива[н?]... спил... былъ па...»

Можно лишь догадываться, что дело идет о какой-то покупке за два рубля.

В ряде документов на бересте имеются довольно конкретные данные о хлебной торговле. Текст грамоты № 350 (XII—XIII вв.) [33] очень невелик: «От Стьпана и о матьри ко Полюдоу. Во соли рожи конь продаво».

А. В. Арциховский пишет: «Что-то пропущено в сочетании „во соли рожи", если не видеть здесь название местности (Солирожи), что маловероятно». Я же думаю, что смысл письма ясен. Степан с матерью сообщают Полюду, что пришлось продать коня, чтобы купить соли и хлеба (ржи). В новгородских летописях не раз сообщается о голодных годах, когда люди вынуждены были дорого платить за продукты, потребные в первую очередь. Под 1231 г. в летописи говорится: «И купляхом по гривне хлеб и по болшю, а ржи 4-ю часть кади купляхом по гривне серебра, и даяху отци и матери дети свое одьрень ис хлеба гостьм» [34]. В 1232 г. князь Ярослав Всеволодович перерезал торговые пути к Новгороду, и это вызвало дороговизну товаров на рынке: «и не пусти

[31] Ср., например, берестяные грамоты № 155: «а присли 12 гривне»; № 246: «а не присълещи ми полоупяты гривьны...» В. И. Борковский понимает текст иначе: «Путила пришел» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1955, стр. 94).

[32] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 74—75.

[33] Там же, стр. 39.

[34] НПБ, стр. 71.

князь гости к ним, и купляху соль по 7 гривен бьрковьск...» [35]

Возвращаясь к берестяному письму № 350, надо сказать, что хотя мы не знаем, ни кто такой Степан, ни кто такой Полюд, но раз в их переписке речь идет о продаже лошади, для того чтобы вырученные деньги пустить на покупку ржи и соли, значит этих продуктов (которые нужны для пропитания в первую очередь) действительно нехватало и платить за них на рынке приходилось дорого. Очевидно, письмо следует датировать одним из голодных годов в Новгороде.

О трудностях, связанных с покупкой зерна, свидетельствует и грамота № 271 (XIV в.) [36]. Ее конец оборван, но основной текст сохранился хорошо. Вот его содержание: «Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса [37] у Ондрея. Оже прода, возми у него грамоту, да пришли ми, цтения доброго [38]. Да вести ми прикажи... дее во годе. Оже ти ту не буде овса и...»

На обороте письма: «Возми со собою».

Текст понятен. Яков обращается к куму и другу Максиму с просьбой закупить у Андрея овес. Очевидно, дело опять происходит в голодный год, когда зерно вздорожало и достать его было нелегко. В случае, если Андрей согласится продать овес, Яков просит оформить сделку специальной грамотой (которую можно было бы легко прочитать) и прислать ее ему. А. В. Арциховский и В. Л. Янин [39] слова «да пришли ми цтения доброго» выделяют в отдельную фразу и толкуют ее как просьбу выслать интересные книги. «Яков предоставляет своему другу Максиму самому решить, какое чтение можно назвать добрым,— пишет А. В. Арциховский.— Занимательно

[35] НПЛ, стр. 72.

[36] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 96—97.

[37] В отрывке грамоты № 145 (XIII—XIV вв.) сохранилось одно слово «овсимо» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1955, стр. 24). Может быть, это какая-то форма слова «овес». Термин этот (помимо № 145 и 271) встречается, в разных падежах и в различных разночтениях, и в других берестяных грамотах: «овес» (№ 358), «овса» (№ 271, 320), «овеса» (№ 219), «овьса» (219, 299), «овиса» (№ 50), овсом» (358), «овсъмъ» (№ 266).

[38] А. В. Арциховский расставляет знаки препинания иначе: «Укупи ми, кланяюся, овса у Ондрея, оже прода, возми у него грамоту. Да пришли ми цтения доброго».

[39] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 135—136.

ное чтение давали (если говорить только о дошедших до нас рукописях) некоторые летописи, русские воинские повести, переводные повести и некоторые церковные книги (жития, поучения)».

Я не могу принять толкование текста № 271, предложенное А. В. Арциховским и В. Л. Яниным, потому что все письмо Якова Максиму посвящено одному вопросу — об овсе, и трудно предположить, чтобы текст этот был искусственно разорван вставкой о занимательном чтении. Если бы Яков и коснулся этой темы, то, конечно, лишь разделавшись со всеми материально-хозяйственными заботами.

Выражение «да вести ми прикажи... дее во годе» надо, вероятно, понимать в том смысле, что следует добиваться, чтобы Андрей взял на себя доставку овса покупателю и указал в грамоте срок, когда это будет сделано. Предвидится и такой случай, что овса в продаже вообще не окажется. Все это цепь хозяйственных распоряжений, звенья которой крепко между собой связаны; одним из этих звеньев является и указание на грамоту «чтения доброго». Такое указание выглядело бы инородным телом, если бы мы согласились с пониманием текста, данным А. В. Арциховским и В. Л. Яниным.

Неизвестно, кто такой Андрей — продавец овса? Может быть землевладелец, в хозяйстве которого имеются запасы зерна, и часть их он пускает в продажу. А может быть, это купец, специализировавшийся на скупке и перепродаже продуктов земледелия. Но так или иначе, грамота № 271 — конкретное свидетельство связи сельского хозяйства с рынком.

Материал о хлебной торговле находим в отрывке берестяной грамоты № 97 (XIV — XV вв.) [40], представляющей собой какое-то челобитье Юрию Онцифоровичу (по-видимому, посаднику): «Г[осподи]ну Юрию челомъ бее Ортьмъка и Деица, рожь продають по...»

Текст легко читается, но допускает различные толкования. Во-первых, неясно, являются ли Ортемка и Деица челобитчиками, или кто-то бьет челом на них, сообщая об их незаконных действиях [41]. Одно время А. В. Арци-

[40] *А. В. Арциховский.* ПГБ (1953—1954), стр. 24—25.

[41] Если последнее, то знаки препинания надо расставить иначе: «Г[осподи]ну Юрию челомъ бее. Ортьмъка и Деица рожь продають по...»

ховский полагал, что перед нами анонимный донос посаднику на крестьян, нелегально продававших рожь. Но если даже припять, что челобитье исходит от Ортемки и Деицы (крестьян или приказчиков), то остается неясным, в чем смысл их заявления: интересует ли их самый факт продажи хлеба, или они ставят господина в известность о рыночных ценах па рожь (как сейчас понимают текст А. В. Арциховский и В. Л. Янин) [42].

У нас нет достаточных оснований для того, чтобы предпочесть один из предложенных выше вариантов толкования грамоты № 97. Но более подробно разобрать и тот и другой — необходимо. Что мог иметь в виду челобитчик (или челобитчики), указывая на незаконный характер продажи приказчиками или крестьянами ржи? Возможно, она производилась беспошлинно. Закон требовал уплаты пошлин со сделок купли-продажи или казенным таможенникам, или (если речь шла о населении владений, пользующихся иммунитетом) вотчинным властям [43]. Запрещалось провозить товарный крестьянский хлеб на возах землевладельцев, имеющих право торговать беспошлинно [44].

Это все случаи нарушения казенных интересов. Но продажа крестьянами хлеба могла затрагивать и вотчинные интересы в том случае, если торговал земледелец, за которым числилось «жито заемное и оброчное» [45] (т. е. была задолженность феодалу по ссуде и оброку).

Весьма правдоподобно и предположение, что челобитчики информируют феодала о ценах на рожь на рынке. Хлебные цены в Новгородской и Псковской землях были весьма неустойчивы, их колебания очень резки, а интерес населения к их движению велик. Для трудового населения от взлета и падения цен зависела часто жизнь (а не просто благополучие). Для богачей это был источник спекуляции и наживы. Новгородские и псковские летописи внимательно отмечают: «бысть убыток крестпаном хлебом», «бысть драгость люта», «бяше же та драгость па много время». И, напротив: «хлеб бысть дешев», «хлеб и все сполу десево». В период дороговизны, когда за рожь пла-

[42] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 85.
[43] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 313—315.
[44] АСЭИ, т. I, стр. 453, № 573.
[45] ДДГ, стр. 277, № 74.

тили «чего кто запросил», спекулянты начинали скупать зерно в городах, «по волостем и по пригородом» и вывозить его за границу [46]. Поэтому естественно, что землевладельцы, и особенно те, кто (как посадник Юрий Онцифорович) обладал властью, следили за кривой цен на хлебном рынке.

От правительства землевладельцы добивались грамот, которыми представителям администрации предписывалось при покупке провианта в вотчинах руководствоваться местными ценами («а кому ся прилучит в их селех и в деревнях... обед или ночлег, и они у них корм собе и коневм купят по той цене, как коли у них в земле будет...») [47]. Тем самым не только пресекались злоупотребления правительственных агентов, но и ограничивалась возможность спекуляции со стороны вотчинников.

Итак, грамота № 97, содержащая всего несколько слов, рождает целый ряд мыслей и соображений. Уже говорилось, что ввиду лаконичности и фрагментарности письма трудно выбрать из этих соображений те, которые можно было бы признать наиболее вероятными. Самым заманчивым является предположение, что речь идет о крестьянской хлебной торговле.

Интересный материал имеется в берестяных грамотах о торговле рыбой. Весьма немногословна грамота № 144 (XIII—XIV вв.) [48]: «Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сиговъ о 3 рубля, а роко на ростово». А. В. Арциховский так переводит это письмо: «Приказ Косарику от Есифа. Возьми у Тимофея 50 сигов рубля на три. А срок на рождество». По словам А. В. Арциховского, адресату дается предписание уплатить в указанный срок за взятую в кредит рыбу. Характер сделки, о которой идет речь в письме № 144, с точек зрения как юридической, так и социально-экономической исследователь не разъясняет.

А. В. Арциховский обратил внимание на то, что в письме говорится не «купи», а «возьми». Если просмотреть все берестяные грамоты, в которых встречаются глаголы «купить» и «взять», то легко убедиться, что значение

[46] «Псковские летописи», вып. II, стр. 22, 38, 39, 131, 167; НПЛ, стр. 354.

[47] АСЭИ, т. II, стр. 167, № 254.

[48] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 22—24.

этих терминов не одинаково. Различные формы слова «купить» обозначают непосредственную сделку купли-продажи [49]. Слово «взяти» в разных формах употребляется или для обозначения актов, отличных от купли-продажи, или, если дело касается последней, то не самой сделки, а ее реализации путем получения одним лицом от другого денег, товара, соответствующих документов и т. д. [50]

Эти наблюдения терминологического характера дают право сделать вывод, что у автора письма № 144 Есифа была ранее договоренность с Тимофеем о приобретении 50 сигов. Косарик, по распоряжению Есифа, должен теперь эту рыбу получить. Очевидно, Косарик — приказчик Есифа, иначе как мог бы последний отдать ему приказ. Что касается самого Есифа, то можно допустить, что он боярин. Но бояре получали обычно сигов в виде оброка, и мало вероятно, что они делали закупки для своего хозяйства в таком объеме. Вернее, Есиф — купец (или феодал и купец одновременно), скупающий для перепродажи товар у рыболовов, к числу которых, видимо, принадлежит Тимофей. В. Н. Бернадский хорошо показал, как в XV в. развитие рыбного промысла в различных частях Новгородской земли приводило к зарождению товарного производства, к появлению рядков, где примерно половина жителей состояла из рыбаков производителей, а половина из торговцев [51]. К первой категории населения следует, очевидно, отнести Тимофея, ко второй — Есифа.

Остается сказать несколько слов о характере договоренности между Есифом и Тимофеем. А. В. Арциховский считает, что в грамоте № 144 речь идет о получении рыбы, купленной в кредит, с обязательством в дальнейшем уплатить за нее три рубля. Возможно, это действительно было так. Но возможно и другое: Есиф отдал деньги вперед и тем самым закабалил Тимофея, заранее скупив у него часть улова. И когда купец пишет Косарику и велит

[49] Например: «солъ...купило» (№ 32); «коупилъ еси робоу» (№ 109); «купи ми зендянцю...» (№ 125); «купите маслеца древяного...» (№ 173); «купилъ есмь соль немецкую» (№ 282); «...купи... конь» (№ 354) и др.

[50] Например: «прод[ан] при собе, [а с]еребро к собе возми» (№ 133); «укупп... овса у Ондрея. Оже прода, возми у него грамоту» (№ 271); «а оуяяле товара на 10 [руб]левъ» (№ 249) и т. д.

[51] *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961, стр. 116.

ему забрать закупленную рыбу, то он называет уже наступивший срок получения с Тимофея долга сигами, а не будущий срок уплаты ему денег.

Для характеристики рыбной торговли следует привлечь также грамоту № 92 (XIV в.)[52]: «...на Спехове на Стефана[53] лососъ. На шюрине его о лосо. На Сидоре лосъсъ. На брате его с лосъ. На Фларе 20 и 2 и[54] на Заяце 4 беле. На Лавре 2 лососи. На Олферье 9 лососеи. На Сунке 9 лосо. Оу Петра 13 лососи. На Стуковиць 2 лососи. На Миките 4 лососи. На Сидоре 2 лососи».

По поводу грамоты № 92 высказаны разные точки зрения. А. В. Арциховский считает ее автора купцом-рыбником, торговавшим лососиной и скупавшим у рыболовов товар. По мнению Б. Б. Кафенгауза[55] и В. Л. Янина[56], перед нами запись не товара, а оброка, уплачиваемого зависимыми крестьянами господину рыбой и частично белками.

Но при обоих толкованиях надо полагать, что лица, записанные в документе № 92,— рыбаки. Предположение Л. П. Жуковской, что это могли быть покупатели-должники[57], мало вероятно; если бы было так, то рыботорговец записывал бы не количество рыб, а денежные суммы, которые ему следовало получить.

Рыбный промысел получил в Новгородской земле значительное распространение. В частности, в нашем распоряжении достаточно данных (особенно их много в более поздних источниках XVI в.) о ловле лососей. Так, по сведениям писцовой книги Обонежской пяти-

[52] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 16—19.

[53] Неясно, является ли Спехово географическим наименованием или же Спехов Стефан — это личное имя. Возможно, и то и другое.

[54] После слов «на Фларе» стоят четыре буквы: «к», «и», «в», «і». А. В. Арциховский считает, что все это обозначения цифр, и расшифровывал текст так: «...на Фларе 28, 12». Б. А. Рыбаков предполагает, что на цифры указывают лишь две буквы («к», «в»), а «и» восьмиричное и «и» десятиричное — это союзы. Реконструкция Б. А. Рыбакова — «...на Фларе 22 и на Заяце...» — представляется убедительной.

[55] *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 171—172).

[56] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 148—149.

[57] *Л. П. Жуковская*. НБГ, стр. 46.

ны 1563 г., крестьяне ловят в устье реки Видлицы «неводы и сетми и гарвами с весны и до осени лососи и сиги и курву». На реке Суне местные жители «ловят в осень лососи и сиги и пальи и всякую мелкую рыбу». На реке Выгу были рыбные ловли, и там добывались «лососи, и тинды, и сиги, и гарюсы» [58]. Число подобных примеров можно значительно увеличить.

Имеются сведения и о торговле лососями [59]. Среди торгово-промыслового населения Новгорода были люди различных специальностей: «рыбники прасольные», «рыбники свежие» [60]. Купцы из города ездили с товаром и за товаром в различные районы Новгородской земли («...а где будет ноугородець заехал лодьею, или лавкою торгует...») [61]. Исходя из всех этих данных, можно предположить, что в грамоте № 92 записаны лососи, приобретенные рыбным торговцем у рыболовов для продажи.

Конечно, не исключена и другая возможность: допустимо видеть в документе № 92 запись рыбного оброка. С некоторых новгородских поселений оброк взыскивался исключительно рыбой [62]. Смущают несколько два обстоятельства: во-первых, в состав поступлений с крестьян входит лишь один сорт (дорогой) рыбы; во-вторых, поступления эти столь велики, что намного превышают потребности населения феодальной усадьбы. Очевидно, как замечает В. Л. Янин, часть лососей феодал предполагал выбросить на рынок.

Таким образом, оценивать ли грамоту № 92 как запись сделок рыботорговца (за это больше всего данных), или как реестр феодала о поступлениях с крестьян, она является источником, характеризующим развитие товарных отношений (или через крестьянское, или через барское хозяйство).

К грамоте № 92 примыкает по своему содержанию письмо на бересте № 186 (XIV в.) [63]: «Поклоно от Стьпана

[58] «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.» Л., 1930, стр. 75, 124, 165.

[59] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I, стр. 37.

[60] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке, стр. 105.

[61] ГВНП, стр. 39, № 21.

[62] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв., стр. 136.

[63] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 70—71.

ко Смьнку. Возми оу Кануниковыхо десять лосои, а другую десять возми оу Данилки оу Бешкова, а дан Смьну Флареву. А язо тобе ся кланяю».

Оба документа относятся примерно к одному и тому же времени: один (№ 92) — к середине, другой (№ 186) — ко второй половине XIV в. Они очень близки по манере письма. Наконец, весьма соблазнительно видеть в Смьне (Семене) Флареве, упоминаемом в грамоте № 186, сына того Фляря, который фигурирует в тексте № 92. Поэтому я считаю вполне правомерным вывод, что в обоих рассматриваемых документах имеются в виду рыболовы примерно одних и тех же селений.

Если в № 92 речь шла о скупке рыбы рыботорговцем или (что менее вероятно) о получении оброка феодалом, то в № 186 говорится о внутренних отношениях между рыболовами (по поставке товара либо оброка). Очевидно, Семен Фларев внес рыбу за Кануниковых и Данилу Бешкова и те должны ему ее вернуть. Автор письма (Степан) — по всей видимости, рыботорговец (или приказчик, собирающий оброк феодалу), адресат (Смьнко) — староста рыболовов.

К тому же циклу грамот на бересте, что № 92 и 186, по-видимому, относится и отрывок № 258 (XIV в.) [64]: «У Давыда 9 лососи сухыхо, 3 просолии. У Ивана 7 лососи и с...» Здесь, как и в грамоте № 92, перед нами скорее всего запись рыботорговца о закупках у рыбаков (но может быть, и список оброчных повинностей крестьян землевладельцу).

Наконец, с берестяными текстами № 92, 186, 258 можно сопоставить и плохо сохранившуюся грамоту на бересте № 280 (XIV в.) [65]: «...3 таимени, 2 просолеи, 5 сигово, 5 таимени, Яколино» [66]. Правда, здесь не очень ясно, кто такой Яков: лицо, к которому поступает рыба в виде товара (а возможно, оброка), или рыболов, продающий рыбный улов неизвестному по имени скупщику (либо же, что тоже может быть, сдающий ее в качестве продуктовой ренты какому-то феодалу).

Целое письмо А. В. Арциховский опубликовал под

[64] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 84—85.

[65] Там же, стр. 107.

[66] А. В. Арциховский читал: «яко...». Слово «Яколино» прочел В. Л. Янин («Я послал тебе бересту...», стр. 149).

№ 260 (XIV в.)[67]. В нем без труда можно прочесть следующее: «[Прик]азо ко Остафии от Сидора. Возми у Григории у Тимощина рубль и 4 лососи. Да возми у Григории полорубля, цто Сидору сулиль. У Клима возми у Щекарова рубль, 10 било и 4 лососе наклада. У Олькеандра у Рацлаля возми 50 било. У Ондрия у Цирицина возми полосорока. У Кондра у Возгреши возми полосорока. У попа у Михаили возми полорубля, 10 лососеи, то за Иванка поруцнь. У Вигали у Остафии възми 50 било».

Как выяснил В. Л. Янин[68], Сидор, от лица которого исходит «приказ»,— это один из новгородских феодалов, упоминаемый и в других грамотах: № 275, 276. Остафий — очевидно, приказчик Сидора, получивший от него распоряжение собрать с ряда лиц деньги (по рублевому счету), белы (под которыми надо понимать или денежные единицы, или меха), рыбу (лососей). Определенную близость письмо № 260 обнаруживает к грамотам № 92 и 186 (где речь идет о получении лососей) и к № 2 (где говорится о сборе куниц и бел)[69].

По сравнению с названными текстами в грамоте № 260 имеются некоторые детали, проливающие свет на ее назначение и характер. Так, с Клима Щекарова берется «наклад» — процент. Значит, он обязан вернуть долг ростовщику (а не выполнить феодальную повинность в отношении землевладельца). Очевидно, Остафий раздавал от имени Сидора рыболовам и лесовщикам денежные суммы взаймы, а они обязаны были часть долга погашать деньгами же, часть — продукцией своих промыслов: рыбой, беличьми шкурками. Относительно Клима Щекарова можно предположить, что он взял взаймы рубль, а 10 беличьих шкурок и 4 лосося кредитор с него требовал в счет процентов с этой суммы. На примере Клима допустимо высказать догадку, что и с других должников Сидор брал «наклады» (хотя этот термин в грамоте упомянут лишь один раз) натурой.

Заслуживает внимания фраза: «У попа у Михаили возми полорубля, 10 лососеи, то за Иванка поруцнь». Судя по Псковской судной грамоте, поручительство за должника допускалось при заключении договора займа на сум-

[67] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 86—87.

[68] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 147.

[69] О грамоте № 2 см. ниже.

му не свыше рубля[70]. Иван занял «полурубля»; значит, порука была законной. Но, очевидно, поп поручился за человека, оказавшегося несостоятельным плательщиком, и ему пришлось уплатить полученные Иваном от кредитора деньги, а также внести «наклад» рыбой.

Наконец, представляет интерес указание Сидора Остафпю взять у Григория половину рубля «цто Сидору с у л и л ь». Трудно сказать, что здесь имеется в виду; во всяком случае речь идет не о деньгах, занятых Григорием у Сидора, а, напротив, о денежной сумме, обещанной первым последнему. В Судебнике 1497 г. есть постановление: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалованпа не иматп; також и всякому судие п о с у л а от суда не имати никому»[71]. «Посул» — значит взятка. Может быть, Григорий «п о с у л и л» Сидору взятку за какую-то помощь в суде. В. Л. Янин высказывал предположение, что Сидор был причастен к судопроизводству, ибо на той территории Новгорода, где была расположена его усадьба, найдены документы, касающиеся разбора дел о татьбе, грабеже, бессудная грамота (№ 251, 252, 256). В письме № 244, которое В. Л. Янип также считает адресованным Сидору, кто-то просит адресата о протекции перед новгородским владыкой. Возможно, какую-то протекцию, пользуясь своими связями в судебных органах, Сидор оказал и Григорию, но не безвозмездно, а за «посул», который засчитал ему в уплату долга. Итак, в коммерческих операциях по скупке рыбы видный новгородский феодал и ростовщик использовал свой вес и положение в руководящих правительственных сферах.

Из рассмотренного материала видно, что в результате общественного разделения труда в Новгородской земле выделились группы сельского населения, специализировавшиеся на занятии рыбным промыслом. Часть рыбного улова шла при этом на продажу. Берестяные грамоты донесли до нас имена некоторых рыбаков: Тимофей, Стефан с товарищами, Семен с товарищами, Давыд, Иван, Григорий и другие. Рыбный промысел становится наследственной профессией. Так, можпо думать, что рыбаки Фларь и Семен Фларев — это отец и сын. В связи с развитием товарпо-денежных отпошений появляются люди, специали-

[70] ПРП, вып. II, стр. 290, ст. 33.
[71] «Судебники XV — XVI веков». М.— Л., 1952, стр. 19, ст. 1.

зирующиеся на торговле рыбой (иногда наряду с другими товарами). И их имена мы узнаем из документов на бересте: Есиф, Степан. В операции со скупкой и перепродажей рыбы втягиваются и феодалы (Сидор). Чтобы закабалить рыбаков, рыботорговцы используют систему кредита, практикуют скупки будущего улова с выдачей вперед денег (на ростовщических началах), прибегают и к средствам внеэкономического принуждения и воздействия — «посулам» и пр.

Аналогичные методы применяли и мехоторговцы. В некоторых, выше приводившихся грамотах в качестве товара, наряду с рыбой, фигурировала и пушнина. Специально о мехах речь идет в грамоте № 2 (XIV в.) [72]. Она сохранилась полностью, только начало ее не совсем четко: «Аекуевь бела росомуха [73]. У Фоме 3 куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху даль, дару куницю. Вельяказа 4 куница. Игугморо на Волоки [74] куница. У Мятеши 2 куници. У Вельютовыхо 2 куници. У Воземута 2 куници. У Филипа 2 куници. У Наместа 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница. У Вихтимаса 2 белоки. У Гостили 2 куници. У Вельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бело».

Среди имен, упомянутых в грамоте, часть — новгородских, большинство — нерусских (эстонских, карельских). Следовательно, документ касается тех мест Новгородской земли, где было много нерусского населения.

Сущность берестяной грамоты № 2 исследователи понимают по-разному, считая ее записью или мехоторговца (А. В. Арциховский), или ростовщика (Д. С. Лихачев), или списком феодальных повинностей (А. Л. Хорошкевич [75], В. Л. Янин [76]. Из текста видно, что в грамоте фигу-

[72] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951), стр. 21—25.

[73] Д. С. Лихачев (Рецензия.— СА, т. XIX, 1954, стр. 325) предлагает читать не «бела росомуха» (белая росомаха), а «бела, росомуха» (т. е. бела и росомаха).

[74] В. К. Чичагов (Филологические заметки.— ВЯ, 1954, № 3, стр. 85) считает, что надо транскрибировать «Игугморо — наволоки» (топонимическое название). Л. П. Жуковская («Палеографический и лингвистический анализ нбг». М., 1955, стр. 191) читает: «Гугморо на Волоки», а букву «и» относит к концу предшествующего слова «куница»: «куницаи».

[75] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 58.

[76] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 36.

рируют меха, кем-то взятые (или которые надо будет взять) у разных лиц (куницы, бели — белы — белки, росомахи).Что это: повинности феодально зависимых людей или долги? Вернее последнее. Об этом как будто свидетельствуют близкие по содержанию и форме тексты, встречающиеся обычно в составе духовных грамот XV в. Вот духовная некоего Карпа: «Взяти ми у Василья у Подриза 12 бел, у Григорья у Бакова 5 бел, у Василья у Мишкова 5 бел» [77]. В другой духовной грамоте читаем: «...у Исака у дяди моего взяти ми 5 осмин жита, у Юрья Перьхурьева сына 20 бел, у Обросимови жени 6 бел, у Захарькы 12 бел...» [78] и т. д.

Правда, А. Л. Хорошкевич считает, что во второй из упомянутых выше духовных имеются в виду не должники, а феодально зависимые люди. Вероятно, она основывается на том, что перед цитированными словами стоит распоряжение: «...А взяти ми у половника своего Есипака осмина жита семяного да 5 осмин жита едемого без пуза...» Но контекст говорит как раз против А. Л. Хорошкевич, ибо завещатель сначала называет половника, потом упоминает в качестве людей, ему задолжавших, лиц другого социального положения, например, своего дядю.

Другое соображение А. Л. Хорошкевич касается имеющегося в грамоте № 2 места: «У Фоме соху даль, дару куницю». Она пишет, что термины «дар» и «соха» наводят на мысль о феодальной ренте. Однако смысл здесь, по-видимому, другой. Кредитор передает Фоме в пользование соху, и Фома за это должен дать ему куницу (слово «дар» здесь не регулярная повинность, а плата за право временно использовать чужое сельскохозяйственное орудие, т. е. это нечто вроде процента). И в других документах встречаются случаи отдачи на время земледельческого инвентаря. Так, в духовной некоего Ивана говорится: «Взяти ми у Мити у Ермакова 20 бел да коса» [79].

Мало вероятно считать, как это делает Н. Б. Бахилина, упомянутую в берестяной грамоте № 2 соху единицей обложения или мерой земли [80]. Столь же неубедительно

[77] ГВНП, стр. 265, № 256.
[78] Там же, стр. 266, № 257.
[79] Там же, стр. 269, № 263.
[80] «Палеографический и лингвистический анализ нбг», стр. 178.

мнение В. К. Чичагова, предлагающего читать вместо двух слов («соху даль») одно («сохудаль»), которое он толкует как нерусскую передачу термина «охудал» (в документе якобы упомянуты налогоплательщики, из которых один стал неплатежеспособным) [81].

Как образовались долги, перечисленные в берестяной грамоте № 2? На этот вопрос можно дать предположительный ответ. Речь идет о должниках из среды нерусского (в частности, карельского) населения, во владения которого проникали новгородцы. Последние посылали специальные ватаги в карельские леса и реки, скупая продукцию промыслов местных жителей, ведя с ними неэквивалентную торговлю, а в конечном итоге завладевая их землями. В роли торговцев и промышленников выступали иногда новгородские сборщики дани — «празги». В одном из актов XV в. говорится о приобретении Ивапом Аввакумовым у Юрия Каргуева (очевидно, представителя карельской знати) [82] водных и лесных угодий с правом посылать своих людей ловить рыбу, «лесовати», «торговати» и «празгу ему имати» [83].

Очевидно, местные промышленники (карельские охотники, рыболовы) попадали в кабалу к новгородским предпринимателям. Эти кабальные отношения и зафиксированы в берестяной грамоте № 2. Не будучи в состоянии расплатиться с долгами, закабаленные карелы иногда были вынуждены лишаться своих земель и угодий.

По своему характеру рассматриваемый документ на бересте № 2 близок к берестяной грамоте № 92. В одном случае — записи пушнины, в другом — рыбы, подлежащей взысканию с ряда лиц. В обоих случаях примерно одна и та же территория — Приладожье, Обонежье, районы поселения карел. Наконец, эти документы близки по времени (середина XIV в.). Система записей несколько различна. Про меха говорится *у* такого-то, про рыбу — *на* таком-то следует взять (или взято) то-то и столько-то. Но различие формы учета не столь существенно, чтобы на этом основании противопоставить грамоты по содержанию. По всей

[81] *В. К. Чичагов.* Филологические заметки (ВЯ, 1954, № 3, стр. 86).

[82] *Л. В. Данилова.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв., стр. 281.

[83] ГВНП, стр. 309, № 322.

вероятности, перед нами документация, составленная двумя купцами или для двух купцов — рыботорговца и мехоторговца.

В очень дефектном виде дошли до нас три обрывка берестяной грамоты № 223 (XII—XIII вв.) [84]. Не только невозможно прочитать текст полностью, но даже целых слов восстановить удается немного. Однако думается, что сопоставление с № 2 помогает определению общего характера документа. Ряд трафаретных фраз начинается с предлога «у», за которым следуют имена собственные. В одном случае сохранилась и относительно полная фраза: «оу Ивана шесть...» Кроме того, уцелели указания на меха («белы») и единицы их измерения («пълсъръцька). Все это роднит документ с грамотой № 2, позволяя думать, что и в нем говорилось о сборе мехов с кабальных должников.

Имеются сведения о торговле мехами бобров. В грамоте № 420 (XIV в.) [85] написано: «От Панка къ Захарьи и ко Огафоноу. Продалъ есмь сорокъ бобровъ Миляте на десяти гривнъ серебра. Олна же взьмъ серьбро, тоже дан бобры, а дае серобро Захарьи».

Панка, продавший Миляте сорок бобровых шкурок, обращается к Захарии и Агафону. Последний должен отдать шкурки покупателю, получить с него деньги и передать их Захарии. А. В. Арциховский считает, что Агафон был приказчиком или младшим родственником Панка. У него хранились проданные Панком бобры, за которые он должен был получить с Милятѣ их цену. В таком случае Захарья, очевидно, соучастник торговых операций Панка или его кредитор. Если верно первое, то значит это случай торгового складничества.

В берестяных грамотах встречаются упоминания о торговле воском, медом, кожами, тканями и т. д.

К числу берестяных документов, говорящих о торговых делах, принадлежит грамота № 129 (XIV—XV вв.) [86]. Она дошла до нас в разорванном виде. Сохранились четыре куска, которые сходятся попарно. Таким образом, сейчас

[84] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 45—47.

[85] *А. В. Арциховский*. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 209—210); *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 181.

[86] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 64—66.

перед нами два отрывка, которые трудно связать в единое целое и с внешней стороны (между ними разрыв) и по содержанию.

Первый отрывок: «Цолобитье от Есифа брату своему Фоме, цобъ оси прислало восъку да меда да овьцини добросошье. По шубе сошьемъ а...»

Второй отрывок: «...емъ да переслешиваи о Таныи, цобь не блодила цого зря. Только поцьне продавать тобе, и тъ у ен купи, а Юблу п...дил...»

На обороте первого отрывка: «...ть виноватy. А иное все добро, здорово здесе» [87].

Есиф просит Фому прислать воску, меда, добротных овчин [88] на шубы. Что имеет в виду автор письма: крестьянский оброк или товары, приобретенные на рынке? В новгородских писцовых книгах есть много данных о том, что крестьяне вносили феодалам в качестве натурального оброка овчины, мед [89]. В число повинностей сельского населения, как правило, не входила поставка землевладельцам воска [90].

В грамоте № 129, по-видимому, подразумевается не оброк. Надо думать, что Есиф просит Фому о покупке перечисленных им товаров. Хотя выделка овчин представляла собой вид домашней промышленности, широко распространенной в деревне, но в то же время овчинное дело выделялось в особый промысел. Овчинники-специалисты работали на заказ и на рынок. В Новгороде в XVI в. был специальный Овчинный ряд [91].

Есиф желает приобрести добротные овчины, т. е. материал хорошей выделки, а его естественно было искать в городском ряду. Из овчин Есиф собирался шить шубы.

[87] Автор (Есиф) и адресат (Фома) письма — те же, что и в грамоте № 122. И там и здесь Есиф называет Фому «братом». В обоих случаях одинаков конец грамот: «А иное все добро, здорово...» К этой же переписке примыкает письмо № 14, адресованное Фомой Есифу. В письмах № 14 и 122 речь шла о вопросах судебного характера. В грамоте № 129 затрагиваются хозяйственные дела.

[88] По Б. А. Рыбакову, «овьцини добросошье» — хорошо просушенные овчины.

[89] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.— Л., 1965, стр. 296, 301.

[90] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 132.

[91] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I, стр. 148.

Очевидно, он хотел обратиться к услугам специального мастера, поручив ему выполнить заказ из материала, предоставленного заказчиком. Были такие мастера-портные не из числа вотчинных ремесленников, которые брали работу у феодалов [92].

Мед, несмотря на развитие на Руси бортничества, составлял важную статью заграничного импорта в Новгород. Значит, своего меда не хватало [93]. Может быть, Есиф хотел запастись именно привозным медом (напитком)?

Касаясь вопроса о производстве воска, А. Л. Хорошкевич приходит к выводу, что оно стимулировалось ростом экспорта, который благоприятствовал втягиванию крестьян в товарные отношения [94]. Воск выбрасывался на внешний и внутренний рынок. И естественно, что Есиф ставит вопрос о его покупке [95].

Если содержание первого отрывка грамоты № 129 достаточно ясно, то этого нельзя сказать о втором. А. В. Арциховский разобрал здесь отдельные слова, но не сумел уловить между ними смысловую связь. Да и сделать это можно лишь очень предположительно. Прежде всего надо сказать, что между двумя отрывками нет прямой взаимозависимости. Автор письма поднимает две темы, его одинаково интересующие, но по характеру разные. Объединяет их лишь одно — место действия: рынок.

Фома, по просьбе Есифа, должен «переслешивать» за какой-то «Таньей», «цобъ не блодила цого зря». А. В. Арциховский считает, что «Танья» — это имя собственное (уменьшительное от «Татьяна»); «блодила» — значит блудила или ошибалась; «переслешивай» — следи.

Вряд ли нужно понимать здесь слово «блодила» («блудила») в том смысле, в котором оно употребляется в уставе князя Ярослава (нарушение супружеской верности, неза-

[92] Там же, стр. 27, 29, 170.

[93] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV — XV веках, стр. 323—325.

[94] Там же, стр. 134.

[95] В грамотах на бересте № 212 (XIII—XIV вв.) и 184 (XIV в.) упоминается «берковск — берковеск» — берковец — мера веса, которой обычно измеряли мед и воск. № 212: «...у попадее у Павлове 7 гриве[н]...[бе]рковеска...» (конъектура А. В. Арциховского). № 184: «берковскомъ со...» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1956—1957, стр. 33—34; *они же.* НГБ, 1955, стр. 68—69). Может быть, здесь речь идет о торговле воском, или медом, или медвяном оброке.

конное сожительство и т. д.). Несколько более удачно (но тоже не вполне осмысленно) передает значение данного слова термин «ошибалась». В целях уточнения глагола «блодила» («блудила»), мне думается, надо брать его в контексте. Есиф рекомендует Фоме в случае, если Таня захочет ему что-то продать, совершить покупку, но в то же время проследить, чтобы она зря не «блодила». Значит, Таня в чем-то внушает подозрение: вероятно, она подозревается в продаже (умышленной или неумышленной) краденого. О таких подозреваемых людях (на кого «будеть пословица») говорит Псковская судная грамота. В том же памятнике подробно рассматривается процедура судебного разбирательства по искам к лицам, купившим на торгу краденые вещи [96]. Соответствующая статья Псковской судной грамоты помогает толкованию письма № 129. Таня торгует на рынке, у нее следует приобретать товары, но осторожно, проверяя, откуда она их достала. И. И. Срезневский приводит в числе примеров употребления слова «блудити» такой: «ходити поутьми правъими и к тоуму лестия пдольскоя не блоудити» [97] (т. е. надо действовать честными путями и не сбиваться на путь, подсказанный дьявольским искушением). В этом смысле и в грамоте № 129 говорится, что не надо давать Тане возможность свертывать (намеренно или заблуждаясь) на противозаконный путь.

Слово «переслешиваи» надо, очевидно, возводить к термину «след» в его правовом смысле. В древней Руси существовала судебно-следственная процедура «гонения следа», т. е. розыска вора по его следам. Об этом говорят и Русская Правда [98], и некоторые жалованные грамоты [99]. Берестяное письмо № 129 имеет в виду не конкретно данный юридический институт, а вообще меры, направленные к выявлению виновников кражи («виноватых»). Ведь Фома, как это видно из грамот № 14 и 122, был причастен к органам суда в Новгороде.

Таким образом, грамота № 129 говорит и о товарах, какие можно приобрести на рынке, и о полицейском надзоре за торговцами.

Материал о торговле кожами и тканями содержат тек-

[96] ПРП, вып. II, стр. 292, ст. 46.

[97] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 116.

[98] Русская Правда Пространной редакции, ст. 70.

[99] Например, АФЗХ, ч. I, стр. 202, № 230.

сты № 261—264 (XIV в.) [100]. В. Л. Янин не без основания считает их остатками одного документа, который, возможно, был написан на нескольких кусках бересты [101]. Содержание всех четырех отрывков однородное.

№ 261: «...плофинои блудо. От Лари...аля 3 тимо. От Саве от Тимощина 3. Ото... от... аля... 3...»

№ 262: «...тимо... От Горислалица... 6 соръцица цатрова. От Фларя... портище зелени. От Рацлава от подв... от Максима от Машкова 5 тимо...»

№ 263: «...От Гюр... от Василея... попа 3 полосца козия пуха. От Якуновъи от Фомине снохы 3. От Терьнтея от Коя 5... От Офоносова 2 тимо. От Фларя от Коцанкова 5 портище голубине. От Бориса от Панте... тимо. От Павла от Еванова 3 тимо. От Онд...»

№ 264: «От Федора от Синофонтова 4 блюда тимо. От Поре... От Сыповои 5 тимо. От Онании от Курицкого 4...»

А. В. Арциховский пояснил ряд терминов, встречающихся в тексте. «Тимо», «тим» — дорогой сорт мягкой кожи особой выделки. В духовной грамоте углицкого князя Дмитрия Ивановича упомянуты «чоботы тимовы», по швам и в каблуках «сажоны жемчугом гурмыским» [102]. В Новгороде XVI в. были известны ремесленники-тимники (или тимовники). Был там и специальный Тимовный ряд [103]. Тимы ценились на рынке и продавались юфтями [104], т. е. парами [105]. В берестяных текстах № 261—264 в подавляющем большинстве случаев слово «тимо» сопровождается какой-либо цифрой. Это как будто позволяет думать, что и здесь применяется чисто количественное определение — счет парами. В тексте № 264 перед термином «тимо» стоит: «4 блюда». Это дает основание А. В. Арциховскому выдвинуть предположение, что при измерении тимов употреблялись сосуды для дубления кож. Но, может быть, 4 «блюда» не следует связывать с «тимо»? Может быть, это еще один объект, который должен взыскивать Остафий: посуда?

[100] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 88—91.

[101] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 149—152.

[102] ДДГ, стр. 411, № 99.

[103] *С. В. Бахрушин*. Научные труды, вып. II, М., 1952, стр. 78, 148; *А. П. Пронштейн*. Великий Новгород в XVI веке, стр. 84, 89, 90, 251.

[104] *С. В. Бахрушин*. Научные труды, вып. II, стр. 77, 155.

[105] *Е. И. Каменцева* и *Н. В. Устюгов*. Русская метрология. М., 1965, стр. 130.

«Сорочица цатрова» — рубашка [106], сделанная из чатра (особой ткани) [107]. «Портище зелени», «портище голубине» — зеленая, голубая одежда [108]. «Полосцы» козьего пуха — полсти, войлочные ковры [109] из козьей шерсти.

В. Л. Янин связывает тексты № 261—264 с богатым новгородцем Сидором, имя которого фигурирует в письмах № 260, 275, 276 и который занимался торговлей рыбой, мехами и ростовщическими операциями. По словам В. Л. Янина, «крестьяне одной из принадлежавших нашему Сидору деревень разводили коз [110] и все ценное, что можно было от них получить, отсылали Сидору в виде натурального оброка». По мнению А. В. Арциховского, автор грамот № 261—264 покупал у мелких производителей произведения ткачества и кожевенного дела. Думаю, что предположение А. В. Арциховского более правдоподобно, чем гипотеза В. Л. Янина. Сидор, вероятно, вел значительные торговые дела, скупая и перепродавая и рыбу, и меха, и кожи, и ткани. У него были свои приказчики и агенты, помогавшие ему в его предприятиях. К числу таких агентов принадлежал, вероятно, упомянутый в тексте № 264 Онания Курицкий, которого В. Л. Янин отождествляет с упомянутым в летописи новгородцем Онанием Куритским, заложившим в 1345 г. церковь Козьмы и Дамиана на Кузьмодемьяне улице [111].

[106] ДДГ, стр. 312, № 80.

[107] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 1483.

[108] ДДГ, стр. 8, 10, № 1.

[109] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. II, стр. 101, 171.

[110] О разведении коз, может быть, говорится в грамоте № 11, XV в. (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1952, стр. 11—12). Она написана письмом, близким к вязи, сохранилось от нее лишь начало. А. В. Арциховский транскрибирует грамоту так: «По поклонъ от Смешка Фоми. Цо оставиле в Оцекозе (по А. В. Арциховскому, название местности) у Микиш... алъка». Наверху другим почерком: «уму».

Может быть, можно прочитать текст несколько иначе: «По поклонъ от Смешка Фоми. Цо оставилево (см. № 68: „оставиво") це козе у Микиши, а....куда (в слове „куда" А. В. Арциховский разобрал только последнюю букву — „а". „куд..." оставил без прочтения) лысая...» (Из сочетания букв, приводимых А. В. Арциховским,— «алъка», «а» я отношу к предшествующему «куда», с «л», по-моему, начинается новое слово; вместо «ък», мне кажется, надо читать «ыс»; затем следует «а» и не прочтенное А. В. Арциховским «я»). У Микиши были оставлены козы, и с лысой козой что-то произошло.

[111] НПЛ, стр. 357.

Как источник по истории торговли следует рассматривать дефектную грамоту на бересте № 349 (XIII в.)[112]: «... порома 18 коуно. Во плото на соли 5 коуно и гривне. На рыбахо семница. На черевахо 5 коуно. К... 9 гривоно бе 5 коуно».

А. В. Арциховский правильно раскрыл значение отдельных слов (паром, плот, рыбы, черева — меха с брюшек зверьков), но отказался дать перевод текста в целом.

Помочь пониманию документа может одна жалованная грамота угличского князя Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю 1467—1474 гг. В ней упоминается перевоз через реку Мологу вблизи села Присеки («а... лете дей Мологу перевозятся под Присеками»). Из фискальных соображений князь отдал распоряжение, чтобы переправа через Мологу происходила в официально утвержденном месте, под Городцом, где было разрешено установить свой плот и присецким посельским («а поселские присецкие под Городецком на Молозе на перевозе держать плот свои»)[113].

Вероятно, такой же перевоз (паром) с плотом имеет в виду и грамота № 349. Надо думать, что речь идет о стоимости перевозимых товаров (соль, рыба, меха) или о пошлинах с них.

Данные для характеристики торговли можно извлечь из грамоты № 133 (XIV в.)[114]. Она сильно повреждена. Реконструировать текст можно таким образом: «Поклоно от Григории к ос[подину мо]емо[115] ко Смену. Послало [есмо[116] с хрести]аномо[117] со своимо с Увлади...[118] (или:

[112] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 38.

[113] АСЭИ, т. I, стр. 265, № 363.

[114] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 71—72.

[115] В скобках реконструкция В. И. Борковского (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ, 1953—1954, стр. 98, прим. 23).

[116] Предположительная реконструкция по аналогии с другими берестяными грамотами. В № 27: «послал язо к тоби». В № 259: «послало есьмо к тобе». В № 281: «послале есме».

[117] Слово «хрестианомо» реконструируется предположительно. В разных формах слово «хрестияни» находим в берестяных грамотах № 242, 307, 310, 311, 313.

[118] Возможно, здесь какие-то имена собственные. А может быть, «увлади» — испорченное слово «уклади» — низший сорт стали.

„сувладн...") кипу непре, 9 сото и 3 в. ...веревки узкой. А то дале... [дру]гонадцате рубля. А [то, го]сподине, прода[ви] при собе, [а с]еребро к собе возми».

Текст этот очень труден для понимания. Автор письма — по-видимому, феодал (если верно восстановлен утраченный кусок грамоты, где, как мы предполагаем, речь шла о его крестьянах), посылает какому-то Семену ряд товаров: «непре», т. е. «нерпе» — кожи тюленя, «узкую веревку» (не те ли это «ужища лычные», о которых говорят, например, таможенные книги XVII в.?), может быть, «сукладь» (низший сорт стали). Даны и цифры привоза, однако ввиду разрывов текста неясно, к чему относятся числа 900 и 3, какими метрологическими единицами измерялась веревка. Размеры «кипы» в XVII в. колебались в пределах от 2 до 20 пудов [119]. Кипами исчислялись хмель, сукна [120]. В грамоте № 133 «кипа» как мера относится, по-видимому, к «нерпе». «Ужища» в XVII в. исчислялись поштучно и привозились на рынок в большом количестве (их бывало иногда до 1000 у одного продавца) [121]. Может быть, цифра 900 и относится к «ужищам» («веревке узкой»).

Автор письма предлагает адресату продать посылаемые товары, а вырученную сумму взять себе. По-видимому, тот является купцом, заранее выдавшим деньги лицу, которое ему пишет, желая погасить свой долг. Корреспондент Семена и его должник, как можно полагать, связан не столько с земледельческим, сколько с промысловым хозяйством.

Конечно, реконструкция текста предположительная и условная, а поэтому и толкование его — лишь одно из возможных. Не исключено и то, что письмо отражает отношения между двумя представителями купеческого мира, торгующими вскладчину или связанными какими-то иными коммерческими взаимоотношениями.

Берестяные новгородские грамоты могут быть использованы и как источник по истории внешней торговли. Среди привозных товаров чаще всего в них упоминается соль.

[119] *А. Ц. Мерзон* и *Ю. А. Тихонов*. Рынок Устюга Великого в период становления всероссийского рынка (XVII век). М., 1960, стр. 552.

[120] «Таможенные книги Московского государства XVII века». Под ред. А. И. Яковлева, т. I. М.— Л., 1940, стр. 22, 25.

[121] Там же, стр. 178.

В отрывке грамоты № 282 (XIV в.) [122] читаем: «[уп?]равь... не купи. Купилъ есмь соль немецкую. То бъ еси семъ припровадилъ». Исследовательница внешнеторговых отношений Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. А. Л. Хорошкевич утверждает: «Не было, пожалуй, ни одного ганзейского купца, торговавшего на востоке Балтики, так или иначе не участвовавшего в соляной торговле. Большинство известных нам источников о торговле русских и ганзейцев содержит упоминания о соли» [123]. Тот же автор указывает, что ганзейцы стремились установить в Новгороде неравноправные условия торговли солью. Поэтому новгородские купцы предпочитали ездить за солью в ливонские города. Там они покупали ее по весу, а в Новгороде соль продавалась в таре, причем практиковалось обвешивание покупателей [124].

Имеющееся в грамоте № 282 выражение «то бъ еси семъ припровадилъ», обращенное, возможно, купцом к своему приказчику, не означает ли, что «немецкая соль» была приобретена в Ливонии и ее следовало доставить в Новгород [125]. А слова, звучащие вне контекста отрывочно и неясно — «[уп?]равь», «не купи», может быть, имеют в виду те неравноправные условия русско-немецкой торговли, которые заставляли новгородцев избегать делать закупки соли непосредственно в Новгороде и заставляли взывать об «управе».

О торговле солью речь идет и в грамоте № 32 (XIV в.) [126], от которой дошло лишь начало, причем дефектное. Оно звучит так: «Фешке Юрьгию неломъ [бью] [127]... соле наборзи не была от тебе солъ по 2 года мни... лап [128]... купиле...»

[122] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 109, 110.

[123] *А. Л. Хорошкевич*. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 235—236.

[124] Там же, стр. 257.

[125] В. И. Борковский производит слово «припровадил» из «преповодил» — переправил (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 175).

[126] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 33—35.

[127] Слово «бью» реконструирует Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 71).

[128] Буквы «лап» прочтены Л. П. Жуковской. В транскрипции А. В. Арциховского их нет.

А. В. Арциховский указывает только, что в письме речь шла о солеварении. Ввиду отрывочности текста к этому трудно прибавить что-нибудь достаточно убедительное. Однако можно все же попытаться высказать некоторые дополнительные соображения. Обращает на себя внимание имя Фешка. А. В. Арциховский отмечает, что оно не встречается среди древнерусских имен, и считает, что это прозвище (хотя подобные прозвища на Руси тоже неизвестны). Весьма вероятно, что Фешка Юрьги — искаженная, русифицированная передача имени какого-то иностранца. Если так, то, следовательно, речь в грамоте идет о внешней торговле солью, а Фешка Юрьги — возможно, иноземный купец, в этой торговле заинтересованный (не обязательно сам побывавший в Новгороде, но там известный).

Из представителей ганзейского купечества скорее всего с Юрьгием Фешкой можно отождествить брюггского коммерсанта Гильдебранда Фекингузена, торговые книги которого сохранились в Таллинском (Ревельском) архиве. Торговая компания во главе с Г. Фекингузеном принимала участие в вывозе из Прибалтики и Руси пушнины, воска и ввоза туда сукон и соли [129]. Кто-либо из приказчиков или посредников Г. Фекингузена мог встретиться на деловой почве в Новгороде или в Прибалтике с кем-нибудь из новгородских купцов. Грамота № 32 с упоминанием Фешки Юрьгия, возможно, и представляет собой письмо некоего новгородца одному из этих приказчиков или посредников.

Можно привести одно возражение против только что высказанной гипотезы. Торговая деятельность Г. Фекингузена развернулась в конце XIV — начале XV в. [130] Грамота № 32 найдена в 9-м строительном ярусе, который Е. А. Колчин датирует первой половиной XIV в. Получается хронологическое расхождение. Если считать стратиграфическую датировку абсолютно точной и не подлежащей сомнениям, то придется отказаться от мысли о том, что Юрьги Фешка — это Гильдебранд Фекингузен. Но предположение, что перед нами искажение иностранного имени, остается.

[129] См. указатель к книге А. Л. Хорошкевич под словом Фекингузен Гильдебранд.

[130] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 24.

О чем говорится в грамоте № 32? По-видимому, о задержке в поставках соли, может быть, вызванной стремлением ливонских немцев поставить русских в неблагоприятные условия торговли [131]. В грамоте рассказывается о каких-то торговых осложнениях: разрыв текста не позволяет сказать, каких именно.

Может быть, для характеристики внешней торговли Новгорода следует привлечь и грамоту № 44 (XIV в.) [132]. От нее сохранились только концы двух строк, и то не полностью; но уцелевший текст читается без затруднений: «...Науму Соленови. Хто мое целование не надоби... побегле во Немьце, а товароу...»

А. В. Арциховский правильно отмечает, что из-за дефектности документа трудно понять его смысл. Однако некоторые соображения все же можно высказать. Предположив, что слова «Науму Соленови», вероятно, означают два имени адресата,— крестное и бытовое, А. В. Арциховский в то же время говорит, что имена Солец или Солецкий в других источниках отсутствуют. А нельзя ли предположить, что это прозвище, данное человеку по его профессии, т. е. торговцу солью?

Корреспондент Наума Соленого сообщает ему, что кто-то ушел «во Немьце», т. е. или в города Прибалтики, находившиеся под властью Ливонского ордена, или на Готланд и в немецкие города, входившие в состав Ганзейского союза (Висби, Любек и пр.).

Слово «побегле» свидетельствует как будто, что речь идет не о легальной поездке с торговыми или иными целями, а о побеге, т. е. незаконном уходе из Новгородской земли. Упоминание «товара» дает основание предполагать, что побег совершили купцы, а не крестьяне или холопы. Но какие купцы: новгородские или иноземные? Думаю, что вернее последнее, ибо зачем было бежать от своих властей русским, для которых новгородское правительство добивалось «чистого», т. е. беспрепятственного, пути за границу по торговым делам. «И новгородскому гостю и псковскому гостю чистый путь по Немецкой земле, водой и горой, ехать без пакости, по крестному целованию»,— читаем в проекте договорной грамоты Велико-

[131] Там же, стр. 257—258.
[132] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 45—46.

го Новгорода с Ливонским орденом и юрьевским епископом 1420 г.[133]

Аналогичные условия международные договоры декларировали и для немецкого купечества, торговавшего в Новгороде. Но они постоянно нарушались. Бывало, что немецких купцов задерживали в Новгороде, сажали «за пристава» (под арест)[134], заключали в погреб[135], накладывали арест на привезенные из «Немецкой земли» товары[136]. То же самое испытывали и русские купцы за границей. В соглашениях новгородского правительства с Готландом, Ливонским орденом, Юрьевом, Ригой, Колыванью и т. д. говорится о подобных правонарушениях как следствии конкуренции и борьбы экономических интересов. В тексты договорных грамот вносятся статьи, нормализующие торговые отношения, но они снова нарушаются.

Весьма вероятно, что и в берестяном письме № 44 речь идет о случае каких-то осложнений в Новгороде между местными и немецкими купцами, заставившем последних покинуть Русь. Я думаю, что именно иноземцы, а не новгородцы «побегле во Немьце». Трудно, конечно, сказать, был ли кто-либо из немецких торговцев заключен в погреб или посажен «за пристава», но раз они бежали, значит к ним были применены какие-то насильственные меры, из-за которых легально выехать они не смогли. Неизвестно и что произошло с товаром убежавших иноземцев, но и здесь, очевидно, их интересы как-то пострадали.

Обо всем этом сообщил Науму Соленому его корреспондент. Если адресат был торговцем солью, то его, конечно, должно было заинтересовать полученное сообщение. А. Л. Хорошкевич доказывает, что как раз в области соляной торговли происходила напряженная борьба между новгородским и немецким купечеством за условия, которые каждая сторона считала для себя более выгодными, и дело доходило до ареста немецких купцов[137].

[133] ГВНП, стр. 97—98, № 59.
[134] Там же, стр. 112, № 67.
[135] Там же, стр. 56, № 28.
[136] Там же, стр. 87, № 49.
[137] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV — XV веках, стр. 258.

Совсем уж нет данных для того, чтобы ответить на вопрос: а кто же корреспондент Наума Соленого. Какую-то, правда весьма зыбкую, почву для гаданий дают слова «хто мое целование не надоби...» Автор письма был связан присягой по делу бежавших торговцев. Не был ли он приставом, отвечавшим за беглецов, или новгородским купцом, своим «крестоцелованием» закрепившим какие-то торговые условия с иноземцами, ими нарушенные?

Кроме соли, на новгородском рынке фигурировали и другие товары, вывозившиеся из-за границы. В грамоте № 173 (XIV в.)[138] сказано: «Поклонъ от Панфил к Мар[ье] и ко попу. Купите маслеца древяного да пришлите симъ».

Деревянное масло — сорт оливкового масла, употреблявшийся для лампад. Это был привозной товар. В XVII в. деревянное масло не раз упоминается в устюжских таможенных книгах, иногда вместе с другими товарами, находившими применение в церковном обиходе: церковным вином[139], ладаном[140].

Кто такой Панфил — сказать невозможно: лампадное масло требовалось людям разных состояний и профессий. Марию А. В. Арциховский считает попадьей.

Поступали из-за рубежа на новгородский рынок ткани. В грамоте № 125 (XIV—XV вв.)[141] читаем: «Поклонъ от Марине къ сыну к моему Григорью. Купи ми зендянцю добру. А купы язъ дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издеи при собе, да привези семо».

А. В. Арциховский так переводит текст: «Поклон от Марины к сыну к моему Григорью. Купи мне зендянцу хорошую. А куны (т. е. деньги) я дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, сделай это сам[142] да привези сюда».

Зендень — хлопчатобумажная ткань из селения Зандана (или Зендене) под Бухарой[143]. Имеется достаточно

[138] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 58—59.

[139] «Таможенные книги Московского государства XVII века». Под ред. А. И. Яковлева, т. III. М.—Л., 1951, стр. 16, 58.

[140] Там же, стр. 59.

[141] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 59—60.

[142] По Л. П. Жуковской, «присмотри за покупкой» (НБГ, стр. 30).

[143] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956, стр. 75.

сведений о привозе зендени в Россию, в том числе в Новгород. Оттуда этот товар экспортировался во владения Тевтонского ордена [144].

Зендень — это одна из наиболее дешевых привозных тканей. Она была доступна широким слоям городского населения. Так, в Домострое, при описании свадьбы, у тех, кому ее «по чину... учинити невозможно от недостатка», среди дешевых хлопчатобумажных материй, которые можно приобрести для торжества, упоминаются и зендени [145].

Неясно из текста грамоты, кто были Марина, ее сын Григорий, Давыд Нрибыша. В. Л. Янин считает, что это люди небогатые [146]: раз Марина посылает Григорию с оказией деньги на покупку из своих сбережений, значит она допускает, что у него может не оказаться нужной суммы. Вероятно, Марина с сыном — мелкие землевладельцы, она находится в вотчине, он — в городе, а Давыд Прибыша, которому мать дала поручение доставить «куны» Григорию,— то ли сосед по имению, то ли приказчик.

Не совсем понятна фраза письма: «изден при собе...». Перевод — «сделай это» (т. е. соверши покупку сам) несколько меняет смысл: «при себе» и «сам» — это не одно и то же. Может быть, слово «издеи» в данном случае означает не «сделай покупку» (об этом сказано выше: «купи...»), а «сделай что-то с покупкой». Возможно, купленную зендень надо было «отделать», и Григорий должен был присмотреть, чтобы такую операцию совершили при нем. Мы знаем, например, случай, когда новгородский красильщик получил заказ «...подкрашивать зендень» [147]. Возможно, что и Марина в письме к Григорию имеет в виду нечто подобное.

Привозные сукна упомянуты в грамоте на бересте № 130 (XIV в.) [148]. Она хорошо сохранилась и отчетливо написана. В ней говорится: «У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакши 14 локти хери. У Ванваса

[144] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 210.

[145] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в., стр. 77.

[146] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту.... стр. 46.

[147] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. II, стр. 89.

[148] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 66—67.

у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретиянцате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери».

По разъяснению действительного члена Академии наук Эстонской ССР П. Аристэ в ответ на запрос А. В. Арциховского, личные имена, упоминаемые в письме, прибалтийско-финского происхождения. Это жители Карелии (как показывают и некоторые топонимические термины).

Слово «водмол» происходит от немецкого «watmel», «watmal» и означает привозное немецкое сукно. Из него изготовлялась на Руси верхняя одежда, получившая название «вотола». «Хери» — тоже какая-то ткань (судя по тому, что она измерялась локтями) [149]. Не русифицированная ли это передача названия грубых английских сукон — kirsey (керси), поступивших на Русь? [150] Если так, то делается понятным соседство в одной грамоте «водмола» и «хери».

В. Л. Янин считает, что материи, упомянутые в письме № 130, были местного производства и что ими собиралась дань с населения. Грамота № 130, по В. Л. Янину,— это запись недоимок [151]. Конечно, можно предположить, что иностранные наименования были перенесены на продукцию Новгородской земли, но это мало вероятно. Скорее надо думать, что в письме фигурирует привозной материал. С известным вероятием можно допустить, что перед нами запись оптового торговца, скупавшего заграничное сукно через агентов, может быть, принимавших участие в торговле своими капиталами и получавших какую-то долю прибыли.

По своему характеру документ на бересте № 130 близок к берестяным текстам № 261—264, в которых также речь идет о скупке произведений ткачества и кожевенного дела.

Подводя итоги рассмотрению берестяных грамот, затрагивающих вопросы торговли, прежде всего надо сказать, что из них вырисовывается довольно широкий ассортимент товаров, обращавшихся в Новгороде и Новгород-

[149] А. В. Арциховский высказал предположение, что слово «хери» могло происходить от глагола «херить» (зачеркивать) и указывать на аннулирование долговых записей в документе № 130.

[150] *А. Л. Хорошкевич.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, стр. 98, 193.

[151] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 74.

ской земле,— предметов потребления, продуктов добывающей и обрабатывающей промышленности. Это зерно (рожь, овес), соль, рыба (сиги, лососи, таймени), нерпа (тюлень), воск, мед, меха (белки, куницы, бобры), деревянное (оливковое) масло, сукладь, веревка, овчины, войлочные полсти, предметы одежды (портища, сорочицы) и т. д. Из-за границы поступали соль, кожи (тпмы), немецкие и английские сукна (водмол, хери), бухарские ткани (зендени).

С рынком были связаны представители различных слоев населения: купцы-профессионалы, феодалы, крестьяне. Особенно показательны фигуры торговцев, скупающих у населения рыбу, пушнину, продукцию ткацкого дела, кожевенного ремесла, а также приобретающих для перепродажи привозные заграничные товары.

В документах на бересте много колоритных бытовых подробностей. В голодный год некоему Степану приходится продать коня, чтобы приобрести соли и хлеба. Какой-то Яков (землевладелец или купец), также испытывающий нужду от недорода, обращается к своему куму и другу Максиму с просьбой помочь ему в покупке овса. На имя посадника Юрия Опцифоровича поступает челобитье с сообщением о том, как идет торговля хлебом. Ряд документов зафиксировал расчеты рыботорговцев и мехоторговцев с рыболовами и лесовщиками — поставщиками товара. Феодал Есиф просит своего брата Фому достать ему воску, меду, овчин. Другой землевладелец (или купец) Григорий направляет партию товара лицу (Семену), с которым он заключил торговую сделку. Останавливает на себе внимание фигура торгующей на рынке Тани.

Интересные подробности содержатся в берестяных грамотах о внешней торговле. Это намеки, правда не очень ясные, на стремления ганзейцев и ливонских немцев навязать русским купцам невыгодные для них условия торговли солью. Это отрывочные сведения об осложнениях в Новгороде между представителями местного и иноземного купечества, вызвавших «побег» иноземцев, о чем узнал из письма, ему адресованного, Наум Соленый.

Привозные товары привлекали внимание населения. Некий Панфил ищет деревянное масло. Марина просит своего сына купить ей «добрую зендянцу». В специальном документе зафиксирована скупка заграничных сукон.

§ 3. Городские усадьбы и их обитатели

До нас дошли письма (на бересте) обитателей отдельных новгородских усадеб своим родственникам и приказчикам, содержащие ряд распоряжений по дому и хозяйству. Это совершенно исключительный для изучения быта того времени источник.

Одна из новгородских усадеб принадлежала видному боярину и государственному деятелю XIV в. Онцифору Лукиничу. Сохранились два его письма своей матери (№ 354, 358). Вот одно из них [152]: «Челомъ битие ко г[оспо]жи матери от Онсифора. Вели Нестерю рубль скопити да ити к Юрью к сукладнику. Молися ем, чтобы конь купилъ. Да иди с Обросиемъ к Степану, жеребии возмя, или возметъ рубль, купи и другии конь. Да прошаи оу Юрия полтини да купи соли с Обрысиемъ. А михи и серебра не добудеть до пути, пошли с Нестеромъ симъ. Да пошли 2 кози корякулю пятепъ [153] полъсти, веретища, михи и медвидно. Вели оу Максима оу ключника пшенки попрошати. И диду молися, чтобы ихалы в Юрпевъ монастиръ пшенки попрошалъ, а сди ее не надпися».

А. В. Арциховский предлагает такой перевод текста «Челобитие к госпоже матери от Онсифора. Вели Нестору рубль скопить да идти к Юрию укладнику. Проси его, чтобы купил коня. Да иди с Амвросием к Степану, взяв жеребий, а может быть, он и рубль возьмет, купи другого коня. Да проси у Юрия полтину да купи соли с Амвросием. А если он не добудет мехов и серебра до зимнего пути, пошли за ними с Нестером сюда. Да пошли „2 козн корякулю, пятен", войлочные ковры, мешки, меха и медвежью шкуру. Вели у Максима ключника попросить пшенки. И деда проси, чтобы ехал в Юрьев монастырь и попросил пшенки. А здесь на нее не надейся». В. Л. Янин в основном повторяет наблюдения А. В. Арциховского [154].

Не все ясно в этом переводе грамоты, присланной в Новгород своей матери Онцифором Лукиничем, находящимся где-то за пределами города, в условиях не столь благоприятных, ибо он чувствует нужду и в соли, и в пшене, и в теплой одежде. По данным летописи, после

[152] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 43—47.
[153] А. В. Арциховский после слов «корякулю» и «пятен» ставит запятые.
[154] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 124—127.

убийства в 1342 г. отца Онцифора — Луки Варфоломеевича на Двине, в Заволочской земле, Онцифор поднял в Новгороде восстание против лиц, стоявших у власти, но потерпел поражение и бежал [155]. Может быть, к этому времени относится и разбираемое нами письмо, найденное в восьмом или девятом ярусе, что соответствует дендрохронологически 1340—1369 гг. [156]

Через мать Онцифор отдает распоряжения своим слугам: Нестеру, Амвросию, Максиму. Боярину прежде всего нужны два коня, и он указывает тех лиц, через кого следует их купить, собрав для этого предварительно деньги. Именно — через кого, а не — у кого, ибо укладник Юрий, ремесленник, выделывающий сталь [157], вряд ли сам торговал лошадьми, он мог лишь помочь (вероятно, не безвозмездно) в их покупке. Да ведь и Онцифор совершенно недвусмысленно обращается к матери: «молися ем (Юрию), чтобы конь купилъ» (т. е. проси его не о том, чтобы он продал своего коня, а о том, чтобы приобрел лошадь для боярина где-то на стороне). Кто такой Степан, мы не знаем; может быть, у него и были свои лошади для продажи. Не совсем понятно также выражение: «...жеребии возмя, или возметъ рубль...» Можно думать, что здесь имеется в виду или покупка коня за деньги, или обмен на него земельного участка. Но обычно кони служили лишь «пополнком» к цене земли, а не валютой своего рода, на которую земля приобреталась. Поэтому, может быть, следует предположить, что «жеребии» по ошибке написано вместо «жеребя», и текст надо понимать так: Амвросий не должен платить за коня больше рубля, в крайнем случае пусть приобретет жеребенка.

Онцифор просит далее мать, взяв полтину у Юрия, купить соли. В. Л. Янин думает, что здесь под Юрием подразумевается уже не укладник, а сын Онцифора. Это возможно, но совсем не обязательно. Ремесленники часто выступали ростовщиками, давали деньги взаймы, и Онци-

[155] НПЛ, стр. 356.

[156] А. В. Арциховский высказывает сомнения относительно возможности приурочения грамоты № 354 к событиям начала 40-х годов XIV в.

[157] В 1489 г. в Литовской земле был ограблен на 71, 5 рубля укладник Борис («Сб. РИО», т. XXXV, стр. 29). В выписи из писцовых книг 1519 г. в Переяславле среди ремесленников Борисоглебского монастыря упомянут укладник Елсуфко Олешин сын (АФЗХ, ч. I, стр. 42, № 23).

фор мог иметь в виду такого рода заем у укладника, с которым, вероятно, у него были довольно тесные деловые отношения.

Не требует особого комментария просьба Онцифора прислать ему пшена (продукт довольно редкий), во-первых, взяв, что можно, у ключника Максима, а во-вторых, обратившись за этой крупой в Юрьев монастырь (на каких условиях — неизвестно). В этой связи интересно упомянуть, что у Онцифора Лукинича были тесные отношения с Юрьевым монастырем, архимандрит которого Есиф принял участие в расследовании дела об убийстве отца Онцифора — Луки Варфоломеевича [158].

В числе тех вещей, которые автор письма № 354 хочет получить, названы «2 козн корякулю пятенъ полъсти, веретища, михи и медвидно». Что значат эти термины? Два из них — «медведно» и «веретища» фигурируют еще в берестяной грамоте № 65 и означают: полсть из медвежьей шкуры и мешок. «Мехи» могут значить и меха и мешки (например, мех овса) [159].

Труднее всего понять выражение «2 козн корякулю пятенъ». В. Л. Янин указывает, что «каракулой» называется караковая, т. е. темно-гнедая, почти вороная лошадь, «козой» именуется мешок из шкуры, снятый с животного целиком (или «дудкой»); не просит ли, говорит В. Л. Янин, Онцифор о присылке таких мешков из каракуловых лошадиных шкур, которые в древности могли выполнять роль современных чемоданов или баулов?

Мне это толкование кажется несколько натянутым. Между тем разбираемому выражению берестяной грамоты № 354 соответствует одна фраза из берестяного же письма № 263 — «3 полосца козия пуха», которая переводится как три полсти или три войлочных ковра из козьей шерсти. Может быть, и в грамоте № 354 имеются в виду войлочные ковры из шерсти пятнистой козы.

В своем письме Онцифор, по-видимому, подразумевает, что на двух приобретенных конях к нему приедут с кладью (вероятно, не одновременно) Амвроспй и Нестер. Если Амвроспй не успеет до установления пути достать деньги и мешки для всех покупок, пусть все, что не будет вовремя куплено, довезет потом Нестер. Вот, что хочет

[158] НПЛ, стр. 356.
[159] АСЭИ, т. I, стр. 189—190, № 260—261.

сказать Онцифор, а совсем не то (как думают А. В. Арциховский и В. Л. Янин), что Нестер должен приехать к нему, Онцифору, за «серебром» и «мехами». Боярин вполне мог его снабдить всем этим перед отъездом, чтобы не гонять взад и вперед, да еще в распутицу.

Второе большое и очень интересное письмо Онцифора Лукинича опубликовано под № 358 (XIV в.) [160]: «Поклонъ осножи матери. Послалъ есмь с посадницимъ Мануиломъ 20 белъ к тобе. А ты, Нестере Прочиця, къ пришли ко мни грамоту с кимъ будешь послалъ. А в Торжокъ при ихавъ, копи корми добрымъ сиюмъ. К житници свои замокъ приложи. А на гумни стои, коли молотять. А копи корми овсомъ при[соби]... а в ми...ав...т...ж ере миръ и овесъ также. А сказываи, кому надобе рожь ли или о[вес]...»

Как установил А. В. Арциховский, почерк грамоты № 358 совпадает с почерком письма № 354, написанного «ко госпожи матери» от имени Онцифора. В обоих письмах упоминается также Нестер (боярский приказчик, ключник). Таким образом, устанавливается, что автор грамот № 354 и 358 был один — боярин Онцифор Лукинич. И найдены оба документа в одном и том же или в близких ярусах середины XIV в. (первый — в восьмом или девятом, второй — в девятом или десятом).

Письмо № 358 было послано Онцифором матери «с посадницимъ (вероятно, с сыном посадничим) Мануиломъ». В. Л. Янин считает, что писать в такой форме о казенном курьере Онцифор мог лишь после того, как отошел от государственной деятельности [161]. А это случилось в 1354 г. [162] Мне думается,напротив, использовать услуги казенного курьера Онцифору легче всего было в бытность свою посадником, т. е. в 1351—1354 гг. [163], или во всяком случае в то время, когда он играл достаточно крупную роль в политической жизни Новгорода. Может быть, грамоту № 358 следует датировать 1348 г., когда Онцифор Лукинич ходил во главе новгородской рати в Ижорскую землю против шведов [164]. Нет ничего невероятного в том, что письмо это было им написано в походе и привезено Мануилом в Новгород.

[160] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 50—52.
[161] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 127—128.
[162] НПЛ, стр. 363.
[163] Там же, стр. 362—363.
[164] Там же, стр. 360.

Онцифор прежде всего сообщает матери о посылке ей небольшой денежной суммы. Затем он просит своего слугу Нестера прислать к нему грамоту (возможно, — с Манулом, а возможно, — с другим лицом), вероятно, с извещением о домашних делах. Далее следует ряд хозяйственных распоряжений. Исходя из контекста, их допустимо отнести и к матери Онцифора, и к Нестеру. Скорее всего имеется в виду последний [165], ибо речь идет о непосредственном наблюдении за сельскохозяйственными работами, что, конечно, пристойно было приказчику.

По приказанию Онцифора, Нестер должен ехать в Торжок. А. В. Арциховский правильно связывает этот боярский приезд с тем, что на дороге в Торжок находилось село Медна, принадлежавшее Онцифору Лукиничу; в начале XV в. оно было продано его сыном Юрием М. Ф. Крюку Фоминскому [166], а затем перешло к Троице-Сергиеву монастырю. Вероятно, как раз в Медне Нестер и должен был реализовать все предписания Онцифора по сельским работам. В 30-х годах XV в. в Медне велось большое земледельческое и скотоводческое хозяйство. В акте передачи земли Троице-Сергиеву монастырю значатся: 22 «лошанов болших и кобыл болших», 20 рабочих («страдных») лошадей, 65 голов рогатого скота (волов, коров, телят), 130 коз и овец. В житнице имелось 700 коробей ржи, 2000 коробей овса, 50 коробей пшеницы, 50 коробей жита, 40 коробей гречи, гороху, конопли. На крестьянах или холопах-страдниках значилось долгу по кабалам 54 новгородских рубля. Стоимость села с деревнями (их было 16) определена в 1500 рублей [167].

В середине XIV в., когда владельцем села Медны был Онцифор Лукинич, хозяйство в нем, конечно, еще не достигло такого размаха. Но там велись барщинные работы, и Нестер должен был за ними смотреть. Он обязан был присутствовать при обмолоте снопов на гумне и отвечать за сохранность хлеба в житнице [168]. Особое внимание обращено на то, чтобы рабочие лошади были обеспечены овсом. Забота о конском фураже вообще характерна для

[165] Слово «Прочиця» — может быть, отчество Нестера, а может быть, имя человека, которого Нестер должен послать к Онцифору.
[166] АСЭИ. т. I. стр. 26, № 2; стр. 590, № 2.
[167] Там же, стр. 64, № 71.
[168] О молотьбе говорят также берестяные грамоты № 242 и 352.

хозяйственных писем новгородских феодалов [169]. Последняя фраза грамоты № 358 — «А сказываи, кому надоби рожь ли или о[вес]» — может быть истолкована двояко. Возможно, что боярин отдает распоряжение Нестеру узнать, нет ли покупателей на рожь или овес [170]: если так, то значит в Медне хлеб производился и на продажу. А возможно, речь идет о другом — о хлебной ссуде обедневшим крестьянам [171].

Два письма новгородского боярина хорошо рисуют его облик. Это человек, принимающий активное участие в политической жизни, и в то же время заботливый, рачительный хозяин, входящий во все мелочи, касающиеся его новгородской усадьбы и новоторжской вотчины. У него достаточно большие связи в Новгороде — в среде ремесленников, в церковных кругах, и он использует эти связи для удовлетворения своих чисто житейских потребностей и интересов: чтобы приобрести пшенки, купить соль, достать хорошего коня. Человек, занимающий высокий политический пост в большом государстве, лицо, вероятно, известное за границей, Онцифор в своем письме выступает как хваткий и бережливый вотчинник, глаз которого проникает во все сферы хозяйства. Не доверяя слугам, он напоминает им и о том, что следует накормить коней, и о том, что житницы должны быть заперты, и о том, что во время молотьбы надлежит наблюдать за крестьянами. Онцифор знает цену деньгам; боярин-скопидом, он руководствуется правилом, что рубль, прежде чем истратить, надо скопить, что за коня не следует переплачивать. И эти афоризмы он излагает в инструкции своим домочадцам и слугам в тот период жизни, когда его захватывали политические страсти и поглощали государственные дела. Большая политика и мелочная забота о домашнем обиходе совмещались в сознании новгородского боярина и государственного деятеля. Таков психический склад феодала той эпохи.

Береста сохранила нам письма и других обитателей новгородских усадеб. Берестяные тексты № 275 [172]

[169] См. берестяные грамоты № 271 и 266.
[170] См. берестяную грамоту № 97.
[171] Ср. № 353.
[172] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 101.

и 266[173] (XIV в.) В. Л. Янин считает[174] (и это, вероятно, так) отрывками одного документа. В нем написано:

№ 275: «Приказъ о Сидора къ Грегории. Что оу подоклити оленини, выдан сторъжю в церкъвь. А что дви коръби Сидърови и бе...[до][175] мень и...[до][176] Остафии, а прове...»

№ 266: «...[ве]решь вели Максмцю брати да сыпль съби в клить. А ир...поими моего цалца, корми ежедень овсъмъ. А тоби погиха...овъ. Поими коне корилескы. А что обилие... [Д]митрови».

Имена Сидора и его приказчика или компаньона Григория упоминаются и в других берестяных грамотах[177]. Письмо № 275/266 Сидор написал Григорию в Новгород, очевидно, находясь за его пределами. Он отдает ряд распоряжений по хозяйству. Во-первых, он велит передать находящееся у него в подклете оленье мясо[178] церковному сторожу. Вероятно, это следовало сделать в вознаграждение последнему за то, что на время отсутствия Сидора и другого его приказчика Остафия[179] в церковь должны были быть перенесены две хозяйские коробьи с ценными вещами, и сторожу поручалось их охранять.

В новгородских летописях есть ряд сведений о товарах, хранившихся в церквах, и о сторожах, которые их караулили. В 1299 г. в Новгороде произошел пожар, «а злеи человеци падоша на грабежи: что в церквах, а то все розграбиша»; в храме Иоанна Предтечи на Торговище «над товаром сторожа убиша»; а в храме Иакова в Неревском конце «сторож сгоре»[180]. В 1340 г. снова был большой пожар, в результате которого грабители, «запершись» в церкви 40 мучеников, «товар весь, чии бы то ни был, то все разграбиша..., и сторожа два убиша»[181].

[173] Там же, стр. 93—94.
[174] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 146.
[175] Реконструкция В. Л. Янина.
[176] То же.
[177] О Сидоре см. грамоты № 260 и 276; о Григории — № 134, 259, 265.
[178] А. В. Арциховский переводит слово «оленини» как принадлежащее Елене (владелице клети). По В. Л. Янину, «оленина» — оленье мясо.
[179] Приказчик Сидора Остафий упоминается также в грамоте на бересте № 260.
[180] НПЛ, стр. 329.
[181] Там же, стр. 352.

После распоряжения о перенесении своих коробей в церковь Сидор дает Григорию несколько указаний, касающихся коневодства. Он должен приказать Максимцу (очевидно, какому-то зависимому человеку, старосте) собрать (по-видимому, с крестьян вотчины Сидора) зерно и ссыпать его в свою, Григорьеву клеть. А затем Григорию поручается ежедневно кормить овсом принадлежавшего Сидору чалого коня. Надо думать, что это не ряд разрозненных, отдельных приказаний по хозяйству. Между ними можно уловить внутреннюю связь.

Прежде всего надо раскрыть значение термина «сыпь». В уставной грамоте митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г. есть такая статья: «А в которое село приедет игумен в братщину, и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым»[182]. Таким образом, глагол «сыпати» указывает на повинность населения доставлять фураж господским коням. В 1454 г. можайский князь Иван Андреевич, передавая в Троице-Сергиев монастырь монастырек св. Юрия и ряд земель в Пошехонье и отказываясь в пользу монастырских властей от всех повинностей с крестьянского населения этих земель, упоминает среди повинностей и сельскую барщину: «ни сел моих делати,... ни в житницу им жита не сынать»[183]. В Русской Правде термину «сыпати» соответствует глагол «сути»: вирник имеет право «коне 4 поставити и соути им на рот, колько могоуть зобати»[184]. В дальнейшем обязанность сельского населения кормить овсом барских коней превратилась в постоянную повинность — «зобь», исчислявшуюся с сохи[185].

Итак, Максимцу поручалось собрать с крестьян «зобь» овсом, а Григорию — «ссыпать» ее в клеть и затем следить, чтобы чалый конь хозяина каждодневно получал фураж. В случае поездок Григорию не разрешается пользоваться этим конем, он должен брать корельских (очевидно, купленных в Карелии) коней. В хозяйствах феодалов были лошади различной ценности, разного качества и назначения: боевые, седельные, ездовые, обозные, деловые и т. д. Не все лошади получали зерновой фураж круглый год;

[182] АСЭИ, т. III, стр. 17, № 5.
[183] Там же, т. I, стр. 178, № 250.
[184] Русская Правда Краткой редакции, ст. 42.
[185] *Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси..., стр. 338.

так, деловым коням и кобылам овес выдавался лишь в рабочую пору [186].

От Григория, к которому направлено послание Сидора, в свою очередь дошло до нас несколько писем. Одно из них опубликовано под № 134 (XIV в.) [187]. В нем очень ясными буквами написано: «Приказо от Григорие ко Домоне и ко Репеху. Паряжя истебку и клете. А Недапа пошли во Лугу ко Илину дни».

Текст довольно понятный и сомнений не вызывает. А. В. Арциховский переводит его так: «Приказ от Григория к Домне и к Репеху. Приготовь избу и клеть. А Недапа пошли в Лугу к Ильину дню».

«Истебка» — изба — теплое помещение; «клеть» — холодное. Обычно в документах «изба» и «клеть» указываются всегда рядом [188]. Строения, здания в широком значении слова назывались «хоромами» [189]. «Ставити» (избу, хоромы) — значит строить; «наряжати» — означает убирать, приводить в жилой, праздничный вид [190].

В берестяной грамоте № 134 речь, по-видимому, идет о подготовке к празднику Ильи Пророка. Григорий велит убрать помещение в его новгородском дворе и отправить одного из слуг в Лугу (где, очевидно, находился сам).

Тем же почерком, что текст № 134, написана грамота № 259 (XIV в.) [191]. Автор в обоих случаях также один — Григорий. Объединяет оба письма и имя адресата — Домна (в № 134 наряду с ней упомянут еще Репех).

[186] Там же, стр. 251, 252, 259.

[187] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 73—74.

[188] Например: «...дал есмь двор поставити, и з б у да к л е т ь...»; «...поставил... на селищех... и з б у да к л е т ь...»; «...поставили... на поле на ржи и на яри... и з б у да к л е т ь»; «а печищо... одно есть: стояла тут и з б а да к л е т ь...» (АСЭИ, т. I, стр. 29, № 6; стр. 449, № 571; стр. 461, № 582; т. III, стр. 221, № 209).

[189] Например, в раздельной грамоте XV в. Семена Иванова с Григорием Онцифоровым и другими говорится: «...вынести Семену из свойсково двора хоромы свои все, опроче двою изб...» (ГВНП, стр. 269, № 262). Таким образом, в понятие «хоромы» включалась и изба.

[190] Различие этих терминов ясно выступает из уставной грамоты митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю 1391 г. Монастырские крестьяне были обязаны «церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити» (АСЭИ, т. III, стр. 17, № 5).

[191] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 85.

Еще раз имена Домны и Репеха встречаются в тексте № 265 (XIV в.) [192], почерк которого также совпадает с почерками грамот № 134 и 259. В. Л. Янин с известным основанием предполагает, что № 259 и 265 представляют собой отрывки (начало и конец) одного документа (середина которого пропала) [193].

В № 259 говорится: «Приказо от Григорие ко Домене. Послало есьмо к тобе ведероко осетрине. Заи...»

В № 265 читаем: «...а само тамо не леж... воспяте во Лугу иди. А ты, Репехо, слушате Домни и ты, Фовро».

Письмо № 259/265 продолжает тему, начатую посланием Григория к Домне № 134. Тогда Григорий распорядился относительно уборки к празднику его дома и потребовал присылки к нему в Лугу Недана. Из грамоты № 259/265 становится ясным, зачем последний понадобился Григорию: он решил послать с этим человеком домой к празднику ведерко осетрины. Не совсем понятно, к кому относится предписание идти «воспяте во Лугу». Письмо адресовано Домне, но если ей велено отправиться в Лугу, то зачем же было заставлять ее делать уборку в Новгороде? Вероятно, прав В. Л. Янин, считающий, что Григорий вызывает обратно в Лугу все того же Недана. Наверное, он выполнял обязанности связного между Лугой, где временно находился Григорий, и Новгородом, где он жил постоянно.

Заканчивается грамота № 259/265 наставлением Репеху и Февронии слушаться Домну. Кто же все эти лица? По А. В. Арциховскому и В. Л. Янину,— барские слуги. Это, конечно, возможно. Но скорее следует предположить, что Домна, судя по тону обращения к ней Григория, его родственница, может быть, жена, а не служанка. Он проявляет о ней заботу, посылая ей рыбу, требует повиновения ей в его доме и т. д. Что же касается Репеха, Недана, Февронии, то это действительно простая дворня; все они обязаны слушаться Домну, которая для них является госпожей.

Не совсем ясно и кто такой сам Григорий? В. Л. Янин думает, что это приказчик «важного барина» Сидора, который в письме № 275 отдает Григорию «приказ». Дом-

[192] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 91—93.

[193] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 144—145.

ну, Репеха, Февронию, Недапа В. Л. Янин считает слугами Сидора, а не Григория, который, как полагает исследователь, отдавал распоряжения от имени своего господина, заботясь о помещении, столе для него и т. д. Думаю, что такой вывод требует некоторых оговорок.

Григорий мог быть приказчиком Сидора, но он занимал достаточно самостоятельное положение в его хозяйстве, у него были свой дом, своя семья, свои слуги, и переписка, отраженная в грамотах № 134, 259, 265,— это переписка по его, Григория, личным делам, а не по делам Сидора. Вернее всего, что Григорий — соучастник торговых предприятий Сидора.

Два текста на бересте (№ 363 и 364, XIV—XV вв.) [194], написанные одним почерком, связаны с именем некоего Семена как автора. Первый адресован его невестке: «Поклонъ от Смена к невестъке мое. Аже буденъ не помнала, ино у тебе солоду было, а солодъ ржаныи в потклете, и ты возми [195] колыбью, а муке колко надобь, и ты испеки в меру. А мясо на сенынике. А цто рубль дать Игнату, и ты даи».

Второе письмо Семен направляет известному нам Сидору: «Поклонъп от Смена от Миха к Спдору. Какъ имешь продавать, и ты дан намъ ржи на полтину, какъ людомъ поцнешь давать. А граммота к тобе с моимъ детиною».

Грамота № 364 ввернута в грамоту № 363. Вероятно, как думает А. В. Арциховский, Семен, находившийся вне Новгорода, послал их вместе в город со своим слугою («детиною»), а тот почему-то не доставил письма по назначению.

Первое письмо В. Л. Янин понимает следующим образом [196]: «Семен озабочен подготовкой к какому-то семейному празднику. Он распорядился, чтобы невестка испекла мясной пирог, и куда-то уехал. А потом сообразил, что невестка у него бестолковая, ничего не найдет, и останется он, Семен, без пирога. И сообразивши все это, он сел и написал: „...Если ты не вспомнишь сама, то имей в виду, что солод у тебя ржаной есть, лежит в подклети...“» и т. д.

Конечно, весьма не легко по переписке людей того

[194] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 58—61.
[195] А. В. Арциховский после слова «возми» ставит точку.
[196] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 154.

времени судить об их личных качествах и особенно об оценке одними из них качеств других. Поэтому трудно сказать, насколько правильно такое толкование письма. Мне кажется, оно поддается иной интерпретации, чем та, какую дает ему В. Л. Янин. Фразу «аже будешь не поминала, ино у тебе солоду было» вряд ли следует переводить: «Если ты не вспомнишь сама, то имей в виду, что солод у тебя ржаной есть...» Смысл здесь, наверное, иной: «Раз ты мне не напоминала, значит (я мог думать, что) солод у тебя был...» И далее автор письма все же указывает, где находится у него ржаной солод. Это можно понять только так, что в распоряжении невестки имелся солод не из ржи, а какой-то другой — ячменный, овсяный.

Затем Семен рассказывает, где лежит мясо. Все это, очевидно, ответ на какой-то письменный запрос невестки; вряд ли можно думать (как это делает В. Л. Янин), что свекор перед отъездом из Новгорода ей все рассказал, а затем вспомнил о доме, хозяйстве и решил сказанное повторить еще раз письменно. Вероятно, свекор и в Новгороде жил отдельно от семьи сына, поэтому невестка и не знала, где у него дома что спрятано, а он овдовел и вынужден был обращаться к ее услугам. Она готовится к его возвращению (а вовсе не обязательно хочет отпраздновать какой-то семейный праздник), он же ей указывает, что следует сготовить и где взять у него в подклети и в сеннике для этого продукты.

Пришел еще к невестке Семена в его отсутствие какой-то Игнат, которому он задолжал, и свекор указывает (наверное, в ответ на невесткин вопрос), что следует отдать этому человеку рубль долга.

С грамотой № 363, как уже было указано, тесно связано письмо № 364. Из переписки с невесткой Семену было ясно, что ржаной солод в его хозяйстве на исходе. Очевидно, он был не землевладельцем, а горожанином-ремесленником или купцом и не мог ждать оброка от крестьян. Семен поэтому и обратился к Сидору, торговавшему зерном (выращенным в своей вотчине, а может быть, и перекупленным), с просьбой продать ему на полтину ржи.

Вот перед нами еще три владельца усадеб в Новгороде: Сидор, Григорий, Семен. По политическому весу ни одному из них не сравняться с посадником Онцифором Лукиничем, хотя Сидор был также человеком влиятель-

ным и занимал какое-то видное место в судебной сфере, дающее ему силу и авторитет в обществе. Есть предположение, что Сидор являлся уличанским старостой. По-видимому, у него были какие-то связи с новгородским владыкой. Экономически Сидор, вероятно, мог бы потягаться с Онцифором. Ранее уже приводился материал, характеризующий его торговые дела по скупке рыбы, мехов, произведений местной кожевенной и ткацкой промышленности, а также ростовщические операции. Из переписки с Сидором Семена видно, что Сидор торговал и хлебом. Из письма к Григорию явствует, что у Сидора были имения, где производилось зерно, он занимался коневодством и в бытность в Карелии приобрел там лошадей. На время отъезда из Новгорода Сидор передает наиболее ценное имущество (может быть, товары) в церковь. Свои дела Сидор вершит при посредстве ряда агентов, также хозяйственно достаточно крепких. Один из них, Онания, даже выделяет из своих доходов какую-то долю на построение церкви.

Григорий — вероятно, один из наиболее близких агентов и приказчиков Сидора. У него в Новгороде свой двор с избой и клетью, и, уезжая из города, он заботится о поддержании в доме порядка, о том, чтобы слуги не выходили из повиновения. Соучастник предприятий крупного рыботорговца Сидора, Григорий получает и для себя какую-то прибыль и при случае посылает домашним ведерко осетрины.

Третий новгородский домовладелец, Семен, по-видимому, также человек обеспеченный. В доме у него имеются запасы солода, мяса, но хлеб ему как городскому жителю приходится прикупать.

О юридической стороне городского дворовладения содержит материал плохо сохранившийся отрывок берестяной грамоты № 55 (XIII в.) [197]. Его можно прочитать так: «...господине, возми дворнюю у[198] Фомине жене в Акосово... господине, торгъвати беле во и... ко мне дворнюю грамотъ ели у те...». Ввиду отрывочности текста А. В. Арциховский отказался истолковать его смысл,

[197] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 58—59.

[198] Так читает Б. Б. Кафенгауз (Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 168). По А. В. Арциховскому, должно быть: «х».

хотя подчеркнул, что «слова все могут быть истолкованы»: «дворпюю» — дворню; «Акосово» — название села; «ели» — если.

Б. Б. Кафенгауз считает, что слово «дворнюю» означает не дворню, а «дворовую грамоту», т. е. документ, подтверждающий право собственности на двор. В целом Б. Б. Кафенгауз так переводит документ: «...господин, возми дворную (грамоту) у Фоминой жены в Акосове... и далее ко мне дворпую грамоту, если (она) у тебя»[199]. Нельзя сказать, чтобы этот перевод был достаточно ясен.

Прежде всего, по-моему, из двух вариантов значения слова «дворпюю», предлагаемых А. В. Арциховским и Б. Б. Кафенгаузом, надо предпочесть второй: грамота, утверждающая собственность на двор. Речь идет, по-видимому, о городском дворе, а не о сельском, ибо собственность на сельские дворы удостоверялась вместе с собственностью на землю, а не отдельно. Сохранилась купчая на двор в Новгороде середины XV в.[200] Двор продается с огородом и хоромами, указываются его границы. Вероятно, подобный документ имеется в виду и в берестяной грамоте № 55. Если буквой «Н» начиналось слово «Новгород», то двор, о котором говорится в грамоте, находился в Новгороде. Обращение «господине», очевидно, исходит от лица дворника, т. е. приказчика, жившего в городском дворе, и адресовано дворовладельцу.

Зачем понадобилась автору записи «дворная грамота»? На этот вопрос можно дать два предположительных ответа. Дворовладелец, к которому обращается дворник, приобрел в Новгороде двор у жены (может быть, вдовы) некоего Фомы, проживающей в Акосове. Он послал своего дворника в Новгород, но тому для оформления прав на двор потребовался документ на него от старого владельца. Новгородские купчие на недвижимость иногда обозначались термином «торговля». Так, в купчей середины XV в. находим выражение: «а на торговли были люди»[201], т. е. при оформлении купчей присутствовали послухи. И в берестяной записи № 55 читаем слова «торгъвати беле», что может означать: продать (двор) за «бели» (т. е. денежные единицы, ходившие в Новгородской земле). Может

[199] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 168.
[200] ГВНП, стр. 175—176, № 117.
[201] Там же, стр. 209, № 165.

быть, запись № 55 имеет в виду другое: «дворная грамота» потребовалась дворнику для оформления прав на производство в городе торговых операций. Слово «беле» могло в таком случае указывать на обеление, освобождение от посадского тягла.

§ 4. Купеческие объединения

Заканчивая рассмотрение материала, который дают берестяные тексты для изучения истории торговли и положения купечества, необходимо поставить еще один вопрос: нет ли в грамотах на бересте каких-либо сведений о купеческих объединениях? Прямых нет; косвенные как будто имеются.

Письмо № 413 (XIV в.) [202] гласит: «Челобитье от Смона к попу Ивану. Чобы еси моего москотья моего пересмотреле, дабы хорь не попортиль (а я тоби, своему осподину, челомь бию) в коробки [203]. А послаль есмь клуць Стопаном. А помитка: горносталь».

Семен — очевидно, купец (по А. В. Арциховскому, мелкий феодал). В церкви, где служил поп Иван, находились его товары. М. Н. Тихомиров доказывает существование в Новгороде купеческих объединений, которые строили свои церкви. Каждая такая церковь была не только местом богомолья, но и складочным местом, своего рода гостиным двором. «Поэтому,— пишет М. Н. Тихомиров,— должность „сторожа", скромная по современным понятиям, имела столь крупное значение в Иванском сте, что упоминается в его уставе» [204].

Семен просил попа Ивана «пересмотреть» его «москотье», хранящееся в особой «коробке» («коробье») [205], чтобы проверить, не попортилось ли оно. Под «москоть-

[202] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 204—205).

[203] А. В. Арциховский и В. Л. Янин выделяют в отдельную фразу слова: «А я тоби, своему осподину, челомь бию в коробки».

[204] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города., изд. 2-е. М., 1956, стр. 120—121.

[205] В духовной великой княгини Софьи Витовтовны 1451 г. упоминаются «святости... в большем в дубовом и в меньшем ларчику, и в ящику в большем, и в коробьи...» (ДДГ, стр. 177, № 57). А. В. Арциховский думает, что Семен просит дать ему коробку для упаковки «москотья».

ем» — «москотильем» В. Л. Янин понимает какие-то пушные товары, А. В. Арциховский — ткани. Между тем обычно «москотильем» называлась галантерея [206].

Не совсем ясно выражение: «... дадбы хорь не попортиль». А. В. Арциховский и В. Л. Янин думают, что «хорь» — это моль, которая приносит вред пушнине. Однако не исключена возможность и другого толкования: наряду с «москотильем», в «коробке» могли быть и хорьковые шкурки, которые следовало проветрить, чтобы они не залежались в спертом воздухе, и озабоченный этим купец посылает попу ключ от «коробки».

Нельзя с уверенностью сказать, что значит фраза «А помитка: горносталь». В. Л. Янин думает, что за заботу о содержимом коробки Семен обещает попу Ивану в подарок горностаевый мех. Это возможно, если считать термин «помитка» равнозначным слову «поминок». А может быть, речь идет о помете, т. е. о знамени, опознавательном знаке на коробке с изображением горностая?

К берестяной грамоте № 413 близок по содержанию текст письма № 414 (XIV в.) [207]: «Покло от Филикса ко Смену и ко Юргю. На бозе полжено и на васо. Аже бу цто прибытка во веся будете, то вложи во церкове. А цто буде надобе жене моеи, и ты, брате Смепе, даи жене моеи. А язо тобе много кланяюся».

Автора письма Филикса (Феликса) на основе найденной в Новгороде печати с этим именем В. Л. Янин считал наместником новгородского архиепископа [208]. Обращаясь к Семену и Юрию, Феликс предлагает им передать в церковь «прибыток в весе». Речь идет о церкви. Спаса Преображения на Ильине улице, ибо грамота № 414 найдена на территории Ильинского раскопа. Вероятно, при этой церкви было купеческое объединение, которое пользовалось правом взвешивать какие-то товары и собирать пошлины с торгующих ими купцов. Известно, что монополия на тор-

[206] В договорной грамоте Новгорода с ливонским магистром фон Борхом 1481 г. говорится: «А приедет новгородец на Ругодив с воском или белкою или с москотиньем...» (АЗР, т. I, стр. 96, № 75). *С. В. Бахрушин.* Научные труды, вып. I, стр. 116.

[207] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 205—206); *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту...., стр. 179.

[208] Сейчас Янин от этой точки зрения отказался.

говые пошлины, взимавшиеся при взвешивании воска («вес вощаной» или «пуд вощаной»), принадлежала объединению купцов при церкви Иоанна Предтечи на Опоках. «Весити» товар должны были ивановские старосты из числа «пошлых купцов». Треть пошлин шла в пользу церкви Иоанна Предтечи, две другие трети поступали владыке и в государственную казну [209].

О торговых правах церкви Спаса Преображения на Ильине улице нам ничего не известно. Но сопоставляя грамоту № 414 с уставом князя Всеволода церкви Иоанна Предтечи на Опоках, мы можем понять, почему наместник архиепископа требует отчисления в церковь «прибытка в весе» (очевидно, владыка и здесь пользовался правом на какую-то долю торговых пошлин). Мы можем догадываться, и кто такие Семен и Юрий, с которыми переписывается Феликс. Очевидно, это «пошлые купцы», под наблюдением которых производилось взвешивание. В грамоте № 413 мы уже встретили одного Семена, товары которого стояли в церкви (вероятно, Ильинской). Не тот ли самый Семен назван и в письме № 414?

В последней части письма Феликс просит Семена продать его жене те товары (очевидно, заморские), которые ей потребуются. Если это тот же Семен, который фигурирует и в грамоте № 413, то у него были и галантерейные товары, и меха.

В связи с текстами на бересте № 413 и 414 следует разобрать и берестяную грамоту № 177 (XIV в.) [210]: «Поконо [211] от Маскима [212] ко попу. Дан ключи Фомп. А ты пошли [213] Григорию Онефимова [214], чтоб... добили... а т[ы]... е Фома».

А. В. Арциховский полагает, что речь идет о ключах от церкви. Но если сопоставить это письмо с грамотой

[209] ПРП, вып. II, стр. 175—177.

[210] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 61—62.

[211] Очевидно, описка; должно быть: «поклоно».

[212] Очевидно, описка; должно быть: «Максима». В. Л. Янин думает, что имеется в виду Максим Онцифорович, сын посадника («Я послал тебе бересту...», стр. 138).

[213] А. В. Арциховский полагает, что в слове пропущена буква «л». Должно быть: «пошли».

[214] А. В. Арциховский считает, что по контексту слово «Григорий» должно стоять не в дательном, а в винительном падеже: «Григория».

№ 413, то можно прийти к другому выводу. Возможно, Максим хранил в церкви какое-то имущество или товары в ларце или коробье. В письме к попу этой церкви он и просит последнего передать доверенному лицу (Фоме) ключи от своего ларца или коробьи, чтобы тот достал оттуда какой-то товар [215] и отправил с Григорием Опфимовым (другим доверенным лицом) куда надо.

В заключение рассмотрим отрывок грамоты № 343 (XIV в.) [216]. Сохранились по преимуществу имена: «... Борисе... спаса Петре Сомолянине Прокоша... ма Домитре Милославове...»

Судить по одним именам о содержании (не говоря уже о тексте) документа невозможно. А. В. Арциховский высказывает предположение, что слово «Спаса» могло обозначать церковь во имя праздника Преображения. Если так, то, возможно, лица, упомянутые в грамоте,— представители купечества, связанные со своим патрональным храмом.

Конечно, материала берестяных грамот слишком недостаточно, чтобы делать какие-нибудь выводы о новгородских купеческих корпорациях, хотя какой-то свет на них он и бросает.

[215] Слово «а ты пошли» относятся, вероятно, к Фоме.
[216] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 30—32.

Очерк восьмой

СУД И СУДОПРОИЗВОДСТВО. ЗАЛОГОВОЕ И НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

§ 1. Судоустройство

В Новгороде действовало несколько судов: княжеский, посадничий, тысяцкого, владычний. Некоторыми судебными правами обладали корпорации уличан. Население боярских и монастырских владений подлежало вотчинному суду, регулируемому иммунитетными грамотами. Такая сложность и пестрота судоустройства соответствовала многогранной и пестрой структуре средневекового общества с его сословным делением, особыми привилегиями отдельных групп и корпораций и неполноправием значительной части населения. Многообразие судебных органов в Новгороде отвечало также сложным политическим отношениям между княжеской властью и боярским правительством, между Новгородским государством и церковью, между боярами и городским ремесленным населением. Острая политическая борьба, шедшая в Новгородской земле, находила отражение в деятельности различных судов, в разбираемых ими конфликтах, в выносимых приговорах. Суды князя, посадника, тысяцкого не были органами, совсем изолированными друг от друга, их компетенция не была строго разграничена. В жизни они соприкасались и сталкивались, и эти столкновения также служили проявлением общественных противоречий.

Основы новгородского судоустройства и судопроизводства зафиксированы в договорах Новгорода с князьями, в Новгородской и Псковской судных грамотах и в других памятниках права. Документы на бересте показывают, как эти правовые нормы применялись в реальной действитель-

пости. В этом отношении берестяные письма XIV—XV вв. выполняют ту же функцию применительно к Новгородской и Псковской Правдам, что письма XI—XIII вв.— применительно к Русской Правде. Они показывают данные памятники в действии.

Пестрая картина судоустройства, возможно, выступает из-за лаконичной фразы берестяной грамоты № 14 (XIV—XV вв.) [1]: «Слово добро от Фоме к Есифу. Цто позвалъ тебе Сава, зде суду неть». А. В. Арциховский отмечает, что «слово добро» — это форма привета; Фома сообщает Есифу, что дело, по которому его вызвал Савва, «оказалось неподсудным какому-то суду».

Я думаю, что выражение «слово добро» в данном случае имеет более определенный смысл. Термин «слово» сам по себе употребляется в разных значениях, в том числе в значении: письмо, письменное обращение, содержащее какие-то элементы жалованной грамоты. В таком смысле этот термин встречается, например, в переводах ханских ярлыков, подтверждающих привилегии русских митрополитов: «...Тюляково слово... татарьским улусным и ратным князем...»; «Тандулино слово к танде...»; «Менгу-Темерьво слово людьским баскаком и князем...»; «...Бердебеково слово татарьским улусным и ратным князем...» и т. д. [2–3]

В прилагательном «добро» заключается не просто этический, а правовой оттенок; оно означает, что Фома в том деле, в котором замешан Есиф. становится на его сторону, защищает его права. В договорных княжеских грамотах часто повторяется формула «хотеть добра» князю в смысле соблюдать его интересы, быть на его стороне: «А добра ти мне хотети во всемь»; «а добра ти мне хотети и моим детем во всем»; «а добра ти нам хотети во всем, везде, без хитрости»; «а добра вы мне хотети во всем, в Орде и на Руси, от чистосердья» [4]. И прилагательное и существительное «добро» равнозначны по смыслу.

Таким образом, «слово добро» — это не просто приветствие, это своего рода охранное письмо, берущее Есифа, которому угрожали судом, под защиту.

[1] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 14—15.
[2–3] ПРП, вып. III, стр. 465—470.
[4] ДДГ, стр. 20, № 5; стр. 26, № 9; стр. 29, № 10; стр. 30, № 11.

В чем же и кем нарушены интересы Есифа? Его «позвал» в суд Савва. В договорной грамоте Новгорода с Казимиром IV, королем польским и великим князем литовским, 1470—1471 гг. имеется статья: «А дворяном з Городища и изветником позывати по старине»[5], т. е. представители княжеского военно-административного аппарата и судейские служители могут вызывать в суд на Городище людей, которым предъявлено обвинение. Может быть, Савва и был таким княжеским «дворянином» или «изветником». В том, что он вообще вызывал людей, чтобы их судить, не было ничего нелегального. Он выполнял распоряжение княжеских судей, а за князем подобное право «позыва» было закреплено законом. Нарушение закона в случае с Есифом было, очевидно, в другом, и это отметил Фома, заявив, что «зде суду нет».

Последнее выражение можно понимать двояко. Во-первых, Есифа могли пригласить не туда, где должен был происходить официально суд, т. е. не в Новгород, на Городище. А второе, что можно допустить,— его вызвали не в тот суд, которому он был подсуден. Значит, выражение «зде суду нет» могло означать или то, что суд над Есифом не должен совершиться на такой-то территории, в таком-то месте, или же, что разбирать дело Есифа следует не в данном суде, а в другом. В первом случае термин «зде» указывает на территорию, входившую в сферу действия княжеского суда, во втором — на его компетенцию, круг лиц, ему подсудных.

Территориальная сфера действия княжеских судей ограничивалась, во-первых, Новгородской землей. Князья, заключавшие договоры с Великим Новгородом, не могли вызывать местных жителей для разбора предъявляемых им обвинений за пределы Новгородского государства, в другие княжества. В договорных грамотах князей с Новгородом повторяются следующие условия: «А на Низу, княже, новгородца не судити...», «а за рубежь из Новгородьскои волости твоим дворяном суду не водити, ни судити...»; «а чересе ти рубежъ в Новгородьскую волость дворян и приставов не въсылати»[6].

Но и в пределах Новгородской земли круг деятельности княжеских судей был сравнительно узким. Согласно нов-

[5] ГВНП, стр. 132, № 77; ПРП, вып. II, стр. 250, ст. 18.
[6] ГВНП, стр. 13, № 3; стр. 16, № 6; стр. 26, № 13.

городской «пошлине» они могли судить в «волости» (т. е. на новгородской территории, но вне Новгорода) лишь в определенное время года («лете с Петрова дни») и только в тех местах, где это было специально обусловлено («куда пошло») [7]. Судьи не должны были «самосуда... замышляти на людех по Новгородьскои волости», не имели права «...купца... в силу... судити в волости...» и т. д. [8]

Весьма вероятно, что в отношении Есифа (может быть, он был купцом) допустили как раз «самосуд», привлекши его к ответственности в «волости» — там, где это не дозволялось новгородской «пошлиной». За него и вступился Фома. Но кто такой этот последний? Он мог быть каким-то представителем новгородской посадничьей администрации или кем-то из окружения тысяцкого, кто был обязан следить за соблюдением договорных условий о княжеском суде.

Основание для другого возможного объяснения случая с Есифом дает наличие в Новгороде, наряду с судом князя и посадника, также судов тысяцкого, владыки (архиепископа, наконец, властей тех монастырей, вотчины которых пользовались иммунитетом [9]. Князь и его слуги не должны были «вступаться» в эти суды. А может быть, Савва как раз «вступился» в пределы чужой компетенции и тем нарушил права тысяцкого (если Есиф был купцом) или вотчинный иммунитет (если Есиф принадлежал к числу людей, зависимых от землевладельцев-иммунистов, скажем, был приказчиком, посельским и т. д.). Среди статей грамот, фиксирующих судебный иммунитет, есть такая: «А хто почнет с ними супоровати, ино его з н а т и нашею п о з о в н и ц е ю, а суд ему предо мною» [10] (иммунистом-феодалом). Это как бы прямой комментарий к инциденту с Саввой — Есифом. Савва превысил свои полномочия, послав «п о з ы в н и ц у» («п о з о в н и ц у») за Есифом, который этой «п о з ы в н и ц е» («п о з о в н и ц е») не обязан подчиняться, ибо он не подлежит ответу перед тем судом, куда его хотели заставить явиться. Если принять последнее объяснение смысла грамоты № 14, то в Фоме можно видеть не обязательно представителя посадника или тысяцкого, а лицо, защищающее интересы вотчинника, об-

[7] ГВНП, стр. 17, № 7.
[8] Там же, стр. 18, № 8.
[9] Там же, стр. 130, № 77.
[10] Там же, стр. 306, № 316.

ладающего иммунитетом. Но при всех случаях «слово добро» Фомы к Есифу — это охранная грамота, освобождающаяся от явки в суд.

С № 14 тесно связана грамота № 122 (XIV—XV вв.) [11], в которой сказано: «Слово добро от Есифа брату Фоме. Не забудь Льва о позъве до рьжи. А позъвале Родиване Падиногине. А иное все добро, здорово. А тъ то помъни».

Почерк письма близок к почерку грамоты № 14. Одинаково и начало обоих писем: «Слово добро...». Только в грамото № 14 автором является Фома, адресатом — Есиф, в письме № 122 — наоборот. Во втором случае Есиф, обращаясь к Фоме, называет его «братом». Это можно, конечно, понимать не буквально, а видеть здесь своеобразную формулу этикета. Но нет оснований и отбрасывать предположение А. В. Арциховского, что Есиф и Фома были братьями (может быть, отсюда — и известное сходство их почерков).

Письма № 14 и № 122 роднит также общность тематики. И там и здесь речь идет о вызове в суд. Из этого становится очевидным, что Фома по своему официальному положению имел отношение к судебным делам. Грамотой № 14 он взял под защиту Есифа, когда в отношении последнего было допущено нарушение процессуальных норм. Теперь Есиф обращается к Фоме по какому-то другому делу и со своей стороны напоминает («а тъ то помъни») о необходимости соблюдения требований судопроизводства, обеспечивающих его интересы. Формулы обращения Есифа к Фоме — начальная («Слово добро...») и конечная («а иное все добро, здорово...») — носят в известной мере официальный характер, частично воспроизводя формуляр письма Фомы к Есифу № 14. Только в последнем случае этот формуляр должен был восприниматься как жалованная защитная грамота, в первом — как просьба-челобитье о защите.

«Позъв до рьжи» — вызов в суд по делу о ржи, высеянной на спорной земле или там снятой. Судные списки по делам подобного рода сохранились в достаточном количестве. Так, в конце XV в. писец Илья Григорьевич Наумов судил старцев Симонова монастыря и черных крестьян Усошской волости Можайского уезда. Тяжба возникла

[11] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 54—56.

потому, что московский великий князь Иван III передал в монастырь из числа усошских земель деревню Степановскую, а черные крестьяне не хотели это признавать. Они «поиахали» «сильно за изветом» «да и рожью посеяли» земельный участок, прилегавший к деревне. Судья «присудил» спорную землю «с хлебом и с сеном» к Симонову монастырю [12].

Примерно в то же время черные крестьяне Михайловского стана Переяславского уезда поставили на земле попа Покровского монастыря Григория «на поле на ржи и на ярп... избу да клеть силно», покосили и потравили принадлежавшие попу пожни [13].

Есиф в своем письме, вероятно, имел в виду какую-то земельную тяжбу вроде сейчас описанных, только, по-видимому, тяжбу между вотчинниками, а не между крестьянами и землевладельцами. В Новгородской судной грамоте есть статья, разрешающая боярину, житьему человеку или купцу, вызванным к ответу в суд, послать вместо себя своего представителя («ответшика») [14]. Привлекая эту статью для толкования грамоты № 122, можно высказать предположение, что Есиф был вызван в суд по спорному делу о пахотной земле Родиваном Падиногиным. В качестве своего представителя он решил отправить какого-то Льва и в письме к Фоме, причастному к судопроизводству, напоминает об этом.

Деятельность княжеского суда в Новгороде и возникавшие у него конфликты с новгородскими судебными органами, по-видимому, рисует берестяная грамота № 4 (XIV в.) [15]. Она дошла в очень дефектном виде. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров попробовали восстановить некоторые утраченные части документа и предложили такой текст: «От Миките ко Цертоу. Цто есмь руцилъ оу Петра на Городище, н[о] [16] Юрги былъ выдалъ со двора, н[ам] [17] не оуведался, а мене [18] выдалъ, [а ре]клъ еси желез-

[12] АСЭИ, т. II, стр. 408—410, № 401.
[13] Там же, т. I, стр. 460—463, № 582.
[14] ПРП, вып. II, стр. 214, ст. 18.
[15] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*. НГБ (1951), стр. 29—31.
[16] Вряд ли правильна реконструкция Д. С. Лихачева: «н[а]» (Рецензия.— СА, т. XIX, 1954, стр. 321).
[17] Д. С. Лихачев предлагает, по-моему, более верное чтение: «н[икому]».
[18] По-моему, правильнее: «ми не», а не «мене».

ного п[ол]..... рубль взявъ. А ты и.....ндръ, исправи госп... Возми сапозе».

Ввиду большого количества разрывов в тексте нельзя дать его точный и связный перевод. Можно лишь попытаться уловить, о чем идет речь. Говорится о каком-то расследовании на Городище. Там обычно происходил княжеский суд. Новгородское правительство весьма ревниво следило за тем, чтобы князь осуществлял свои судебные права в установленных законом Новгородского государства формах. Эти формы и нормы нашли отражение в договоре Великого Новгорода с польским королем и великим литовским князем Казимиром IV 1470—1471 гг. Там между прочим говорится: «а тиуну твоему судити в одрине с новогородцкими приставы» [19]. Аналогичная статья имеется и в Новгородской судной грамоте: «А в тиуне одрине быти по приставу с сторону людем добрым, да судити им в правду, крест поцеловав на сен на крестной грамоте» [20]. Очевидно, свои приставы были у княжеского тиуна, свои — у новгородского правительства, и те и другие должны были действовать совместно, гарантируя этим соблюдение закона и обеспечение интересов как князя, так и новгородских властей.

Думается, что берестяная грамота № 4 отражает тот случай, когда действия княжеского и новгородского приставов разошлись. Об этом, по-видимому, сообщает Микита (может быть, новгородский пристав) Черту (предположительно — княжескому тиуну). Микита жалуется, что Петр (возможно, княжеский пристав) задержал на Городище обвиняемого в чем-то человека, которого он (Микита) взял на поруки. Но Юрий (вероятно, другой княжеский пристав) допустил самоуправство, выдал самовольно (никого не спросясь) обвиняемого не приставу-поручителю, а кому-то другому, вероятно истцу.

Далее жалобщик поднимает вопрос о «железном» — пошлине, взимаемой приставом при наложении на ответчика оков в том случае, если у него не было поручителя. В случае наличия поруки налагать оковы запрещалось. Об этом говорится в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.: «Аще русьскыи гость [или] в Ризе, или на Готьскомь брезе извинится, никако же его въсадити в дыбу.

[19] ГВНП, стр. 130, № 77.
[20] ПРП, вып. II, стр. 215, ст. 25.

Оже будеть порука по нь, то дати на поруку; не будет ли порукы [по нь], то лзе и в железа въсадити. Или Немечьскыи гость извинится Смоленьске, не лзе его въверечи в погреб; оже не будеть по нь порукы, лзе его в железа въсадити» [21]. Аналогичную норму содержит Двинская уставная грамота 1397 г.: «А железного четыре белки, толко человека скуют, а не будет по нем поруки...» [22]

Очевидно, в берестяной грамоте № 4 описывается какой-то казус со взиманием «железного», но какой — неясно. То ли с обвиняемого или с его поручителя взяли (или требовали) «железное», которое при поручительстве не бралось (а значит, было допущено незаконное заковывание в железа), то ли княжеский пристав взыскал «железное» в повышенном размере, то ли имело место еще какое-либо правонарушение.

Микита просит Черта об «исправе», т. е. о расследовании дела и восстановлении норм закона. А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров предполагают, что в тексте перед словом «исправи» было какое-то имя, от которого сохранились три буквы — «ндр» (Александр, или Никандр, или что-то иное). Может быть, это имя того княжеского пристава, которому Микита просит передать дело, ибо предшествующий пристав допустил здесь произвол. В оборванном тексте «госп» можно видеть как «господин» (тогда это обращение Микиты к Черту), так и «господа» (тогда это ссылка на новгородских властей, от имени которых действовал новгородкий пристав на княжеском суде).

Наконец, загадочна последняя фраза: «возми сапозе». Очевидно, речь идет о поличном, необходимом для расследования дела.

В целом по грамоте № 4 можно составить представление о том, во что на практике выливалось законоположение о совместной деятельности княжеских и новгородских судебных приставов, несогласия между которыми так или иначе отражались на судьбе подсудимых.

Ряд берестяных грамот содержит намеки на судебные права «уличан» — представителей новгородских улиц, где были свои местные, низовые, органы власти. В грамоте № 140 (XIII—XIV вв.) [23] говорится: «Господину Сьмену

[21] ПРП, вып. II, стр. 60, ст. 4.
[22] ГВНП, стр. 145, № 88.
[23] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 16.

Марко целомо бьеть. Упомни, цто есмь платилъ серебро перьдо [тобою Давыду]. А тогда улицане поминале». А. В. Арциховский так комментирует текст: «Семен должен был подтвердить, что Марк заплатил Давыду. Грамота ценна тем, что в ней упомянуты уличане... Грамота дает теперь древнейшее упоминание этого термина». Б. Б. Кафенгауз видит в грамоте иллюстрацию к статьям 43—46 Пространной Русской Правды, требующей при разборе денежных исков привода в суд свидетелей уплаты ответчиком долга [24].

Ссылка на Русскую Правду, приведенная Б. Б. Кафенгаузом при анализе берестяной грамоты № 140, интересна, но, мне кажется, что для ее понимания больше дает обращение к Новгородской судной грамоте. В ней говорится о правах улицы (как определенной самоуправляющейся единицы) защищать проживающих там и являющихся членами данной уличной организации лиц на суде: «от конца, или от улици, и от ста, и от ряду, иттьи ятцом двема человеком, а иным на пособье не ити к суду ни к росказу» [25]. Очевидно, интерес берестяной грамоты № 140 не ограничивается тем, что в ней содержится наиболее раннее упоминание уличан. Она важна для нас тем, что в ней имеется хотя бы косвенное свидетельство об участии уличан в суде.

Текст грамоты слишком лаконичен, чтобы можно было на его основании детально представить себе, о чем идет речь. Бесспорно, что Семен нужен Марку как свидетель уплаты им долга Давыду. Очевидно, тот возбудил или хочет возбудить против Марка иск. Но при чем здесь уличане? Они также могли присутствовать при расчете Марка с Давыдом, но главным образом они названы, вероятно, потому, что им придется быть «ятцами» (защитниками) Марка от претензий Давыда на суде. Указание грамоты, хотя и не очень отчетливое, для XIII—XIV вв. на судебные функции уличан обогащает наши представления об общественном строе Новгорода.

К вопросу об уличанском суде имеет отношение и берестяная грамота № 276 (XIV в.) [26], от которой дошла

[24] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах («История СССР», 1960, № 1, стр. 173).
[25] ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 42.
[26] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 101—103.

лишь начальная часть со словами: «Поклоно от Одрея со братию ко Василию и ко Сидру. Была жалоба передо вами и попъеми...»

А. В. Арциховский и В. Л. Янин[27] думают, что Василий и Сидор были уличанскими старостами, связанными с приходским духовенством, образуя вместе с ним (как говорит В. Л. Янин) «авторитетный и правомочный совет».

Роль духовенства в общественной жизни Новгорода и Пскова была достаточна велика. В Пскове в 1468 г. были выбраны и утверждены на вече в качестве лиц, возглавлявших церковное управление, два попа: Андрей Коза и Харитон[28]. Значительно было и вмешательство мирян в церковные дела. Псковская судная грамота запрещает уличанам («суседям») являться «скопом» в суд для защиты от сторонних притязаний церковных земель, требуя, чтобы в случае земельных тяжб на суде выступали церковные старосты[29]. «Скоп» — это неорганизованное выступление населения, которое могло вылиться в социальное движение, затрагивающее основы феодального правопорядка. Псковские летописи сохранили красочный рассказ о том, как в 1471 г. миряне — «препростая чадь» (т. е. простые люди, социальные низы) легальными и нелегальными средствами вели борьбу за землю сгоревшей церкви, которую у них отнимали[30]. Уличанский суд должен был действовать в рамках феодального права. Но, вероятно, в зависимости от состава и воздействия широких слоев горожан менялась и его ориентация, принимая более демократический или, напротив, аристократический характер.

Приведенный материал проливает свет на существо жалоб, которые могли быть предъявлены уличанским старостам и попам, упомянутым в берестяной грамоте № 276. Злободневным был земельный вопрос, и жалобы, возможно, затрагивали именно эту сферу. Но, конечно, могли быть и другие претензии со стороны жалобщиков.

Об участии в суде духовенства как будто дает право говорить берестяная грамота № 87 (XII в.)[31], текст которой

[27] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 151.
[28] «Псковские летописи», вып. II, стр. 165—166.
[29] ПРП, вып. II, стр. 295, ст. 70.
[30] «Псковские летописи», вып. II, стр. 176.
[31] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 12.

таков: «От Дрочке от папа пъкланяние ко Демеяноу и къ Мине и къ Ваноукоу [32] и къ вьхемо [33] вамо добре створя».

В. Л. Янин подходит к грамоте № 87 несколько юмористически: «Одному только веселому попу Дрочке как будто ничего не нужно. Он в конце XII века написал письмо только для того, чтобы передать привет своим знакомым... Впрочем, может быть в следующем письме он собирается попросить денег. Этого мы, конечно, не знаем». Однако, думается, есть смысл попытаться понять письмо № 87 и не прибегая к предположению о веселом характере попа Дрочки или о его нужде в кредите. Сравним это письмо с грамотой № 276, которая также начинается с «поклона» — только не попа, а какого-то истца или пострадавшего человека официальным лицам (А. В. Арциховский и В. Л. Янин, как указано, считают их уличанскими старостами). Лицо, написавшее грамоту, напоминает адресатам о жалобе, которую оно ранее принесло им и попам. Это прямое свидетельство, что приходское духовенство было причастно к разбору судебных исков горожан. Возможно, в такой же роли выступал и упомянутый в грамоте № 87 Дрочко.

Правда, ситуация здесь иная. Автором письма является не жалобщик, а поп. Обращение к ряду лиц он заканчивает фразой «...вьхемо (или „всемо") вамо д о б р е с т в о р я». Вряд ли это просто дружеский привет. Это скорее пожелание действовать «д о б р о», т. е. по праву. Другими словами, адресаты попа Дрочка — это, вероятно, те «д о б р ы е л ю д и» (свидетели-соприсяжники), которые выступают на суде. По Псковской судной грамоте для решения ряда дел требовались показания «д о б р ы х л ю д е й», которые должны были даваться «как право пред богом» [34]. Крестоцелование совершалось, конечно в присутствии попа, который, вероятно, оказывал воздействие и на ход судопроизводства.

О решении конфликтов представителями торгово-ремесленных корпораций свидетельствует очень интересная

[32] А. В. Арциховский видит в этом слове дательный падеж имени «Ванук». Б. А. Рыбаков предпочитает чтение «к Иванку» (выпадение начального «и» произошло в результате слитного написания с предлогом).

[33] А. В. Арциховский считает, что надо читать: «всемо».

[34] ПРП, вып. II, стр. 240, статьи 55—56.

берестяная грамота № 366 (XIV в.)[35]: «Сь урядеся Яковь съ Гюрьгьмо и съ Харетономь по бьсудьнои грамоте, цто былъ возялъ Гюрьге грамоту в изьежьнои пьшьнеце, а Харетоно во проторехо своехъ. И возя Гюрьге за вьсь то рубьль и тре гревоны и коробью пьшьнеце. А Харетонъ возя дьсять локотъ сукона и гревону. А боль нь надобе Гюрьгю не Харетону до Якова, не Якову до Гюрьгя не до Харитона. А на то рядьце и послусе Давыдъ Лукенъ сынъ, Сьтьпанъ Таишенъ».

А. В. Арциховский дает такое толкование документу: «Юрий получил бессудную грамоту[36] на Якова в изъезженной пшенице (очевидно, кони Якова изъездили пшеницу Юрия), а Харитон — „во проторях своих", т. е. в разных убытках... Оба истца получили тем самым права на имущество Якова, не явившегося к суду... Составлен был особый акт, теперь найденный. Поименованные рядцы-послухи были, очевидно, третейскими судьями, проверявшими соразмерность взыскания».

В. Л. Янин так объясняет происхождение «проторей» Харитона, которые, по решению суда, надлежало покрыть не только деньгами, но и сукном: «Можно догадываться, что Харитон пытался защищать пшеницу Юрия, но на нем порвали одежду и избили его». В. Л. Янин делает также вывод, не подтверждаемый источниками: берестяную запись «Яков в гневе швырнул на землю и затоптал в грязь»[37].

Мне кажется, что суть дела в целом верно изложил А. В. Арциховский. Но мне хотелось бы обратить внимание еще на некоторые моменты. Яков расплачивается сукном. По-видимому, он был городским купцом. Его мировая с Юрием и Харитоном — не просто частная договоренность, а документ, оформленный на основе судебного решения. Оформлению мировой предшествовало обращение двух лиц — Юрия и Харитона — в суд. В связи с этим приходится думать, что и «рядцы» — не просто послухи, а какие-то официальные лица, действующие с санкции суда. Это те члены «ряда», как торгово-ремесленной корпорации, выполняющие судебные функции, о которых говорит

[35] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 61—66.

[36] Бессудная грамота — обвинительный приговор в силу неявки ответчика в суд. О бессудных грамотах см. ниже.

[37] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 167.

Новгородская судная грамота («...от ряду пттьи ятцом двема человеком...») [38]. В берестяной грамоте № 366 указаны как раз два «рядца», по-видимому, в качестве представителей одного из новгородских «рядов». Таким образом, документ № 366 содержит указание на судебные права торгово-ремесленных объединений.

Обобщая сделанные наблюдения над рядом берестяных грамот, мы имеем основание сказать, что они содержат материал, дающий представление о судоустройстве в Новгороде. Характерные черты документов на бересте, неоднократно нами отмечавшиеся,— их конкретность и непосредственность в передаче реальных жизненных казусов. Ни одно из берестяных писем не даст и не может по своему характеру дать общей картины новгородских судебных органов, их структуры, взаимоотношения и т. д. Но в отдельных грамотах на бересте воспроизводятся эпизоды судебной практики, порожденной этими органами. И впечатление о последних остается не схематическое, а образное. Охранная грамота Фомы Есифу, обращение за защитой Есифа к Фоме, послание Никиты к Черту рисуют ситуации, складывавшиеся для людей, попадавших в орбиту воздействия на них княжеских и новгородских тиунов и приставов. «Челобитье» Марка Семену, грамота Андрея Василию и Сидору, письмо попа Дрочки характеризуют различные случаи деятельности уличанских судов и роли в них духовных лиц.

Видно, как в обществе, распадавшемся на ряд в известной мере изолированных феодальных мирков и ячеек, судоустройство также было раздробленным. Стоя на страже феодального правопорядка, суд (или отдельные суды) в то же время являлся орудием борьбы между собой различных сословных групп, каст, политических сил. Фома специальной грамотой своему подзащитному Есифу стремился вырвать его из сферы, в которой действовал княжеский суд и куда пытался вовлечь его дворянин Савва. Новгородский пристав Микита в своем обращении к княжескому тиуну Черту также старался оказать влияние на судьбу какого-то лица, дело которого разбиралось на Городище и которого он взял на поруки.

Несколько особым характером отличалась, по-видимому, деятельность уличанского суда. Это также был суд

[38] ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 42.

феодального общества и решал дела он по феодальному закопу. Но его близость к городским ремесленным корпорациям, участие в нем «добрых людей», «ятцев» из числа горожан, а также близких к ним духовных лиц приходских церквей не могли не наложить на него известный отпечаток демократизма. Письмо попа Дрочки вводит нас в иную атмосферу, чем та, которая была присуща «одринам», где судили княжеский и посадничий тиуны.

Наконец, дело Якова с Юрием и Харитоном об «изъезженной пшенице» показывает роль в суде представителей торгово-ремесленных рядов.

До сих пор мы рассматривали документы на бересте, из которых видно, к а к и е были в Новгороде суды. Теперь мы коснемся берестяных грамот, показывающих, к а к вершилось судопроизводство.

§ 2. Судопроизводство

В русском средневековом праве существовало понятие «обида» — правонарушение, причинение вреда. В этом значении термин «обида» много раз употребляется в Русской Правде. Названный термин покрывает многообразные общественные конфликты, являвшиеся предметом судебного разбирательства: от явных уголовных преступлений до открытого выражения классовых противоречий.

В берестяной грамоте № 33 (XIV в.)[39] сохранилась отрывочная фраза: «Давыда обидя, и о... онъ...» Речь идет, очевидно, о том, что в отношении Давыда (кто он — неизвестно) допущено правонарушение, и это вызывает с его стороны протест. Выражение «и... он» как будто дает право думать, что Давыд каким-то образом реагировал на «о б и д у», может быть, путем обращения в суд.

Возможно, в качестве комментария к грамоте № 33 следует привлечь рассказ Псковской летописи под 1486 г. о том, как «о б и д н и и» (т. е. обиженные) люди из псковских пригородов и волостей стали бить челом «посадником псковскым и всему Пскову на наместников князя Ярослава», а «много о б и д н ы х людии», находившихся в городе, «биша чолом на самого князя Ярослава». Тогда посадники «и весь Псков» «собраша многия о б и д ы, их же невозможно исчести за множество, и написавше грамоты

[39] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 35—36.

многы обидныа, и отрядиша послы» в Москву с жалобой на князя Ярослава [40].

Из этого яркого летописного рассказа видно, что бывали моменты, когда подача жалоб (как легальная форма выражения недовольства) приобретала массовый характер, превращаясь в общественное движение (народное или каких-то социальных групп) либо в политическую демонстрацию. Какую «обиду» и кто нанес Давыду — мы не знаем, но с нее могло начаться и, возможно, началось судебное дело.

Подав жалобу в суд, истец обычно просил вызвать ответчика. Этой стадии расследования — обеспечению явки обвиняемого посвящен ряд документов на бересте.

В грамоте № 385 (XIV в.) [41] читаем: «Поклоно посаднику Онсифору. Оже... пор и наболпся позовно грамото...» Далее текст утрачен.

Грамота адресована посаднику Онцифору Лукиничу. Это, очевидно, обращение к нему кого-то из жалобщиков с ходатайством о посылке особой повестки («позывницы») его противнику с предписанием явиться в суд. Из Новгородской судной грамоты известно, что у посадника был «свой суд» [42], куда тяжущийся мог обратиться, «позвав» через специальных приставов противную сторону. Одна правая грамота XV в. сохранила стандартную формулу такого «позова»: « От посадника (такого-то), от посадника (такого-то), от сочкого (такого-то). Се позва (такой-то такого-то) на суд дворяны (такими-то)» [43].

Неизвестный автор берестяной грамоты № 385, по-видимому, тоже ходатайствует о выдаче приставу «позовницы» и о приказании ему обеспечить доставку в суд того, с кем у истца возникла тяжба.

По своему содержанию грамота № 385 близка к берестяному письму № 289 (XIV в.) [44], в котором написано: «Поклонъ от Дорофея к Осипу съ братеею. Попецалуися мною. Позвале дворянине Федоре, Внездове внуке. А что да си [45] дворянину я пзъвъ...»

[40] «Псковские летописи», вып. II, стр. 69.
[41] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 86—87.
[42] ПРП, вып. II, стр. 212, ст. 2.
[43] ГВНП, стр. 148, № 92.
[44] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 118—119.
[45] А. В. Арциховский читает: «даси».

А. В. Арциховский отказывается раскрыть смысл грамоты. В. И. Борковский, в целях толкования последней, считает необходимым сопоставить ее с другим новгородским актом первой четверти XV в., в котором говорится: «Се позва Уласке Тупичин Вячеслава и всих княжьостровчев на суд дворяны Степанком и Иванком» [46]. Сравнивая между собой эти два документа, В. И. Борковский так переводит первый из них (берестяную грамоту № 289): «Поклон от Дорофея к Осипу с братьею. Позаботься обо мне. Вызвал меня на суд дворянин Федор, Нездов внук. А если что дашь дворянину, я вызов на суд (или пошлины, связанные с вызовом на суд...)» [47]. Нельзя сказать, что перевод В. И. Борковского внес в текст полную ясность, хотя несомненно исследователь наметил правильный путь к его пониманию. Поэтому следует продолжить исследование В. И. Борковского. Автор письма, Дорофей, получил вызов в суд через дворянина Федора, Внездова внука. Дворяне-приставы, обязанные доставлять для судебного разбирательства тех, к кому предъявлялись иски, назначали им определенные, законом установленные сроки явки. В Новгородской судной грамоте говорится: «А кто кого позовет в селе позовкою или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели, а дале и ближе, а то по числу» [48]. Когда Дорофею была вручена дворянином «позовница» [49] (извещение об обвинении его истцом), он, очевидно, обратился с просьбой о защите к Осипу с братьею. Возможно, это истцы, которых Дорофей просит прекратить дело, но, вернее,— лица, вершившие суд, ибо лишь перед ними можно было ставить вопрос о «печаловании».

В своем письме-челобитье Осипу с братьей Дорофей указывает, что он сам дал «позов» дворянину. Далее текст обрывается, и приходится гадать, что хотел сказать

[46] ГВНП, стр. 148, № 92. Выше, при комментировании грамоты на бересте № 385, мы также использовали этот документ и привели из него образец «позовницы», устранив из последней имена собственные и дав ее в виде общей формулы.

[47] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 176.

[48] ПРП, вып. II, стр. 218, ст. 41.

[49] Именно такова была процедура вызова в суд. См., например, в Псковской судной грамоте: «А которои позовник поидет иска звати на суд, и тот позваный не пойдет на погост к церкви позывницы чести...» (там же, стр. 289, ст. 25).

автор письма. На помощь приходит опять статья Новгородской судной грамоты, запрещающая человеку, против которого возбужден иск, в свою очередь вызывать его в суд по другому делу («а иных позвов на него не класти в-ыном деле...») [50]. Дорофей и ставит в известность судебные власти, что лицо, приславшее к нему дворянина с вызовом в суд, действовало незаконно, ибо еще раньше он через пристава потребовал это лицо к ответу, а нельзя начинать нового судебного разбирательства, не завершив прежнего.

Из грамоты № 289 видно, что уже на начальной стадии судопроизводства, когда надо было добиться привода к судьям тяжущихся, последние предпринимали активные действия в защиту своих интересов.

Вопросы, связанные с вызовом обвиняемого в суд, поднимаются в грамоте на бересте № 19 (XV в.) [51],— очень трудной для понимания. Это один (хорошо сохранившийся) лист письма, начинающийся с середины фразы и на середине фразы обрывающийся. Текст таков: «...да цобъ ти година отьправить отьцу, ино бъ добро. Да только буде сьтарому мъсель доводъ ле [52], ино [53] надо бы дворянине. А приставе, ино здесо [54]. Филистъ ехать хоце [55]. А [56] судъно есть у мене. А хлебъ сухеи [57] суитъ [58]. Саме [59] отпразновавъ, да поедь семъ [60]. А [61] хлебе здесе в...»

[50] Там же, стр. 214, ст. 13.

[51] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 18—21, № 19.

[52] В. М. Глухов читает: «до Водъле», считая, что Водла здесь название реки (*Д. С. Лихачев.* Рецензия.— СА, т. XXVII, 1957, стр. 327).

[53] А. В. Арциховский со слова «ино» начинает новую фразу.

[54] А. В. Арциховский выделяет в отдельную фразу (без знаков препинания внутри) слова: «А приставе ино зде» (две буквы «со» он опускает).

[55] В. М. Глухов начинает фразу с букв «со» и транскрибирует так: «Софиа и с ты ехать хоце».

[56] А. В. Арциховский и В. М. Глухов перед «а» ставят запятую.

[57] В. М. Глухов считает слово «сухеи» именем собственным и пишет с прописной буквы.

[58] В. М. Глухов считает, что в слове «суитъ» пропущено «л» и должно быть: «су[л]итъ».

[59] А. В. Арциховский перед словом «саме» ставит запятую.

[60] По-моему, последние фразы можно прочитать и иначе: «А судьно есть у мене. а хлебъ сухе и су[щ]. И тъ, саме отпразновавъ, да поедь семъ».

[61] В. М. Глухов перед «а» ставит запятую.

Различные исследователи предлагают и разный перевод грамоты. А. В. Арциховский переводит ее так: «...да срок, чтоб тебе отправить отцу, это бы хорошо. Да только едва ли будет старому выгода — добыча. Но нужен бы дворянин. А пристав то здесь. Филист ехать хочет, а судно есть у меня. А хлеб сухой дает, чтобы самому после праздника ехать сюда[62]. А хлеб здесь в...» Близок к тексту, который дает А. В. Арциховский, и перевод Л. П. Жуковской: «...да чтоб тебе своевременно отправить отцу, это бы хорошо. Да только будет ли старому смысл (до Водлы?)[63]. Пожалуй, надо бы дворянина, а пристав один здесь, Филист, ехать хочет. Судно есть у меня. Хлеб сухой. Сам, отпраздновав, поезжай сюда. А хлеб здесь в...» Независимо от того, чей перевод точнее передает значение отдельных терминов, выражений, фраз, общий смысл документа в обоих случаях остается непонятным.

Совершенно произволен перевод В. М. Глухова: «Если бы тебе выдалось благоприятное время отправить отцу, то было бы хорошо. Но если появится у старого намерение (плыть) до Водлы, то нужен бы дворянин, а пристав здесь есть. София с тобой ехать хочет. А судно есть у меня, а хлеб Сухей сулит. Сам, отпраздновав, поезжай сюда, а хлеб здесь (возьмешь)»[64]. Здесь появляются новые лица — София, Сухей, но дело от этого не разъясняется, а затемняется еще больше.

Переходя к интерпретации содержания берестяной грамоты № 19, следует прежде всего отметить неубедительность перевода выражения «мъсель доводъ ле» как «выгода-добыча» (А. В. Арциховский) или «смысл» (Л. П. Жуковская). «Довод» — это улика или оговор относительно участия в каком-либо преступлении. Так, в Судебнике 1497 г. читаем: «А котораго татя поимают с какою татбою ни буди впервые ...а в-ыной татбе в прежней довода на него не будет ...»; «А на кого взмолвят детей боярских человек пять или шесть добрых... что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет...»; «А на кого

[62] Б. А. Рыбаков предлагает несколько иной вариант последней части фразы: «а сам, отпраздновав, должен ехать сюда».

[63] Здесь Л. П. Жуковская, не принимая безоговорочно реконструкцию В. М. Глухова, отдает ей дань (*Л. П. Жуковская.* НБГ. М., 1959, стр. 94).

[64] *Д. С. Лихачев.* Рецензия (СА, т. XXVII, 1957, стр. 327).

тать возмолвит, ино того опытати: будет прирочной человек з доводом...» [65].

Термин «мъсель», очевидно, одного корня со словами «мыслити», «умыслити», «примыслити» и означает преступный умысел, замысел. В междукняжеских договорах встречаются такие условия: «А што ми слышев о нашем лисе, что нам на пакость, или о добре, то вы нам поведати в правду, без примышленья» (другой вариант: «без хитрости») [66]; «...что ему зла на нас не хотети, ни мыслити» [67].

Таким образом, слова «да только буде сьтарому мъсель доводъ ле», очевидно, подразумевают какое-то обвинение, предъявленное упомянутому в берестяной грамоте № 19 старику, подозреваемому или уличенному в злом умысле или деянии. Подобное понимание терминов «довод» и «мъсель» вполне объясняет также, почему в письме упомянуты «дворянин» и «пристав» — непременные участники всякого судебного расследования. Из перевода А. В. Арциховского и Л. П. Жуковской непонятно, какова была роль этих лиц. Наконец, сочетание четырех терминов, относящихся к области судопроизводства («довод», «мъсель», «дворянин», «пристав»), говорит достаточно убедительно против реконструкции В. М. Глухова: «до Водле» вместо «доводъ ле».

Слово «година» А. В. Арциховский правильно передает как срок. Но если иметь в виду, что в грамоте № 19 речь идет о разборе какого-то дела по обвинению, для чего нужны дворянин и пристав, то имеются все основания уточнить значение «година» и понимать этот термин как срок явки в суд. Такие сроки «наметывали» (сообщали привлекаемым лицам) пристава по «срочным грамотам» [68]. О «сроках» и «срочных грамотах» много говорит Новгородская судная грамота: «А кто с кем ростяжутся о земле, а почнет просить сроку на управы..., ино ему дать один срок...»; «или истци у коево судьи возмут срок и срочные за печатми...» [69] и т. д.

Итак, значение берестяной грамоты № 19 проясняется. Какой-то человек (неизвестно ни его имя, ни место жи-

[65] «Судебники XV — XVI веков». М.— Л., 1952, стр. 20.
[66] ДДГ, стр. 105, № 37.
[67] «Псковские летописи», вып. II, стр. 146.
[68] АСЭИ, т. III, стр. 202, № 197.
[69] ПРП, вып. II, стр. 215—216, статьи 24, 30.

тельства, ни социальное положение) пишет другому (о котором тоже ничего конкретного сказать нельзя), напоминая ему, что наступает срок разбора дела по обвинению его отца. Очевидно, автор письма доброжелатель адресата. Он сообщает также, что за делом и за соблюдением судебных сроков наблюдает пристав Филист. Хорошо бы, указывает автор письма, если бы сын отправил своему отцу что-то нужное (надо думать,— что-то нужное для ведения дела). По Новгородской судной грамоте срок явки в суд назначался с учетом времени, необходимого для представления соответствующих доказательств (документов и пр.). Что в письме речь, идет именно о материалах для суда, видно из совета автора сыну «старого» произвести отправку всего требуемого отцу через посредство дворянина (т. е. лица, официально выполнявшего поручения судебных органов). Наконец, неизвестный доброжелатель советует своему адресату самому приехать на разбор отцовского дела и предлагает ему для поездки свое судно, а также запас хлеба. Очевидно, это человек зажиточный, может быть, купец.

Вряд ли нужно, как делает В. М. Глухов, превращать прилагательное «сухеи» (сухой) в имя собственное. Речь идет просто о сухом хлебе. В качестве параллели можно сослаться на упоминание «семян сухих» в одной из купчих Кирилла, игумена Кирилло-Белозерского монастыря [70].

Непонятно слово «суитъ». Но гипотеза В. М. Глухова, что здесь пропущена буква «л» и следует читать «сулитъ», мало что проясняет: кто и кому сулит? Я предложил бы другую гипотезу, также не считая ее вполне убедительной. Может быть, из пяти букв «суитъ» три последних надо отнести к двум самостоятельным словам и связать их с последующим текстом. Тогда получится осмысленное предложение: «и тъ (т. е. „и ты...“), саме отпразновавъ, да поедь семъ». Остаются две буквы («су»), связанные с предыдущими словами: «А хлебъ сухеи...». Может быть, автор письма хотел написать «сущ» (мелкая рыба) и пропустил букву «щ» [71]. Если так, то в письме многое проясняется.

[70] АСЭИ, т. II, стр. 19, № 11.

[71] См., например, в грамоте первой половины XV в. князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю: «А торгуют в озере у неводов добровольно сущом и рыбою» (АСЭИ, т. II, стр. 48, № 77).

Его автор указывает, что у него есть для поездки судно, сухой хлеб и рыба (лучше тогда читать: «хлеб сухе», а букву «и» рассматривать как союз перед словом «су[щ]»).

Остается объяснить последнее: почему автор письма предлагает адресату выехать лишь после того, как он что-то «отпразднует»? Что за праздник когда грозит судебный процесс. Дело в том, что существовали определенные, освященные традицией, дни в году, на которые обычно назначалась явка в суд по «срочным грамотам» обвиняемым. Один из таких сроков обозначался в документах словами «уговев Петрова говенья неделю»[72]. Петрово «говенье» (пост) кончалось 29 июня — в Петров день. Через неделю после Петрова дня наступал судебный срок. Можно полагать, что он и имелся в виду в берестяной грамоте № 19; вероятно, автор письма предлагал своему адресату, отпраздновав конец Петрова поста, разговевшись, отправиться в путь по делу отца.

Перед нами картинка, вырванная из жизни. Другую бытовую картинку находим в берестяной грамоте № 305 (XIV—XV вв.)[73]. Она дошла до нас в сильно дефектном виде, и прочитать в ней можно только отдельные слова и их сочетания: «... у мьнь коня познали и я, о[спо]динь[74], коню зову, и[75] сьи[75], осподинь, коню нь едь. Азъ, осподинь, в томъ копи по[ручника знаю]...[76]. Даи ми, [осп]одь[77], света видить... А т... и ро...».

А. В. Арциховский отказывается от толкования текста ввиду его отрывочности. В. И. Борковский предлагает следующий перевод: «... у меня коня познали (т. е. признали..., что купленный конь является украденным, куплен у укравшего); и я, господин, зову „конь", и этот, господин, конь не едет. Я, господин, в том коне (в значении: в покупке того коня)... поручника или послуха, т. е. свидетеля, знаю. Пусть даст мне господь света видеть...»

Последнее выражение В. И. Борковский рассматривает

[72] АФЗХ, ч. I, стр. 87, № 87.
[73] *А. И. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 135—136.
[74] Конъектура В. И. Борковского (там же, стр. 178—180).
[75] Возможно, здесь «и» десятиричное, возможно, просто разделительный знак.
[76] Конъектура В. И. Борковского.
[77] То же.

как клятву, а не в прямом смысле как возглас лица, заключенного в темницу. Грамота в целом, по мнению исследователя, «имеет весьма поэтичный облик: с прямой речью — обращением к полюбившемуся, столь необходимому в хозяйстве коню, с звательным падежом на месте именительного, что сближает текст с народнопесенным творчеством, и с поэтичной народной клятвой».

Я думаю, что при известной образности языка, в письме № 305 описывается довольно прозаический случай. Он вполне подходит под тот казус, который предусмотрен в ст. 66 Псковской судной грамоты: «А которои пристав или дворянин, а возмет своему узду (т. е. езду) конь пли иное что у него возмет,— ино ему дать на руку стороннему человеку; а не возмет на руку, ино ему собою свести, а взять езды на том, кто его не утяжет»[78]. Смысл этой правовой нормы таков: если какой-либо дворянин (или пристав) возьмет у кого-нибудь коня или что иное в вознаграждение за поездку по его делу, то следует передать взятое стороннему человеку на поруку. А если тот не захочет быть поручителем, то дворянин (или пристав) может временно оставить коня или что-либо другое у себя, а впоследствии получить деньги за поездку по судебному делу с того, кто проиграет тяжбу.

Автор письма № 305 и был, по-видимому, таким дворянином (приставом). Он взял у кого-то, по чьему делу хлопотал, коня, а затем у него этого коня опознали и забрали как имущество, ему не принадлежащее. Дворянин-пристав должен ехать по судебным «позвам», но не может использовать для поездки коня. Именно так, очевидно, надо понимать слова: «...я, о[спо]динь, коню зову, и сьи, осподинь, коню нь едь». Дворянину-приставу известен человек, за порукой которого он взял коня, и, ссылаясь на поручителя, он просит снять арест, на коня наложенный. Слова «...даи ми, [осп]одь, света видить» можно понимать как клятву, но возможно рассматривать их и как реальную просьбу дворянина-пристава: дать ему возможность продолжать свою деятельность, позволить ему дальше совершать «езды» по белу свету, выполняя судебные поручения.

[78] ПРП, вып. II, стр. 295, ст. 66.

От некоторых берестяных документов остались столь ничтожные фрагменты, что можно лишь строить догадки об их отношении к вопросам, связанным с разъездами дворян-приставов по поручению суда. В отрывке № 324 (XIVв.)[79] имеется несколько слов: «...до селу на Княжо-острови...» Вероятно, речь шла о поездке в указанное село по судебному делу какого-то официального лица. В Двинской уставной грамоте говорится, что за «езд» до Княжострова дворянин получает четыре белки[80].

От грамоты № 149 (XIII в.)[81] уцелел лишь конец: «...да Домажилова 10, ож...» Неизвестно, было ли «Домажил» именем личным[82] или топографическим наименованием. Если цифра 10 означает число каких-то денежных единиц, то, может быть, это плата за вызов в суд некоего Домажила или жителя села Домажилова. Двинская уставная грамота 1397 г. называет суммы, выплачиваемые дворянам (в зависимости от дальности расстояния) за доставку судебным органам обвиняемых; среди этих сумм фигурирует и число 10 (бел)[83].

Совсем отрывочен текст грамоты № 347 (XIII в.)[84]: «...ы въдаеши мьнь... ожь ти ябе...» (А. В. Арциховский замечает: «Возможно, что грамота не была дописана». Вероятно, не доведено до конца было слово «ябетник» (должностное лицо в суде), а смысл письма заключался в угрозе со стороны его автора обратиться к содействию судебных органов, если адресат не выполнит своих перед ним обязательств. По-видимому, речь шла об отдаче долга («...въдаеши мьнь...»).

Среди только что рассмотренных документов на бересте, довольно формально фиксирующих «езды» и «позвы», выделяется грамота № 67 (XIII в.)[85], которая вводит нас в самую гущу внутрифеодальной борьбы. Сохранившаяся (с небольшими разрывами) начальная часть этой грамоты читается довольно легко: «Поклоно от Якова ко [Ва] силью

[79] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 13—14.
[80] ГВНП, стр. 145, № 88. Правда, это может быть и отрывок из разъезжей грамоты, в которой указывалось направление межи.
[81] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 28.
[82] Так, например, в берестяной грамоте № 233 («Домажир»).
[83] ГВНП, стр. 145, № 88.
[84] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 35.
[85] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 66—68.

и [86] ко Васильевии [87]. Иди, господине, ко Тимофью. Жирославь бьщести. Лишь дворяни [сльт...]» [88].

А. В. Арциховский дает очень лаконичную оценку данного письма: «Яков сообщает, что Жирослав „без чести". Все слова понятны, но оборванность письма препятствует толкованию». Мало убедителен комментарий Л. П. Жуковской. Она пишет: грамота «адресована, по-видимому, дворянам или лицам, среди которых по крайней мере один был дворянин» [89]. Неясно, кого понимает комментатор под «дворянами» того времени, каковы их функции, в чем существо конфликта с Жирославом и т. д.

Прежде всего я думаю, что слово «Жирослав бьщестп» надо переводить не «Жирослав без чести» или «Жирослав обесчещен», а «Жирослав бесчестит». Другими словами, Жирослав — не пострадавшее лицо, а человек, нарушающий правовые нормы. Слова «лишь дворяни [сльт]» непосредственно продолжают фразу, говорящую о вине Жирослава. «Л и ш ь» не надо понимать как «только». Скорее следует читать «л и ш е» (от слова «л и х о» — зло, злой умысел, злое дело). Так, в междукняжеских договорах постоянно встречается формула: «А что ти слышев о нашем добре или о л и с е..., то ти нам поведати вправду, без примышлепья» [90]. В духовном завещании московского великого князя Спмеопа Ивановпча 1353 г. говорится: «А л и х и х бы есте людей не слушали и хто иметь вас сваживати» [91].

Жирослав посылает «дворян»-слуг в чужие (очевидно, боярские) владения, и они допускают там бесчинства, произвол. Подобные проявления феодального произвола («л и х а») не раз имели место в то время не только в Нов-

[86] Возможно, что здесь не «и», а своеобразный по начертанию разделительный знак. Тогда можно читать: «ко Василью ко Васильеви», т. е. к Василью Васильевичу.

[87] Возможно, что второе «п» представляет собой не букву, а своеобразный разделительный знак. А. В. Арциховский предполагает, по аналогии с берестяной грамотой № 212, что здесь имеются в виду Василий и жена Василия.

[88] Слово «сльт» (т. е. плет) ни А. В. Арциховский, ни Л. П. Жуковская не читают. По мнению Л. П. Жуковской, в тексте говорилось, что лишь дворяне могут помочь обесчещенному Жирославу: взять его на поруки или еще как-либо.

[89] *Л. П. Жуковская.* НБГ. стр. 75—76.

[90] ДДГ, стр. 37, № 13.

[91] Там же, стр. 14, № 3.

городской земле, но и в Северо-Восточной Руси. Так, в 1453 г. митрополит Иона жаловался великому князю Василию II, что княжеские и боярские «люди ездят в митрополичи села по праздником, и по пиром, и по братшинам незваны, а в них деи чинится душегубства, и татба, и иных лихих дел много...» [92].

Жиславль мог быть лицом, облеченным правительственной властью, которой он злоупотреблял, мог быть просто экономически мощным и политически сильным боярином. Но так или иначе, а его действия вызвали коллективный отпор со стороны его противников,— вероятно, тоже феодалов: Якова, одного или двух Василиев, Тимофея. Они сговариваются между собой, чтобы принять какие-то меры противодействия. Какие? Может быть, речь шла о том, чтобы обратиться в суд. За «безчестие» судили и брали штраф. В интересном законодательном памятнике XIV в.,— так называемом «Правосудии митрополичьем»,— имеется специальная статья, в которой говорится, что за «безчестие», нанесенное людям разных сословий, в том числе боярину или слуге, «по житьу, по службе... судят» [93]. В уставной грамоте Василия I Двинской земле читаем: «А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отечеству безщестие; тако же и слузе» [94]. В начале XVI в. в Рязанской земле К. И. Лихачев обвинял Н. С. Горбцова в «бою и лае» (т. е. избиении и брани). Тяжущимся были присуждены «поле» и «крестоцелование». Поскольку Горбцов от этого уклонился, судьи постановили взыскать с него «безчестие» (штраф) в пользу Лихачева [95].

Но, возможно, переписка Якова с Василием (Василиями?) имела в виду договоренность относительно не обращения в суд, а обуздания Жиславля собственными силами и средствами. Нечто подобное не раз имело место в истории Новгорода. Так, в 1360 г. в городе на почве борьбы, происходившей в связи с выбором посадника, «по совету лихых людии», «бысть мятемь силен», «и створися проторжь не мала на Ярославле дворе, и сеча

[92] АФЗХ, ч. I, стр. 170, № 187.
[93] АСЭИ, т. III, стр. 22, № 8.
[94] Там же, стр. 21, № 7.
[95] Там же, стр. 394, № 377.

бысть». Славенский конец выступил против софийского боярства, а «Софеиская сторона хотя мьстити бещестие братьи своеи» [96]. Анализируя этот летописный рассказ, В. Л. Янин между прочим замечает, что он свидетельствует о возведении «внутрифеодальной борьбы в одну из норм городской жизни» [97].

Конечно, отразившиеся в грамоте № 67 переговоры между пострадавшими от Жирослава лицами о том, как ответить ему на «бесчестие», обнаруживают весьма отдаленное сходство между отношениями Славенского конца и Софийской стороны, «мстившей бещестие братьи своеи». Тут и там разные масштабы, различный диапазон борьбы. Однако в обоих случаях перед нами проявления распрей между феодалами, возведенных «в одну из норм городской жизни».

Разобранный сейчас документ на бересте, вместе с другими, ранее приведенными, показывает, как в средневековом обществе феодальный закон легко и незаметно перерастал в феодальный произвол. Действия Жирослава, «бесчестившего» своих современников, в том числе и собратьев по классу,— это более откровенное выражение того же беззакония, которое допускали дворяне, выступавшие в соответствии с законодательными нормами от имени суда, стоявшего на страже закона. Дворянин Федор, Внездов внук явился с официальным «позовом» от истца к обвиняемому Дорофею, но этот «позов» был неправомерен, ибо Дорофей сам заявил иск тому, кто призывал его к ответу. Другой дворянин, хлопотавший по чьему-то делу, взял у своего подзащитного для поездки по этому делу коня (на что имел право), но, очевидно не торопился с возвратом, и сам превратился в ответчика.

На вызовы судебных приставов, сопровождавшиеся иногда узаконенным беззаконием с их стороны, затронутые ими лица реагировали по-разному: или избирали легальный путь действий и откликались на призыв явиться в суд (как тот «старой», за которым наблюдал пристав Филист), или уклонялись от явки, а иногда и оказывали сопротивление органам власти.

В случае неявки ответчика суд выносил ему обвинительный приговор, не рассматривая его дела по существу и

[96] НПЛ, стр. 365—366.
[97] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 202.

выдавая истцу на него так называемую бессудную грамоту. В берестяных документах таких случаев зафиксировано достаточно.

В дефектном виде сохранилось письмо на бересте № 137 (XIII—XIV вв.) [98]. Можно прочитать следующий текст: «...[н]а судъ и не ста Филипець... [пос]лахомъ грамоту бесудну... [м]олодьжиимъ пожнею по...» А. В. Арциховский правильно отмечает, что перед нами отрывок бессудной (т. е. правой грамоты, данной судьей одной из тяжущихся сторон без судебного разбирательства на основании лишь того, что другая сторона не прибыла в суд в назначенный срок). Филипец, очевидно, ведший тяжбу о пожне, не пошел в суд, что дало основание его противнику получить от судей документ, его обвиняющий. «Новая находка дает наиболее раннюю дату для бессудных грамот»,— пишет А. В. Арциховский.

Мне думается, интерес документа не только в его дате. Некоторые наблюдения напрашиваются из сопоставления данной берестяной грамоты с сохранившимися бессудными (также по делам о пожнях), написанными на бумаге и датируемыми XV в.[99] Последние составлены по определенному довольно развернутому формуляру. Каждая из них начинается с челобитья князю лица, заинтересованного в получении бессудной, на его противника, уклонившегося от суда, заканчивается княжеским указом и закрепляется подписью княжеского дьяка и приложением княжеской печати. Берестяная бессудная грамота № 137 дошла до нас в отрывке, но и на его основе можно предположить, что документ составлен не в княжеской канцелярии (и вообще не в правительственном учреждении — никаких следов этого нет); формуляр его значительно проще, чем тот, о котором только что шла речь.

Псковская судная грамота устанавливает для княжеского писца таксу за написание бессудной, а в случае неползновений с его стороны взять за свой труд свыше нормы разрешает тому, кто заинтересован в получении бессудной, обратиться с просьбой о ее составлении к другому лицу (очевидно, к частному писцу), а затем приложить пе-

[98] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 10—11.

[99] АСЭИ, т. I, стр. 238—239, № 329; стр. 362, № 479; т. II, стр. 102—103, № 167; АФЗХ, ч. I, стр. 221, № 257.

чать к документу или в княжеской канцелярии, или в государственном архиве Псковской республики при Троицком соборе [100]. Очевидно, в лице берестяной грамоты № 137 перед нами бессудная, составленная частным лицом и лишенная печати.

Таким образом, идя вслед за А. В. Арциховским и дополняя его наблюдения, можно сказать, что значение его находки заключается не только в том, что это наиболее ранний по времени образец бессудной, но и в том, что это до сих пор неизвестная ее разновидность (документ, оформленный без участия княжеского писца), о которой говорит Псковская судная грамота. А раз так, то берестяная бессудная № 137 является документом, в какой-то мере рисующим борьбу Новгородской республики с князем за правомочия в судебной сфере.

К № 137 по своему характеру примыкает отрывок берестяной грамоты № 251 (XIV в.)[101], текст которой можно реконструировать так: «... ну свою и не ста[л]... [гра]моту бесудную Федорцю ла...»Над словами «бесудную Федорцю» сверху более мелким почерком надписано: «по среци на тре[тий день]...»

А. В. Арциховский правильно указал, что и в данном случае перед нами бессудная. Но текст документа позволяет сделать еще некоторые наблюдения. В нем говорится, что тот, с кем вел тяжбу Федорец, «не стал» в суд в указанное время; когда после установленного срока явки прошло три дня, Федорец получил право взять на своего соперника бессудную грамоту.

Казусы, подобные изложенному в берестяной грамоте № 251, известны и из других документов. В 70-х годах XV в. Василий Пячев возбудил иск по земельному делу к Алексею Жихорю. Истцу и ответчику было велено «стати... перед великим князем» в воскресенье после первой недели великого поста. Ответчик явился в этот день, истец не прибыл. На шестой день Алексей Жихорь подал челобитную на имя Ивана III с жалобой на истца. «И князь велики... дал Олексейку Жихорю на Васка на Пячева свою грамоту правую безсудную по сроце в шестой день»[102].

[100] ПРП, вып. II, стр. 293, 296.

[101] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 77—78.

[102] АСЭИ, т. I, стр. 362, № 479.

Примерно в те же годы происходил земельный спор между Иваном Ознобишей и Никифором Стольничим. Срок разбирательства был установлен 1 октября. Иван Ознобиша прислал в суд своего представителя, его противник не сделал этого и сам не явился. Вследствие этого на восьмой день «по сроце» на Никифора Стольнича была выдана его сопернику бессудная грамота [103].

В рассмотренных случаях мы находим полную аналогию тому, о чем говорится в берестяном письме № 251. Только сроки оформления, бессудных грамот равные: через три, пять, восемь дней после пропущенной одним из тяжущихся даты прибытия в суд для разбора дела.

Если одни ответчики просто укрывались от бессудных, то другие старались избежать их выдачи своим соперникам путем обращения к судебным органам. В отрывке берестяной грамоты № 302 (XV в.)[104] можно прочитать: «...[осподи]не за Яковомъ за по...вичомъ. Како, осподи, попечалуешь о м[оеи] голови, чтобы ся на меня не родила грамота бесудная. А язъ тобе, своему осподину, много о томъ [челом бью?]...»

Это челобитная лица, привлеченного к суду, адресованная какому-то представителю власти, обладавшему верховными полномочиями в области судопроизводства. Согласно Новгородской судной грамоте дело, не решенное обычным порядком, переносилось на «доклад» в суд высшей инстанции, происходивший во «владычне комнате». «А докладщиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованью»,— указывалось в Новгородской судной грамоте[105].

Челобитчик боится, что на него «ся родит» бессудная грамота. «Родится»— значит «возникнет». Так, в договоре Новгорода с Готландом и немецкими городами конца XII в. говорится: «оже тяжа р о д и т с я бес крови...» [106] В договорной грамоте, оформленной теми же сторонами в 1262—1263 гг., читаем: «А где ся тяжя р о д и т ь, ту ю копчати» [107]. Выражение «р о д и т с я бессудная грамота» оз-

[103] Там же, стр. 238—239, № 329.
[104] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 133—134.
[105] ПРП, вып. II, стр. 215, ст. 26.
[106] Там же, стр. 126, ст. 9.
[107] ГВНП, стр. 57, № 29.

начает: будет вынесен обвинительный приговор без суда. Очевидно, автор письма пропустил какие-то сроки явки в суд по вызову истца.

Челобитчик просит «попечаловаться» о его «голове». Вероятно, если он не удовлетворит претензии истца (денежный иск), ему грозит участь быть, выданным «головою» обвинителю (т. е. перейти в кабалу). Из жалованной грамоты великого князя Василия II митрополиту Ионе середины XV в. узнаем, что княжеский боярин обвинил Левку, Савелова пасынка Обрядина по его делу о разбое с митрополичьими крестьянами и «выдал» им Левку «головою» [108]. В 1528 г. А. Лапин, «человек» детей боярских Нероновых, был обвинен в «бое» и «грабеже», митрополичих детей боярских Рагозиных. Суд присудил его к уплате «истцова иска». Вскоре недельщик Никита Трофимов донес, что «денег доправити не мочно и поруки и перевода по нем в тех деньгах нет». Это же подтвердил и сам Лапин, который поэтому был «выдан истцом головою до искупа» [109].

Возвращаясь теперь к берестяной челобитной № 302, мы имеем основание сказать, что подавший ее человек находился под угрозой быть обвиненным без суда и отданным в кабалу своему истцу.

Некоторые тяжбы оканчивались мировыми. Они заключались с соблюдением определенных формальностей, ознакомление с которыми представляет интерес.

В грамоте № 344 (XIII в.) [110], читаем: «От Петра ко Коузме. Язо тобе, братоу своемоу, приказале про собе: како оурядиль ли ся со тобою, ци ли не оурядиль ся ти, ты со Дроцилою нь сомолове, прави. А язо ся кланею».

«Урядиться» — значит договориться. В договоре Смоленска с Ригою и Готландом 1229 г. сказано: «Которая си тяжа будет сужена... или урядили будуть добрии мужи, боле же не поминати того...» В Уставе князя Святослава Ольговича 1137 г. есть фраза: «...что я урядил князь Никола Святослави с владыкою Нифонтомь...» [111]

«Сомолове» — сговорившись. В Псковской судной грамоте рассматривается такой казус: «а кто на ком имет

[108] АФЗХ, ч. I, стр. 108, № 116.
[109] Там же, стр. 194—197, № 222.
[110] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 22.
[111] ПРП, вып. II, стр. 68, 117.

чего искать по доскам, или по закладом, а с м о л в е, у своего истца возмет от много мало по суду...» [112]

«П р а в и т и» — предъявлять судебное взыскание («...п р а в я т ь с я сами по своему суду...» — гласит договор 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом) [113].

Когда речь идет о споре, который разбирают или должны разбирать судьи, то термины «у р я д и т ь с я» и «с м о л в и т и», применяемые для характеристики позиций и действий тяжущихся сторон, имеют различный смысл. «У р я д и т ь с я» означает: составить, до суда или после него, официальную мировую запись, оформленную в присутствии свидетелей. «С м о л в и т и» — значит лично договориться, войти в сделку со своим противником (так, как об этом сказано в Псковской судной грамоте).

Вот один из примеров мировых XIV в., составленных с соблюдением всех формальностей. Староста Азика с «братьей» возбудили против Василия Матвеева дело о владении Шенкурским погостом, «а наставиле подвопскии и не идуче к суду и у р я д и л и с я р я д о м». В мировой записи были указаны условия «р я д а», засвидетельствованные «р я д ц а м и» и «п о с л у х а м и» [114].

Вот другой пример. В первой четверти XV в. Леонтий Зацепин «позвал... на суд» через дворянина жителей Княжострова, требуя с них возмещения убытков за «муку и грабеж». Княжостровцы сказали судьям, что у них был с Зацепиным «р я д», на основе которого он получил все, что ему следовало; отправляясь в суд, они снова «с р я д и ш а с я р я д о м по старому р я д у», что и заверили «р я д ч и с обе половине» [115].

Учитывая все нюансы сейчас рассмотренной терминологии, попытаемся разобраться в содержании грамоты № 344. Петр пишет Кузьме, которого называет своим братом. Может быть, это действительно его родной брат, а может быть, последний термин имеет более общее значение, указывая на человека своего круга, своей среды. Автор письма дает адресату советы касательно его спора с каким-то Дрочилой. Независимо от того, удастся ли Кузьме с ним договориться или нет, дело, по мнению Петра, не должно быть решено путем личной сделки; его следует

[112] Там же, стр. 294, ст. 62.
[113] Там же, стр. 61, ст. 10.
[114] ГВНП, стр. 279—280, № 279.
[115] Там же, стр. 188, № 132.

оформить специальным «рядом», зафиксировав там претензии истца и позицию ответчика.

Выше говорилось о наличии феодального произвола в средневековом обществе, о том, что агенты судебного аппарата в своих взаимоотношениях с гражданским населением под видом соблюдения закона проводили в жизнь беззаконие. Но в то же время в обществе были достаточно разработанные нормы права, существовала устойчивая система судопроизводства, сложилась разветвленная по своим видам документация, фиксировавшая судебные решения и юридические сделки. Эти две черты общественной жизни не только не вступали в противоречие, но сосуществовали. Это были две стороны одного и того же порядка. Выдавая бессудную грамоту, суд соблюдал все формальности закона и, в то же время осуждая (по чисто формальным соображениям) одну сторону и уступая требованиям другой, открывал дорогу произволу. Когда частным собственникам, интересы которых сталкивались, удавалось их временно уравновесить, они старались закрепить свою договоренность правовой санкцией со стороны суда, но оформленная таким образом мировая часто становилась основой нового расхождения интересов. Значение берестяных новгородских грамот и заключается в том, что они дают материал для характеристики обеих указанных сторон феодального общества.

Среди видов судебных доказательств, пожалуй, наибольший интерес представляет п о с л у ш е с т в о. Роль послуха (свидетеля) согласно средневековому праву отличалась активным характером. Он выступал на суде не просто как очевидец происшедшего, а как своего рода адвокат потерпевшего, защитник его интересов. Подобный характер выступлений послуха является, вероятно, пережитком в феодальном обществе порядков общинного суда, на котором происходило как бы состязание сторон.

Текст новгородской берестяной грамоты № 154 (XIV—XV вв.) [116] гласит следующее: «Воспросиле правщике Оманта. Ростягалесь Фппе с Ываносъ Стоикомъ. Виделе есмь пцю не промежи Филппомъ, Иваномъ [117]. Дале Фили-

[116] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 31—33.

[117] Транскрипция А. В. Арциховского: «Виделе еимьцю не промежи Филипом Иваном». По Л. П. Жуковской (НБГ, стр. 54), «Виделе есмъ цюле».

пе Стоику 3 рубле серебромъ и 7 гривенъ кунъ и конь. А уведается Стоике в вири и с посадникомъ и с сочкыми. А то ся диялось седне во Велики день. А то диялось на погосте на торге». Вот перевод документа, предлагаемый А. В. Арциховским: «Допросили праведщики Оманта. Возбудил дело Филипп с Иваном Стойком. Видел Омант вина не между Филиппом и Иваном. Дал Филипп Стойку 3 рубля серебром и 7 гривен кун и коня. А должен иметь дело Стойко насчет виры с посадником и с сотскими. А это происходило сегодня, в праздник [118]. А это происходило на погосте, на торгу».

По-моему, этот перевод значительно уяснится и уточнится, если для его объяснения привлечь Псковскую судную грамоту. В берестяном документе речь идет о судебном разборе дела, случившегося в праздник, вероятно, во время, какого-то торжественного сбора или пиршества, где-то за пределами города, на погосте, на торгу. О таких происшествиях — «у торгу... па пригороде, или в селе на волости в пиру» — говорит ст. 27 Псковской судной грамоты. Что же это за дела? Во-первых,— об ограблении («грабеже»), во-вторых,— об избиении («бое») [119]. За этими юридическими определениями скрываются самые разнообразные случаи имущественных споров и столкновений между представителями как одного, так и различных классов.

Разбор подобных дел согласно Псковской судной грамоте производился при помощи послуха. В берестяной грамоте № 154 применяется как раз такая же процедура. Очевидно, Омант — это послух по тяжбе Филиппа с Иваном Стойком, которого допрашивают судебные приставы («праведчики»). Несколько непонятно выражение «виделе есмь ицю не промежи Филипомъ, Иваномъ...». Смысл его, мне кажется, состоит в том, что послух Омант, выступая свидетелем, обязуется не держать пристрастно сторону ни одного из истцов: ни Филиппа, ни Ивана. Это отвечает требованиям, предъявляемым к суду Псковской судной грамотой, по которой одна из сторон могла отвести послуха, выдвинутого другой [120]. В результате расследования выяснилось, что Иван Стойко ограблен Филиппом, ко-

[118] По Л. П. Жуковской, «на пасху».
[119] ПРП, вып. II, стр. 289.
[120] Там же, стр. 288—289.

торый должен вернуть ему 3 рубля серебром, 7 гривен кун и коня. Одновременно было установлено, что Стойку нанесено увечье (иначе не возник бы вопрос о вире). Такое дело не могло быть решено на месте, и Стойку было предложено обратиться по этому вопросу в суд посадника с сотскими [121].

Данные о послушестве содержит и берестяная грамота № 25 (XIV в.) [122]: «Ухо к тобе с Васильемъ со Желутковымъ, и ты ухо положи на суде. А на мене сешли на томъ, цто еси конь позналъ у немцина, и ухо еси за мене дале, и немцине с себе поводъ сложиле...» (далее низ документа оторван и разобрать слова нельзя). Смысл текста А. В. Арциховский уловил правильно: «адресат имел судебное дело с немцем из-за коня». Слово «ухо», говорит А. В. Арциховский, «означает, судя по контексту, свидетельское показание на суде». Выражение «повод сложил» значит, что «немчин», у которого «был опознан чужой конь», отказался от права владения им (Б. А. Рыбаков) [123].

Но как все же передать содержание берестяного письма № 25? Автор письма вспоминает, что его адресат в свое время обвинил какого-то «немчина» в том, что он присвоил его коня. «Немчин» был вынужден сознаться в этом под давлением неопровержимых улик. Что же это за улики? По всем данным,— показания автора письма, на которые он предлагает своему адресату еще раз сослаться, так как дело, очевидно, не было закончено и возникло вновь. Слова «ухо еси за мене дале», по-видимому, надо понимать так, что автор грамоты был привлечен в качестве послуха по спору о коне между новгородцем и немцем. Затем «немчин», надо думать, снова поднял вопрос о коне. Поводом к этому могло послужить то, что по средневековому праву в тяжбах между русскими людьми и иностранцами суд должен был руководствоваться показаниями двух послухов, представленных каждой из сторон:

[121] О сотском и посаднике речь шла и в берестяной грамоте № 294 (XIII в.), но поскольку от нее сохранился лишь ничтожный обрывок («...соцского, а пос...»), нельзя сказать, близка ли она по содержанию к № 154, или сотский и посадник упоминались совсем в другом контексте.

[122] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 27—28.

[123] В. И. Борковский переводит это выражение: «и немец не признал показания против него» (Новые находки берестяных грамот.— ВЯ, 1953, № 4, стр. 125). На обороте: «напередъ рубля напередъ паменесенена».

и русским человеком, и иностранцем. Так, в договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. содержится пункт: «Русину же не лзе възвести одиного русина в послушьство: нъ поставити русина же немчича в послушьство» [124]. Кроме того, по законодательству того времени, иностранец, против которого была начата тяжба в Новгороде, так же как новгородец, которому предъявлялось обвинение за рубежом, могли отсрочить суд на год. Сведения об этом находим в договоре Новгорода с Готским берегом 1189—1199 гг.: «Оже родится тяжа в Немцех новгородцю, любо немчину Новегороде, то рубежа не творяти, на другое лето жаловати» [125].

Вероятно, вновь поднятая «немчином» «тяжа» заставила его соперника новгородца снова обратиться к своему бывшему послуху, а тот, не имея возможности почему-то сам явиться в суд, отправил свои письменные показания с некиим Василием Желутковым, уполномочив его выступить за себя перед судом.

С Псковской судной грамотой можно, думается, связать и грамоту на бересте № 309 (XV в.) [126], в которой написано: «А се билъ челемъ Ивашь сс Ивапомъ о жеребьце».

А. В. Арциховский считает, что перед нами челобитье двух лиц (носивших одно и то же имя) своему господину о выдаче им жеребца; «затем сам господин написал себе для памяти эту записку».

Однако «бить челом», значит не только «просить», но и «жаловаться», «возбуждать судебное дело». Так, напрмер, в 1411 г. «били челом» новгородским посаднику, тысяцкому «и всему господину Великому Новугороду» Степан Есппович с братьей с жалобой на незаконное изъятие «поралья» с «сирот» Терпилова погоста [127]. В начале XIV в. «били челом» староста Азпка и его «братья» князю Афанасью на Василия Матвеева [128]. Может быть, и в берестяной грамоте № 309 речь идет о споре двух Иванов (социальное положение их неизвестно) из-за коня. Такой спор предусмотрен Псковской судной гра-

[124] ПРП, вып. II, стр. 61.
[125] Там же, стр. 126.
[126] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. ИГБ (1956—1957), стр. 141.
[127] ГВНП, стр. 146, № 89.
[128] Там же, стр. 279, № 279.

мотой: «У которого человека имутся за конь, или за корову, или за пную скотину...» [129]

Новгородские берестяные грамоты наполняют Псковскую судную грамоту, так же как и Русскую Правду, живым, конкретным содержанием. Перед нами проходит ряд иногда привлекающих внимание своей выразительностью, а иногда мелких, будничных, лишенных ярких красок судебных споров и тяжб, в которых и судьи, и истец с ответчиком, и их недруги и доброжелатели проявляют внимание к правовым нормам, умение разбираться в юридической казуистике, используя закон в том или ином направлении. Обыденность, будничность этих судебных дел, порожденных ссорой и дракой, в праздник, на пиру, или нежеланием уступить один другому лошадь и т. д., и делает запечатлевшие их берестяные документы особенно ценным источником.

§ 3. Кредитные сделки, денежные иски и споры

Значительное число судебных дел вызвано денежными исками. Это и естественно для такого крупного города, как Великий Новгород, важный центр внутренней и внешней торговли, где были люди, владевшие капиталами, и люди, нуждавшиеся в кредите, где ростовщики опутывали цепкой паутиной бедноту. Натуральный характер экономики не исключал довольно широкого по тому времени развития обмена, но придавал кредитным сделкам особо жесткий, кабальный характер.

Говоря о документации, связанной с долговыми обязательствами, прежде всего следует отметить некоторые фрагменты берестяных грамот, в которых уцелели только обозначения тех или иных денежных единиц. Так, в письме на бересте № 326 (XIII—XIV вв.) [130] удается разобрать: «...вожта оупер... я... жтаи 4 гр[и]вне оуте...» Конечно, лишь предположительно можно сказать, что перед нами долговая запись.

Отдельные слова сохранились в дефектной грамоте № 221 (XIII в.) [131]: «...оу Оливориня воземи... сереба, а

[129] ПРП, вып. II, стр. 300, ст. 110.
[130] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 14—15.
[131] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 42—44.

Онапею посм...» Речь могла идти как о займе «серебра» (денег), так и о возврате долга. Но, может быть, это и плата за проданный товар. То же самое следует заметить и о грамоте № 110 (XIII в.) [132–133], дошедшей в виде четырех разорванных кусков, на которых разбираются обрывки слов: «...льша... ево...се[р]ебро».

Оформление договора займа допустимо видеть в документе на бересте № 392 (XIII—XIV вв.) [134]: «...оу Тешена возяле 20 гривено... и гривна из (или „и 7") ногато».

А. В. Арциховский считает, что вариант чтения «и 7 ногато» надо отвести, ибо, если бы буква «з» имела цифровое значение, она была бы отмечена точками или титлом. Поэтому исследователь делает вывод: «Несомненно здесь имеется в виду гривна, накопившаяся из мелких денежных единиц и противополагаемая гривне-слитку», хотя «возможен спор, каковы были эти мелкие единицы: металлические, меховые или иные». В. Л. Янин, сопоставляя берестяное письмо № 392 с грамотами № 215—218, 227, 349, 355, 410, приходит к заключению, что в конце XIII в. одновременно употреблялись гривны двух родов, состоявшие из 7 и из 10 ногат [135].

Мне все же думается, что нет оснований отвергать возможность прочтения в тексте № 392—«и 7 ногато» (титло над буквой «з» могло быть и пропущено). Поэтому не исключено, что автор грамоты № 392 взял у Тешена (очевидно, в долг) 21 гривну и 7 ногат (а не 21 гривну из ногат и не 20 гривен в слитках и одну гривну мелочью из ногат). Следовательно, вопрос о появлении в конце XIII в. гривны, состоящей из 7 (так же как из 10) ногат, остается в плоскости гипотез.

В отрывке грамоты № 355 (XIV в.) [136] написано: «На Симане на лпсидицинке гривна. На Дорофеи на кожевнике 6 семенци [137]. На Климяте на Парфеневе 3 гривне. На Василе на...»

[132–133] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 41.

[134] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 95—96.

[135] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 164.

[136] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1958—1961) стр. 47—49.

[137] В. Л. Янин считает, что семпца — это гривна из 7 ногат (*В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 164).

По-видимому, перед нами перечень долгов и должников. Среди последних названы два ремесленника: кожевник и лисичник (специалист по выделке лисьих шкур). И кожевники, и лисичники упоминаются в новгородских писцовых книгах XVI в. [138]

Документ № 293 (XIII в.) [139] проливает некоторый свет на ту среду, в которой действовали ростовщики.

От грамоты № 293 сохранилась левая часть, где можно прочесть: «От попа къ Завиду. Дъвемадесятьма гривь безъ гривьне на... резанъ дъв[о]е, то ти [140] 5 гривьнъ и 8 кунъ въдаи Волотъковеи, ...ьзми за ся. И кланяюся [141]. То и гиривьне серебъра».

Здесь речь идет о распределении каких-то, довольно больших, денежных сумм. Названо несколько цифр: девятнадцать гривен и две резаны; пять гривен и восемь кун. Взаимоотношение между этими цифрами из-за разрывов в тексте не очень ясное. Оно не устанавливается и переводом А. В. Арциховского: «От попа к Завиду. Девятнадцатью гривнами на... две резаны это тебе. 5 гривен и 8 кун отдай жене Волотка... возьми за себя. И кланяюсь той гривне серебра».

Распоряжения о распределении сумм дает автор письма — какой-то поп. Обращается он к светскому лицу — Завиду. В каких отношениях они находятся друг к другу, мы не знаем. Но на некоторые соображения наводит сравнение берестяного письма № 293 с духовной Климента не позднее 1270 г.[142] Климент был должником новгородского Юрьева монастыря, и его игумена Варлаама сделал своим приказчиком. Может быть, и Завид, подобно Клименту, занял деньги у духовного лица, и этому вопросу и посвящено берестяное письмо № 293? Сумма долга Завида попу, очевидно, девятнадцать гривен и две резаны. Кстати, примерно такой же была и задолженность Климента (двадцать гривен серебра). Ссужая Завида, поп предлагает ему пять

[138] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 84.

[139] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 122—123.

[140] А. В. Арциховский здесь ставит точку.

[141] А. В. Арциховский читает: «И кланяются тои гиривьне серебъра».

[142] ГВНП, стр. 162—163, № 105.

гривен восемь кун (наверное, из названной цифры в девятнадцать гривен с лишним) отдать Волотковой жене (вероятно, он задолжал и ей или ее мужу, и сам расплатиться не мог), остальное оставить себе.

Вызывает некоторые недоумения последняя строчка письма. Расставляя соответствующим образом знаки препинания («И кланяюся тои гпривьне серебъра»), А. В. Арциховский видел в этой фразе «шутливый оборот речи». «Подобная шутка,— писал исследователь,— в денежном письме понятна. Автор получает, судя по этому, на гривну меньше, чем предполагал, но решает примириться с этим. Совершенно такое же выражение в таких обстоятельствах возможно и теперь».

Я думаю, что фразу на последней строке грамоты № 293 надо разбить на две и тогда текст получит совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывает в него А. В. Арциховский. Первая фраза — «И кланяюся». Это конечная формула приветствия, которой было вполне уместно завершить письмо. Затем следует новое предложение: «То и гпривьне серебра». Это значит, что гривны, упомянутые в грамоте, были не счетными, а серебряными.

И последнее. Климент был связан с купеческой корпорацией при церкви Иоанна Предтечи на Опоках. Может быть, в эту корпорацию входил и Завид, а кредитовавший его поп являлся священником указанной церкви? Если так, то это было бы лишним указанием на ту среду горожан, в которой были распространены кредитные сделки.

Новгородские письма на бересте рисуют те споры, которые возникали между кредиторами и должниками и иногда разрешались мирным путем, добровольным соглашением, иногда доходили до суда.

В грамоте № 389 (XIV в.) [143], от которой сохранилось лишь начало, находим следующий текст: «От Лоукы ко Марфи. Цто Олекса Колбинць далъ пороукоу в коунахъ, да ти бы дати коуны на Пьтровъ день во рисаль...»

Речь идет о поручительстве за должника в том, что он в назначенное время вернет заимодавцу взятые у него деньги. Известны заемные кабалы, в которых Петров день (29 июня) или Петрово заговейно (Петровский пост) фигу-

[143] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 88—89.

рируют в качестве срока расплаты по долговым обязательствам.

О поручительстве по денежным займам довольно развернутое постановление имеется в Псковской судной грамоте. В ней говорится: если кредитор возбудит иск о долговой сумме к поручителю, должник же, за которого тот ручался, предъявит в ответ на претензию заимодавца платежную расписку, то подобной расписке не верить, если в городском архиве не окажется ее копии [144].

Данная статья Псковской судной грамоты помогает понять смысл берестяного письма № 389. В нем фигурируют три лица: Лука (как доказал А. В. Арциховский,— известный новгородский политический деятель Лука Варфоломеевич), Марфа, Олекса Колбинец. Неубедительно предположение В. Л. Янина [145], что Олекса и Колбинец — два разных человека, Лука Варфоломеевич — вероятно, кредитор; Марфа — должница (хотя А. В. Арциховский и В. Л. Янин это отрицают); Олекса Колбинец — человек, поручившийся за Марфу. Обращаясь к Марфе, Лука напоминает ей, что 29 июня наступает срок уплаты ею долга; если она к этому времени не возвратит деньги, то он предъявит иск к поручителю.

По-разному толкуют исследователи грамоту № 45 (XIII—XIV вв.) [146], где говорится: «Се соцетеся добро со Семеномо на полотеретея рубля на 3 годы полоцтевертынатця гривно, а рубл...» (конца нет).

Переводя «соцетеся» как «сочтетеся», А. В. Арциховскнй указывает, что перед нами денежный документ, но в силу его оборванности нельзя установить соотношения имеющихся в нем цифр (два с половиной рубля и тринадцать с половиной гривен). Столь же неопределенно отзывается о документе и Л. П. Жуковская, отмечая, без должной уверенности, что в нем «говорится о товарах» или что ад-

[144] «А которои человек поручится за друга в серебре, а имет тот человек сочит на поручнике своего серебра, и тот истец, по ком рука дана, вымет против своего исца рядницу, а молвит так: «аз, брате, тобе заплатил то се[ре]бро за тою рукою, а у мене и рядница», што ему не сочить истьцу на исце того серебра, ни на поручники,— ино тая порядня повинить, аже в лары не будет в ты же речи, а исцу знати поручника в своем серебре, кто по ком руку дал» (ПРП. вып. II. стр. 290, ст. 32).

[145] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 107.

[146] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 46—48.

ресаты либо автор его были купцами [147]. В. Л. Янин считает рассматриваемую грамоту закладной [148]. Б. Б. Кафенгауз сопоставляет слово «соцетеся» с встречающимся в Псковской судной грамоте глаголом «сочить» в смысле искать по суду, взыскивать, и переводит текст следующим образом: «Вот хорошо взыскано с Семена (или хорошо договорились с Семеном о получении) за 2 $^1/_2$ рубля в течение трех лет по 13 $^1/_2$ гривны, а рубль...» [149]

Думаю, что слово «соцетеся» действительно надо производить от глагола «сочить» (предъявлять взыскание), а не «считать». Но что значит «соцетеся добро»? Мне кажется, что это выражение можно понимать только в том смысле, что одна сторона возбудила иск, а другая пошла на мировую, не доводя дело до суда или договорившись с истцом во время судебного разбирательства. Действительно, Псковская судная грамота предусматривает два возможных исхода гражданских исков: тот, «на ком сочат» (ответчик), или начнет «запираться», т. е. откажется удовлетворить претензии истца, или же, напротив, добровольно отдаст ему то, что он требует [150].

До нас дошли мировые записи, которыми заканчивались споры и которые составлялись как с доклада, так и без доклада органам власти. Вот одна из таких записей конца XV в. И. С. Львов «взводил судью» на братию Троице-Сергиева монастыря, оспаривая у ней один починок. Но затем спорящие стороны пришли к примирению — «кончали... межи собя о том деле» и решили в дальнейшем тяжбы не возобновлять («а потом, господине, нам межи собя в том деле не искать ни одному ни на одном ничего») [151].

Выражение «се соцетеся добро» в берестяной грамоте № 45 говорит, что это тоже мировая запись. А о чем состоялось добровольное соглашение? О расчетах, связанных с договором займа. Очевидно, истец — это заимодавец, ответчик — должник. Неизвестно, была ли между ними

[147] *Л. П. Жуковская.* НБГ, стр. 69.
[148] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 38. Исследователь читает: «Се соцетеся Бобро со Семеномо...»
[149] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 171.
[150] ПРП, вып. II, стр. 288, статьи 17 и 18.
[151] АСЭИ, т. I, стр. 387, № 510.

устная сделка относительно кредитования одним другого, или эту сделку оформили путем составления заемной кабалы? Вернее последнее, ибо Псковская судная грамота требовала, чтобы при исках, касающихся долговых обязательств на сумму свыше рубля, в суд предъявлялись письменные документы [152]. В Северо-Восточной Руси сложился устойчивый тип подобных кабал. Вот их образец: «...се аз, Михаил Титов сын, [с] своею женою... и [с] своими детми... заняли есмя у Федора у Васильевича четыре рубли денег... на год, а росту нам ему дати на те денги на рубь по две гривны...» [153]

С этим формуляром в основном совпадает и запись денежной сделки, имеющаяся в берестяном документе № 45: «на полотеретея рубля па 3 годы полоцтевертыпатця гривно...». 2 $^1/_2$ рубля — это долговая сумма; 13 $^1/_2$ гривен — «рост», проценты за три года. По поводу взыскания долга и процентов, очевидно, возникла судебная тяжба, но истец с ответчиком договорились, и дело погасили.

Долговой иск зафиксирован в грамоте № 30 (XIV в.) [154]: «От Якова к Евану. Что слешь ко мне про серебро, то ведаю, аже ты дале серебро на собе, то ведаю, а иного не ведаю: како ли ты венилеся, како ли что дале еси рубль на собе». По мнению А. В. Арциховского, «грамота посвящена денежным расчетам. Яков отвечает Ивану па письмо, где была речь п р о с е р е б р о, т. е., очевидно, про долг». Несколько удивляет А. В. Арциховского имеющееся в документе противопоставление серебра и рубля: «Яков знает, что Иван дал на себе серебро, но не знает, дал ли Иван на себе рубль». А. В. Арциховский считает вероятным «такое истолкование: Яков слышал про отдачу какого-то долга, но не знает, отдан ли определенный долг размером в рубль». Б. Б. Кафенгауз отмечает, что должник «признает свой долг, но автор письма не знает, в какой сумме адресат признал себя должным, в размере рубля или больше» [155].

Полную ясность в текст берестяной записи № 30 вносит ст. 30 Псковской судной грамоты, согласно которой разре-

[152] ПРП, вып. II, стр. 290, ст. 30.
[153] АСЭИ, т. III, стр. 374, № 349.
[154] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 31—32.
[155] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 171.

шалось давать в долг деньги («серебро») без заклада и без специально оформленной заемной кабалы на сумму не более рубля. В случае предъявления иска в денежной ссуде свыше рубля на основании простой доски (расписки о долговых обязательствах), не обеспеченной закладом, суд отказывал истцу в удовлетворении его претензии, а ответчик (не признавший долга) выигрывал дело [156]. В свете рассмотренной нормы Псковской судной грамоты текст берестяной записи № 30 надо понимать следующим образом. Иван задолжал своему кредитору, не оформив с ним соответствующим образом своих взаимоотношений. Тот требует с него рубль (на что имеет право без всяких документов). Иван считает себя виновным в меньшей сумме и обращается к Якову с просьбой подтвердить это. Тот отвечает, что ему известен лишь самый факт получения Иваном денежной ссуды, но не ее размеры. Можно предложить и другой вариант толкования содержания берестяной записи № 30. Ст. 31 Псковской судной грамоты рассматривает случай предъявления кредитором ко взысканию доски, обеспеченной закладом на сумму свыше рубля, причем в действительности стоимость заклада оказывается меньше искомой долговой суммы, а ответчик отрицает факт сделки [157]. Может быть, и кредитор Ивана требовал с него больше рубля, оперируя фиктивным закладом, и должнику нужно было посредством свидетельских показаний Якова опровергнуть эту фикцию. Во всяком случае, берестяная грамота № 30 рисует конфликт между кредитором-ростовщиком и кабальным должником.

Очень трудна для понимания грамота № 328 (XIII—XIV вв.) [158], от которой дошло семь небольших отрывков:

Первый отрывок: «Поклонъ от Евъ...»

Второй: «...пмье ко Пер...»

Третий: «...и...»

Четвертый: «...деслав... оу... ине... н...»

Пятый: «...възяле 8...»

Шестой: «...язъ»

Седьмой: «...рекла полтиноу...»

Более или менее связно читаются лишь три фразы: «Поклонъ от Евъфимье ко Пер... възяле 8... язъ рекла полтиноу...».

[156] ПРП, вып. II, стр. 290.
[157] Там же, стр. 290.
[158] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 16—17.

Автор письма Евфимья сообщает адресату о каких-то денежных расчетах. О каких — гадать трудно. Могу предложить лишь одну гипотезу, исходя из текста ст. 62 Псковской судной грамоты. В ней говорится, что человек, возбудивший против кого-либо денежный иск, может, договорившись с ответчиком на суде или у присяги, ограничиться получением лишь части иска: «А кто на ком имет чего искать по доскам или по закладом, а смолве у своего истца возмет от много мало по суду, и чтобы у креста,— ино в том пени нет...» [159].

Может быть, этой теме и посвящено письмо Евфимьи. Ее адресат взял у нее восемь каких-то денежных единиц (рублей?). Она согласна, чтобы он вернул ей сейчас полтину.

В отрывке грамоты № 393 (XIII—XIV вв.) [160] говорится: «...Кузма далъ 70... ни 12 своихъ ...20, а что Григо...»

Неизвестно, какие денежные единицы имеются в виду: гривны, рубли? Упоминаемый в грамоте Кузьма фигурирует также в письме № 344 в качестве адресата некоего Петра. В указанном письме речь идет о заключении мировой. Вероятно, и в грамоте № 393 подразумевается нечто подобное. Был какой-то имущественный спор, урегулирование которого связано с соответствующими денежными расчетами.

Рассмотренный материал свидетельствует одновременно и о развитии денежных сделок, связанном с товарообменом, торговлей, и об ограниченном уровне товарных отношений, вызывающем недостаток денежного обращения и бросающем в кабалу лиц, нуждающихся в кредите. Преимущественно это, по-видимому, горожане, представители торгово-ремесленного населения. Именно в их среде совершались, надо думать, операции с оформлением долговых обязательств, одни лица ручались за других, а затем между кредиторами, должниками, поручителями возникали споры, тяжбы, завершавшиеся судом или мировой. Материал наш слишком ограничен, чтобы судить о роли землевладельцев в качестве ростовщиков. Но мы видим, однако, в этой роли крупного новгородского посадника. Выступает в качестве ростовщика и духовное лицо —поп.

[159] ПРП, вып. II, стр. 294.
[160] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 96.

В Псковской судной грамоте, наряду со статьями, касающимися долговых исков, имеется ряд постановлений относительно разбора дел о возврате имущества, отданного на хранение. В новгородских берестяных грамотах находим конкретные образцы подобных дел.

В грамоте № 141 (XIII в.) [161] читаем: «Оу Сидора оу Тадоуя оу Ладопги положиле Гришка с Костою. А во тоболахо. А Гришки кожюхе, свита, сороцица, шянка. А Костина свита, сороцица. А тоболи Костини. А сапоги Костини. А дроугии Гришкини. А цто ся подите на Мовозери, присславъши възмете». По мнению А. В. Арциховского, «документ свидетельствует о ломбардной операции. Три имени — Сидор, Тадуй, Ладопга — принадлежат, вероятно, одному человеку (крестильное имя, народное имя и прозвище). Этот человек был ростовщиком. Гришка и Коста заложили у него свои одежды, упаковав их предварительно в тоболы». Б. Б. Кафенгауз присоединяется к точке зрения А. В. Арциховского [162].

Я также считаю, что А. В. Арциховский правильно определил смысл документа, и только полагаю, что обращение к Псковской судной грамоте поможет уточнить в его содержании некоторые детали. Берестяная запись № 141 фиксирует сделку, которая в Псковской судной грамоте обозначается термином «сблюденье» — «зблюденье» (отдача на определенных, иногда, вероятно, кабальных, условиях вещей на хранение). Псковская судная грамота в статьях 16—17 называет некоторые, наиболее типичные, случаи, при которых имущество передавалось на хранение: отъезд в «чужую землю», пожар, народные волнения. Эти обстоятельства, по-видимому, использовали в целях обогащения те представители ростовщических кругов, которые брали вещи на «сблюденье». Запись № 141 имеет в виду один из трех вышеуказанных случаев — отъезд («А цто ся подите на Мовозери»). Оформление записи (с точным перечислением вещей) вызвано, очевидно, тем, что согласно закону (ст. 19 Псковской судной грамоты) суд не принимал исков об имуществе, сданном на хранение, без представления его поименной росписи («а кто имет искати

[161] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 17—19.

[162] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 173.

зблюденна, по доскам, безпмено, старине, ино тот не доискался») [163].

Вопросу о «сблюденье» посвящена, по-видимому, и грамота № 40 (XV в.) [164], начало которой утрачено, а конец читается так: «...в нен гвозду, а стоять во потклете; кто придеть з берестомъ».

А. В. Арциховский отказывается раскрыть значение выражения «... в нен гвозду». Дальнейший текст, по его мнению, означает, что люди, приходившие с берестяными грамотами, должны были ожидать кого-то в нижнем этаже. В. И. Борковский считает, что слово «стоять» относится к предметам, помещавшимся в подклети — нижнем ярусе дома, а со слова «кто» начиналось новое предложение, дошедшее до нас в незавершенном виде, ибо грамота не имеет конца. Какова связь выражения «в нен гвозду» с последующим текстом, исследователь не указывает. В целом В. И. Борковский предлагает следующий перевод: «...в ней гвоздю (возможно: „гвоздя“). А стоят в подклети. Кто придет с берестяной грамотой...». Возможно, что хозяин дома был вне Новгорода и поручил лицу, которому он дал берестяную грамоту, доставить нужные предметы. Автор письма называет, что именно ему необходимо, и рассказывает, где все это находится [165]. Л. А. Булаховский в основном присоединяется к точке зрения В. И. Борковского. Что касается термина «гвозду», то он полагает, что это имя лица, которому поручалось хранить находившиеся в подклети вещи или распоряжаться ими [166]. Последнее соображение представляется довольно натянутым.

При толковании грамоты № 40 можно исходить из предпосылки, что здесь говорится о чем-то, сосредоточенном в подклети. Из контекста — «в нен гвозду» ясно, что имеются в виду какие-то вещи в таре, заколоченной гвоздями, или набор гвоздей, упакованный в какую-то тару. Если верно первое, то, очевидно, речь может идти о предметах одежды, украшения, питания и пр., которые обычно хранились и перевозились в ящиках, ларцах, коробьях, бо-

[163] ПРП, вып. II, стр. 288.

[164] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 39—40.

[165] *В. И. Борковский.* Новые находки берестяных грамот (ВЯ, 1953, № 4, стр. 125).

[166] *Л. А. Булаховский.* Рецензия («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», т. XV, вып. 1, 1956, стр. 76—81).

чках и пр.[167] Но из приведенного перечня ларцы и ящики следует исключить, ибо к существительным мужского рода не могут относиться слова «в ней гвозду». Скорее всего в утраченных местах грамоты говорилось о коробьях или бочках (в Новгородской летописи под 1204 г. читаем: «а из бочок гвозды выняша и видиша воду текущу...»[168]). Однако, как было сказано, возможно и другое толкование грамоты: «в ней» (т.е. в какой-то таре, названной в тексте, сейчас оторванном) был упакован запас гвоздей, которые приобретались для нужд феодального хозяйства обычно сразу в большом количестве[169].

Незаконченная фраза «кто придеть з берестом» содержит предписание выдать из содержимого в подклети человеку, который явится с соответствующим берестяным документом, то, что там будет указано. Возможно, владельцем подклети является или лицо, взявшее на хранение чужое имущество, или кредитор, принявший, в обеспечение выданной денежной ссуды, чужие вещи в заклад, или, наконец, купец, торговавший на полученные от других деньги и приобретший товары для своих компаньонов. О всех подобных сделках говорят и Русская Правда[170], и Псковская судная грамота[171], причем в последнем памятнике указано, что иски о «зблюденни», «ссуде», «торговле» не должны быть «безъимянными». Поэтому-то в рассматриваемом сейчас документе и требуется предъявление «бероста» с поименным перечнем того, что следует выдать предъявителю из подклети.

Многое из законодательства, зафиксированного в Псковской судной грамоте, становится более ясным в свете того материала, который содержится в новгородских документах на бересте. Очевидно, правовые нормы, действовавшие в Пскове и Новгороде, были весьма близкими, и эта близость дает возможность использовать новгородские берестяные письма для более углубленного комментирования Псковской судной грамоты, а на основе последней понять содержание ряда берестяных текстов.

[167] ДДГ, стр. 177, № 57; стр. 312, №80; АСЭИ, т. II, стр. 88, № 151; стр. 118, № 186.
[168] НПЛ, стр. 241.
[169] АСЭИ, т. III, стр. 127, № 92.
[170] Русская Правда Пространной редакции, статьи 44 и 45.
[171] ПРП, вып. II, стр. 292, ст. 45.

§ 4. Наследственное право и суд о наследстве и опеке

Среди берестяных документов есть такие, которые можно квалифицировать как духовные или завещания. К числу их А. В. Арциховский отнес грамоту на бересте № 369 (XIV в.) [172]. Она оборвана. Осталась середина, в которой можно прочитать: «...аго духа. Се язъ рабъ б... у своему Конъдрат... белки оу Петра в Лав... емена Шюбиниця з...»

Начало духовной легко восстановить, зная типичный формуляр подобного рода документов: «[Во имя отца и сына и свят]аго духа. Се язъ рабъ б[ожий такой-то]...» [173].

Далее в духовных обычно следует указание на написание завещателем «рукописанья», «отходя сего света», «при своем животе», «своим целым умом» [174]. Имелась ли (и в каком виде) данная формула в грамоте № 369, сказать трудно. Вряд ли она стояла полностью: оторванные куски были не на столько велики, чтобы ее уместить. В некоторых сохранившихся духовных говорится более коротко: «списсах рукописанье при своем животе» [175] или «отходя сего света, пишю рукописанье» [176]. Повторяю, неизвестно, какой текст шел в грамоте № 369 непосредственно за именем завещателя.

Очень трудно связать в единое целое последующие отрывочные слова. Отмечая, что для духовных обычно словосочетание — «сыну своему такому-то», А. В. Арциховский предполагает, что оно имелось и в грамоте № 369, «только неясно, кем приходился Кондрат завещателю. Завещаемые белки (обычный вид ценностей или денег) находились у какого-то Петра» — думает А. В. Арциховский.

Действительно, в ряде духовных мы находим распоряжения о передаче имущества сыновьям: «а приказываю живот свои жене Офимье и сыну Стефану и Василью...» [177]; «благословила есми своево сына Ивана...» [178] и пр. Но Арциховский прав, говоря, что местоимение «своему» в № 369 могло относиться не к сыну завещателя, а к какому-то дру-

[172] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 67.
[173] См. берестяные грамоты № 28 и 42.
[174] См. берестяные грамоты № 28 и 42 и ГНИП, стр. 248, № 226; стр. 250, № 230.
[175] ГВНП, стр. 166, № 110; стр. 195, № 144; стр. 202, № 155.
[176] Там же, стр. 256, № 239.
[177] Там же, стр. 169, № 111.
[178] АСЭИ, т. I, стр. 179, № 251.

гому родственнику. Случаи подобных распоряжений можно встретить в ряде актов: «приказываю братьи своеи и племяни своему»; «а теи земли все даю своему братню сыну Василью и его детем» [179] и т. д.

Не исключена возможность, что рассматриваемый текст вообще имеет в виду не наследников, а должников и кредиторов автора завещания. Для духовных типична статья: «где ми что дати или взяти» [180], в которой указывается, кому и сколько человек, писавший грамоту, должен денег и с кого какие суммы ему следует получить. В новгородских документах денежный счет обычно ведется на белы. Вполне возможно, что Кондрату, упоминаемому в грамоте № 369, ее автор обязан был какую-то сумму «дати», а у Петра и [С]емена Шюбинца имел право сколько-то бел «взяти». Если так, то отпадает предположение А. В. Арциховского, что Петр был хранителем ценностей, принадлежавших завещателю. Это просто его должник.

Фрагмент духовного завещания представляет собой грамота № 28 (XIV—XV вв.) [181]. Сохранились слова и части слов: «Во имя отца и сына и святого д... Фетинья, отход...ь при сво...»

А. В. Арциховский попытался восстановить отдельные дефектные места текста, привлекши для этой цели пергаменные и бумажные духовные грамоты, в которых обычно встречаются некоторые трафаретные формулы. Работу А. В. Арциховского можно продолжить и уточнить, реконструировав таким образом начало документа:

«Во имя отца и сына и святого д[уха се яз [182], раба божия] Фетинья, отход[я сего света [183], пишю [184] рукописан]ь при сво[ем животе]...»

Далее могла идти (хотя и не обязательно) фраза, говорящая, что завещание написано «своим целым умом». Затем, очевидно, Фетинья переходила к перечню того, что ей надлежало кому-либо «дати», а у кого что-либо «взяти» [185].

[179] ГВНП, стр. 202, № 155; стр. 248, № 226.
[180] Там же, стр. 251, № 230.
[181] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 29—30.
[182] Или «се аз» (ГВНП, стр. 184, № 126; стр. 195, № 144).
[183] Или «света сего», или «живота сего» (ГВНП, стр. 241, № 217; стр. 266, № 257; а также берестяная грамота № 42).
[184] Или «списала» (ГВНП, стр. 202, № 155; стр. 241, № 217).
[185] ГВНП, стр. 184, № 126.

Духовная на бересте, от которой сохранилось лишь начало, опубликована под № 42 (XIV в.) [186]: «Въ имя отца и сына и свя[того дух]а се азъ, [ра]бъ б[о]жи [187] Михаль. отхождя живота сего, пишю рукописание при своемь животе. Что ми Кобилькеи 2 рубля ведати... ни мое, на дет[е]мъ м[о]име...» [188].

Разрывы в тексте мешают его связному прочтению и пониманию. Для уяснения темных мест приходится (как мы это делали и в других случаях) обратиться к сопоставлению берестяной грамоты № 42 с пергаменными и бумажными новгородскими духовными. Напомним, что для них обычны списки долгов завещателей, а также тех денежных сумм, которые они сами дали займообразно другим лицам и которые должны получить их наследники. Если, исходя из этого, считать во фразе «Что ми Кобилькеи 2 рубля ведати» слово «Кобилькеи» за имя какого-то человека, то можно думать, что 2 рубля — это долг ему автора завещания Михаля. «Ведати», возможно, надо читать как «въдати».

Но «Кобилькеи» слишком необычное личное имя. Скорее это географическое название. В новгородских актах встречаются наименования, близкие к данному: например, Кобылий остров [189], Кильбостров [190]. В духовных часто содержатся распоряжения о передаче кому-либо, чаще всего родственникам и монастырям, земельных участков с приказанием детям и «роду»завещателя не нарушать его воли и не предъявлять претензий в отношении этих земель. Некая Марфа пишет: «А дала есми в дом святаго Николе куплю мужа своего Филипа...» [191] Схимник Федот Острохвост «отвел» по завещанию своего отца «лоскут земли» Николаевскому Чухченемскому монастырю [192]. Схимник Григорий Иванович говорит в своей духовной грамоте, что он продал Николаевскому Чухченемскому монастырю село и запрещает своему «роду» или «племяни», братье, зятьям,

[186] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 42—43.
[187] Реконструкция Б. А. Рыбакова. По А. В. Арциховскому, «Бъбжи» (имя собственное).
[188] Л. П. Жуковская (НБГ, стр. 55) читает: «мое... детям моим».
[189] ГВНП, стр. 147, № 90; стр. 306, № 316.
[190] Там же, стр.291, № 291; стр. 295—296, № 297—298.
[191] Там же, стр. 186, № 129.
[192] Там же, стр. 211, № 169.

дочерям, внучатам «подвыгивати» его «проданье» [193], т. е. отнимать у монастыря недвижимость.

По аналогии можно думать, что и автор берестяной грамоты № 42 завещает кому-то земельное владение, называемое Кобылькен, за долг в два рубля или продает его за такую сумму и заявляет, что отказывается от прав собственности на недвижимость за себя и за своих детей.

Не начало ли духовного завещания перед нами в уцелевшем кусочке грамоты № 111 (XIII в.) [194], где сохранилась (и то не полностью) лишь одна строчка: «...я [195] вита сама на своемо [196]. Се...»

Может быть, «...я вита» надо читать: «[отход]я [с]вита»...? Слова «сама на своемо», возможно, являются разновидностью типичных для духовных формул «при своем животе», «своим целым умом» [197] и означают: сама, при своей жизни, по своему разумению. Далее стоит крест (как это часто бывает в духовных), а затем, вероятно, шли реальные распоряжения (не сохранившиеся).

К вопросам наследственного права, по видимому, имеет отношение отрывок грамоты № 322 (XIII—XIV вв.) [198], в котором можно прочитать: «...тоу ина безо пятпд... пятисотъ, а оу пяти... бела, а жеребея нетоуть ни коунамъ, ни верши».

«Куны» — деньги, «вершь» — хлеб. В некоторых духовных грамотах говорится, что дети завещателя должны после его смерти разделить принадлежащие ему деньги и хлеб «по жеребьям», т. е. в соответствии с причитающейся по завещанию каждому из них долей имущества. Так, на рубеже XIII и XIV вв. Патрикей Строев пишет в своей духовной: «А што моего хлеба, ржи ли, яри ли, то им по жеребием» [199]. В духовной Мартемьяна XV в. говорится: «А ипые куны мои по жеребьем детем моим чисты» [200]. В деловой князей Кемских 1474—1486 гг. име-

[193] Там же, стр. 202, № 155.
[194] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 42.
[195] А. В. Арциховский читает: «а».
[196] После слова «своемо» стоит крест, который А. В. Арциховский принял за буквенное изображение цифры «10».
[197] ГВНП, стр. 248, № 226; стр. 250, № 230.
[198] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 13.
[199] АСЭИ, т. I, стр. 31, № 11.
[200] ГВНП, стр. 196, № 144.

ется статья: «а где что доищемся того статка отца нашего или поклажея, и нам тем всем делитись по жеребьем по духовной отца своего» [201].

В грамоте № 322, очевидно, речь идет о какой-то сумме денег и каком-то количестве зерна, которые некому делить «по жеребьям». Вернее всего, что это вымороч-ное имущество.

Интересный текст находим в грамоте № 138 (XIII в.) [202]: «Се азо, рабо б[о]жи Селивьстро, напсахъ роукописание. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьи полтина. Оу Алюевиць полтина. Оу Коузмиць оу Онпсимова 2 гр[и]вне. Оу Смепа оу Яколя двои чепи въ 2 рубля съ х[рес]т[о]мъ, бронп [203] во 2 серебра. Оу Кюрика оу Тюлпина семьдесято гр[и]в[е]нъ. Оу Бориска полоутора роубля. [И] оу Петряпца бумажнико и корова пороуцьная. Оу Селиле 10 гр[и]в[е]нъ. Оу Слпнька шапка въ 13 гр[и]вне. Оу Иваписа Япкыто, оу Федорец[а] 2 гр[и]вне. Оу Селекоусвица 3 гр[и]вне. Оу Григорьи оу Роготина 2 роубля... гр[и]вне...»

А. В. Арциховский указывает, что «грамоту надо признать записью новгородского ростовщика». Слово «рукописание», в ряде документов означающее духовное завещание, в данном случае А. В. Арциховский понимает просто как «рукопись». В ней, говорит А. В. Арциховский, «названо 12 человек, и перед каждым именем стоит предлог *у*, означающий, что за каждым из этих 12 человек числилось к моменту составления грамоты имущество». Несколько иначе толкует документ Б. Б. Кафенгауз. Соглашаясь с А. В. Арциховским, что берестяная грамота № 138 — это запись ростовщика, он в то же время полагает, что в ней речь идет не о раздаче в долг и денег и имущества (по определенной денежной оценке), а только о денежной ссуде, причем иногда под заклад вещей, которые здесь и названы [204].

Думаю, что свет на рассматриваемую берестяную запись может пролить ст. 14 Псковской судной грамоты, в

[201] АСЭИ, т. II, стр. 148, № 227а.

[202] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 11—15.

[203] Л. П. Жуковская расставляет знаки препинания иначе: «...двои чепи в 2 рубля, с х[рес]т[о]мъ брони во 2 серебра...» (НБГ, стр. 51—52).

[204] *Б. Б. Кафенгауз*. Заметки о новгородских берестяных грамотах, стр. 173.

которой говорится о порядке разбора исков, предъявляемых к душеприказчикам умершего или, наоборот, душеприказчиками к другим лицам по различным сделкам (денежным и на имущество), совершенным при жизни умершего между ним и его истцом. Псковская судная грамота указывает, что иск может быть об имуществе, принятом или отданном в свое время покойным на хранение, причем в качестве предметов иска названы деньги,платье, украшение или вообще какая-либо движимость. Может, судя по Псковской судной грамоте, возникнуть тяжба и о денежной ссуде: в виде ли простого займа («ссудна») или денег, данных для торговых оборотов («торговли»). Во всех этих случаях главным документальным доказательством прав умершего, которым должны пользоваться душеприказчики, Псковская судная грамота признает письменное распоряжение покойного («рукописание»), сданное им при своей жизни в государственный архив при Троицком соборе [205].

Думаю, что подобное «рукописание» и представляет собой берестяная грамота № 138. Это духовное завещание, но завещание особого типа (о котором говорит Псковская судная грамота), фиксирующее ростовщические сделки: денежные (с «серебром», с закладом и без заклада) и на имущество («платье» «круту» или «что-либо иное животное»). Все это фигурирует в берестяной записи № 138, причем речь в ней может идти и о денежных ссудах и о хранении (на ростовщических началах) вещей. Итак, берестяное «рукописание» № 138 — это ранее неизвестная и лишь упоминавшаяся Псковской судной грамотой разновидность духовных завещаний. Для характеристики социальных отношений в Новгороде и Пскове, где землевладельцы часто были одновременно купцами и ростовщиками, такого рода документ, конечно, очень важен.

Целый ряд документов на бересте рисует те конфликты, которые после смерти завещателей возникали между людьми, упомянутыми в их духовных в связи с какими-либо имущественными сделками, денежными операциями и т. д.

У небольшой по объему, четко написанной грамоты № 148 (XIII в.) [205] оторвана правая часть. Однако основ-

[205] ПРП, вып. II, стр. 287, ст. 14.
[206] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 27.

ной текст довольно ясен. «Поклно от Иева ко Прокопе, Господ[ине]... отказале тоби у мене 10 гривено с[еребра]... не займае язъ, како б[ог]ъ дасте, ...увидаюся».

А. В. Арциховский пишет по поводу данного письма: «Все слова понятны, но оборванность строк препятствует пониманию фраз». Мне кажется, этот вывод грешит излишним пессимизмом. В грамоте не так уж много разрывов, и они восполняются, если не буквально, то по смыслу. Существо дела, которое заставило Иева письменно обратиться к Прокопию, заключается в том, что некто «отказал» (т. е. завещал) адресату получить у автора письма 10 гривен серебра, которые последний в свое время занял у завещателя. Иев отрицает факт займа и обещает встретиться по этому поводу с адресатом и разобрать возникающий конфликт.

Право на такое толкование письма № 148 дает обращение к духовным грамотам. Возьмем для примера знаменитую духовную Климента XIII в., близкую по времени к берестяной грамоте № 148. У Климента не было ни детей, ни братьев, и свое имущество он завещал Новгородскому Юрьеву монастырю. При этом он распорядился, чтобы его денежный долг монастырю игумен и братья погасили из сумм, розданных им заимообразно разным лицам. Все эти лица в духовной перечислены, цифры их долгов названы, и завещатель обращается к игумену и братье с просьбой взять на себя взыскание денег. Климент предусматривает и возможность того, что должники откажутся платить. В таком случае завещатель с одной стороны взывает к суду божьему, а с другой — указывает, что надо обратиться в суд мирской и потребовать с неплательщиков деньги судебным порядком. «Или кто почнеть ся запирати того, ть станеть со мною перед богомь. А ты, Варламе, исправи, того же деля написах, зан да не было у мене брата, ни сыну. Аже кто вьс[ту]пить на сю грам[от]у, да не со мною с однымь станеть пре богомь, с всимь моимь племенем[ь]» [207].

Вот и Прокопий (лицо, упомянутое в берестяной грамоте № 148)) должен был взыскать (по чьему-то завещанию) с Иева 10 гривен серебра, тот начал «запираться» и (как Климент в своей духовной) ссылается на бога («...како богъ дасте...»), а в то же время обещает и здесь, на

[207] ГВНП, стр. 163, № 105.

земле, ответить на предъявленный иск. Слово «у в и д а ю с я», вероятно, надо понимать не как «увижусь», а как «у в е д а ю с ь» (т. е. встречусь для разбора дела на суде). Так, например, в Новгородской судной грамоте читаем: «А кого опослушествует послух, пно с ним у в е д а е т с я в две недели» [208].

К № 148 близка по содержанию грамота № 213 (XIII в.) [209], в которой столь же отчетливым почерком написано: «Про Местятку память па Радослава. Как отказало было на Местятке 7 гривно, про [210] женьню татбу будисто [211] суднее куне; а [212] самого щипало в-ыномо суде, за [213] то цетвертои жеребеи».

Это запись долгов Местятки Радославу. То, что Радослав называется полным именем, а Местятка уменьшительным (и даже уничижительным), свидетельствует, что первый является феодалом, а второй — зависимым от него человеком, может быть, закупом или изорником.

Слова «о т к а з а л о было» совпадают с обращением Иева к Прокопию в письме № 148: «...о т к а з а л е тоби у мене 10 гривно...». Очевидно, как Прокопию кто-то завещал получить с Иева долг, так и Радослав завещал своим наследникам (они, вероятно, были названы в специальной духовной) взыскать с Местятки сумму, которую тот ему должен.

Далее в грамоте № 213 следует перечисление составных элементов, из которых складывается семигривенный долг Местятки (а отнюдь не того, что он обязан вернуть Радославу помимо семи гривен, как думает А. В. Арциховский). Жена Местятки была обвинена в воровстве; состоялся суд, в результате которого ей пришлось платить пошлины. За нее расплатился Радослав, а Местятке предстояло возвратить последнему эти деньги. Выражение «суднее куне» я понимаю несколько иначе, чем А. В. Арциховский. Это не штраф за воровство, а именно пошлины за написание судебного приговора (жена Местятки была,

[208] ПРП, вып. II, стр. 217, ст. 35.
[209] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 34—35.
[210] А. В. Арциховский со слова «про», начинает новую фразу.
[211] А. В. Арциховский читает: «буди сто...».
[212] А. В. Арциховский с союза «а» начинает новую фразу.
[213] А. В. Арциховский со слова «за» начинает новую фразу.

по-видимому, оправдана). В Новгородской судной грамоте говорится: «А кто кого утяжет в татьбе с поличным, или в розбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевои грамоте, ино взять судьям от судной грамоты 4 гривны, а от безсудной 2 гривны»[214].

Другая часть долга Местятки Радославу образовалась в результате второго судебного процесса, на котором уже он сам (а не жена его) был ответчиком, а Радослав истцом. Спор шел о каком-то «четвертом жеребье». Вероятно, правильнее всего видеть в последних словах указание на «четверть», по поводу которой, судя по Псковской грамоте, шли тяжбы между феодалами и изорниками[215]. Местятка не внес четвертой части урожая, и Радослав за это «щипал» его на суде.

Таким образом, занесенные в особую «память» претензии Радослава к Местятке, которые последний не удовлетворил при жизни первого, после смерти Радослава могли предъявлять его наследники.

О денежных расчетах по духовным грамотам, может быть, речь идет в берестяном письме № 197 (XIII в.)[216], где читаем: «Се да я (или „дая“) Иеве серебро Матфею... [де]сяте серебра, аже т...» Из этого отрывка бесспорно лишь одно: Иев дал серебро (т. е. деньги) Матфею. Но что это за документ? Первая мысль, которая приходит в голову: перед нами заемная кабала. Но кабалы обычно начинаются словами: «се...взял», «се...занял», а не «се дая». Например: «Се я Обросим и Лаврентеи Васильевы дете взяли есмя собе у Федора у Макарова десять сороков бел...»[217] Или: «Се взял Богдан Ермолин ув Устипьи у тысячкого жени у Васильевы десять рублев денгамы взаймы...»[218]; «Се из Семен попов сын Окулов занял есми у старца у Сергеа манастырьского серебра рубль ноугородцкои да шестьдесят бел...»[219]

Может быть, берестяную грамоту № 197 скорее следует считать записью о возврате долга. В духовных перечни денежных сумм, розданных в долг завещателями, обычно

[214] ПРП, вып. II, стр. 216, ст. 33.
[215] Там же, стр. 292, ст. 42а.
[216] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 15.
[217] ГВНП, стр. 229, № 197.
[218] Там же, стр. 311, № 326.
[219] АСЭИ, т. II, стр. 88, № 151.

сопровождаются указанием наследникам, как их выручить. Так, старец Симонова монастыря Андриан Ярлык написал в 1460 г. в своем завещании: «Взяти ми оу Ивана оу Воронца от Мокшеева два рубля по кабале, и аз те два рубля дал своему племяннику Иленке, велел на нем взяти»[220]. Это значит, что Андриан Ярлык передает своему племяннику право взыскать с Ивана Воронца отданные ему взаймы деньги. Несколько раньше, в 1450 г., Иван Граня, великокняжеский подвойский, указал в духовной: «Взяти ми у Оринки у Булутовы жены по докладной рубль, а в докладной писано полтора рубля, взял ей полтину, а те дал»[221]. Здесь мы сталкиваемся со случаем, когда долг частично погашен, а часть взятой суммы еще не возвращена заимодавцу.

Весьма вероятно, что и в берестяной грамоте № 197 речь идет не о займе, а о его ликвидации на каких-то (нам неизвестных) условиях или о том, что кредитор поступается другому лицу своим правом предъявить иск должнику. Возможно также, что акт № 197 оформлен в соответствии с каким-то завещанием (на эту мысль наводят приведенные выше выдержки из некоторых духовных).

В числе предсмертных распоряжений завещателей в духовных обычно фигурируют указания о передаче какого-то имущества (недвижимого или движимого) монастырям или церквам. Иногда духовным корпорациям передается право получить с должников завещателя ту ссуду (деньгами или натурой), которую он им когда-то дал.

Под этим углом зрения, думается, следует интерпретировать содержание грамоты № 220 (XIII в.)[222], в которой читаем: «У попа на Церменце 2 горошка масла. А у Нездыле, у старосте, полодеже пшенице. А у Кюриле гороху четвертина, у святого же Петра, а[223] ту приказахо Нездыле же. А у Манупле полодеже рожи ту же».

А. В. Арциховский считает, что перед нами запись покупок. Не могу с ним согласиться и думаю, что это дарственная запись церкви св. Петра у озера Черменца — по-

[220] Там же, стр. 355, № 361.
[221] Там же, т. III, стр. 473, № 494.
[222] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 42.
[223] А. В. Арциховский с союза «а» начинает новую фразу.

пу и церковному старосте. О церковных старостах имеются сведения в Псковской судной грамоте, где, например, говорится об их выступлениях на суде по тяжбам о церковной земле [224]. Следы деятельности таких старост по распоряжению владениями своих церквей сохранились и в новгородских актах. Так, в XV в. Сидор Семенов получил от старосты Богородицкой церкви в Лявле в оброчное держание земельный участок с условием на нем «сеять, и орать, и парить, и пожни очищать» [225].

Характер грамоты № 220 как дарственной записи определяется прежде всего словами «приказахо», что значит: завещал, передал. Для духовных завещаний типична формула: «А приказываю живот свой...» тому-что [226]. Из рассматриваемой сейчас берестяной записи прежде всего ясно видно, что ее автор «приказал» (т. е. завещал) старосте церкви св. Петра Нездиле четвертину гороха, которую он должен был взять у Кирилла, жившего на церковной земле (в качестве либо прислужника, либо бобыля, либо половника, либо еще кого-нибудь). Раз завещатель распоряжается горохом, значит он в свое время дал его Кириллу в долг или это какая-то оброчная повинность, с Кирилла не взысканная. Так же поступает автор записи и с рожью, которую, вероятно, от него же ранее получил (или ему не внес в качестве оброка) Мануил (человек, надо думать, занимавший такое же положение при церкви, что и Кирилл). Слова «ту же» указывают, что рожь, как и горох, должна пойти Нездилу. Следуя логике построения всей грамоты, надо предположить, что автор прощает и самому Нездиле его долг пшеницей, а попу дарит два горшка масла, которые тот у него когда-то взял. Конечно, дар идет не попу и церковному старосте персонально, а церкви как организации, наверное на помин души.

Уже говорилось, что уступка завещателями церквам и монастырям своего права на взыскание денежных, хлебных или иных ссуд была довольно распространенным явлением. Так, в XV в., например, Матвей Васильевич завещал по духовной Богородицкой церкви 20 пузов семян, которые ему должен был отдать его половник Есип [227].

[224] ПРП, вып. II, стр. 295, ст. 70.
[225] ГВНП, стр. 267—268, № 260.
[226] ГВНП, стр. 166, № 110.
[227] Там же, стр. 266, № 257.

Итак, в целом ряде изученных документов на бересте (как в духовных грамотах, так и в актах и письмах, касающихся операций, производимых на основе духовных) речь идет о денежных суммах («белах», «кунах», «серебре»), как наличных, так и розданных в долг. Это говорит, очевидно, за то, что большинство духовных завещаний вышло из среды горожан, в которой в ходу были денежные сделки и расчеты. Особенно колоритной является фигура ростовщика Селивестра, дававшего в долг деньги под заклад и без заклада и бравшего вещи на хранение. Его предсмертное «рукописание» содержит значительный перечень ценностей (и в монете, и в вещах), о взыскании которых, очевидно, должны были позаботиться его душеприказчики и наследники. Как показывает рассмотренный материал, по делам о наследстве возникали тяжбы и споры, причем спорящие стороны «щипали» друг друга в суде, используя для этого нормы правовых кодексов.

Но некоторые берестяные документы переносят нас из города в сельскую местность, из торгово-ремесленных кругов в землевладельческую среду. Возможно, таким землевладельцем был Михаль, вынужденный отказаться от права собственности на участок «Кобылькеи». Может быть, феодалом являлся Радослав, взыскивавший четвертую долю урожая со своего закупа или изорника Местятки. Надо думать, что к числу каких-то земельных собственников принадлежало лицо, сделавшее дар причту церкви у озера Черменца. Об этом свидетельствуют, как будто, предметы дарения: рожь, пшеница, горох, масло.

С вопросами наследственного права связаны вопросы опеки. Завещатели поручали душеприказчикам заботу о приведении в действие их предсмертных распоряжений. Наследники умершего пытались заручиться поддержкой душеприказчиков в тех спорах, которые шли относительно его имущества. В случае несовершеннолетия наследников вставал вопрос об опеке над ними, и это тоже вызывало борьбу различных интересов.

В этом отношении заслуживает внимания грамота № 49 (XIV в.) [228] «Поклонъ от Ностасьи къ г[осподи]ну [229],

[228] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 50—52.

[229] В. И. Борковский указывает, что «господину» стоит в единственном числе, так как относится к собирательному слову (Новые находки берестяных грамот.— ВЯ, 1953, № 4, стр. 126).

къ моей къ братьи. Оу мене Бориса в животе нетъ. Какъ се, господо [230], мною попецалуете и моими детми».

А. В. Арциховский ограничивается относительно данного текста лишь указанием, что это письмо жены с извещением о смерти мужа (Настасья и Борис упоминаются еще в грамоте № 43). Ничего не прибавляют к этому комментарию и другие исследователи. Л. П. Жуковская дает такой перевод письма: «Поклон от Настасьи к господам моим. У меня Бориса нет в живых. Как, господа, позаботитесь обо мне и моих детях» [231].

Понимание грамоты действительно не представляет трудностей. Однако вряд ли правильно было бы ограничиться квалификацией письма как простого уведомления о смерти. Слова «какъ се, господо, мною попецалуете и моими детми» заслуживают более пристального внимания. Б. А. Рыбаков считает, что между «как се» и «господо» имеется пропуск, и реконструирует текст таким образом: «как се [береcто к вам придет, и вы], господо, мною попецалуете и моими детми». Н. А. Мещерский справедливо отвергает такую реконструкцию, полагая, что никакого пропуска в грамоте нет, и текст ее достаточно логичен и связан [232].

Настасья обращается к братьям (своим или, вернее, своего мужа) с вопросом: что они думают предпринять для обеспечения дальнейшей судьбы ее и ее детей. Это не просто семейное дело, не просто вопрос, как сложатся отношения между родственниками. Смерть человека, особенно принадлежавшего к феодальному сословию (а Борис был феодалом), ставила перед его семьей целый ряд правовых вопросов, которые иногда приходилось решать судебным порядком и здесь требовалось участие родственников. Еще в Русскую Правду, как мы видели, вошел большой раздел о наследстве по завещанию и по закону, о материальном обеспечении вдовы умершего и о том, причитается ли ей что-либо из имущества первого мужа, если она выйдет замуж вторично, и т. д. Ряд норм Русской Правды касался

[230] А. В. Арциховский полагает, что форма «господо» — звательный падеж множественного числа. По В. И. Борковскому, это звательный падеж единственного числа от собирательного «господа».

[231] *Л. П. Жуковская.* НБГ, стр. 33.

[232] *Н. А. Мещерский.* НГБ как памятник древнерусского литературного языка («Вестник ЛГУ», 1958, № 2, стр. 105).

опеки над несовершеннолетними детьми: о привлечении в качестве опекунов родни и пр. И слово «печалование» поэтому имело значение не просто родственной заботы и внимания, а юридического участия в устройстве дел покойного. Такое «печалование» было сопряжено с определенными правами и обязанностями для лица, которому приходилось брать на себя попечение о вдове и детях скончавшегося брата или другого близкого человека. Но это же бывало и источником наживы. Поэтому слова Настасьи, обращенные к «братье», «как се, господо, мною попецалуете и моими детми»,— исполнены, вероятно, и желания, чтобы адресаты скорее вникли в дела Бориса, и опасения: а к чему это приведет.

В духовных грамотах завещатели называли тех, кому они поручают после смерти свою судьбу, кто должен обеспечивать выполнение их предсмертной волп. Особенно это надо сказать о завещаниях князей, в которых вопросы чисто семейные и хозяйственные тесно переплетены с вопросами государственными. Иван Калита в духовной, составленной около 1339 г., «приказал» своему старшему сыну Семену «братью молодшую и княгиню свою с меньшими детми», сказав: «по бозе ты им будешь п е ч а л п и к» [233]. По указанию великого князя Семена Ивановича Гордого, ответственность за его предсмертные распоряжения лежала на его «братье на князи на Иване и на князи на Андреи» [234]. Василий I написал в своей духовной: «А о своем сыне и о своеи княгине покладаю па бозе, и на своем дяде... и на своеи братьи... как ся имут п е ч а л о в а [т и]» [235].

Может быть, и Борис, упоминаемый в берестяной грамоте № 49, оставил духовную, в которой указал, кто должен «печаловаться», когда он умрет, о Настасье с детьми; поэтому Настасья и обращалась к «братье», как душеприказчикам, названным ее мужем. Если же Борис скончался без завещания, то тем более его вдове надо было позаботиться о «п е ч а л ь н и к о».

Могут сказать, что неуместны наблюдения, сделанные, над великокняжескими духовными, переносить на документы и письма, вышедшие из среды рядовых феодалов, к которой принадлежал Борис. Но на это можно ответить,

[233] ДДГ, стр. 8, № 1.
[234] Там же, стр. 14, № 3.
[235] Там же, стр. 57, № 20.

что сохранились духовные, принадлежащие новгородским боярам, и в них также проявляется забота о назначении душеприказчиков — «печальников». В 1393 г. Остафий Ананьевич Своеземцев «приказывает живот свой», «отцыну свою и дединну» своей матери и сыну Федору и добавляет: «А доколе сын мои Федор подростет, а дотоле ездит по моим селам брат мои Григореи в мое место, и людьми моими володеет». Таким образом, до совершеннолетия прямого наследника управление вотчинами и хозяйствование в них возлагается на его опекуна. В конце завещания говорится: «А в приказ приказываю... шурьи своеи..., и дяде своему..., и брату своему..: а, бого для, господо, постерегите матери моеи и деток моих, ци хто их имет обидити» [236]. В 1435 г. Федор Своеземцев в свою очередь составляет духовную и «приказывает» следить за обеспечением интересов его жены и сыновей своему дяде, новгородскому посаднику Федору Алексеевичу, другим посадникам, тысяцкому «и всеи великои улице Нутноп...»[237]. Кстати, обращаясь к душеприказчикам, завещатель употребляет тот же термин «господо», которым пользуется вдова Настасья в письме к своей «братье».

Грамота № 49 может помочь интерпретации отрывочного текста № 183 (XIV в.)[238], в котором сохранились следующие слова: «...надо мною сынъ мои Олоферей, с Дорофеемъ з дядею слова тв[оего]...»

А. В. Арциховский пишет: «Все слова понятны, но смысл фразы установить нельзя: она с обеих сторон оборвана». Это верно, но все же некоторые догадки допустимы. Поскольку составители духовных грамот обычно поручали своих вдов и матерей кому-либо из мужчин — старших членов семьи, иногда — сыновьям, если они были взрослые, можно думать, что и в берестяном письме № 183 какая-то вдова говорит, что ее опекунами («приказниками») являются ее сын со своим дядею.

Конфликт в семье между мачехой-вдовой и пасынками рисует грамота № 415 (XIV в.)[239]: «Поклоно о Фовронее к Филиксу с плацомо. Убиле мя пасынке и выгониле мя

[236] ГВНП, стр. 166, 168, № 110.
[237] ГВНП, стр. 171, № 169.
[238] *А. В. Арциховский и В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 168.
[239] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 206—207); *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 179—180. ГВНП, стр. 71, № 40.

изо двора. Велиие ми ехате в гоородо или самъ поеди семо. Убита есемо».

К кому адресовано письмо? На это проливает свет найденная в Новгороде свинцовая печать с изображением кентавра — на одной стороне и надписью «Печать Филиксова» — на другой. Как указывает В. Л. Янин, свинцовыми печатями могли пользоваться лишь лица, принадлежавшие к высшей новгородской администрации. В заключении договора Новгорода с немецкими купцами в 1338 г. принимал участие наместник Феликс (mosenick Felyce)

Поскольку от имени великого князя в мирных переговорах участвовал Филипп. Феликс не мог быть великокняжеским наместником; А. В. Арциховский и В. Л. Янин считали его наместником архиепископа [240]. Очевидно, Феликс — владелец свинцовой печати и Феликс — адресат письма № 415 — одно лицо.

По поводу первой формулы грамоты: «Поклоно о Фовронее к Филиксу с плацомо» (Поклон от Февроньи к Филиксу с плачем) — трудно сказать, обращается ли челобитчица к наместнику просто как к официальному лицу, или же она является его родственницей.

Независимо от того, кем приходится Февронья Феликсу, она жалуется, что ее оскорбили пасынки (сыновья мужа от первой жены), избили и прогнали со двора. Это преступление, подлежащее церковному суду. Согласно уставу князя Владимира Святославича церковной юрисдикции были подведомственны дела о том, что дети «отца и матерь бьють, или сын или дчи бьются, или братья бьются, и иже тяжються о задници» [241]. В церковном уставе Ярослава Владимировича говорится: «Аже сын бьеть отца или матерь, да казнити его волостельскою казнию, а епископу в вине» [242].

Жалоба Февроньи на нанесение ей побоев пасынками, конечно, также относилась к компетенции архиепископского суда. Поэтому истица и поднимает вопрос перед владычним наместником: ехать ли ей для разбора своего дела в Новгород, или он сам приедет туда, где она живет (очевидно, куда-то под Новгород), чтобы рассмотреть ее претензию.

[240] От этой точки зрения Янин сейчас отказался.
[241] ПРП. вып. I, стр. 238, ст. 7.
[242] Там же, стр. 261, ст. 30.

Интересно, что берестяные грамоты дают колоритный материал для характеристики положения женщины в семье после смерти мужа. Перед нами прошли три женских фигуры: Настасья, потерявшая мужа Бориса и заботящаяся о «печаловании» по отношению к ней и ее детям-сиротам со стороны родственников; неизвестная вдова, которую опекает сын Олферий с дядей (т. е., очевидно, с братом умершего отца); наконец, Февронья, которую пасынки избили и прогнали из дома ее покойного мужа. Три вдовы. У них разные судьбы. Но все они, каждая по-своему, хлопочут о том, чтобы добиться своих прав. Кто они? Относительно Настасьи мы знаем, что она принадлежала к семье феодала; вероятно, это же можно сказать о Февронье, близкой ко двору наместника архиепископа. Ничего неизвестно лишь о матери Олферия. Мы знаем, что закон феодального общества обеспечивал положение овдовевших женщин в семье и их имущественные права. Берестяные грамоты показывают, как обстояло дело в жизни.

Очерк девятый

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. ЦЕРКОВЬ. БЫТ

§ 1. Военные события. Мореходство

В отдельных берестяных грамотах имеется материал, относящийся к военной истории Новгорода. Полностью сохранилась и без труда читается грамота № 69, палеографические признаки которой ведут к XII—XIII вв.[1]: «От Тереньтея къ Михалю. Пришьлить лошакъ съ Яковьцемъ. Поедуть дружина Савина чадь. Я на Ярославли, добръ, здоровъ и с Григоремь. Углицане замерзъли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту плкъ дружина»[2].

Среди исследователей нет больших расхождений по вопросу о понимании текста, однако некоторые детали трактуются по-разному. Терентий (вероятно, новгородец), находящийся у Ярославля (по-видимому, в походе), посылает письмо к Михалю (очевидно, в Новгород). Автор письма сообщает адресату, что он вместе с каким-то Григорием пребывает в добром здоровье и просит прислать ему лошака[3] с неким Яковцом. Последний, видимо, должен поехать из Новгорода вместе с дружиной Саввы, хотя В. Л. Янин думает, что речь идет не о выступлении дружины Саввы из Новгорода, а о том, что она стоит у Углича

[1] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 71—73.

[2] На обороте письма — четыре буквы: «омега» (от), «т», «ь», «р». Это отдельные буквы слов «От Терентья».

[3] Лошак не раз упоминается в документах (*Г. Е. Кочин.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.— Л., 1965, по указателю).

и задача Яковца — к ней присоединиться. Так В. Л. Янин толкует слова: «Ты до Углеца, и ту плкъ дружина» [4]. Мне представляется, что последняя фраза означает другое: «Ты, Михаль, направляй Яковца с лошаком к Угличу, и туда же двинется «полк-дружина» — „Саввина чадь“» («ту», очевидно, надо понимать как «туда», а не как «там»).

Подкрепление Угличу требуется, как видно, потому, что «угличане з а м е р з л и» на Волге, у Ярославля. Это место грамоты обычно понимают в том смысле, что вмерзли в лед угличские корабли. Подобные случаи упоминаются в источниках. Так, в жалованной грамоте второй половины XV в. тверского князя Михаила Борисовича, разрешающей беспошлинно проезжать через Тверское княжество митрополичьему купцу с товаром, говорится: «А коли тот павозок (судно) с своим подвозком з а м е р ж е т в моей отчине в великом княженьи, ино ему вести из того павозка и ис подвозка товар на сте возех...» [5]

Таково содержание грамоты № 69. Естественно встает вопрос: нельзя ли связать ее с каким-либо событиями военно-политической истории Новгорода, отраженными в летописях? А. В. Арциховский приводит летописное известие о военном походе новгородцев к Ярославлю и Угличу в 1148 г. Палеографические особенности грамоты № 69 дают право отнести ее к этому году, хотя, замечает А. В. Арциховский, и нет полной уверенности, что в ней описаны происшествия именно того времени; были в XII—XIII вв. и другие новгородские военные походы на верхнюю Волгу.

В. Л. Янин, исходя из стратиграфической датировки письма, найденного в слоях конца XIII в., связывает его появление с политической борьбой за великокняжеский стол, шедшей в 1281—1288 гг. между сыновьями Александра Невского,— Андреем и Дмитрием. В борьбу эту были втянуты и новгородцы. Но о походе тогда новгородских войск под Ярославль летописи не говорят. Поэтому В. Л. Янин приходит к выводу, что грамота № 69 воспроизводит события, ранее историкам неизвестные.

Мне кажется все же наиболее правдоподобной датировка письма № 69 1148 г. В том, что в более поздних слоях

[4] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 158.
[5] АФЗХ, ч. I, стр. 245, № 282.

сохранился документ, написанный значительно ранее,— нет ничего невероятного. Расхождение стратиграфической и палеографической дат,— явление, с которым приходится встречаться. Но рассказ о событиях в летописях под 1148 г. весьма напоминает то, что мы узнаем из письма Терентия к Михалю. В это время шла борьба между князьями Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем Долгоруким. В нее были втянуты и новгородцы. По словам Новгородской I летописи, Изяслав пришел из Киева в Новгород, где княжил его сын, и вместе с новгородским войском двинулся в Ростово-Суздальскую землю, «...и много воеваша...», «и по Волзе взяша 6 городов, даждь и до Ярославля попустошиша...» [6]

Тот же поход описывается в Лаврентьевской летописи, которая приводит и некоторые дополнительные сведения: «Иде Изяслав Новугороду по Кыева в помочь новгородцем на Гюргя, а воем повеле по собе ити, и поидоша по нем, и похромоша кони у них, и сам с новгородци дошед Волгы, и повоевав ю и не успе ничто же Гюргеви, и дошед Углеча поля, поворотися Новугороду, и иде Смолиньску, зимова ту...» [7]

Итак, по летописям, центрами военных действий были Ярославль и Углич. Об этом же пишет Михалю Терентий. Дополнительная посылка из Новгорода на Волгу Саввиной дружины, вероятно, объясняется, во-первых, катастрофой с угличскими судами, а во-вторых, тем, что у новгородцев, бывших в походе, охромели кони. Недаром Терентий столь обеспокоен присылкой ему лошака.

В дефектном виде дошла до нас грамота № 332 (XII—XIII вв.) [8]. В четырех местах из нее вырваны куски, и это затрудняет чтение. Исписана она с обеих сторон. На внутренней стороне можно прочитать: «том... присв... въ Нъвъ тр...нь присв... а хочу в... у ти у Ру...чь въдруту шт...»

Делению на слова текст почти не поддается. А. В. Арциховский выделил лишь два слова: «хочу» и (предположительно) «Нъвътр[г]» — Новый торг (Торжок). Столь же предположительно можно попытаться реконструировать и некоторые другие термины: «присв[оитися]» — присоеди-

[6] НПЛ, стр. 214.
[7] ПСРЛ, т. I, стр. 320.
[8] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 20—21.

питься[9]; «нь присв[оитпся]»; «у Ру[сы]». Может быть, вместо «въдруту» должно быть: «въдружу» — водружу?

Гораздо более полно представлен текст на внешней стороне бересты (хотя и здесь много неясного): «От Кюрьяка къ Вышене. Оже князь поиде, присъли Ивана Хроушькин[а]... мъ и брънѣ и щитъ [и ко]нье, а вороньця въ икъ въпря п...ть въ бъръ...не поидеть...съ...»

Почерки, которыми исписаны обе стороны грамоты № 332,— неодинаковые, но тема поднимается здесь и там, по-видимому, общая, связанная с каким-то одним событием или одним комплексом событий. Даже отдельные слова, которые можно расшифровать с большей или меньшей вероятностью в тексте внутренней стороны, позволяют думать, что это событие — военное: присвоиться (присоединиться к войску?), водружу (знамя, стяг?).

Уже совсем прямые указания на военные действия содержатся в тексте внешней стороны грамоты № 332. Кюрьяк (Кириак) пишет Вышене (очевидно, в Новгород) и просит адресата, если выступит в поход князь, известить его об этом через Ивана Хрушкина, с которым послать также броню, щит, копье и, по-видимому, вороного коня («воронця»). Далее в письме находим слово: «не пойдеть». Вероятно, Вышеня получает распоряжения от Кирпака и на тот случай, если княжеский поход не состоится (но текст здесь обрывается).

Грамота № 332 найдена в слоях пятнадцатого и шестнадцатого ярусов, дендрохронологически датируемых 1197—1238 гг. В. Л. Янин справедливо замечает, что «это было время почти ежегодных походов новгородцев на чудь, на литву, на немцев, на соседние русские княжества». Поэтому он отказывается точно приурочить письмо № 332 к какому-либо определенному году, хотя предположительно и указывает возможные его даты: сборы новгородцев в поход 1207 г., закончившийся по возвращении воинов домой восстанием, или дни подготовки похода 1216 г., когда в Липицкой битве, при активном участии новгородских полков, «была решена судьба суздальского наследства великого князя Всеволода Большое Гнездо»[10].

За неимением твердых данных я тоже не берусь точно датировать грамоту № 332. Но если верны некоторые

[9] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 1454.

[10] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту..., стр. 157—158.

предложенные выше реконструкции текста (указывающие на Торжок и Русу), то наиболее вероятной для нее датой будет 1209 г. В этом году князь Мстислав Мстиславич Удалой двинулся на Торжок, захватил там дворян новгородского князя Святослава Всеволодовича (сына Всеволода Большое Гнездо), а затем занял новгородское княжение. Святослав был арестован. Из Новгорода Мстислав пошел «со всем полком» против Всеволода Большое Гнездо. Последний начал переговоры о мире, который и был заключен, причем новгородцы освободили Святослава, а Всеволод отпустил в Новгород задержанных им купцов.

Вокняжение в Новгороде Мстислава повлекло за собой смену посадников: из Русы в Новгород явился Дмитр Якунич, и Твердислав «съступися... с посадничьства» в его пользу. Мстислав послал нового посадника «на Лукы с новгородци город ставити», а сам пошел в Торжок «блюсти волости» [11].

Такова была ситуация, в которой и появилась грамота № 332. Кириак мог находиться в Торжке или Русе, откуда он, очевидно, и писал в Новгород Вышене, запрашивая у него известий относительно намерений князя Мстислава.

К XIII в. относится грамота на бересте № 404 [12], в которой писано: «От Михаля к атцеви. Оже поиде князе, а поими коне оу Федора и седло возми, а ковриго несли семо дешево».

Сын (находящийся, очевидно, вне Новгорода) пишет отцу в город, предлагая ему, если он отправится в поход вместе с князем, взять у какого-то Федора коня и седло. Владельцы боевых коней в мирное время иногда отдавали их в заклад. Так, в 1483 г. И. И. Салтык Травин, уходя в поход на вогуличей, написал духовную грамоту, в которой указал, что ему следовало у кого взять и что с кого получить. Оказывается, он роздал в заклад ряд коней разной стоимости, среди них — «конь в седле» ценою в шесть рублей [13]. Очевидно, и автор письма № 404 заложил отцовского коня некоему Федору, а теперь заботится, как бы отец не остался бесконным в случае военной опасности.

Кроме того, автор письма № 404 сообщает отцу о дешевизне хлеба. Это был животрепещущий вопрос, к кото-

[11] НПЛ, стр. 249.
[12] *А. В. Арциховский*, НГБ (1958—1961), стр. 104—105.
[13] АСЭИ, т. I, стр. 379, № 501.

рому новгородцы и псковичи проявляли постоянное внимание, ибо и в Новгородской и в Псковской землях постоянно бывали неурожаи и голод [14]. От них страдало население в мирное время, но особенно трудно приходилось жителям, если начиналась война.

XIV веком датируется грамота на бересте № 272 [15]. Она сохранилась в своей значительной части, хотя в ней и имеются разрывы справа и оторван нижний конец. Это частное письмо: «От Савлия ко Максиму. Како стоя, пришли конь. Цему мя еси погубиль въ другы рядъ? Рать ударила подо Копорию. А безъ другого коня животъ пометаль, а иное розропяль. А ноне пришли... Полохе ли буде, на одиномо коне не дома... [16] ни дровна, ни матери послати на цемъ. А... ти... а съ мною...»

А. В. Арциховский и В. Л. Янин [17] правильно указывают, что автор письма оказался в полосе военных действий, в зоне шведских или немецких нападений, под Копорьем (не будучи сам военным). Он связан какими-то отношениями с известным нам феодалом Максимом Онцифоровичем и в рассматриваемом письме винит последнего в своих бедах. В. Л. Янин так переводит письмо: «От Савелия к Максиму. Как договаривались, пришли мне второго коня. Ну зачем ты во второй раз подверг меня такой опасности!? Рать ударила под Копорьем... А я, не имея второго коня, имущество побросал, а часть его растерял. А теперь пришли... Очень плохо мне с одним конем. Ни дома... ни дров привезти, ни матери послать не на чем... А со мною...»

В основном перевод приемлем. Но отдельные коррективы, по-моему, необходимы. Во-первых, мне кажется, нельзя передать выражение «како стоя» словами «как договорились». «С т о я» — одна из форм глагола «стоять» — находиться без движения. В грамоте № 272 имеется в виду

[14] Под 1422 г. Псковская летопись сообщает: «...на всю Рускую землю бысть глад велик по 3 годы: и преже в Новегороде, и по всемь их волостем, и на Москве, и по всеи Московскои, и по всеи Тферскои. И толми бысть тамо дорог хлеб, яко на едином ковризе дати полтына, али каково портище...» («Псковские летописи», вып. II, стр. 38).

[15] *А. В. Арциховский* и *В. Л. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 97—99.

[16] А. В. Арциховский иначе расставляет знаки препинания: «Полохе ли буде на одиномо коне. Не дома...» и т. д.

[17] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 136—137.

«стояние» в военных условиях. В таком смысле термины «стоя», «стоял», «стоаше» и т. д. употребляются и в летописях. Например: «А стоял великий князь в Новогородскои земли полчетверты недели, а псковичи стоаше в Великом Новегороде с силою своею полторе недели...»; «и пьсковичи оударишася на немци на Колпинои реце противоу церкви не стоя ни часоу, передовии люди псковского полка...» [18]

В письме № 272 Савелий извещает Максима, что, поскольку он вынужден пока «стоять», опасность новых вражеских нападений еще не прошла, он просит поторопиться прислать ему еще одного коня.

Слово «полохо» вряд ли значит «плохо», скорее его надо связывать с термином «въсполох» — переполох, военная тревога (например: «тое же нощи в полках у воевод бысть всполох велии») [19]. Смысл заявления Савелия таков: если будет всполох, ему на одном коне не управиться; спасаясь самому, придется отложить все хозяйственные дела, которые он, очевидно, еще не доделал, он не сможет ничего из имущества отправить матери и т. д.

Перед нами прошли сценки, вырванные из разных столетий. Они не дают материала для каких-либо обобщающих выводов, но отражают живую действительность, и в этом их ценность. Напряженное ожидание военного «всполоха» под Копорьем, обледенелые военные корабли под Угличем, нужда в боевых конях, в доспехе — все это ярко запечатлелось в рассмотренных выше письмах. Если правильна предложенная датировка некоторых из них, то мы получаем дополнительный материал к летописным данным о крупных событиях новгородской истории: войнах 1148 и 1207—1209 гг.

В некоторых грамотах на бересте как будто имеются сведения о судоходстве: неизвестно — военном или торговом. Представляет интерес грамота № 233 (XII—XIII вв.) [20], от которой, правда, дошло только начало: «От Домажира къ Нажиру. Иже то при ветре... възьми жа...»

[18] «Псковские летописи», вып. II, стр. 142, 152.
[19] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 414.
[20] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 55—56.

А. В. Арциховский пишет: «Особый интерес в грамоте представляют слова „при ветре". Ветер имел значение только для кораблей. Речь шла, вероятно, об отправке корабля на море или на озеро, вернее всего на Ильмень (если грамота не привезена адресатом издалека). Впрочем, при речном судоходстве ветер тогда тоже принимался в расчет. Домажир был, возможно, судовладельцем, Нажир — капитаном корабля».

Догадка А. В. Арциховского мне кажется весьма правдоподобной. В источниках часто говорится о том, как ветер воздействовал на судьбы корабельного флота. Хорошо известен летописный рассказ 907 г. о походе Олега на Царьград, когда он на обратном пути велел сшить паруса для руси из наволок, а для славян из полотна. Ветер разодрал их («и раздра а́ ветр»), и тогда славяне сказали: «имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре паволочиты», т. е. «возьмем свои простые паруса, не дались славянам паруса из паволок» [21].

Буря помогла грекам победить русский флот в 1043 г. «Сильный ветер,— рассказывает Михаил Пселл,— двинулся с востока на запад; возмутив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другие, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам» [22]. В Повести временных лет то же событие изложено очень лаконично: «И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и княжь корабль разби ветр...» [23].

В летописной повести о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г. описывается, как во время осады города «...изъвременивше погодье ветра... не успеша ничто же фряжьскым кораблем...» [24].

Смысл берестяной грамоты № 233, очевидно, такой: Домажир советует Нажиру дождаться попутного ветра, чтобы взять с собой кладь и отправиться в путь.

К № 233, возможно, близка по тематике берестяная грамота № 277 (XIV в.) [25]. Правда, она столь отрывочна,

[21] ПВЛ, ч. 1, стр. 25, 221.

[22] *В. В. Мавродин.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 90.

[23] ПВЛ, ч. 1, стр. 103.

[24] НПЛ, стр. 244.

[25] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 103—104.

что ее почти невозможно понять. А. В. Арциховский дает следующий текст: «...ришлю оже буше поимала се... и юрина о хво...» Я предложил бы (конечно, лишь в виде догадки, на верности которой ничуть не настаиваю) другое деление на слова: «[п]ришлю оже буше поимала се... и ю рина (риня) о хво...».

«Буше» — может быть, испорченное слово «буча», «буса» — род судна. Под 1418 г. в Новгородской летописи читаем: «Того же лета, пришед мурмане вонною в 500 человек, в б у с а х и в шнеках, и повоеваша в Арзуги погост Корильскыи и в земли Заволочкои погосты... и заволочане две шнеки мурман избиша, а инии избегоша на море» [26].

«Риня» — толкая. Речь идет, возможно, о «попмании» (захвате) или крушении бусы.

Конечно, двух приведенных, очень дефектных, текстов слишком недостаточно для того, чтобы говорить о пополнении и конкретизации наших знаний о мореходстве в средневековой Руси.

§ 2. Язычество и христианство

В берестяных документах почти нет следов язычества. Лишь в отдельных грамотах удается уловить какие-то отголоски языческих обычаев. Такова грамота № 225 (XII—XIII вв.) [27], от которой сохранилась левая часть. Можно разобрать следующие слова: «Отт отроцина ко Гю[ргю] ...оу Михаля отберан... ло вина Велеса.... добра же мехе од...»

А. В. Арциховский правильно, мне кажется, считает, что начальные слова грамоты — «отт отроцина» означают: от отрока, от младшего дружинника (который, следовательно, является автором данного письма).

Велес (Волос) — языческое божество, бог скота. Под 907 г. Повесть временных лет рассказывает, что при заключении мира князя Олега с Византией «мужи» (т. е. дружинники) киевского князя «по рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом,

[26] НПЛ, стр. 411.
[27] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 47—48.

скотьем богом, и утвердиша мир» [28]. В договоре с Византией князя Святослава 971 г. текст присяги русских звучит так: «...да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога...» [29]. В Слове о полку Игореве внуком Велеса назван песнотворец Боян [30]. В памятнике русской письменности XII в.— «Хождении богородицы по мукам» — с осуждением говорится о тех, кто «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша» [31].

В Новгороде, по преданию, стоял идол Велеса (Волоса) [32], следовательно, существовал его культ, и поэтому не удивительно, что божество это упоминается в дружинной переписке. Слова «вино» и «меха» (в смысле — бурдюк для вина) [33] как будто дают право думать, что речь идет о языческом празднестве. Труднее определить, что здесь означает термин, начинающийся буквами «отберан...» Было бы очень соблазнительно связать его со словом «братьчина — братьщина — братщина» — праздничный пир в складчину. Но сделать это рискованно. Может быть, правдоподобнее сблизить «отберан...» со словом «брание — бърание — бьранпе» (например, «бранпе вина») [34]. Отрок напоминает Юрию, что надо что-то (вероятно, вино) взять (по-видимому, для празднества) у Михаля.

Православная церковь, ведя борьбу с остатками язычества на Руси, преследовала волхвов, ведунов (колдунов). В этой связи привлекает внимание небольшой отрывок грамоты на бересте № 378 (XIII в.) [35], где можно прочесть: «сериця Сава ведуно».

А. В. Арциховский считает, что «сериця» представляет собой конец какого-то слова. Но в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приведены тексты, в которых фигурирует слово «серь» — болезнь

[28] ПВЛ, ч. 1. стр. 25.
[29] Там же, стр. 52.
[30] «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950, стр. 11.
[31] Там же, стр. 386.
[32] Там же, стр. 388.
[33] См., например: «никто же вливаеть вина нова в мехи ветхы» (*И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 252).
[34] Там же, стр. 166.
[35] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 77—78.

растений, паразит: «проузи и хроустове, серне и оусеница» «множество жаб, пруг и гусениц, и серни» [36].

Если возвести выражение «сериця», фигурирующее в грамоте № 378, к существительному «сорь», то можно сделать вывод, что в указанном документе «ведун» (колдун) Савва получает нелестный эпитет. Его «ведовство» осуждается.

Памятниками церковной православной идеологии являются записи на бересте молитв. Такова молитва богородице в записи XIV в., опубликованная под № 128 [37]. Кусок бересты разграфлен на четыре столбца, от каждого из которых сохранились лишь отдельные строки.

Первый столбец: «чаемъ, ...дево, всяка слава тобе, лепо, дево, песнь всяка духовная тобе, лепо...»

Второй столбец: «...щимъ и греховъ избавляющеся тя величаемъ, сущую матерь сына божия...»

Третий столбец: «...милость пребогатую и долговъ избавляеши...»

Четвертый столбец: «...[ею же полу]чеше, свер[шено съпасение][38] достоино сдеваемъ».

Под № 207 опубликован текст, написанный, по-видимому, школьником Онфимом (XIII в.) [39] «яко с нами бо, услышите до послу, яко ко же моличе твое на раба твоего, бо».

В. И. Борковский так реконструирует эту запись: «яко с нами бо[г], услышите апостола [40], яко же [41] молитьвство твое [42] па раба твоего бо[же]».

[36] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 899.

[37] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1953—1954), стр. 62—64.

[38] Реконструкция В. И. Борковского (там же, стр. 97, прим. 18) на основе труда: *E. Koschmieder.* Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente. Zweite Lieferung. München, 1955, S. 134.

[39] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 28. А. В. Арциховский считает, что перед нами искаженные отрывки церковных песнопений и молитв. Онфим записал заучиваемые тексты, плохо понимая их смысл.

[40] В. И. Борковский читает: «апостола» вместо «до послу» (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ. 1956—1957, стр. 173). Но может быть, надо читать: «да послу[шайте]»?

[41] В тексте: «яко ко же». В. И. Борковский считает, что «ко» повторено по ошибке.

[42] «Молитьвство твое» В. И. Борковский читает вместо «моличе твое», полагая, что один из совпадающих слогов — «тво» — пропущен.

Сохранилась также небольших размеров берестяная книжка XIII в. (№ 419) [43], из 12 страниц (пять — пустых, семь — исписанных). Текст представляет собой запись (неполную) вечерней молитвы.

Среди берестяных текстов имеются и церковные поучения. Наиболее полное из них опубликовано под № 317 (XIV в.) [44]: «...[те]хо [45] сльзы проливаюстя предъ б[ог]ьмо. За то гне б[о]жии на васо мече, поганыи. А ныне покаитеся того безакония. А па то дело окаиеное немного поводитъ. А тых бы хотя и не постыдетися».

В. И. Борковский предлагает следующий перевод: «...тех слезы проливаются перед богом. За то гнев божий на вас мечет, поганые. А ныне покайтесь в том беззаконии. А на то дело окаянное небольшое число [46] наущает. А от тех бы добровольно и не отречься».

Интересно, что стратиграфическая дата текста — 40-е — 60-е годы XIV в. Судя по летописи, в Новгороде в это время действовали еретики, отрицавшие учение православной церкви («...злии человеци... иже бога не боятся, ни чають въскресенна мертвым, ни суда божиа, ни въздапиа по делом...»). Новгородский летописец отмечает в 40-х годах XIV в. проявления иконоборческого движения [47]. Не против ли этих еретиков направлено рассмотренное выше поучение?

Возможно, отрывки каких-то церковных текстов следует видеть в № 331 (XIII в.) [48]— «...го слово пло...гю аще на не азо... г[оспо]ди не ярости о...»; № 166 (XIV—XV вв.) [49]— «допти до в...ь человекъ [50] бо ш...[51] асо аже огн...»; № 382 (XV в.) [52] — «лъ века и века...». Однако тексты столь фрагментарны, что судить об их характере слишком трудно.

[43] *А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. (СА, 1965, № 3, стр. 208—209).

[44] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 151.

[45] Конъектура В. И. Борковского (там же, стр. 181).

[46] Может быть, лучше сказать: «немногих».

[47] НПЛ, стр. 351.

[48] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 18—20.

[49] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 51—52.

[50] Может быть, указано число людей: «[сем]ь» или «[восем]ь» человек.

[51] Может быть: «ш[ли]».

[52] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 82.

Не обязательно церковное происхождение носит отрывок берестяной грамоты № 329 (XIII—XIV вв.) [53] — «[Господи, по]мози рибу [54] сво[ему]. Последнюю формулу часто употребляли и светские лица, например, мастера-ремесленники присоединяли ее к именам (своим или заказчиков), указываемым на сделанных для последних вещах [55].

В берестяной грамоте № 330 (XIII в.) [56] за словами «Г[оспод]и помози рабу своему» следует непонятный текст (написанный другим почерком) на четырех строках.

Первая строка: «гуска сологая гуска».

Вторая строка: «гозуебае».

Третья строка: «рас».

Четвертая строка: «...лякоххусту».

На внутренней стороне бересты находим буквы: «а», «б», «в», «г», «д».

Это может быть просто упражнение в письме («проба пера»), а возможно, частично тайнопись.

Слова «Г[оспод]и, помози рабу своему Онфиму» на куске бересты № 203 (XIII в.) [57], по мнению А. В. Арциховского, представляют собой текст, явившийся результатом ученических упражнений школьника Онфима.

Бросается в глаза сравнительно ограниченное число записей на бересте церковного содержания. Большинство берестяных грамот носит светский характер и связано с землевладением, хозяйством, всевозможными гражданскими сделками, судебными спорами и т. д.

§ 3. Азбука, прописи, календари, литературные тексты

Большой интерес представляют найденные в Новгороде куски бересты, заполненные записями и рисунками мальчика Онфима (№ 199, 200, 202—208, 210, XIII в.) Это, как

[53] Там же, стр. 17.

[54] То есть «рабу».

[55] Таковы, например, надписи на серебряных сосудах новгородского ювелирного производства XII в.: «Господи, помози рабоу своемоу Фълорови. Братило делалъ», «Господи, помози рабоу своемоу Костяньтину. Коста делалъ. Аминь» (*А. С. Орлов.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л., 1952, стр. 42, № 44).

[56] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 17—18.

[57] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 24—25.

выяснил А. В. Арциховский, следы его упражнений в письме и рисовании.

№ 199[58] — овальное донышко берестяного сосуда, к которому прикреплены две перекрещивающиеся берестяные полосы. На верхней полосе написана азбука от «а» до «я»[59]. Затем идут склады, от «ба» до «ща» и от «бе» до «ще». На нижней полосе помещены склады от «би» до «си». На обороте донышка надпись в четырехугольной рамке — «Поклоно от Онфима ко Даниле» и изображение зверя с надписью: «я звере».

Большую часть куска бересты № 200[60] занимает рисунок всадника, поражающего копьем врага; справа надпись — «Онфиме». В верхнем углу — азбука (от «а» до «к»).

В грамоте на бересте № 202[61] даны изображения двух людей с поднятыми руками и слева надпись: «На Домитре возяти доложзиве». По почерку видно, что грамота принадлежит мальчику Онфиму. Текст А. В. Арциховский переводит так: «На Дмитре взять доложив». Но, может быть, слово «доложзиве» следует связывать не с термином «доклад», а со словами «должебит» — «должебити»[62]. Тогда перевод будет иной: «Взять на Дмитре должнике» или «заимодавцу взять на Дмитре» («должебит» означает и должник и кредитор)[63].

О грамоте № 203[64] со словами «Г[оспод]и, помози рабу своему Онфиму» речь была выше.

[58] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957): стр. 17—20.

[59] Буква «е» изображена в форме йотованного; написано два раза «и» восьмеричное и пропущено «и» десятиричное; буква «у» приведена в двух вариантах («у» и «ѵ»); вместо «ф» дана «θ»; нет «кси» и «пси».

[60] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 20—21.

[61] Там же, стр. 23—24.

[62] Русская Правда Пространной редакции, ст. 51; ПРП, вып. II, стр. 74.

[63] А. В. Арциховский пишет: «В целом текст очень прозаичен. Речь идет о взыскании долга или недоимки. Подобным операциям часто посвящены берестяные грамоты. Увы, даже маленький мальчик, живя среди деловых людей, сделал, упражняясь в грамоте, выписку из делового документа».

[64] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 25.

На грамоте № 204 [65] снова находим (после слов «яко же») склады (от «бе» до «ще»), написанные Онфимом.

На принадлежащей Онфиму грамоте № 205 [66] — опять азбука от «а» до «я» [67]. Кроме того, маленькими буквами написано «он» (А. В. Арциховский предполагает, что это начало имени «Онфим»). Внизу — изображение, по-видимому, ладьи.

Грамота № 206 [68], как и ряд предшествующих, принадлежит Онфиму. Нижняя ее часть занята изображением семи человеческих фигур. Наверху буквы: сначала идут слова «иже во», затем следует какая-то дата (изображенная буквенной цифирью, под титлом), наконец, далее помещены в беспорядке склады: «на, со, ба, ва. г, га, да, жа, за, каа, ра, са, ка, ра».

Наибольший интерес представляет дата. А. В. Арциховский считает, что «определить этот год нельзя». Маленький мальчик, не привыкший к цифрам, особенно к большим, при попытке написать дату дал случайный набор букв. Иначе подходит к вопросу Б. А. Рыбаков. Анализируя сочетание букв-цифр «SЧСА», он допускает, что вторая буква — это не «ч», а «пси», третья — не «с», а «о»; в целом получается 6771 (т. е. 1263) г. Свою догадку Б. А. Рыбаков мотивирует тем, что буква-цифра «ч» (90) не могла стоять на месте сотен, а «с» (200) на месте десятков. Онфим, пишет Б. А. Рыбаков, «знавший коммерческую корреспонденцию, писавший псалмы, выработавший уверенный и индивидуальный почерк и писавший не хуже любого новгородского грамотея, едва ли мог допустить две грубые ошибки и в знаке сотен и в знаке десятков» [69].

Догадка Б. А. Рыбакова — остроумная, но дата грамоты 6771 (1263) противоречит показаниям дендрохронологии: она найдена в пятнадцатом ярусе, датируемом 1224—1238 гг. Однако неубедительно и предположение А. В. Арциховского, что Онфим просто дал набор букв. А почему

[65] Там же, стр. 25.

[66] Там же. стр. 25—26.

[67] Вместо «омеги» написано «отъ».

[68] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 26—28.

[69] *Б. А. Рыбаков*. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей (СА. 1959, № 4. стр. 98—99); *он же*. Что вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? (СА, 1961, № 2, стр. 157). См. также *А. В. Арциховский*. О новгородской хронологии (СА, 1959, № 4, стр. 107—127).

не предположить, что, упражняясь в написании дат, он вовсе не стремился зафиксировать текущий год, а записал в качестве примера буквенное обозначение одного из прошлых годов, ошибочно поменяв местами буквы: «зело», «ч», «с», «а» вместо «зело», «с», «ч», «а» — 6291 — 783 г.?

О грамоте № 207 из серии письменных текстов Онфима уже говорилось в другой связи.

На обрывке бересты № 208 [70] почерком Онфима написаны слова, от которых уцелели только отдельные части: «гво», «хын».

Под № 210 А. В. Арциховский опубликовал последнюю грамоту [71] из числа связанных с именем Онфима. На ней имеются изображение человека и буквы «а», «в», «л», «е». Какие-то рисунки и буквы были и на оторванных от грамоты кусках справа и слева (от них остались лишь следы) [72].

Весь приведенный материал, относящийся к мальчику Онфиму, уникален по своей значимости в качестве источника, наглядно показывающего, как дети упражнялись в приобретении навыков письма и рисования [73].

Вместе с письмами и рисунками Онфима обнаружена одна грамота (№ 201, XIII в.) [74] другого лица, в которой находим азбуку от «а» до «щ» (каждые две буквы выделены двоеточием) и склады от «ба» до «ща» (частично также разделенные двоеточиями). Почерк отличен от почерка Онфима. В. Л. Янин высказывает предположение, что грамоту писал другой мальчик — Данило (к которому Онфим адресовал «поклон» в письме № 199) [75].

Плодом упражнения в написании букв является грамота № 74 (XII в.) [76], от которой уцелел лишь верх. Здесь написаны начальные буквы алфавита (от «а» до «з»); ниж-

[70] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 29.

[71] Там же, стр. 29—32.

[72] Кроме того, под № 210 помещены пять рисунков Онфима: всадники, битва, всадник, воины в шлемах, человеческие фигуры.

[73] *А. В. Арциховский*. Берестяные грамоты мальчика Онфима (СА, 1957, № 3, стр. 215—223).

[74] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 22—23.

[75] *В. Л. Янин*. Я послал тебе бересту..., стр. 52.

[76] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 75.

ние их части не сохранились. Затем идут какие-то росчерки. Очевидно, это то, что называется условно «пробой пера».

Дошли до нас также тексты с буквенными обозначениями цифр; связанные, по-видимому, с изучением счета. На куске бересты № 287 (XIII—XIV вв.)[77] в одной строчке написан слог какого-то слова — «ди...» (третья буква не дописана); во второй строчке — буквы «а», «в», «г», «д», «е», «зело», т. е. только те, которым присуще и цифровое содержание.

Буквенная цифирь дана в грамоте № 342 (XIV в.)[78]. Очевидно, были перечислены все единицы, десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (до 40). Но сейчас в тексте имеются разрывы. Поэтому ряд цифр отсутствует. А. В. Арциховский указывает, что грамота написана «в связи с изучением арифметики». Может быть, она служила для справок при ведении расчетов в хозяйстве какого-нибудь купца или феодала.

№ 376 (XIII—XIV вв.)[79] представляет собой донце туеса. На донце нарисована фигура, крестообразно перечеркнутая. Над головой фигуры четыре буквы под титлами (следовательно, в значении цифр): «а», «в», «г», «д». Слева и справа от фигуры — буквы или части слов. Понятно только «стражь».

Рассмотренные азбуки, прописи, числовые таблицы, куски бересты со следами «пробы пера»[80] рисуют практику школьного обучения и показывают роль письма и счета в домашнем обиходе, в хозяйстве.

Рассмотрим еще некоторые берестяные тексты, характеризующие быт и литературные интересы новгородцев.

Выписку из церковного календаря находим в берестя-

[77] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956— 1957), стр. 114—115.

[78] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 29—30. О значении берестяных грамот для изучения истории математики см.: *Р. А. Симонов*. Числовые грамоты на бересте и некоторые вопросы истории Кирилловской нумерации («Сборник в чест на Кирил и Методий». София, 1963, стр. 287—294).

[79] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 76.

[80] Можно указать еще кусок бересты № 255 (XIV в.), на котором без всякого порядка нанесены отдельные буквы. А. В. Арциховский считает, что кто-то пробовал здесь орудие письма (*А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ, 1956—1957, стр. 82),

ной грамоте № 62 (XIII в.) [81], сохранившейся лишь частично: «...а дькабря... Еугения с...ница жьн... ул а о не за...»

Можно попытаться предположительно восполнить разрывы. Перед словом «декабря», вероятно, стояло: «[месяц]а», после «декабря», наверное, было указано число — 24 (так как в этот день праздновалась память св. Евгении). Вслед за словом «Евгения», надо думать, читалось: «с[вятомуче]ница жьн[а]». Текст «...ул а...», может быть, означает: «и[у]л[ь] 1» (если «а» — буквенное обозначение единицы).

Вероятно, в грамоте взяты на заметку даты, представляющие интерес для ее автора, возможно, связанные с какими-то семейными торжествами.

Запись апокрифического характера (XV в.) обнаружена на ободке берестяной чашечки (№ 10) [82]. Текст ее таков: «есть градъ межу нобомъ и землею, а к ному еде посолъ безъ пути самъ нимъ [83] везе грамоту непсану».

По объяснению В. П. Адриановой-Перетц, «надпись на ободке сосуда представляет собой загадку, известную и по рукописям, и в устной традиции: град — Ноев ковчег, посол — голубь, грамота написанная — масличная ветвь, оповещающая о прекращении потопа. Загадка идет от апокрифической литературы...»

На куске бересты № 292 (XIII в.) [84] записан текст заговора, в котором находим следы двоеверия (сочетания языческих представлений с христианскими): «Юмолануоли. 10. ними жи ноули се хан оли омо боу юмола [85] соудьни иохови».

Ю. С. Елисеев пришел к выводу, что запись сделана на карельском языке. Исследователь перевел ее на русский

[81] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 63—64.

[82] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951), стр. 43.

[83] В. Л. Янин понимает это выражение как «к ним» («Я послал тебе бересту...», стр. 37). Д. С. Лихачев поправляет его: «ним» — немой (*Д. С. Лихачев.* Новая наука — берестология.— «Новый мир». 1966, № 2, стр. 274).

[84] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1956—1957), стр. 120—122.

[85] Ю. С. Елисеев доказывает, что буква «ю» написана на месте ранее стоявших букв «хоу». См. *Ю. С. Елисеев.* Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков («Известия Академии наук СССР, отд. литературы и языка», т. XVIII, вып. 1, 1959).

язык следующим образом: «Божья стрела (молния) десять имен твоих. Стрела та она принадлежит богу. Бог судный [86] направляет». Это, как указано, заговор-заклинание [87].

Большой интерес представляют наблюдения над грамотой № 46 (XIV в.) [88], в которой буквы первой и второй строк надо (как разгадал А. В. Арциховский) читать по вертикали. Получается следующий текст: «Невежя писа, недума [89] каза, а хто се цита...» (конец утрачен). По определению А. В. Арциховского, «это типичная школьная шутка». Перевод В. И. Борковского: «Несведующий писал, недумающий (невежа) [90] показал [91]. А кто это прочитал...» [92]

В заключение следует отметить, что число литературных текстов на бересте весьма незначительно по сравнению с письмами делового характера, хозяйственной документацией, актами, материалами судопроизводства и т. д. Очевидно, береста использовалась преимущественно в личной переписке, в письменности, обслуживающей потребности гражданского оборота, в документах, оформляющих юридические сделки, в хозяйственной отчетности. Для памятников литературного характера, как правило, наверное, употреблялся другой писчий материал: пергамен, а затем бумага.

Есть один берестяной текст, смысл которого, мне кажется, не совсем правильно определяется. Это грамота № 377 (XIII в.) [93]: «От Микити к Оулиааниц. Поиди за мьне. Язъ тьбе хощю, а ты мене. А на то послоухо Игнато...» [94].

[86] Слово «судный» («соудьни») взято из русского языка.

[87] Этот карельский текст почти на 600 лет старше тех, которые были известны до него и датируются XIX в.

[88] *А. В. Арциховский.* НГБ (1952), стр. 48.

[89] В. Л. Янин читает: «не дума» («Я послал тебе бересту...», стр. 57).

[90] По В. Л. Янину, «не думая».

[91] По Н. Б. Бахилиной, «сказал» («Палеографический и лингвистический анализ нбг». М., 1955, стр. 184—185).

[92] *В. И. Борковский.* Новые находки берестяных грамот (ВЯ, 1953, № 4, стр. 127).

[93] *А. В. Арциховский.* НГБ (1958—1961), стр. 76—77.

[94] В. Л. Янин читает: «Игнат Моисеев» («Я послал тебе бересту...», стр. 45).

А. В. Арциховский пишет: «Перед нами первое древнерусское любовное письмо. Оно прямо начинается с брачного предложения. Жених пишет затем о своих чувствах, а также о чувствах невесты, в которых он уверен».

Слова «поиди за мьне» действительно указывают, что речь идет о браке. А. В. Арциховский приводит аналогичное выражение из Повести временных лет. В 945 г. древляне говорят княгине Ольге: «...поиди за князь нашь за Мал» [95].

Однако в грамоте № 377 скорее надо видеть не столько письмо, сколько брачный контракт. Вряд ли излияние в любви надо было подкреплять ссылкой на чье-то «послушество» [96].

§ 4. Берестяные грамоты, сохранившиеся в отрывках

В ряде грамот сохранились лишь обращения их авторов к адресатам, начинающиеся словами «поклон», «покланяние», остальной же текст или вообще утрачен, или дошел в настолько дефектном виде, что прочитать его невозможно. Это № 152 (XII в.) [97] — «[Покланян]ие от Афанаса къ гъспъ[дину...]»; № 6 (XIII—XIV вв.) [98] — «Поклоно от

[95] ПВЛ, ч. 1, стр. 40. Дополнительно можно сослаться и на статьи Русской Правды: «аже будуть в дому дети мали, а не джися будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за мужь...»; «аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за мужь...» (Русская Правда Пространной редакции, статьи 93 и 95).

[96] О вступлении в брак речь, по-видимому, шла и в грамоте № 367 (XIV—XV вв.) (*А. В. Арциховский.* НГБ, 1958—1961, стр. 66), от которой сохранился лаконичный отрывок: «...Посули а знамяцко...». «Знамяцко», как указывает А. В. Арциховский,— уменьшительная форма от слова «знамя». Последнее же имеет ряд значений: пограничный знак на дереве, воинский стяг, церковная пошлина с лиц, вступающих в брак и т. д. (*И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 990—991). В сочетании с глаголом «посули» (обещай) термин «знамяцко» выступает скорее всего в последнем значении. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. говорится: «А хто дасть дочерь замуж из города в волость, или из волости в город, или из волости в волость... а десятинику владычню знамен три денги» (АСЭИ, т. III, стр. 40, № 22).

[97] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский.* НГБ (1955), стр. 29—30.

[98] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* НГБ (1951), стр. 35.

Филиша ко Г...»; № 139 (XIII в.) [99] — «От Аврама покланяние ко Влцькоу»; № 290 (XIII—XIV вв.) [100] — «Поклоно от Маскима ко Гюргю... Беи чело, батку...»; № 146 (XIII—XIV вв.) [101] — «Поклоно от Давыда къ Мтафию. Куме, не изм...»; № 91 (XIV в.) [102] — «Поклонъ от Ларьяна ко свату моему Максиму. Тако...»; № 185 (XIV в.) [103] — «Поклонъ ко Захарии ко Дм[итру]»; № 339 (XIV в.) [104] — «Пклонъ от Ръдиваца ко господиноу посадкоу...»; № 306 (XV в.) [105] — «Покло[няние]... [Миха]илу Юрьевицю. У в... бабикъ мене ид... господину целомъ бь... (т. е. „бью" или „бьем" или „бьют")».

В некоторых грамотах, в которых уцелели лишь начальные фразы, слова «поклон», «покланяние» в обращении отсутствуют; формула более лаконичная — «от такого-то к такому-то»: № 80 (XII в.) [106] — «Ко Иваноку о пос...»; № 117 (XII в.) [107] — «От Стьпана ко Иванькоу...»; № 159 (XII в.) [108] — «От Клишь ко Цюди...»; № 239 (XII в.) [109] — «От Жадъка и от Степана къ Гюргю...»; № 189 (XIII—XIV вв.) [110] — «[От посадник[а]...»; № 106 (XIII—XIV вв.) [111] — «[От поса]дника...»; № 180 (XIV в.) [112] — «[От] ...ий и детии ее к Онсифору...»

Уцелевшее начало текста № 181 (XI в.) [113] имеет форму «Гтрамота от Дробьна... ъдоивьъб...».

[99] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 15.
[100] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 119.
[101] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 24-25.
[102] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 15—16.
[103] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 69.
[104] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 28.
[105] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 136—137.
[106] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 80.
[107] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 50.
[108] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 41—42.
[109] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 60—61.
[110] Там же, стр. 73.
[111] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 36.
[112] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 65.
[113] Там же, стр. 67.

От отдельных грамот дошло начальное обращение в форме «приказ», «се приказ»: № 93 (XIV в.) [114] — «Се приказъ о Микули Куцееви...»; № 303 (XV в.) [115] — «Приказъ от Ондреяиа Михаиловчи к Пуцне. Здесе ми билъ челомъ...» Это, очевидно, предписание лиц, пользующихся властью, тем, кто им обязан подчиняться: феодалов своим приказчикам или крестьянам.

Под № 362 (XIV—XV вв.) [116] напечатана, напротив, начальная фраза крестьянского челобитья или донесения приказчика феодалу: «Осподену Юрию Онцифороцю Ондрике цоло бе. Послалъ есме тъ... и сво...»

Уцелевшие от некоторых грамот отрывочные обращения «осподине», «осподину» входили в состав основного текста, а не его начальной части, указывающей от кого к кому адресована грамота. Таковы остатки грамот № 182 (XIV в.) [117] — «[с]воему осподи[ну]...»; № 372 (XIV в.) [118] — «...[гос]подипе, сино не... а нынеце, осподине, на б...» В обоих случаях можно предполагать обращение людей, принадлежавших к низшей категории общества, может быть крестьян или приказчиков, к их господам, либо вассалов к сеньорам. Но термин «осподине» мог употребляться и во взаимоотношениях людей равного положения.

От грамоты № 304 (XV в.) [119] до нас дошел конец, представляющий собой своеобразную формулу приветствия, пожелания здоровья: «...ца, оспо[дине], о пом[ина]-ете [120] в бозе гадка да в вашемо здоровие». Слово «гадка» В. И. Борковский толкует как «загадка», «гадание» [121].

В отдельных грамотах читаются лишь имена, осталь-

[114] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1953—1954), стр. 19.

[115] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 134—135.

[116] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 57—58.

[117] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 67. Внизу две маленькие буквы: «мо».

[118] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 71.

[119] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 135.

[120] Конъектура В. И. Борковского (там же, стр. 178).

[121] Очевидно, смысл текста такой: автор подчеркивает, что то, о чем он пишет адресату, будет зависеть от бога и от его здоровья; удастся это или нет, пока остается загадкой. Это явное выражение надежды, что адресат будет благополучен, и в то же время боязнь не сглазить.

ной текст разобрать трудно: № 194 (XI—XII вв.) [122] — «...и Ородошо у Домаслава...»; № 193 (XIII—XIVвв.) [123] — «...водамо или велиши язо Остафии... Самоили...»; № 224 (XIII в.) [124] — «...о Олемова... нодом ... адовеустан...»; № 188 (XIV в.) [125] — «[Ф]едор о... аже Васил...»; № 54 (XIII—XIV вв.) [126] — «...А у Микулици сокол ... стуя соколъ у Микифорця...»; № 38 (XIV в.) [127] — «Федор... коокор... оставили».

Иногда восстанавливаются лишь отдельные слова: № 398 (XIII в.) [128] — «дорого буде... гу ож...»; № 66 (XIV в.) [129] — «...ъ нь ослушаися... ему...»; № 365 (XIV в.) [130] — «Да пришли семъ с... б д....р....емъ у ить... м...».

Конечно, можно только пожалеть, что время, условия залегания в земле, а иногда и люди оказали разрушительное воздействие на целый ряд берестяных писем. Их содержание остается для нас неизвестным. И все же они не утрачивают полностью своего значения исторических

[122] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 75—77.

[123] Там же, стр. 75.

[124] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1956—1957), стр. 46—47.

[125] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. НГБ (1955), стр. 72—73.

[126] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 57—58. В данной грамоте речь, по-видимому, шла о положении сокольников, их правах и обязанностях. До нас дошел ряд актов, говорящих о сокольниках. Такова, например, жалованная грамота Ивана Калиты сокольникам Жиле «с други», промышляющим на Печоре. Они лично свободны и находятся под особым княжеским патронатом, будучи отданы под охрану некоему Меркурию, который должен их «блюсти». Иван Калита своей жалованной грамотой освобождает сокольников от дани и других повинностей. У них имеются свои закабаленные люди, на них работающие («третники и паимиты, хто стражет на готовых копех, а в кунах») (АСЭИ, т. III, стр. 15, № 2). К 1507 г. относится жалованная уставная грамота великого князя Василия III сокольникам и их вдовам, проживающим на посаде Переяславля Залесского, с освобождением от наместничьего суда и посадского тягла (кроме ямской повинности, городового дела и посошной службы). «За соколы» сокольники должны были платить оброк в великокняжескую казну (АСЭИ, т. III, стр. 46—47, № 26). О сокольниках говорится и в «Записи о Ржевской дани», 1479 г.

[127] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 37—39.

[128] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 98.

[129] *А. В. Арциховский*. НГБ (1952), стр. 66.

[130] *А. В. Арциховский*. НГБ (1958—1961), стр. 61.

источников. Уже самое число не только полных берестяных текстов, но даже их фрагментов в какой-то мере свидетельствует о степени распространения письменности. Пусть по обрывкам слов нельзя восстановить смысл берестяных грамот, начертания букв дают материал для палеографических наблюдений. Если уцелели начальные или конечные части отдельных документов, то мы получаем возможность уже в какой-то мере судить о формуляре последних. Случайно сохранившиеся личные имена, географические названия — все это может быть использовано историком, особенно тогда, когда накопится большой материал для сопоставлений и взаимной проверки одними берестяными текстами других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, выше были рассмотрены все берестяные грамоты, сохранность которых позволяла с той или иной степенью достоверности раскрыть их историческое содержание. Во многих, многих случаях я шел по следам, уже проторенным предшественниками, принимая, развивая, конкретизируя, дополняя ранее предложенные толкования. В ряде случаев мною предлагается новое понимание текста писем на бересте. Я отдаю себе отчет, что оно не всегда одинаково доказательно, и вовсе не претендую, чтобы мои комментарии были признаны убедительнее комментариев тех, кто писал до меня. Мне лишь хотелось бы думать, что и мои наблюдения заслуживают внимания и помогут в дальнейшей работе по изучению берестяных грамот. Сам я их расцениваю как один из возможных вариантов прочтения и истолкования текстов на бересте.

Мне представляется также не бесполезным для дальнейшего их исследования проведенное в настоящей монографии привлечение, в качестве сравнительного материала, ряда источников, которые до сих пор использовались в недостаточной степени: актового материала, законодательных памятников. Я пытался пользоваться этим материалом в разных направлениях: 1) выявляя текстуальные в нем совпадения с берестяными грамотами (для уяснения их смысла); 2) раскрывая общность тех жизненных, реальных ситуаций, которые отражены в рассматриваемых параллельно источниках; 3) уясняя соотношение существа

правовых норм (изложеных в законодательных памятниках) и характера их практического применения (в берестяных грамотах). Мне хотелось бы думать, что эти методические приемы привели к некоторым результатам, которые если не всегда убедят читателя, то во всяком случае будут приняты во внимание теми, кто в дальнейшем станет работать над берестяными письмами.

Важным с методической точки зрения мне представляется выявление в комплексе грамот на бересте (по содержащимся в них формулам) разновидностей актов и уяснение таким путем сущности скрытых за этими формулами феодальных институтов и феодальных отношений. Это как раз непосредственный (хотя и сопряженный с большими трудностями) путь из области источниковедения в область исторических построений.

Мне вообще кажется, что работа с берестяными грамотами (материалом, недавно введенным в научный оборот и трудным для анализа) дает возможности исследователям уточнить источниковедческую методику в плане подчинения ее задачам разработки исторической проблематики. Это была одна из основных задач и данной монографии. В ее решении есть, вероятно, и пробелы, и много спорного, но самое направление исследования мне представляется взятым верно.

Нет надобности повторять основные выводы монографии по проблемам. Они сформулированы в конце каждого очерка, а иногда и в конце отдельных параграфов. Поэтому я ограничусь некоторыми общими замечаниями.

В построении работы момент проблемный сочетается с хронологическим. Изложение начинается с комплекса берестяных грамот, группирующихся вокруг важнейшего памятника древнерусской истории — Русской Правды. Взаимоотношение содержания берестяных грамот и Русской Правды — это о б щ а я п р о б л е м а, по-моему, большой научной важности. Но она в известной мере определяет круг привлекаемых берестяных текстов и х р о н о л о г и ч е с к и. Это преимущественно тексты XI — XII вв., частично XIII в., т. е. главным образом раннефеодальной эпохи (хотя одновременно приходилось обращаться и к более поздним письмам на бересте).

В очерке о Русской Правде и берестяных грамотах сделана попытка доказать, что последние в ряде случаев представляют собой документы, рисующие суд на основе

законоположений Правды. Поэтому берестяные тексты содержат материал о видах преступлений и наказаний, о взимании «вир» и «продаж», о судебном процессе и применяемых на суде доказательствах и средствах дознания и т. д. Этот материал интересен сам по себе, ибо он рисует Русскую Правду в действии, показывает живых лиц в качестве обвиняемых и обвинителей, судей и свидетелей. Но вырисовывается и система юридических норм (в области наследственного права, ростовщичества и кредита, холоповладения), правовых институтов («дикая вира», «свод» и пр.) и т. д. Среди берестяных текстов оказываются акты, оформляющие юридические сделки (духовные грамоты, заемные записи). Наконец, через судебные казусы, правовые нормы, институты, юридические документы исследователь восходит к социальным отношениям (семья и вервь, развитие частной собственности, холопы и смерды, зарождение закупничества, город и купечество и т. д.).

Конечно, на основе случайного в известной мере подбора берестяных грамот (каждую из которых к тому же можно по-разному понимать) нельзя воссоздать с и с т е м у общественных отношений. Иллюстративный характер текстов на бересте полностью преодолеть невозможно. Но этот недостаток во многом преодолевается благодаря тому, что берестяные грамоты выступают как иллюстрации к положениям общенормативного характера, которые зафиксированы в Русской Правде, а действенность статей последних получает подтверждение на конкретных примерах, представляемых берестяными грамотами. Таким образом, последние воплощают в конкретных формах общие явления исторической жизни.

Последующие за разделом о Русской Правде очерки посвящены главным образом периоду развитого феодализма — XIII — XV вв., хотя и здесь приходилось выходить за строго очерченные хронологические рамки, касаясь генезиса некоторых институтов и явлений, отраженных в берестяных грамотах.

Методика изучения берестяных текстов оставалась та же, что и применительно к более раннему периоду. Но самое количество грамот на бересте и разнообразие их содержания дали возможность расчленить проблематику, разбив ее на несколько очерков. Для данной эпохи нельзя было сосредоточить рассмотрение грамот вокруг

одного какого-то нормативного памятника типа Русской Правды. Но методика, применяемая в предшествующем очерке, оправдала себя в области сопоставления текстов на бересте с Новгородской и Псковской судными грамотами и другими законодательными памятниками. В ряде случаев оказалось, что на бересте записаны конкретные юридические казусы, разрешенные судом на основе общеправовых норм, действующих в то время.

В качестве проблем исследования были выделены вопросы, связанные, во-первых, с историей новгородской деревни, вотчины, сельского населения; во-вторых,— с эволюцией ремесла, торговли, города; в-третьих,— с характером государственного аппарата, судоустройства, судопроизводства. Не так много имеется на бересте материала, относящегося к идеологии и культуре.

Источниковедческий анализ позволяет выделить ряд актов, касающихся земельных отношений: духовные, данные, закладные, судные списки и т. д., а изучение оформляемых ими сделок и отраженных в них споров ведет к пониманию характера вотчинного и условного землевладения, норм вотчинного права (совладение землей, ее раздел и пр.) и вотчинного режима (иммунитет). И здесь путь к воссозданию производственых отношений источниковедчески часто лежит через правовые формулы и институты. Но берестяные грамоты дают материал и для характеристики вотчинной и крестьянской экономики (систем земледелия, сельскохозяйственных орудий, зерновых культур). Переписка на бересте землевладельцев между собой, донесения ключников господам и распоряжения господ приказчикам, ключникам — это мало известные для XIII — XV вв. источники. Они рисуют земледельческие работы, характеризуют интерес, к ним проявляемый и в барской и в крестьянской среде, вводят исследователя в самую глубину сельскохозяйственного производства.

Исключительный по значению материал дают берестяные грамоты для характеристики положения крестьянства. Таких источников, как коллективные крестьянские челобитные, для той эпохи мы не знали. Они рисуют очень важные процессы, происходившие в крестьянской среде: экономическое неравенство в деревне, наличие хозяйств, лишенных лошадей и семян. Имеются данные о взаимоотношениях крестьян с вотчинной администрацией,

о притеснениях со стороны последней, о том, как на практике происходили «отказы» крестьян от феодалов, сопровождавшиеся конфликтами (доходившими до суда) между теми и другими. Встречаются случаи отчуждения крестьян с землей одним владельцем другому. Достаточно колоритны документы, рассказывающие о конкретных формах крестьянского сопротивления.

Новые данные о крестьянстве имеют не только местный, локальный интерес (для Новгорода). Они отражают и общие процессы, происходившие в то время на Руси.

Обогащают берестяные грамоты наши сведения о повинностях населения, формах его эксплуатации. Значительный комплекс документов посвящен вопросу о сборе дани. Большую ценность представляют такие документы на бересте, как списки плательщиков, внесенных в оклад, или недоимщиков. В конкретных формах выступает характер дани: сборы деньгами (серебром) или натурой (пушниной, рыбой). Имеются данные о системе раскладки дани («розруба») среди смердов, о конфликтах, на этой почве возникавших. Особого внимания заслуживает материал о действиях данщиков в среде карельского населения и (в этой связи) о новгородско-шведских взаимоотношениях.

В результате находок грамот на бересте наука обогатилась новой документацией, относящейся к системе вотчинной эксплуатации крестьян. Это, во-первых, списки оброчных поступлений или недоимок, а также крестьянской задолженности по ссуде; во-вторых, документы типа порядных. Материал этот дает в какой-то мере возможность судить о взаимоотношении форм ренты, о характере повинностей вотчинных и государственных, об общественном разделении труда, приводящем к выделению промысловых сел, вносящих оброк рыбой, железодобывающей продукцией и т. д.

Не столь богат содержащийся в берестяных грамотах материал о ремесле, однако некоторые новые сведения о ремесленных артелях и мастерских оттуда извлечь можно. Значительно более ценным источником служат тексты на бересте для характеристики торговли (и внутренней, и внешней). Представляют ценность довольно подробные сведения о товарах, фигурировавших на новгородском рынке. В какой-то мере береста позволяет ставить вопрос о связи с рынком разных категорий населения,

говорить о деятельности скупщиков. В некоторых текстах допустимо видеть (хотя и предположительно) указания на купеческие объединения.

Очерк, посвященный судоустройству и судопроизводству, служит логическим продолжением очерка «Русская Правда в действии». Здесь поднимаются те же самые вопросы, только для более позднего периода. Берестяные грамоты позволяют характеризовать и деятельность различных судебных органов (таковы суды княжеский, уличанские, торгово-ремесленных корпораций), и порядок судопроизводства, и судебную документацию. Особое внимание привлекают берестяные тексты, в которых зафиксированы судебные казусы, возникающие на почве споров по делам о наследстве, опеке, кредите и т. д. А через судебные конфликты и споры можно разглядеть картину общественных отношений со всеми характерными для них противоречиями.

Таковы, изложенные очень суммарно, результаты исследования. Сознавая их ограниченность и недостатки, автор надеется, что последующие исследователи найдут в его труде наблюдения, полезные для дальнейшего изучения богатого комплекса грамот на бересте, введенных в науку в качестве исторического источника и уже в значительной мере исследованных благодаря трудам А. В. Арциховского и его сотрудников. Упомянуть их как лиц, которым наука обязана открытием первостепенной важности, я считал своим долгом, и начиная и заканчивая свою книгу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1846.

АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I, II, III. М., 1952, 1958, 1964.

АФЗХ — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV — XVI вв.», ч. I, II, III. М., 1951, 1956, 1961.

ВЯ — «Вопросы языкознания». Журнал. М.

ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.

ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.— Л., 1950.

НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с пред. А. Н. Насонова. М.— Л., 1950.

ПВЛ — «Повесть временных лет», ч. 1—2. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950.

ПРП — «Памятники русского права», вып. I, II, III. Составитель А. А. Зимин. М., 1952, 1953, 1956.

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей». Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академиче-

скому списку. М., 1962. (Воспроизведение текста издания 1926—1928 годов).
Т. III. Новгородские летописи. СПб., 1841.
Т. IV, ч. 1, вып. 2. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925.
Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913.
Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.— Л., 1949.

СА — «Советская археология». Журнал. М.

«Сб. РИО» — «Сборник Русского исторического общества», т. XXXV. СПб., 1882.

ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Сборник. М.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абрам Мелешко, *см.* Мелешко Абрам
Абрамович Г. В., автор 167
Абрамович Д. И., автор 72
Абросим Филин, холоп 199
Аванесов Р. И., автор 7, 27
Авиница Сидуй *см.* Сидуй Авиница
Аврам 401
Адриан *см.* Андриан
Адрианова-Перетц В. П., автор 390, 398
Аекуевь 280
Азика, староста 347, 351
Акинфий 123
Аксен Щелков *см.* Щелков Аксен
Ал... 70
Алекса *см.* Олекса
[Алекса]ндр 66
[Алекса]ндр 324
Александр (Олександр) 193, 194
Александр (Олександр) 231, 232
Александр Белеутов *см.* Белеутов Александр
Александр Борисович, посол 217
Александр (Олександр) Рацлаль *см.* Рацлаль Александр (Олександр)
Александр Фоминич, посадник 188
Александр Ярославич Невский в. кн. 382
[Ал]ексей 157
Алферий Едигей 160
Алюевиць 368
Амвросий (Оброси́й, Обрысий) 299—301
Амвросий (Омросий) 256—258
Амос (?) 141
Анастасия, кн. 129
Андрей, владелец участка 115
Андрей (Одрей) 326, 329
Андрей (Ондрей) 270, 271, 274
Андрей (Ондрей) 262, 263
Андрей Александрович, в. кн. 382
Андрей Васильевич, кн. 128, 129
Андрей Дмитриевич, кн. 189
Андрей Иванович, кн. 377
Андрей Иванович 98
Андрей (Онедрий) Иванович, посадник 25, 179, 180, 183, 186
Андрей Коза, поп 326
Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. 87
Андрейка (Ондрейка), дьяк 198
Андриан (Ондреян) Михайлович 25, 194, 402
Андриан Ярлык, старец 373

Андроников Онцифор *см.* Онцифор Андроников
Андроновы дети 199
Андрюша, «человек» 202
Антон (Онтане) 234, 235
Антон (Онтон), котельник 263
Антон Гладкий, дворцовый истопник 135
Аристэ П., автор 297
Арнэ Т. *см.* Arne T. J.
Арциховский А. В., автор 3—6, 8, 9, 12, 15—20, 22, 24—31, 38—53, 55—59, 61, 62, 64—67, 69—81, 83—86, 88, 89, 91, 93, 95—104, 106—110, 113—118, 120—122, 124—128, 130, 132—134, 138—142, 144—151, 153—158, 160, 165—174, 176—179, 181, 184—195, 197, 199—201, 204—206, 208—213, 215, 216, 218—224, 226—228, 230, 231, 233—238, 240—247, 249—257, 260—264, 266, 268—278, 280, 283, 285—289, 291—293, 295—297, 299, 300, 302—304, 307—309, 311—316, 318, 321, 322, 324—328, 330—335, 337, 339, 340, 343—346, 348—356, 358—361, 364—373, 375, 378, 381—383, 385—403, 410
Афанас 400
Афанас (Офонос) 174
Афанасий, кн. 351
Афанасий (Офонос) Онцифорович 25, 184
Афанасов (Офоносов) 287

Баков Григорий 281
Бахилина Н. Б., автор 7, 89, 281, 399
Бахрушин С. В., автор 58, 154, 235, 264, 265, 276, 284, 287, 288, 296, 314
Белеутов Александр 198
Бердебек, хан 318
Бернадский В. Н., автор 202, 236, 237, 239, 274
Бешков Данилко 277
Бирнбаум Г. *см.* Birnbaum H.
Боба... 230
Бобжи (?) 366
Бобр (?) 356
Богдан Ермолин 127, 372
Богдан Микулин, сын боярский 139
Богша (Богош) 77
Богша (Богыш) 84—86, 112
Болеслав, король польский 87
Борецкая Марфа 265
Борис 30, 31, 140, 141, 201, 202, 376, 377, 380
Борис 45—47
Борис (?) 141
Борис 212, 216
Борис 316
Борис, укладник 301
Борис Васильевич, кн. 148
Борис Владимирович, кн. 72, 260
Борис Жирятинич 123
Борис Калтоев *см.* Калтоев Борис
Борис Панте... 287
Бориска 368
Борислав 118, 119
Борковский В. И., автор 4, 6, 7, 15—20, 22, 24, 25, 29—31, 38, 40, 42, 44, 45, 48, 50, 53, 55, 61, 62, 67, 69—74, 76, 80, 86, 88, 94—97, 99, 100, 102, 104, 106, 108, 110, 114, 115, 117, 122, 124, 126—130, 132—134, 138, 139, 141, 144—148, 154, 155, 157, 158, 160, 165, 168, 171, 172, 174, 179, 184—186, 189—191, 193, 194, 197, 199, 201, 205—207, 209, 212, 215, 216, 218—220, 222, 226, 228, 230, 233—235, 240, 244, 247, 249, 250, 252—255, 260, 261, 264, 266, 268—270, 273, 275—278, 283, 285, 286, 289, 291, 295, 296, 304, 307, 308, 315, 321, 324—326, 331, 332, 337, 339, 343—345, 348, 350—354, 361, 362, 367—369, 371—373, 375, 378, 386—389, 391—403
Борх фон, магистр 314
Борька 246
Боян, песнотворец 390
Братило 393
Братьша, смерд 208
Братята 41, 42

Булаховский Л. А., автор 7. 104, 362
Буроруй 110
Бурцев Парфен 227
Бухарица, «приданая девочка» 200
Буяков брат 80, 81
Бэклунд А. *см.* Beacklund A.

В... 234
Вавула, ключник 179
Ваивас 296
Валит 296
Ванук (Иванко?) 327
Варварка, вдова 148
Варлаам, архимандрит 161
Варлаам, игумен 354, 370
Варлаам Хутынский 114, 116
Варлам *см.* Варлаам
Вармин Мундуй *см.* Мундуй Вармин
Варфоломей (Вафромей) Гаврилович 119
Варфоломей Юрьевич, посадник 25, 153, 154
Васек 226
Васил... 403
Василева рыба (семья?) 234, 235
Василий 7, 103, 104, 106
Василий 287
Василий 326, 329
Василий 364
Василий 364
Василий (Василь) 110, 111
Василий (Василь) 353
Василий, борец 127—129
Василий, тысяцкий 127, 372
Василий (Васильевич ?) 339—341
Василий (II) Васильевич, в. кн. 81, 107, 128, 140, 148, 167, 341, 346
Василий Васильевич Галицкий 197
Василий (I) Дмитриевич, в. кн. 100, 140, 148, 156, 193, 224, 341, 377
Василий Желутков *см.* Желутков Василий
Василий (III) Иванович, в. кн. 250, 403
Василий Игнатьев 191—193, 197
Василий Матвеев 347, 351
Василий Петрович Кутузов *см.* Кутузов Василий Петрович
Василий Подриз *см.* Подриз Василий
Василий Пячев *см.* Пячев Василий
Василий Софонтьев 234—236
Василий Федоров 115
Василько (Василке) 177, 178, 183
Василько Ростиславич, кн. 79
Васька (Васке) 233
Васьян Уваров *см.* Уваров Васьян
Вафромей *см.* Варфоломей
Велес (Волос) 389, 390
Вельяказ 280
Вельют 280
Вельютовы 280
Вигаль (Остафий Вигаль?) 278
Вигарь 296
Витовт Кейстутович, в. кн. литовский 148
Вихтимас 280
Владимир Андреевич, кн. 140
Владимир Всеволодович Мономах, в. кн. 68, 75, 77, 82, 87
Владимир Мелех Ратков *см.* Ратков Владимир Мелех
Владимир Святославич, в. кн. 43, 78, 379
Влас (?) 141
Влотько 18, 204, 205, 225
Водов В. *см.* Vodoff W.
Возгреша Кондр *см.* Кондр Возгреша
Воземут 280
Воисласль (Воислав?) 231, 232
Войло (Воислав) 255, 256
Войцын шурин (шурин Воя, Воина, Воислава) 93, 94
Володимирко, кн. 86
Волос 231, 232
Волотковея (жена Волотка) 70, 354
Волчек (Волцьк) 401
Вонег 226
Воронец Иван *см.* Мокшеев Иван Воронец
Воронин Иван, слуга 198

Всеволод Мстиславич, в. кн. 81, 116, 182, 315
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, в. кн. 384, 385
Вышена 384, 385
Вячеслав 332

Г... 401
Гаврила 157
Гаврило, щитник 263
Гафанко (Агафон) 244, 245, 249
Геласий 268
Герасим 98
Гладкий Антон *см.* Антон Гладкий
Глеб 169
Глеб Владимирович, кн. 72, 260
Глухов В. М., автор 59, 79, 80, 155, 333—336
Голубцов И. А., автор 231
Горбцов Н. С. 341
Гордей 83, 112
Гордый *см.* Семен (Симеон) Иванович Гордый
Горислалич (Гориславич) 287
Горский А. Д., автор 154, 243
[Г]остиль (Гостила) 280
Гостята 7, 103—106, 112
[Г]остята 69
Гошкуй Жирятинич 123
Гр... 208
Граня Иван, подвойский 58, 373
Греков Б. Д., автор 165
Грига 233
Григо... 360
Григорий 42
Григорий 141
Григорий 215, 225
Григорий 234
Григорий 234
Григорий 278, 279
Григорий 289, 298
Григорий 295, 296
Григорий 305—311
Григорий 381
Григорий (Григориц) 189, 190
Григорий, данщик 30, 31, 216—219, 225
Григорий, поп 135, 322
Григорий, посадник 213
Григорий Баков *см.* Баков Григорий
Григорий Васпльевич, наместник 205, 214
Григорий Иванович, схимник 366
Григорий Онаньевич Своеземцев *см.* Своеземцев Григорий Онаньевич
Григорий Онефимов 315, 316
Григорий Ощифоров 307
Григорий Роготин *см.* Роготин Григорий
Григорий Семенович, боярин 209
Григорий Тимошин 278, 279
Григорий Фларев 211
Гридица, паробок 200
Грикша 142—144, 150
Гриска 234
Гришка 361
Гуреев Яким *см.* Яким Гуреев
Гучко 56—58, 111
Гю... 269
Гювиев сын 222—223
Гюр... 287
Гюрги, Гюрьги *см.* Юрий
Гюрьгевиц *см.* Юрьевич

Д... 106
Да... 70
Давыд 98
Давыд 98
Давыд 144, 146
Давыд 277, 279
Давыд 324, 325
Давыд 330, 331
Давыд 401
Давыд Лукин (Лукен) 328
Давыд Попов 211
Давыд Прибыша 295, 296
Давыжея (жена Давыда) 97, 98
Данешинич 80, 81
Данпил, митрополит 178
Данпил Заточник 68
Данпил Романович, кн. 263
Данила (Данило) 169
Данила (Данило), мальчик 394, 396
Данилко Бешков *см.* Бешков Данилко
Данилова Л. В., автор 82, 116,

118, 134, 156, 212, 237—239, 245, 265, 276, 282
Даньслав Лазутинич, данщик 203
Даньша 204, 205, 225
Деевы дети 93
Деица 271, 272
Дементий Новиков, крестьянин 178
Демка Окинфов 119
Демьян (Демеян) 327
Демьян (Демиян) 106—108
[Дер]жимир 44
Дешевка 226
Дмитр 69
[Д]митр 305
Дм[итр] 401
Дмитр (Домитр) 208
Дмитр (Домитр) 394
Дмитр, данщик 216—219, 226
Дмитр (Домитр) Милославов 316
Дмитр Мирошкинич, посадник 195
Дмитр Якунич, посадник 385
Дмитрий Александрович, в. кн. 382
Дмитрий Васильевич, тысяцкий 214
Дмитрий Иванов 94
Дмитрий Иванович, в. кн. 72
Дмитрий Иванович, кн. 287
Дмитрий Китаев *см.* Китаев Дмитрий
Доброжир 69
Домажил (?) 339
Домажир 339, 387, 388
Доманец 153
Домант 233
Домаслав 62, 63
Домаслав 403
Домитр *см.* Дмитр
Домна (Домона) 307—309
Дорофей 331, 332, 342
Дорофей 378
Дорофей, кожевник 353
Дражь... 70
Дробьн 18, 401
Дрочило (Дроцило) 346, 347
Дрочило Нездилов, кожевник 263
Дрочко, поп 327, 330
Душило [Ф]оминич 268
Дылевский Н. М., автор 9

Е... 223
Еван *см.* Иван
Евфимий, архиепископ 147
Евфимия 359, 360
Евфимия Семеновна Кушелева *см.* Кушелева Евфимия Семеновна
Едигей Алферий, *см.* Алферий Едигей
Елена (Олена) (?) 305
Елисеев Ю. С., автор 10, 266, 398
Елсуфко Олешин 300
Ермаков Митя *см.* Митя Ермаков
Ермолин Богдан *см.* Богдан Ермолин
Есин (Есинко), половник 281, 374
Есип Дмитриевич Окинфов 200
Есиф 30, 31, 284—286, 298, 318—322, 329
Есиф 120—122
Есиф 142—144, 150
[Е]сиф 144—146, 150
Есиф 228, 229
Есиф 273, 274, 280
Есиф, архимандрит 301
Есиф Давыдов 58—60
Евгения (Евгения) 398

Жадко (Жадок) 101, 112
Жадко 401
Ждан 55
Жекулин В. С., автор 13
Желутков Василий 350, 351
Жидиль 280
Жизномир 18, 61, 62, 111
Жила, сокольник 403
Жировит 74
Жирослав 340—342
Жирошь (Жирох) 45—47
Жихорь Алексей 344
Жуковская Л. П., автор 7, 10, 11, 27, 56, 59, 62, 78, 84, 89, 91, 92, 94, 130, 145, 155, 192, 223, 224, 231, 236, 240, 243, 249, 257, 260, 275, 280, 291,

295, 334, 335, 340, 348, 349, 356, 366, 368, 376

Завид 42—44
Завид 69
Завид 115
Завид 354, 355
Заозерич (Заожерич) 261
Зарубин Н. Н., автор 68
Засурцев П. И., автор 12, 14
Захар Румянцев *см.* Румянцев Захар
Захарец Гридцын, холоп 200
Захария 219
Захария 283
Захария 368
Захария 401
Захарка (Захар), крестьянин 179, 183
Захарья *см.* Захария
Зацепин Леонтий 347
Заяц 275
Зверев В. Г. 115
Зимин А. А., автор 13, 14
Зиновий (Зеновий) 184, 185
Зосима, митрополит 139
Зубер (Зупер) 195

Иван 80, 81
Ива[н] 269
Иван 277, 279
Иван 281
Иван 283
Иван 351
Иван 364
Иван (Еван) 16
Иван (Еван) 98
Иван (Еван) 153
Иван (Еван) 358—359
Иван, поп 313, 314
Иван Аввакумов 282
Иван Андреевич, кн. 306
Иван Борисо[вич] 140, 141
Иван Граня *см.* Граня Иван
Иван (III) Васильевич, в. кн. 108, 167, 202, 208, 257, 322, 344
Иван Васильевич Своеземцев *см.* Своеземцев Иван Васильевич
Иван (I) Данилович Калита, в. кн. 140, 147, 220, 247, 377, 403
Иван Данилович, посадник 115
Иван (II) Иванович, в.кн. 140, 377
Иван Кабачин *см.* Кабачин Иван
Иван Ознобиша *см.* Ознобиша Иван
Иван Стойко *см.* Стойко Иван
Иван Тойвит *см.* Тойвит Иван
Иван Труцкий *см.* Труцкий Иван
Иван Федорович Новокщенов *см.* Новокщенов Иван Федорович
Иван Хрушкин *см.* Хрушкин Иван
Иванис Якыто *см.* Якыто Иванис
Иванко 174, 175
Иванко 205, 206
Иванко 401
Иванко 401
Иванко (Иван) 278, 279
Иванко, дворянин 332
Иванко Прибышинец *см.* Прибышинец Иванко
Иванко сын Демьянка (Демеянка) 16
Иванок *см.* Иванко
Иванько *см.* Иванко
Иваш 351
Ивашко (Иван) 212, 216
Ивоня, келарь 126
Игал (Игаль) 222, 223
Игалин брат 219
Игнат 268
Игнат 309, 310
Игнат (Моисеев?), послух 399
Игнат Жирятинич 123
Игнатий 124
Игнатий Юрьев 17
Иголай 219
Игугмор (Игугморо) (Гугморо?) 280
Иев 191—193
Иев 370, 371
Иев 372
Иелее *см.* Илья
Измаил, кузнец 263
Изяслав Мстиславич, в. кн. 78, 114, 116, 382
Изяслав Ярославич, в. кн. 260

Икагал Кривец 219
Илейка 373
Илья (Илее) (Тудор?) 226, 227
Илья Григорьевич Наумов *см.* Наумов Илья Григорьевич
Иона, архиепископ 147
Иона, митрополит 139, 341, 346
Исак 94, 281
Исак 233
Исак (Исако) 16
Истовной Микита *см.* Никита Истовной
Июрий *см.* Юрий

Кабачин Иван 127
Кавкагала 222, 223
Казимир IV, король польский 319, 323
Калиница 219
Калтоев Борис 212, 213
Каменцева Е. Н., автор 287
Канунниковы 277
Каргер М. К., автор 260
Каргуев Юрий 282
Карп 244, 249
Карп 281
Касьян, игумен 153
Касьян, старец 177
Кафенгауз Б. Б., автор 11, 62, 75, 86, 91, 101, 120, 130, 133, 171, 231, 232, 256, 275, 311, 312, 325, 356—358, 361, 368
Кемские князья 367
Кенище Матвей 211
Киприан, митрополит 167, 170, 171, 188, 222, 241—244,252, 306, 307
Киреев сын, лопарь 222, 223
Кириак (Кюрьяк) 384, 385
Кирик, книжник 28, 247
Кирилл (Курила) 181, 182
Кирилл (Кюрило) 373, 374
Кирилл, игумен 89, 189, 336
Кирилл, славянский просветитель 397
Киркkинен Х. *см.* Kirkkinen H.
Кирьянов А. В., автор 5
Кислов М. Н., автор 5, 56, 238
Китаев Дмитрий, писец 202
Клим Щекаров *см.* Щекаров Клим
Климент (Климята) 82, 93, 169, 246, 354, 355, 370
Климец 211, 212, 225
Климец Опарин *см.* Опарин Климец
Климята 268
Климята Парфеньев 353
Клишь 401
Кля, паробок 185, 186
Ко...ьн 70
Кобилькеи (?) 366, 367, 375
Коза Андрей *см.* Андрей Коза
Козел 208
Кой Терентий *см.* Терентий Кой
Кокор 224
Колбищь (Олекса?) 355, 356
Колока 208
Колчин Б. А., автор 5, 235, 292
Кондр Возгреша 278
Кондрат 364, 365
Коновалов А. А., автор 13
Константин (Коснятин) 18, 29
Константин (Костяньтин) 393
Константин (Кспятинец) 66, 67
Константин (Кьснятин) 55
Константин Белозерский, кн. 222
Корелин Сменко *см.* Сменко Корелин
Короман 20, 88, 89, 91
Коромольник 231, 232
Косарик 273—274
Коснятин *см.* Константин
Кост... 184
Коста 361
Коста 393
Костка 122
Костка сын Лукина Офремова 17
Костыгина Овдотьица Иваш-кова 200
Коцанков Фларь 287
Кочин Г. Е., автор 116, 152, 154, 158, 160, 161, 167, 168, 190, 227, 229, 232, 284, 306, 381
Кошмидер *см.* Koschmieder E.
Кощей 165, 182
Крив (Кривой) 250—252, 258
Кривец Икагал *см.* Икагал Кривец

Кринило 261, 262, 267
Крюк-Фоминский М. Ф. *см.* Фоминский Крюк М. Ф.
Крюков-Фоминский И. М. *см.* Фоминский Крюков И. М.
Ксенофонт (Синофонт) 126
Ксенофонт (Синофонт) 174, 183
Ксенья 66, 67
Кснятинец *см.* Константин
Куземка Скворцов *см.* Скворцов Куземка
Кузмич (Кузмиць) Онисимов 368
Кузнецов П. С., автор 7, 27
Кузька (Кузека) 106—108
Кузьма 346, 347
Кузьма 360
Кузьма Твердиславич, посол 217
Кузьмин Ф. Ф., автор 8, 104
Кулба 233
Кулотка 86—88, 112
Кулпа Сенька *см.* Сенька Кулпа
Купра Иванов 17
Купра Онтивка Фомин *см.* Онтивка Купра Фомин
Кур 98
Курашкевич В. *см.* Kuraszkiewicz W.
Курила *см.* Кирилл
Куритский Онания 288, 311
Курицкий Онания 287, 288
Курятов 230
Кутузов Василий Петрович 202
Куцеев Микула 402
Кушелева Евфимия Семеновна 198
Кьснятин *см.* Константин
Кюрик Тюлнин 368
Кюрило *см.* Кирилл
Кюрьяк *см.* Кириак

Лавр 275
Лаврентий Васильев 372
Ладога (?) 231
Ладопга Сидор Тадуй *см.* Сидор Тадуй Ладопга
Лазовк 86—88, 112
Лазорь 16, 17
Лапин А. 346
Лаппо И. И., автор 202
Ларьян 401
Ларя 287
Лахно 153
Лашенестников Никита (Микита) 16
Лев 321, 322
Левка, пасынок Савела Обрядина 346
Лег... 219
Леннуй 219, 220
Леонтий Зацепин *см.* Зацепин Леонтий
Лер-Сплавинский Т. *см.* Lehr-Spławinski T.
Лихачев Д. С., автор 8, 13, 56, 59, 79, 84, 155, 256, 280, 322, 333, 334, 398
Лихачев К. И. 341
Лопинков 280
Лудислав (Лудьслав) 76, 111
Лука 42—44
Лука Варфоломеевич 25, 300, 301, 355, 356
Лука Онишков *см.* Онишков Лука
Лунек (Лунько) 368
Лутьянь 234
Луцнов 122
Лушеван 16
Лыков Мочало Г. Д. 139
Львов И. С. 357
Люткин Павел Васильевич 199
Лягач (Лягац) 234

Мавроднн В. В., автор 388
[Макс]им 172
Максим 174
Максим, ключник 299—301
Максим, поп 126
Максим Машков *см.* Машков Максим
Максим Онцифорович 25, 169, 184, 246, 247, 249, 270, 271, 298, 315, 316, 386, 387, 401
Максимец 233
Максимец 305, 306
Мал 226
Мал, кн. 400
Мануил 255
Мануил 373
Мануил, сын посаднич 302, 303
Маньков А. Г., автор 154
Маремьяна (Маремеяна) 16
Марина 295, 296, 298

Мария 16
Мария 98
Мария 133, 134
Мария 179, 183
Мар[ия] 295
Мария Ярославна, кн. 161
Марк 120—122
Марк 123
Марк 219
Марк 324, 325, 329
Марк, половник 254
Маркел, старец 135
Марко *см.* Марк
Мартемьян 125, 367
[Мартемья]нкины дети 141
Мартирий, поп 126
[Марты]нкины дети 141
Марфа 355, 356
Марфа 366
Марфа Борецкая *см.* Борецкая Марфа
Марья *см.* Мария
Матвеенко В. А., автор 8
Матвей (Матий) 48—50, 111
Матвей Васильевич 374
Матвей Иванович 115
Матвей Кепище *см.* Кепище Матвей
Матвей Петров 205, 214
Матвий *см.* Матвей
Матий, Матей *см.* Матвей
Матфеец (Матфей) 66, 67, 112
Матфей 144, 145, 150
Матфей 372
Матфей (Мтафий) 401
Матфей Урван 132
Машка 234
Машкин Софрон 211
Машков Максим 287
[Ме]жимир 44
Мелентий Ефимович Чевака *см.* Чевака Мелентий Ефимович
Мелех Владимир Ратков *см.* Ратков Владимир Мелех
Мелешко Абрам 53
Мелеян (Емельян) 246, 247, 249
Мелит 297
[Мена]ндр 66
Менгу-Тимур (Менгу-Темерь), хан 318
Менуевы 212, 215
Мерзон А. Ц., автор 290
Меркурий 403
Местилов сын 84—86, 112
Местята 261
Местятка 18, 371, 372, 375
Мефодий, славянский просветитель 397
Мещерский Н. А., автор 7, 8, 10, 12, 94, 104, 133, 145, 152, 155, 264, 376
Мика 280
Микита *см.* Никита
Микитец 233
Микефор (Мекефорко) 193, 194
Микифор 210, 211, 225
Микифор 234
Микифорец 403
Микиш[а] 288
Микула 18, 61, 62
Микула Куцеев *см.* Куцеев Микула
Микула Степин *см.* Степин Микула
Микулин Богдан *см.* Богдан Микулин
Микулица 403
Милого[ст] 228
Милонег 228
Милослав 250, 251, 258
Милошка (Милошек) 226
Милята 283
Мина 234
Мина 327
Мирослав 70
Мирошкиничи 80
Мирошь... (Мирошка) 205, 206
Митрощ 208
Митя Ермаков 281
Миха Семен *см.* Семен Миха
Михаил 155, 157
Михаил 197
Михаил (Михаль) 70
Михаил (Михаль) 127—129
Михаил, поп 278
Михаил, староста 184
Михаил Александрович, в. кн. 72, 100, 193
Михаил Андреевич, кн. 65, 153, 175, 181, 336
Михаил Борисович, кн. 382
Михаил Васильевич Тучко-Морозов *см.* Морозов Тучко Михаил Васильевич

Михаил Титов 358
Михаил Юрьевич 25, 168, 169, 171—173, 183—185, 189, 194, 196, 401
Михаил Ярославич, в. кн. 29, 181, 211
Михаль 269
Михаль 366, 375
Михаль 381—383
Михаль 385
Михаль 389, 390
Михаль Шило 234
Мишинчи-Онцифоровичи 12, 24, 30, 31
Мишков Василий 281
Мокшеев Иван Воронец 373
Мон... 42—44
Морозов Тучко Василий Борисович 234
Морозов Тучко Михаил Васильевич 234
Мочало Лыков Г. Д. *см.* Лыков Мочало Г. Д.
Мстислав Владимирович, в. кн. 116, 237
Мстислав Владимирович, кн. 87
Мстислав Мстиславич Удалой, кн. 385
Мтафий *см.* Матфей
Муля 42
Мунданахт 219
Мундуй Вармин 223
Муномел Игалин брат 219
Мысловы дети 123, 240, 241, 248
Мэлин Э. *см.* Melin E.
Мэтьюз У. *см* Matthews W. K.
Мягистэ Ю. *см.* Mägiste J.
Мятеща 280

Н... 234
Надей 226
Нажир 101
Нажир 387, 388
Назаров В. Д., автор 14
Намест 280
Наримант Гедиминович, в кн. 217
Наслав 226
Насонов А. Н., автор 48, 207
Настасья 30, 31, 140, 141, 201, 376—378, 380
Настасья Михайлова 194
Наум 215, 225
Наум 233
Наум Солецкий 293—295, 298
Наумов Илья Григорьевич, судья 321
Невер 199
Неверовичи (Неверовици) дети 197, 199
Негодяевы дети 199
Недан 307—309
Нежил 41, 111
Нежил (Нежиль, Нежило), попов сын 70, 71
Нежило, серебреник 263
Нездыло, староста 373, 374
Некрас 255
Неревьи (?) 80, 81
Нероновы, дети боярские 346
Несда (?) 86, 87
Несдич (Несдиц) 50
Нестер 39, 40, 111
Нестер 70
Нестер Прочпця 299—304
Нестерко (Нестор) 140—142
Нестерко (Нестор), крестьянин 179, 183
Несул 226
[Ника]ндр 66
[Ника]ндр 324
Никита (Микита) 222, 223
Никита (Микита) 275
Никита (Микита) 322—324, 329
Никита (Микита) 399
Никита (Микита) Истовной Еванов (Иванов) 219
Никита (Микита) Лашенестников *см.* Лашенестников Никита (Микита)
Никита (Микита) Михайлович 25, 194
Никита Трофимов, недельщик 346
Никифор Стольнич 345
Никола *см.* Святослав Ольгович, кн.
Нифонт, владыка 346
Новиков Дементий *см.* Дементий Новиков
Новокщенов Иван Федорович 200
Ной (?) 91, 92

Носок (Носко) 261, 267
Нуструй 204, 205, 225
Нуфрей (Онуфрий) 197—200

О... 115
Обакунец 233
[Обаку]нкины дети 141
Обекан 98
Обиден 226
Обросий (Обрысий) *см.* Амвросий
Обросим Васильев 372
Обросимова жена 281
Обрядин Савел 346
Овдоким 234—236
Овдотьица Ивашкова Костыгина *см.* Костыгина Овдотьица Ивашкова
Овсяник 233
Огафон (Агафон) 283
Огафонко 233
Огреница, «девочка» 200
Одрей *см.* Андрей
Одреян, кузнец 127
Ознобиша Иван 344, 345
Окинфов Демка *см.* Демка Окинфов
Окинфов Есин *см.* Есин Окинфов
Окинфов Ортя *см.* Ортя Окинфов
Окинфов Софонтий *см.* Софонтий Окинфов
Окиш 233
Окру... 141
Окулов Семен *см.* Семен Окулов
Олег, кн. 388, 389
Олекса 120—122
Олекса 122
Олекса 153
Олекса 244, 245, 249
Олексий (Алексей) Щука 179—181, 183
Олександр *см.* Александр
Олем 403
Оливорин 352
Олисей 69
Олферий 275
Олферий (Олоферий) 193
Олферий (Олоферий) 378, 380
Олфоромей *см.* Варфоломей
Ольга, кн. 400
...оман, смерд 208
Омант 348, 349
Омросий *см.* Амвросий
Онания Куритский *см.* Куритский Онания
Онания Курицкий *см.* Курицкий Онания
Онаньица Захарков, паробок 200
Онанья 142—144, 150
Онанья 234
Онанья (Онания), сотский 184
Онд... 287
Ондрей *см.* Андрей
Ондрик 402
Онедрий Иванович *см.* Андрей Иванович
Ондрейка *см.* Андрейка
Ондрий Цирицин *см.* Цирицин Ондрий
Ондреян Михайлович *см.* Андриян Михайлович
Ондришка 231—233
Онишков Лука 211
Онтане *см.* Антон
Онтон *см.* Антон
Онтивка Купра Фомин 17
Онфим 120—122
Онфим, мальчик 4, 391, 393—396
Онцифор 132
Онцифор Андроников 125
Онцифор (Онсифор) Лукинич, посадник 25, 158, 174, 175, 187, 197—200, 209, 210, 225, 299—304, 310, 311, 331, 401
Опарин Климец 172, 173, 183
Орипка Булутова жена 373
Орлов А. С., автор 265, 393
Орлов С. Н., автор 8, 122, 123
Ородошо (?) 403
Ортемка 271, 272
Ортимий (Артемий) 245, 246, 249
Ортя Окинфов 119
Осип 331, 332
Осп... 255
Остафий 278, 279, 287
Остафий 305
Остафий 403
Остафий, холоп 198
Остафий Онаньевич Своеземцев *см.* Своеземцев Остафий Онаньевич
Осташ 98

Острохвост Федот *см.* Федот Острохвост
Офимья 65
Офимья 364
Офлем (Ефрем) 247—249
Офонос *см.* Афанас
Офоносов *см.* Афанасов
Офромеец 233
Офросиньица, дочь холопа 200

Павел 184
Павел 212, 216
Павел, владелец земли 97
Павел Васильевич Люткин *см.* Люткин Павел Васильевич
Павел Еванов (Иванов) 287
Павел Петров брат, дворянин 144—146, 150
Павел Собольцов *см.* Собольцов Павел
Павлова попадья 285
Падиногин Родиван 321, 322
Панко 283
Панкрат Ченей 227
Панфил 295, 298
Парфен Бурцев *см.* Бурцев Парфен
Парфений, игумен 177, 178
Патрикей Строев *см.* Строев Патрикей
Пахитко 223
Пашуто В. Т., автор 14
Пер... 359
Пермитин 224
Перха 233
Перхурьев Юрий 281
Петр 18
Петр 133, 134
Петр 204, 205, 225
Петр (?) 250—252
Петр 275
Петр 322, 323
Петр 346, 347, 360
Петр 364, 365
Петр Смольнянин 316
Петрович (Пьтровиц) 16
Петряниц 368
Питин сын 222, 223
Плещеев А. М. 148
Подриз Василий 281
Полчек (Полоцек) 62—64
Полюд 269, 270
Поварья 233
Попов А. И., автор 10, 118, 223
Попов *см.* Давыд Попов
Поппэ А. *см.* Ропре А.
Поре... 287
Порфиридов Н. И., автор 13
Потр *см.* Петр
Прибыша Давыд *см.* Давыд Прибыша
Прибышинец Иванко, опоник 263
Прокоп (Прокопий) 370, 371
Прокоша 39, 40
Прокоша 316
Прокуй 132
Пропитейн А. П., автор 58, 154, 265, 276, 287, 354
Прочиця Нестер *см.* Нестер Прочиця
Пселл Михаил 388
Путило 269
Пуцна 402
Пьсан 70
Пюхтино 219
Пьнтьлик 244
Пятелей (Пантелей) 262—264, 267
Пячев Василий 344

Рагозины, дети боярские 346
Радех 228
Радко 69
Радко 98
Радковая (жена Радка), 97, 98
Радослав 18, 371, 32, 375
Радослав (Родослав) 231, 232
[Ра]дослалъ (Радослав?) 231
Радько *см.* Радко
Ратков Владимир Молех 58
Ратмир 70
Ратмир (Ратемир) 210, 211, 225
Ратша 226
Ратша Рикиница 228
Рацлав 287
Рацлаль Олександр 278
Редедя, кн. 87
Резановы дети 198
Репех 307—309
Ригер Я. *см.* Rieger J.
Рикиница Ратша *см.* Ратша Рикиница
Роготин Григорий 368
Родиван Падиногин *см.* Падиногин Родиван

Родивац 401
Родослав *см.* Радослав
Рожнет 204, 205, 225
Рознег 260, 262, 266
Роман 262—264, 267
Ростислав Мстиславич, кн. 81, 206, 254
Ростих 110
Румянцев Захар 161
Рыбаков Б. А., автор 5, 6, 16, 17, 77, 78, 91, 99, 151—155, 169, 192, 199, 212, 213, 241, 252, 253, 263—265, 275, 284, 327, 334, 350, 366, 376, 395
Рыжий Фофанец *см.* Фофанец Рыжий
Ряполовский Д. И. 139

Са... 234
Савва (Сава) 96
Савва (Сава) 318—320
Савва (Сава), ведун 390, 391
Савва Тимощин 287
Саввина (Савина) чадь 381—383
Савел Обрядин *см.* Обрядин Савел
Савлий (Савелий) 386, 387
Салтык Травин И. И. *см.* Травин Салтык И. И.
Самойла 403
Своеземцев Григорий Онаньевич 124, 378
Своеземцев Иван Васильевич 143
Своеземцев Остафий Онаньевич 95, 124, 238, 248, 378
Своеземцев Семен 124
Своеземцев Федор Остафьевич 65, 93, 238, 378
Святополк Изяславич, в. кн. 68, 75, 79
Святослав Всеволодович, кн. 385
Святослав Игоревич, кн. 390
Святослав Ольгович, кн. 204, 206, 207, 223, 224, 346
Святослав Ярославич, кн. 54
Селивестр 368, 375
Селпкуевиц 368
Селоан (Силуян) 177, 178
Селиль 368
Селята 226
Семен 356, 357
Семен (Смен) 101
Семен (Смен) 197
Семен (Смен) 289, 290, 298
Семен (Смон) 314, 315
Семен (Смон) 313, 314
Семен (Сомен) 324, 325, 329
Семен Иванов 307
Семен (Симеон) Иванович Гордый, в. кн. 147, 340, 377
Семен (Смен) Миха 309—311
Семен Окулов 372
Семен Узкий, крестьянин 162
Семен (Смен) Фларев 277, 279
Семен Своеземцев *см.* Своеземцев Семен
Семен (Смен) Яколь (Яковлев) 368
Семок 86—88, 112
Семьюн (Симеон) 109
Сенька Кулпа, пристав 108
Сергий 189
Сергий 212, 213
Сергий, старец 372
Серко 156
Сеш... 234
Сидор 30—32, 147, 278—280, 305—311, 326, 329
[Си]дор 66
Сидор 275
Сидор 275
Сидор Семенов 15, 374
Сидор Тадуй Ладопга 361
Сидор Яколь (Яковлев), дворянин 16
Сидуй Авиница 219
Симан, лисичник 353
Симонов Р. А., автор 397
Синофонт *см.* Ксенофонт
Скворцов Куземка 227
Скудль (Скудель) (?) 230, 231
Слепетков Федорка 211, 212, 225
Слинько 368
Смен *см.* Семен
Сменко 277, 279
Сменко (Семен) Корелин 138, 139, 142
Смешко 288
Смирнов С. И., автор 247
Смит Р. *см.* Smith R.
Смольнянин Петр *см.* Петр Смольнянин

Смон *см.* Семен
Собольцов (Соболецев) Павел 352
Содлилка 226
Соленый Наум *см.* Наум Соленый
Сосей (Соссий, Сысой) 233
Софиа (София) (?) 333—334
Софонтий Окинфов 100
Софонтьев Василий *см.* Василий Софонтьев
Софрон Машкин *см.* Машкин Софрон
Софья Витовтовна 313
Срезневский И. И., автор 39, 63, 107, 154, 161, 218, 230, 250, 253, 268, 286, 288, 384, 387, 390, 391, 400
Станило 45—47
Станок 94
Станята 226
Ств... 76
Стенин Микула 222, 223
Степан 71
Степан 256—258
Степан 269
Степан 269, 270, 298
Степан 276, 277, 280
Степан 299, 300
Степан 401
Степан 401
Степан, старец 100
Степан (Стопан) 234, 235
Степан (Стопан) 313
Степан Есипович 351
Степан Лазарев 198
Степан Тайшен 328
Степан Щелков *см.* Щелков Степан
Степанец 55
Степанко, дворянин 332
Стефан 364
Стефан (Спехов?) 275, 279
Стоенег 96
Стойко Иван 348, 349
Стольнич Никифор *см.* Никифор Стольнич
Стопан *см.* Степан
Стоян 74
Страхон 226
Страшко, серебреник 263
Строев Патрикей 367
Стукович (Стуковиц) 275
Судиша 101, 102
Суик (Суйко) 275
Сухей (?) 334
Сыповая 287
Сысоец, холоп 198

Тадуй Ладопга Сидор *см.* Сидор Тадуй Ладопга
Тайдула, ханша 318
Тайшен Степан *см.* Степан Тайшен
Танья (Таня, Татьяна) 284—286, 298
Татьянка, жена дьяка 198
Твердило 70, 71
Твердислав, посадник 385
Тверитинов И. М. 126
Тверьдята 95
Творимир 78—80, 111
Тер... 228
Терентий 381, 383
Терентий Кой 287
Терех 234
Терех (Терох) 172, 183
Терпий (Терпило) 226
Терпило (?) 117, 118
Теткин 210
Тешен 353
Тешило 226
Тизенгаузен В. Г., автор 255
Ти[мофей?], Ти[моща?] 125
Тимофей 273—275, 279
Тимофей 340, 341
Тимофей (Тимофий) 155, 157
Тимофей (Тимошка, Тимоша) 172, 183
Тимошка 156
Тимоща (Тимоша) 93, 94
Тимощин Савва *см.* Савва Тимощин
Титов Михаил *см.* Михаил Титов
Тихомиров М. Н., автор 4, 6, 8, 18, 20, 22, 24, 27, 36, 52, 56, 57, 88, 89, 103, 104, 142, 144, 145, 171, 204, 236—238, 255, 260, 280, 313, 322, 324, 398, 400
Тихонов Ю. А., автор 290
Тойвит Иван 209, 229
Топарь 233
Торах 233

Травин Салтык И. И. 90, 385
Тропыня, дворский 177
Труфале (Трифон) 123, 240, 248
Трупкий Иван 93
Тудор 226, 227
Тупицын (Тупичин) Уласка (Влас) 209, 210, 332
Тучко-Морозов Василий Борисович *см.* Морозов Тучко Василий Борисович
Тучко-Морозов Михаил Васильевич *см.* Морозов Тучко Михаил Васильевич
Тушуй 80—81
Тюлпин Кюрик *см.* Кюрик Тюлпин
Тюляк, хан 318

Уваров Васьян 233, 234
Узкий Семен *см.* Семен Узкий
Уйка 77, 111
Уласка Тупицын (Тупичин) *см.* Тупицын (Тупичин) Уласка
Улания 399
Унбегаун Б. *см.* Unbegaun B.O.
Урван Матфей *см.* Матфей Урван
Устинья, жена тысяцкого Василья 127, 372
Устюгов Н. В., автор 287
Ушак Елизаров Хвостов *см.* Хвостов Ушак Елизаров

Ф... 174
Фалелей 212
Февронья (Фовро) 308, 309
Февронья (Фовронья) 378—380
[Фед]ор 66
Федор 123
Федор 154, 155
Федор 261, 262
Федор 385
Федор 403
Федор Алексеевич, посадник 378
Федор Борисович, кн. 128
Федор Васильевич 358
Федор Внездов (Нездов) внук 331, 332, 342
Федор Ксенофонтов (Синофонтов) 287
Федор Макаров 372
Федор Максимович 115
Федор Остафьевич Своеземцев *см.* Своеземцев Федор Остафьевич
Федора (?) 122, 123
Федорец 19
Федорец 344
Федорец 368
Федорка Слепетков *см.* Слепетков Федорка
Федосья 124
Федосья 142—144, 150
Федот Острохвост 366
Фекингузен Гильдебранд 292
Феликс (Филикс), наместник 211, 314, 315, 378, 379
Феофан 234
Феофил, архиепископ 147
Феофилакт 234
Фетинья 365
Фефан *см.* Феофан
Фефилат *см.* Феофилакт
Фехнер М. В., автор 295, 296
Фешко Юрьги 291, 292
Филикс *см.* Феликс
Филимон 233
Филин Абросим *см.* Абросим Филин
Филипп 280
Филипп 348, 349
Филипп 366
Филипп 378
Филипп 401
Филипп, дьяк 319
Филипп, подвойский 249, 250, 258
Филиппец 343
Филист 333, 334, 336, 342
Филька, мельник 148
Фларь 275, 277, 279
Фларь Коцанков *см.* Коцанков Фларь
Флор 393
Фовро *см.* Февронья
Фовронья *см.* Февронья
Фодор *см.* Федор
Фома 30—32, 284—286, 298, 318—322, 329
Фома 78—80, 111
Фома 93
Фома 237—239

Фома 244, 245, 249
Фома 280, 281
Фома 288
Фома 315, 316
Фома 321, 322, 329
Фомина жена 311, 312
Фоминский Крюк М. Ф. 303
Фоминский Крюков И. М. 156
Фофанец Рыжий, холоп 198

Харитон (Харетон) 328, 330
Харитон, поп 326
Хвостов Ушак Елизаров 200
Ходутинич 261
Хорошкевич А. Л., автор 9, 59, 91, 265, 280, 281, 284, 285, 291, 292, 294, 296, 297
Хоцу (?) 226
Харь 109
Хрестеянова жена (жена Христиана) 16
Христофор, игумен 127
Хромой Ф. В., боярин 139
Хрушкин Иван 384
Хрычиков Б. В., автор 8, 123
Хямяляйнен М. М., автор 10

Церт *см.* Черт
Цирицин Ондрий 278
Цюди[н] *см.* Чудин

Чевака Мелентий Ефимович 125
Ченей Панкрат *см.* Панкрат Ченей
Чермьницин 268
Черт (Церт) 322—324, 329
Черьнек 76
Чичагов В. К., автор 8, 56, 57, 104, 236—238, 280, 282
Чудин (Цюдин) 401
Чупровы 233

Шаскольский И. П., автор 216, 221—223
Шедра (Шадра) 40
Шерстобитова В. Г. 14
Шибенец (Шибанец) 109, 111, 112
Шило 220
Шило Михаль *см.* Михаль Шило
Шимановский В., автор 54
Шипиловы, холопы 199
Широки Иван 174
Шубинец С[емен] 364, 365

Щапов Я. Н., автор 14, 28
Щекаров Клим 278
Щелков Аксен, крестьянин 172
Щелков Степан, крестьянин 172
Щепкина М. В., автор 8, 104, 204
Щука (?) 234, 235
Щука Олексий (Алексей) *см.* Олексий (Алексей) Щука

Юргп (Юрий) 314—315
Юргп (Юрий) 322, 323, 330
Юрий (Гюрги) 48, 49
Юрий (Гюрги) 389, 390
Юрий (Гюргп) 401
Юрий (Гюргп) 401
Юрий (Гюрьги) 328
Юрий (Июрий), укладник 299, 300
Юрий Владимирович Долгорукий, в. кн. 86, 383
Юрий Данилович, в. кн. 216, 217
Юрий Каргуев *см.* Каргуев Юрий
Юрий Онцифорович, посадник 25 147, 148, 167—169, 183, 184, 189, 271, 273, 298, 299 (?), 300 (?), 303, 402
Юрпй Перхурьев *см.* Перхурьев Юрий
Юрка (Юрий) 179, 183
Юрко 233
Юрьевич (Гюрьгевиц) 260, 261, 266
Юшков С. В., автор 242

Ядрей, воевода 203
Яким 70
Яким Гуреев 205, 214
Якобсон Р. *см.* Jakobson R.
Яков 128, 129
Яков 166, 168
Яков 270, 271, 298
Яков 277

Яков 328, 330
Яков 339—341
Яков 345
Яков 358, 359
Яков, гвоздочник 263
Яков Жирятинич 123
Яковец 381, 382
Яковлев А. И., автор 290, 295
Якун 126, 127
Якун Фомин 126, 127
Янин В. Л., автор 6, 12—14, 24, 28, 30, 41, 53, 62, 66, 83, 86, 104, 119, 138, 139, 141, 143, 146, 147, 156, 158, 168, 169, 174, 187, 195, 198, 199, 201, 208, 209, 211, 215—219, 244, 246, 247, 254, 255, 264, 266, 270—272, 275—280, 283, 287, 288, 296, 297, 299—302, 305, 308—310, 313—315, 326—328, 342, 353, 356, 378, 381, 382, 384, 386, 396, 398, 399
Япкыто Иванис 368
Ярлык Андриан *см.* Андриан Ярлык
Ярослав, кн. 330, 331
Ярослав Владимирович Мудрый, в. кн. 43, 51, 72, 87, 260, 285, 379
Ярослав Всеволодович, в. кн. 269
Ярослав Ярославич, в. кн. 29, 181
Ярошевич (Ярошевиц) 80 81
Ярошековея 69
Ярыш 226

Arne T. J. 9
Beaeklund A. 9
Birnbaum H. 9
Jacobson R. 9, 104
Kirkkinen H. 10
Koschmieder E. 391
Kuraszkiewicz W. 7
Lehr-Spławinski T. 9
Mägiste J. 10
Matthews W. K. 9
Melin E. 13
Poppe A. 9
Rieger J. 9.
Smith R. 9
Unbegaun B. O. 9
Vodoff W. 13

УКАЗАТЕЛЬ
НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

№ 1* 9, 24, 27, 171, 236—239
№ 2 10, 24, 27, 171, 278, 280—283
№ 3 20, 27, 142
№ 4 21, 27, 322—324
№ 5 18, 21, 27, 144—146
№ 6 20, 27, 400
№ 7 20, 26, 88—91
№ 8 26, 56—58
№ 9 7, 21, 26, 103
№ 10 27, 398
№ 11 20, 27, 288
№ 12 16, 27
№ 13 15
№ 14 22, 27, 30, 284, 286, 318—321
№ 15 23, 27, 30, 140, 141
№ 16 15
№ 17 20, 21, 27, 125, 155—157, 213
№ 18 27, 125
№ 19 27, 333—337
№ 20 27, 151—154, 162
№ 21 27, 264—266
№ 22 27, 141, 243, 244
№ 23 20, 21, 27, 229, 244, 245
№ 24 19, 27
№ 25 27, 350, 351
№ 26 27, 122
№ 27 18, 20, 27, 289
№ 28 19, 27, 364, 365
№ 29 15
№ 30 21, 27, 358, 359
№ 31 22, 23, 27, 141, 241—243
№ 32 22, 27, 141, 274, 291—293
№ 33 27, 330, 331
№ 34 15
№ 35 15
№ 36 27, 223, 224
№ 37 15
№ 38 27, 403
№ 39 15
№ 40 18, 27, 362, 363
№ 41 27, 114, 130—132
№ 42 19, 27, 364, 366, 367
№ 43 18, 21, 27, 30, 141, 201, 202, 376
№ 44 27, 68, 293—295

* Номера берестяных грамот даны в соответствии с академическим изданием А. В. Арциховского при участии М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского.

№ 45 20, 27, 356—358
№ 46 27, 399
№ 47 27, 224
№ 48 15
№ 49 20, 21, 27, 30, 141, 201, 375—378
№ 50 24, 27, 81, 171, 227, 228, 231—233, 270
№ 51 26, 149
№ 52 26, 220
№ 53 19, 20, 27, 133, 134
№ 54 27, 403
№ 55 26, 311—313
№ 56 15
№ 57 15
№ 58 16, 27
№ 59 20, 26, 256, 257
№ 60 15
№ 61 26, 91, 92
№ 62 26, 397, 398
№ 63 15
№ 64 15
№ 65 20, 26, 58—60, 301
№ 66 27, 403
№ 67 20, 26, 339, 343
№ 68 26, 84—86, 288
№ 69 21, 25, 26, 125, 381—383
№ 70 16, 26
№ 71 26, 117, 118, 137
№ 72 16, 26
№ 73 26, 101, 102
№ 74 26, 396, 397
№ 75 26, 75, 76
№ 76 26, 70
№ 77 15
№ 78 26, 93—95
№ 79 26, 70
№ 80 26, 401
№ 81 15
№ 82 21, 22, 26, 78—80
№ 83 15
№ 84 21, 26, 95, 96, 103
№ 85 15
№ 86 16, 17, 26
№ 87 20, 26, 326, 327
№ 88 15
№ 89 15
№ 90 15
№ 91 20, 21, 25, 27, 401
№ 92 24, 27, 275—278, 282
№ 93 22, 27, 402
№ 94 22, 23, 25, 27, 141, 168—170, 185
№ 95 27, 201
№ 96 27, 154, 155, 162
№ 97 22, 23, 25, 27, 99, 271—273, 304
№ 98 20, 21, 25, 27, 197—200
№ 99 18, 20, 25, 27, 209
№100 27, 199, 200
№ 101 20, 21, 25, 27, 158—160
№ 102 20, 27, 81, 141, 174—176, 182
№ 103 20, 26, 115, 116
№ 104 27, 139, 140
№ 105 21, 26, 86—88
№ 106 21, 22, 27, 401
№ 107 26, 88
№ 108 26, 99, 100, 111
№ 109 18, 26, 61, 62, 274
№ 110 26, 353
№ 111 26, 367
№ 112 18, 26, 102—106, 111
№ 113 21, 26, 76
№ 114 21, 26, 70, 76, 77
№ 115 21, 26, 38—40, 42
№ 116 16, 26
№ 117 21, 26, 401
№ 118 21, 26, 40, 42
№ 119 21, 26, 260, 261
№ 120 21, 26, 70
№ 121 26, 72, 73
№ 122 22, 27, 30, 125, 284, 286, 321, 322
№ 123 18, 26
№ 124 27, 252, 253
№ 125 20, 21, 27, 274, 295, 296
№ 126 16, 27
№ 127 16, 27
№ 128 27,390
№ 129 23, 27, 30, 125, 141, 283, 286
№ 130 24, 27, 296, 297
№ 131 27, 212—215
№ 132 15

№ 133 20, 27, 274, 289, 290
№ 134 22, 27, 305, 307—309
№ 135 22, 27, 141, 191—193
№ 136 20, 27, 123, 229, 240—242
№ 137 19, 27, 343, 344
№ 138 19, 26, 368, 369
№ 139 20, 26, 401
№ 140 22, 27, 141, 324, 325
№ 141 24, 26, 360, 361
№ 142 21, 26, 120—122, 126
№ 143 26, 29
№ 144 22, 27, 273—275
№ 145 27, 270
№ 146 20, 27, 401
№ 147 21, 26, 249, 250
№ 148 20, 26, 369—371
№ 149 26
№ 150 26, 67, 68
№ 151 15
№ 152 20, 21, 26, 400
№ 153 26, 261, 262
№ 154 20, 27, 348—350
№ 155 21, 26, 62—64, 269
№ 156 21, 22, 26, 42—44
№ 157 22, 23, 25, 27, 141, 171, 172, 185
№ 158 16, 26
№ 159 21, 26, 401
№ 160 21, 26, 110
№ 161 24, 27, 171, 228, 229, 233, 234
№ 162 24, 27, 229, 234
№ 163 20, 26, 106—108
№ 164 18, 26, 44, 45
№ 165 21, 26, 268
№ 166 27, 392
№ 167 22, 23, 25, 27, 141, 147—149
№ 168 24, 26, 69
№ 169 27, 234—236
№ 170 26, 76
№ 171 15
№ 172 15
№ 173 25, 21, 27, 274, 295
№ 174 26, 214, 215
№ 175 26, 114, 116
№ 176 26, 268
№ 177 20, 21, 25, 27, 315, 316
№ 178 20, 21, 27, 129, 174
№ 179 27, 229—231
№ 180 25, 27, 401
№ 181 18, 26, 401
№ 182 27, 402
№ 183 27, 378
№ 184 27, 285
№ 185 20, 27, 401
№ 186 20, 27, 276—278
№ 187 27, 160—162
№ 188 27, 403
№ 189 27, 401
№ 190 15
№ 191 25, 27, 228, 247, 248
№ 192 15, 226
№ 193 27, 403
№ 194 26, 403
№ 195 21, 27, 81, 157, 158
№ 196 27, 229, 250—252
№ 197 20, 26, 97, 372, 373
№ 198 21, 26, 108—110
№ 199 26, 393, 394, 396
№ 200 26, 393, 394
№ 201 26, 396
№ 202 26, 393, 394
№ 203 26, 393, 394
№ 204 26, 393, 395
№ 205 26, 393, 395
№ 206 24, 26, 393, 395, 396
№ 207 26, 391, 393, 396
№ 208 26, 393, 396
№ 209 15
№ 210 26, 393, 396
№ 211 26, 206—208
№ 212 27, 285, 340
№ 213 18, 26, 371, 372
№ 214 15
№ 215 26, 254—256, 353
№ 216 26, 254, 255, 353,
№ 217 26, 254, 255, 353
№ 218 24, 26, 229, 254—256, 353
№ 219 24, 26, 80—82, 228, 270
№ 220 24, 26, 228, 229, 373, 374
№ 221 26, 352
№ 222 21, 26, 48—50, 68
№ 223 26, 283

№ 224 26, 403
№ 225 21, 26, 389, 390
№ 226 20, 26, 205, 206
№ 227 20, 21, 26, 70, 96—100, 111, 353
№ 228 24, 26, 69
№ 229 15
№ 230 15

№ 231 21, 26, 70, 71
№ 232 26, 114—116
№ 233 21, 26, 339, 387, 388
№ 234 15
№ 235 21, 26, 100
№ 236 15
№ 237 21, 26, 45—47
№ 338 26, 50, 51
№ 239 21, 26, 401
№ 240 26, 69, 70

№ 241 22, 26, 55
№ 242 22, 23, 27, 165, 166, 185, 289, 303
№ 243 20, 27, 138, 139, 141
№ 244 27, 30, 146, 147, 150, 279
№ 245 15
№ 246 22, 26, 74, 75, 269
№ 247 26, 53—55
№ 248 10, 11, 22, 23, 25, 27, 220—222
№ 249 10, 11, 25, 27, 220, 222, 223, 226, 274
№ 250 8, 27, 122—124

№ 251 19, 27, 30, 279, 344, 345
№ 252 27, 30, 190, 191, 279
№ 253 22, 25, 27, 228, 246, 247, 304
№ 254 27, 30, 81, 228—230
№ 255 27, 397
№ 256 27, 30, 189, 190, 279
№ 257 18, 27, 126, 127
№ 258 24, 27, 30, 277
№ 259 22, 27, 289, 305, 307—309
№ 260 22, 27, 30, 278, 279, 288, 305

№ 261 27, 30, 286—288, 297
№ 262 27, 30, 286—288, 297
№ 263 27, 30, 286—288, 297, 301

№ 264 24, 27, 30, 286—288, 297
№ 265 27, 305, 308, 309
№ 266 27, 30, 270, 304—307
№ 267 15
№ 268 15
№ 269 15
№ 270 20, 27, 141, 142

№ 271 18, 20, 25, 27, 270, 271, 274, 304
№ 272 22, 25, 27, 386, 387
№ 273 21, 23, 25, 27, 184
№ 274 27, 124, 125
№ 275 22, 27, 30, 278, 288, 304—308
№ 276 20, 27, 30, 278, 288, 305, 325—327
№ 277 27, 388, 389
№ 278 24, 27, 30, 219, 220
№ 279 21, 23, 25, 27, 184
№ 280 27, 30, 277

№ 281 20, 21, 27, 215, 289
№ 282 27, 274, 291
№ 283 27, 134—136
№ 284 27, 184
№ 285 15
№ 286 10, 11,22, 25, 27, 30, 125, 216—219
№ 287 27, 397
№ 288 27, 266
№ 289 20, 27, 331—333
№ 290 20, 21, 25, 27, 141, 401

№ 291 27, 117
№ 292 10, 27, 398, 399
№ 293 22, 27, 70, 354, 355
№ 294 27, 350
№ 295 26, 73
№ 296 20, 21, 26, 70—72
№ 297 22, 23, 25, 27, 141, 189
№ 298 17, 27
№ 299 24, 27, 229, 234, 270
№ 300 20, 21, 25, 27, 125, 171, 172

№ 301 22, 23, 25, 27, 168, 185—187
№ 302 19, 27, 345, 346
№ 303 22, 25, 27, 402

№ 304 27, 125, 402
№ 305 27, 337, 338
№ 306 20, 25, 27, 141, 401
№ 307 22, 23, 25, 27, 141, 184, 185, 194—197, 289
№ 308 25, 27, 184, 185
№ 309 23, 27, 141, 351
№ 310 22, 23, 25, 27, 173, 179—182, 185, 186, 289
№ 311 22, 23, 25, 27, 141, 172—174, 185, 289
№ 312 27, 132, 133
№ 313 22, 23, 25, 27, 169, 185, 289
№ 314 22, 27, 193, 194
№ 315 15
№ 316 15
№ 317 27, 392
№ 318 20, 27, 127—129
№ 319 16, 27
№ 320 24, 27, 228, 270
№ 321 15
№ 322 26, 367, 368
№ 323 16, 27
№ 324 27, 339
№ 325 27, 245, 246
№ 326 27, 352
№ 327 15
№ 328 20, 27, 359, 360
№ 329 27, 393
№ 330 27, 393
№ 331 27, 392
№ 332 22, 26, 383—385
№ 333 15
№ 334 22, 26, 70
№ 335 26, 65, 66
№ 336 18, 26, 204—206
№ 337 27, 227, 228
№ 338 26, 113, 114, 116
№ 339 20, 21, 25, 27, 401
№ 340 15
№ 341 15
№ 342 27, 397
№ 343 27, 316
№ 344 22, 27, 346, 347, 360
№ 345 27, 187
№ 346 22, 27, 210, 211
№ 347 27, 339
№ 348 24, 27, 226, 227
№ 349 27, 289, 353
№ 350 22, 26, 269, 270
№ 351 27, 220
№ 352 27, 185, 187, 188, 303
№ 353 27, 166—168, 304
№ 354 23, 25, 27, 141, 274, 299—302
№ 355 24, 27, 353, 354
№ 356 27, 176
№ 357 20, 27, 176
№ 358 19—21, 27, 270, 299, 302—304
№ 359 20, 21, 27, 177—179
№ 360 15
№ 361 21, 23, 27, 81, 166, 168
№ 362 22, 25, 27, 402
№ 363 20, 21, 27, 97, 309—311
№ 364 19, 20, 27, 309—311
№ 365 27, 403
№ 366 20, 27, 328, 329
№ 367 27, 399
№ 368 27, 125, 126
№ 369 19, 27, 364, 365
№ 370 21, 23, 25, 27, 97, 169, 170
№ 371 15
№ 372 27, 402
№ 373 27, 181, 182
№ 374 27, 51—53
№ 375 27, 269
№ 376 27, 397
№ 377 22, 27, 399, 400
№ 378 27, 390, 391
№ 379 20, 26, 47, 48, 96
№ 380 26, 69
№ 381 22, 26, 268
№ 382 27, 392
№ 383 22, 27, 262—264
№ 384 22, 26, 96
№ 385 19, 20, 25, 27, 331, 332
№ 386 27, 122
№ 387 15
№ 388 15
№ 389 22, 25, 27, 355, 356
№ 390 27, 118—120

№ 391 22, 25, 27, 153, 154, 162
№ 392 27, 353
№ 393 27, 360
№ 394 27, 51, 52
№ 395 20, 21, 27, 42
№ 396 15
№ 397 18, 27, 28
№ 398 27, 403
№ 399 15
№ 400 26, 64

№ 401 17, 27
№ 402 20, 27, 200
№ 403 24, 27, 219, 220
№ 404 22, 27, 385, 386
№ 405 15
№ 410 15, 24, 27, 208, 209, 353

№ 411 15, 22, 27, 66, 67
№ 413 15, 22, 27, 313—315
№ 414 15, 20, 27, 314, 315
№ 415 15, 20, 27, 378, 379
№ 417 15, 27, 211, 212
№ 419 15, 27, 392
№ 420 15, 22, 27, 283

№ 421 15, 22, 27, 41, 42
№ 424 15, 26, 83
Свинцовая грамота-пластинка 621

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. **Историографический обзор работ о новгородских берестяных грамотах** 3

ОЧЕРК ВТОРОЙ. **Предварительные источниковедческие замечания** 15

§ 1. Некоторые вопросы классификации и дипломатики берестяных грамот 15

§ 2. Вопросы датировки берестяных грамот 24

§ 3. Новгородские подземные архивы 28

§ 4. Некоторые вопросы методики изучения берестяных грамот 32

ОЧЕРК ТРЕТИЙ. **Русская Правда в действии** 36

§ 1. Суд по уголовным делам. «Виры» и «продажи» . 38

§ 2. Судебный процесс (послушество, ордалии, метание жребия, гонение по следу) 45

§ 3. Процедура «свода» и «холопий вопрос» 56

§ 4. Тяжбы по делам о кредите и ростовщичестве . . 68

§ 5. Купеческие споры на суде 82

§ 6. Споры и дела о наследство 93

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ. **Земля и земельные собственники** . . 113

§ 1. Земельные сделки и споры 113

§ 2. Условные земельные держания 138

§ 3. Иммунитет 142

§ 4. Земля — основа сельскохозяйственного производства 151

ОЧЕРК ПЯТЫЙ. **Крестьяне и холопы** 164
§ 1. Экономическое и юридическое положение крестьян 164
§ 2. Классовая борьба крестьян 184
§ 3. Холопы 197
ОЧЕРК ШЕСТОЙ. **Дань и феодальная рента** 203
§ 1. Дань 203
§ 2. Феодальная рента 226
§ 3. Акты, фиксирующие повинности отдельных крестьян 240
§ 4. «Корм», «дар», «почесть» 249
ОЧЕРК СЕДЬМОЙ. **Ремесло, торговля, город** 259
§ 1. Ремесло и ремесленники 259
§ 2. Торговля и купечество 267
§ 3. Городские усадьбы и их обитатели 299
§ 4. Купеческие объединения 313
ОЧЕРК ВОСЬМОЙ. **Суд и судопроизводство. Залоговое и наследственное право** 317
§ 1. Судоустройство 317
§ 2. Судопроизводство 330
§ 3. Кредитные сделки, денежные иски и споры . . 352
§ 4. Наследственное право и суд о наследстве и опеке 364
ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ. **Политическая история. Церковь. Быт.** . 381
§ 1. Военные события. Мореходство 381
§ 2. Язычество и христианство 389
§ 3. Азбука, прописи, календари, литературные тексты 393
§ 4. Берестяные грамоты, сохранившиеся в отрывках 400
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 405
Список сокращений 411
Указатель имен 413
Указатель новгородских берестяных грамот 430

Лев Владимирович Черепнин

Новгородские берестяные грамоты как исторический источник

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор *С. М. Каштанов*
Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *Г. И. Мануйлов*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 10/XII 1968 г.
Т-04994. Подписано к печати 11/IV 1969 г.
Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$
Бумага типографск. № 2. Печ. л. 13,75
Усл. печ. л. 23,1. Уч. изд. л. 23,7
Тираж 2200 экз. Тип. зак. № 1596.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10